

Вестник общественного мнения

Данные. Анализ. Дискуссии

3–4(116)

Выходит 4 раз в год. Год издания 21-й

Июль–декабрь 2013

Аналитический
Центр Юрия Левады
(Левада-Центр)

Междисциплинарный
академический центр
социальных наук
(Интерцентр)

Редакционный совет:

Т.И. Заславская
(председатель)
А.Г. Аганбегян
А.Г. Вишневский
Л.М. Дробижева
Н.М. Римашевская
Т. Шанин
В.А. Ядов
Е.Г. Ясин

Редколлегия:

Л.Д. Гудков
(главный редактор)
А.И. Гражданкин
Т.Е. Ворожейкина
Н.А. Зоркая
(ответственный секретарь)
М.Д. Красильникова
Л.А. Хахулина
(зам. главного редактора)

Подписной индекс
по Объединенному каталогу
«Пресса России» 87847

СОДЕРЖАНИЕ

МОНИТОРИНГ ПЕРЕМЕН: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ	3
АКТУАЛЬНОЕ	
Владимир ПАНИОТТО. Украина. Евромайдан	17
ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА	
Лариса КОСОВА. Социальная мобильность или нестабильность доходов?	24
Наталья БОНДАРЕНКО. Характер текущего и ожидаемого дефицита профессиональных навыков и качеств работников на российском рынке труда.	34
Петр БИЗЮКОВ. Трудовые отношения россиян и мигрантов: существуют ли различия?	47
Владимир МУКОМЕЛЬ. Ксенофобия как основа солидарности	63
Светлана КОРОЛЕВА, Алексей ЛЕВИНСОН, Анастасия ЦАТУРЯН. Государственные дети. О местах содержания детей без родителей	70
Наталья БОНДАРЕНКО, Лев ГУДКОВ, Марина КРАСИЛЬНИКОВА. Социальная природа коррупции	91
СОВЕТСКИЙ ЧЕЛОВЕК	
Клаус ГЕСТВА. Хомо Советикус и крах советской империи.	111
Неприятные социальные диагнозы Юрия Левады	111
Лев ГУДКОВ. Человек в неморальном пространстве: к социологии морали в посттоталитарном обществе	118
ПАМЯТИ Т.И.ЗАСЛАВСКОЙ	
Ирина ТРОЦУК. Миграционные процессы в советском обществе 1960-х – 1980-х годов: наблюдения и прогнозы Т.И. Заславской	180
ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА	
Андрей ЦАТУРЯН. История с Академией	191
Авторы номера	198
SUMMARY	199
Список статей, опубликованных в журнале в 2013 г.	203

Ответственный редактор
выпуска Л.Д. Гудков

Редактор, корректор
Д.В. Соколова

Аналитический Центр Юрия Левады (Левада-Центр)
109012, Москва, ул. Никольская, 17. Тел.: (495) 229 3810
E-mail: direct@levada.ru

Междисциплинарный академический центр социальных наук (Интерцентр)
119571, Москва, просп. Вернадского, 82. Тел.: (495) 564 8582

При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна

Зарегистрировано Министерством РФ по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций ПИ № 77981 от 10 декабря 2003 г.

© Левада-Центр, Интерцентр, 2008 ISSN 2070-5107

The Russian Public Opinion Herald

Data. Analysis. Discussions

3–4(116)

Quarterly

July–December 2013

Analytic Centre
Yury Levada
(Levada-Centre)

The Interdisciplinary
Academic Centre for
Social Sciences
(InterCentre)

Members of the Editorial Council

Tatyana Zaslavskaya
(Chair)
Abel Aganbeghian
Anatoly Vishnevsky
Leokadia Drobizheva
Natalia Rimashevskaya
Teodor Shanin
Vladimir Yadov
Yevgenii Yassin

Editorial Board

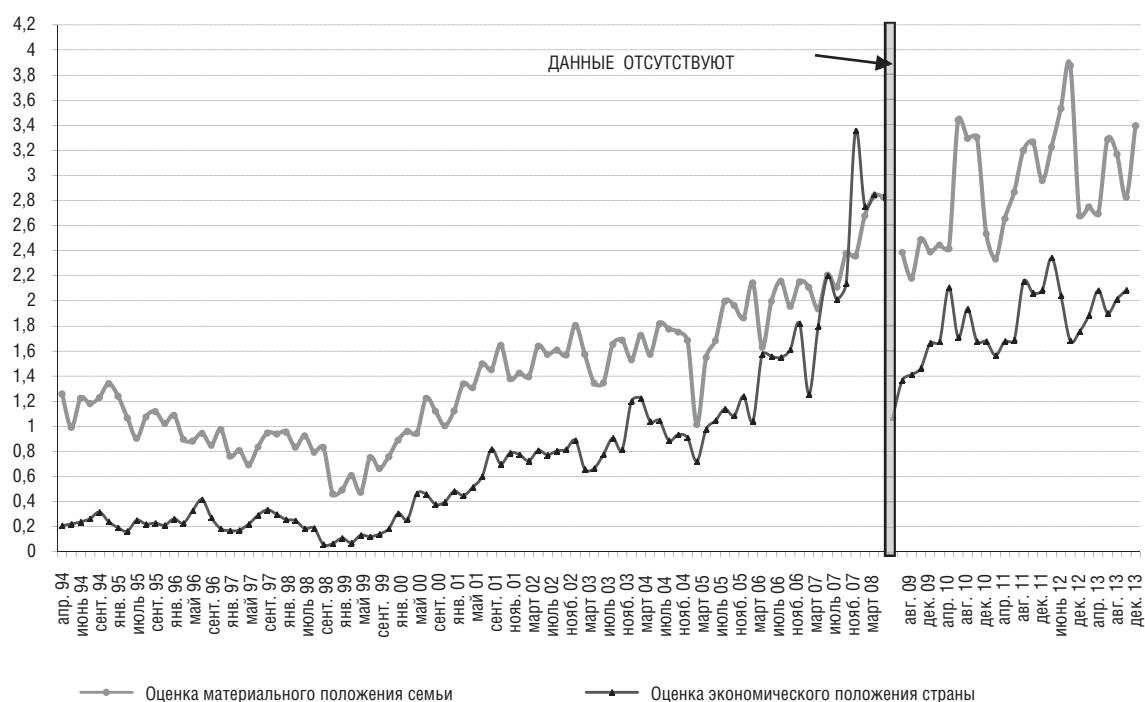
Lev Gudkov
(Editor-in-Chief)
Alexei Grazhdankin
Ludmila Khakhulina
(Deputy Editor-in-Chief)
Marina Krasilnikova
Galina Sterlikova
Tatyana Vorozheikina
Natalia Zorkaya
(Executive Secretary)

CONTENTS

MONITORING OF CHANGES: PRINCIPAL TRENDS	3
CURRENT EVENTS	
Ukraine. Euromaidan (by Vladimir Paniotto)	17
PROBLEMS OF CONTEMPORARY RUSSIAN SOCIETY	
Social mobility or unstable incomes? (by Larissa Kosova)	24
The nature of existing and expected deficit of professional skills at the Russian labour market (by Natalia Bondarenko)	34
Labour relations among Russians and the migrants: are there any differences? (by Pyotr Bizyukov)	47
Xenophobia as the basis of solidarity (by Vladimir Mukomel)	63
Children in the government custody. Institution for orphans (by Svetlana Koroleva, Alexey Levinson, Asya Tsaturyan)	70
Social nature of corruption (by Natalia Bondarenko, Lev Gudkov, Marina Krasilnikova)	91
HOMO SOVIETICUS	
Homo Sovieticus and collapse of Soviet Imperium: Levada's inconvenient diagnosis (by Klaus Gestwa)	111
An individual in non-moral environment: on the sociology of morality in post-totalitarian society (by Lev Gudkov)	118
IN TRIBUTE TO TATYANA ZASLAVSKAYA	
Migration in Soviet society in 1960s – 1980s: T. Zaslavskaya's observations and projections (by Irina Trotsuk).	180
FIRST PERSON	
The situation around Russian Academy of Sciences and its reform: interview with Andrey Tsaturyan	191
Authors of the issue	198
SUMMARY	199
List of publications, 2013	203

МОНИТОРИНГ ПЕРЕМЕН: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

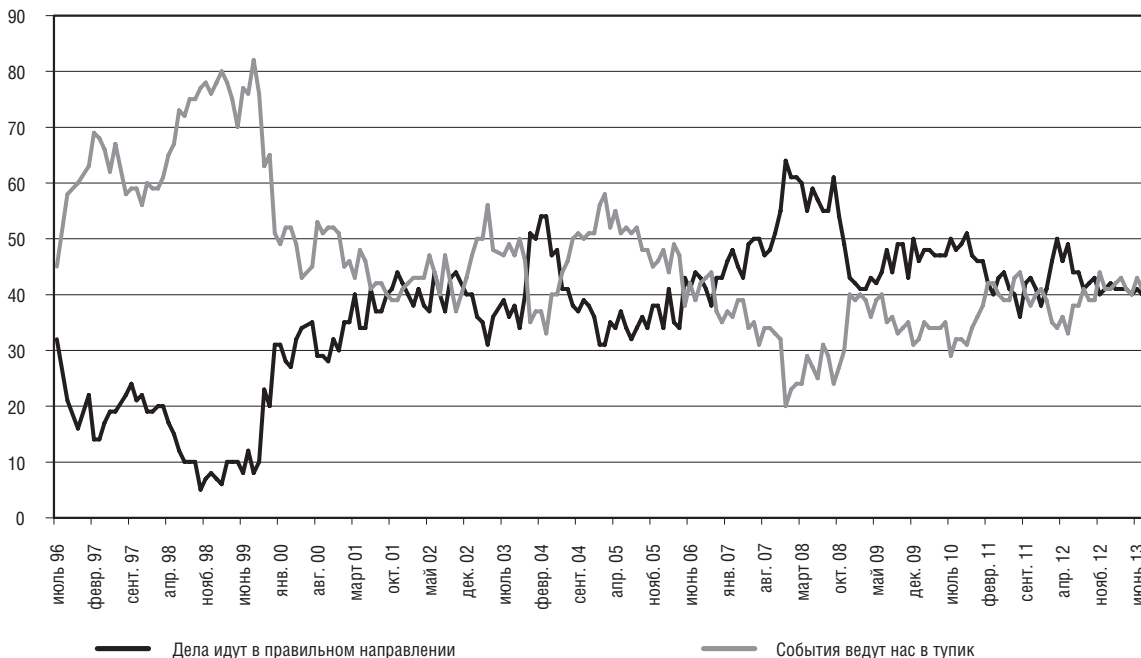
1. ОЦЕНКА ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ СТРАНЫ И СВОЕЙ СЕМЬИ (соотношение давших положительную — «хорошее» и среднее — и отрицательную — «плохое» и «очень плохое» — оценку; затруднившиеся с ответом не учитываются)

Оценки положения семьи отличаются нестабильностью, что указывает на растущую неопределенность или неуверенность людей в собственном будущем. Примечателен также значительный разрыв между сравнительно высокими положительными оценками материального состояния семьи и гораздо более негативными оценками положения дел в экономике в целом. После довольно ощутимого роста оценок в период избирательного цикла 2011–2012 (в особенности — материального положения семьи) с апреля наметился спад оценок, а к концу года они вновь возросли до предвыборного уровня.

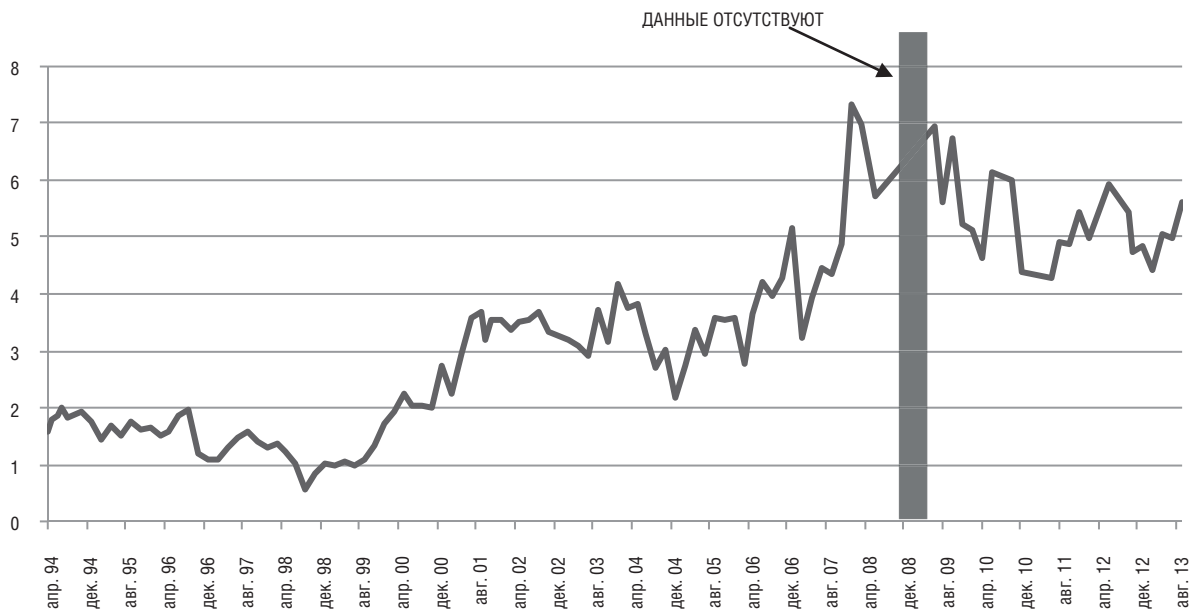
До июня 2008 г. N=2100; с июня 2009 г. N=1600

2. ОБЩИЕ ОЦЕНКИ ПОЛОЖЕНИЯ ДЕЛ В СТРАНЕ: «Идут ли дела в стране в правильном направлении, или страна движется по неверному пути?»

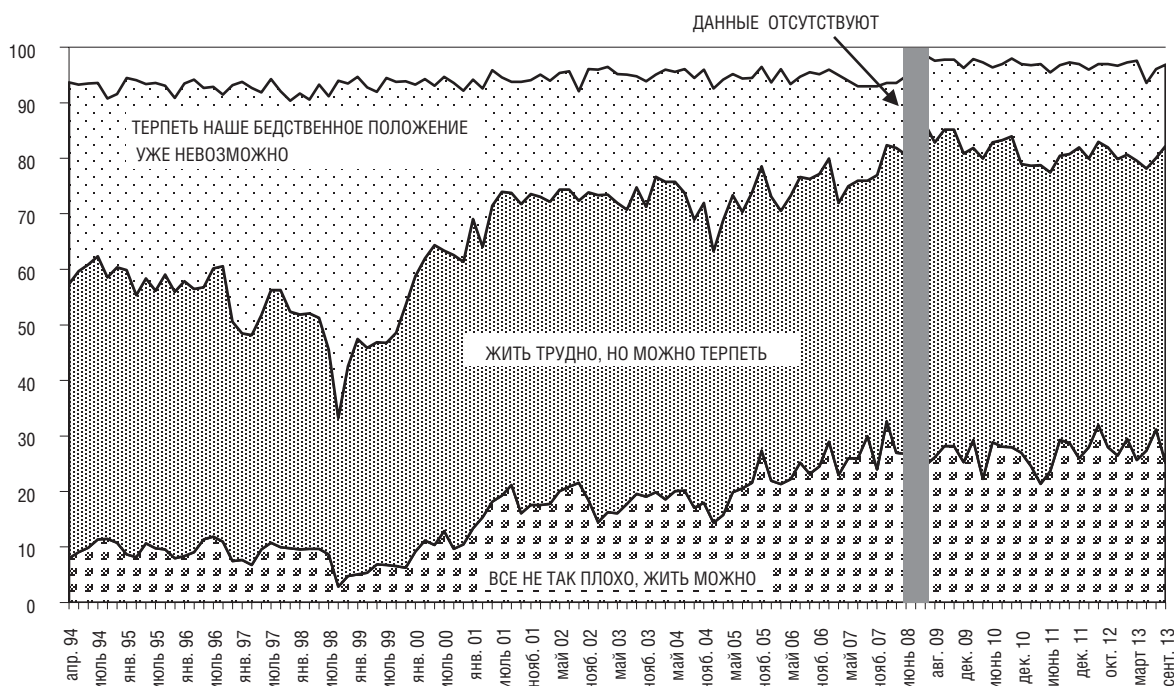

После возвращения В.Путина на пост президента и принудительной стерилизации политического пространства общественное мнение в России утратило определенность представлений о характере развития страны. В 2013 году удельные веса мнений о движении страны «в правильном» и в «неправильном направлении» сравнялись. Позитивные оценки вектора политической эволюции России несколько чаще давали более молодые и образованные респонденты, жители Москвы, негативные – пожилые люди, менее образованные, низкодоходные группы, жители села.

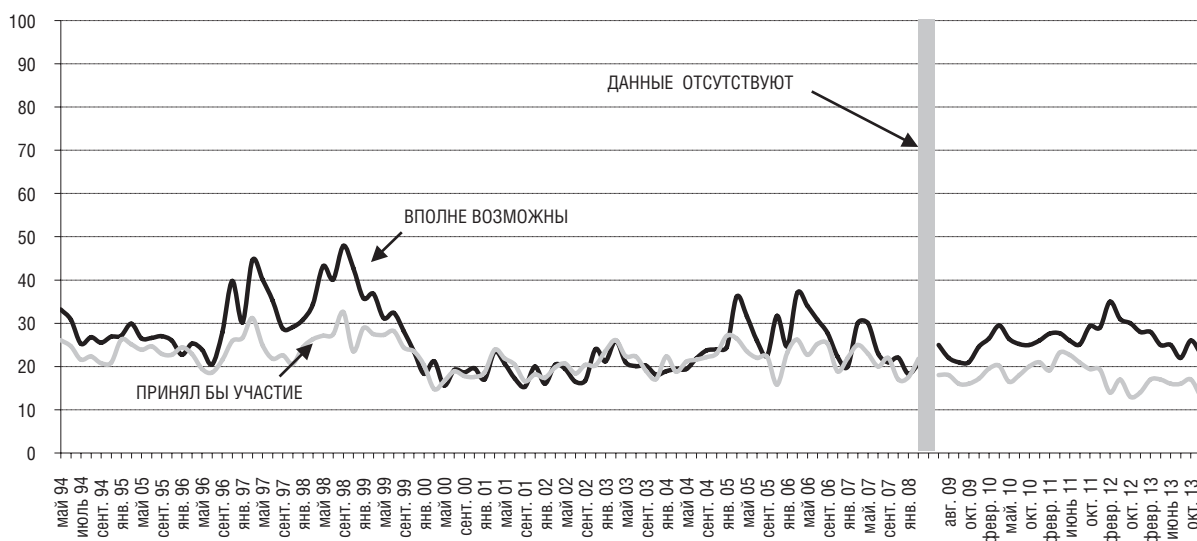
3. «ЗАПАС ПРОЧНОСТИ» НАСЕЛЕНИЯ (отношение суммы позиций «жить можно» и «можно терпеть» к позиции «терпеть наше бедственное положение уже невозможно»)

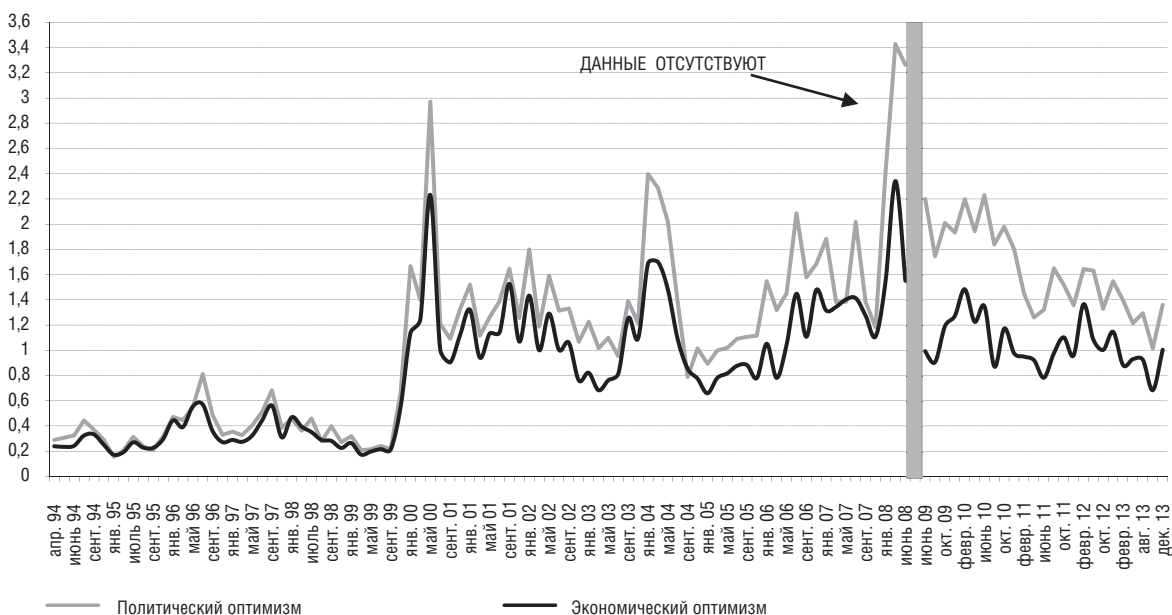
За. Какое из высказываний о сложившейся ситуации Вам ближе?

4. ПОТЕНЦИАЛ ПРОТЕСТА: «Насколько возможны сейчас в Вашем городе, сельском районе массовые выступления против роста цен и падения уровня жизни?»; «Если такого рода митинги или демонстрации протеста состоятся, Вы лично примете в них участие?» (в % от числа опрошенных)

5. ПОКАЗАТЕЛИ ОПТИМИЗМА (соотношение позитивных и негативных ожиданий)

До июня 2008 г. N=2100; с июня 2009 г. N=1600

После подъема индексов политического и экономического оптимизма на волне президентских выборов к концу лета 2013 они резко упали. Особенно глубоко опустился Индекс экономического оптимизма, достигнув осенью 2013 года уровня января 2005 года (массовых волнений, вызванных монетизацией льгот). В последнем избирательном цикле зафиксирован самый низкий уровень надежд на власть, связанных с выборами, и электоральной мобилизации. С осени 2013 г. намечается рост обоих показателей.

6. ЧТО ВЫ МОЖЕТЕ СКАЗАТЬ О СВОЕМ НАСТРОЕНИИ В ПОСЛЕДНИЕ ДНИ? (отношение суммы позитивных оценок «прекрасное» и «нормальное, ровное» к сумме негативных «испытываю раздражение» и «испытываю страх»)

7. ЧУВСТВУЕТЕ ЛИ ВЫ УВЕРЕННОСТЬ В ЗАВТРАШНЕМ ДНЕ?

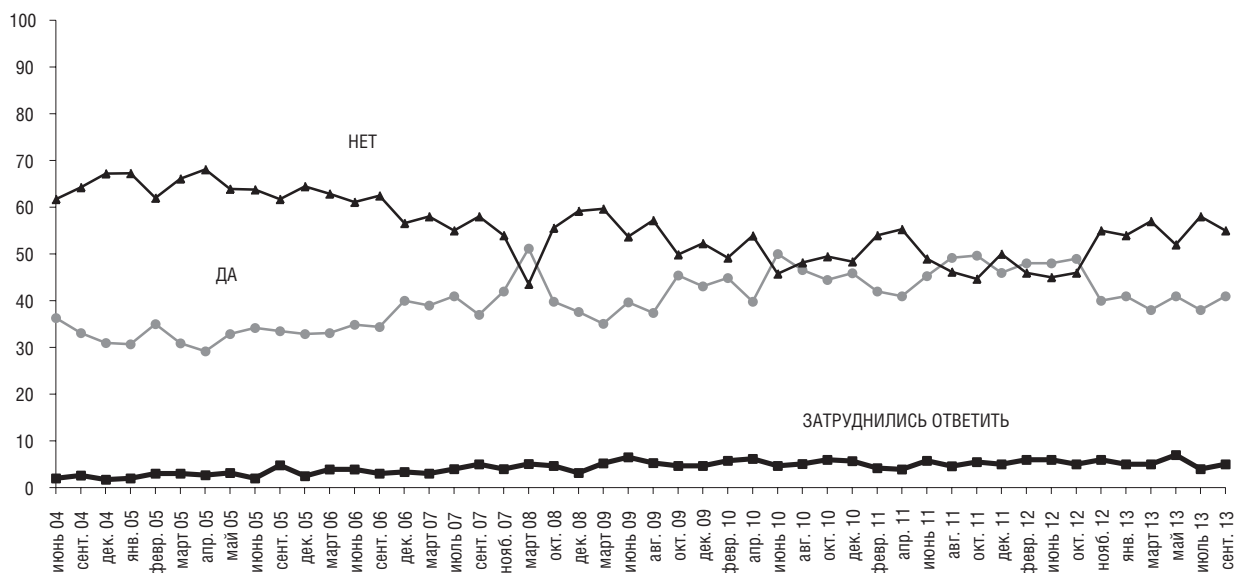

График отражает растущую неуверенность людей в завтрашнем дне, параметры которой схожи с настроениями в 2008-2009 гг. Однако политическая ситуация в России оценивается более спокойно.

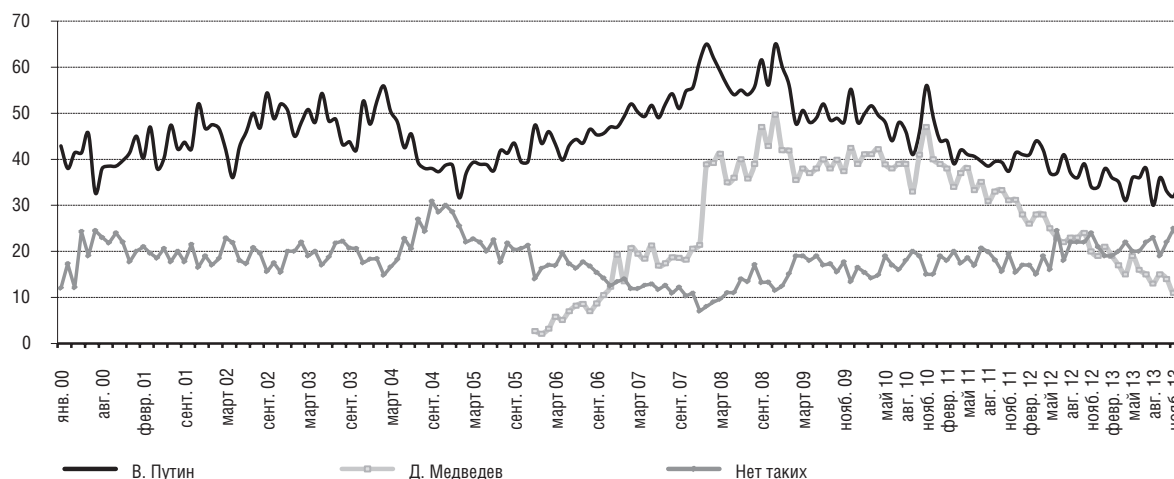
8. КАК ВЫ ОЦЕНИЛИ БЫ В ЦЕЛОМ ПОЛИТИЧЕСКУЮ ОБСТАНОВКУ В РОССИИ?

9. НАЗОВИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, 5–6 ПОЛИТИКОВ, КОТОРЫМ ВЫ БОЛЕЕ ВСЕГО ДОВЕРЯЕТЕ (в % от числа опрошенных, приводятся данные о доверии политиков, собравших хотя бы в одном замере не менее 3%, по данным «открытого» вопроса)

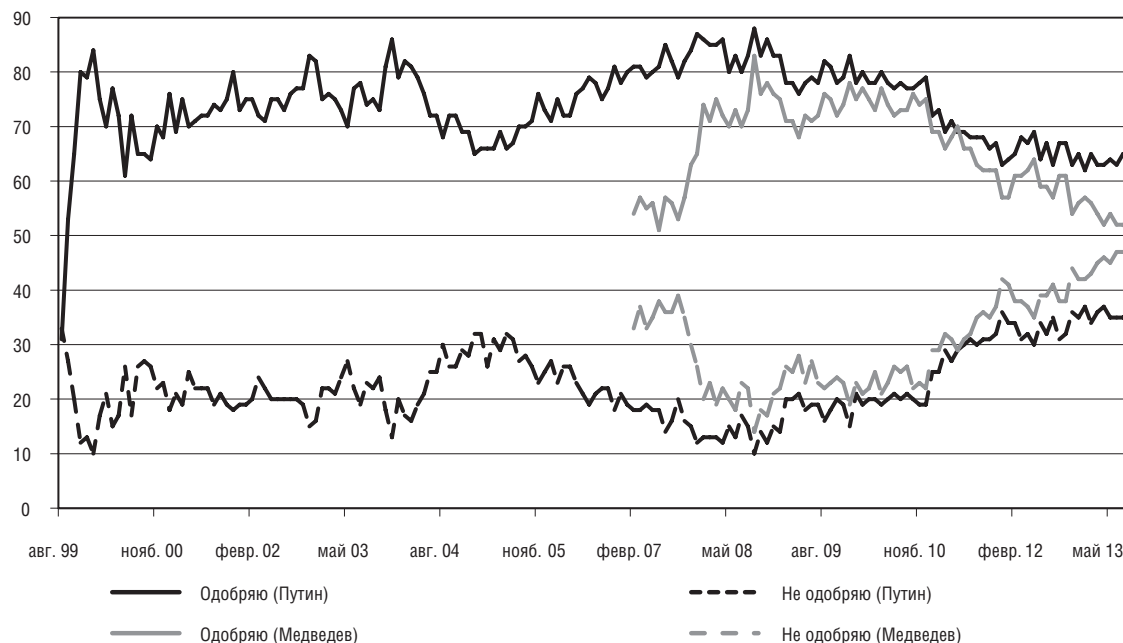
Вариант ответа	2008		2009		2010		2011		2012		2013			
	I	VII	I	VII	I	VII	I	VII	I	VII	I	IV	VII	XII
Голикова Т.	1	2	2	2	2	2	3	4	2	<1	1	<1	<1	<1
Грызлов Б.	3	3	4	3	4	4	4	3	3	1	2	1	1	<1
Жириновский В.	10	9	10	11	9	10	10	14	12	10	10	8	9	8
Зубков В.	14	5	2	2	2	3	2	2	2	<1	1	1	<1	<1
Зюганов Г.	9	9	9	9	8	9	9	11	12	11	11	9	10	9
Иванов С.	23	10	7	6	3	6	5	3	3	2	3	2	1	2
Кудрин А.	1	1	1	3	2	3	3	2	5	3	2	2	3	2
Лавров С.	2	3	6	6	4	6	6	8	5	4	4	3	4	6
Лукашенко А.	2	3	3	4	2	2	2	2	1	1	2	2	2	3
Матвиенко В.	3	6	4	6	3	3	3	8	5	3	4	3	4	4
Медведев Д.	39	36	42	41	39	39	39	35	28	22	21	15	15	14
Миронов С.	5	3	3	3	4	3	3	5	8	4	4	3	3	4
Патриарх Кирилл	-	-	-	-	-	-	8	7	7	3	5	4	5	4
Примаков Е.	4	4	2	3	4	3	4	4	4	2	2	2	2	2
Прохоров М.	-	-	-	-	-	-	-	1	8	5	6	5	5	5
Путин В.	65	54	56	53	48	48	44	40	41	41	38	31	38	36
Собянин С.	-	<1	-	-	-	-	-	4	4	3	5	2	4	5
Тулеев А.	4	3	3	4	3	4	4	5	3	2	3	3	4	2
Хакамада И.	2	2	2	2	1	1	1	4	2	1	2	2	2	2
Шойгу С.	17	16	13	16	13	15	15	21	11	11	18	16	18	19
Нет таких	8	13	15	15	17	16	19	21	17	18	19	22	18	20
Не интересуюсь политиками, политикой	10	14	14	13	14	17	15	15	17	16	18	15	22	19
Затрудняюсь ответить	5	6	6	6	6	6	7	5	5	7	5	10	4	7

10. ДОВЕРИЕ К Д. МЕДВЕДЕВУ И В. ПУТИНУ (в % от числа опрошенных, по данным «открытого» вопроса)

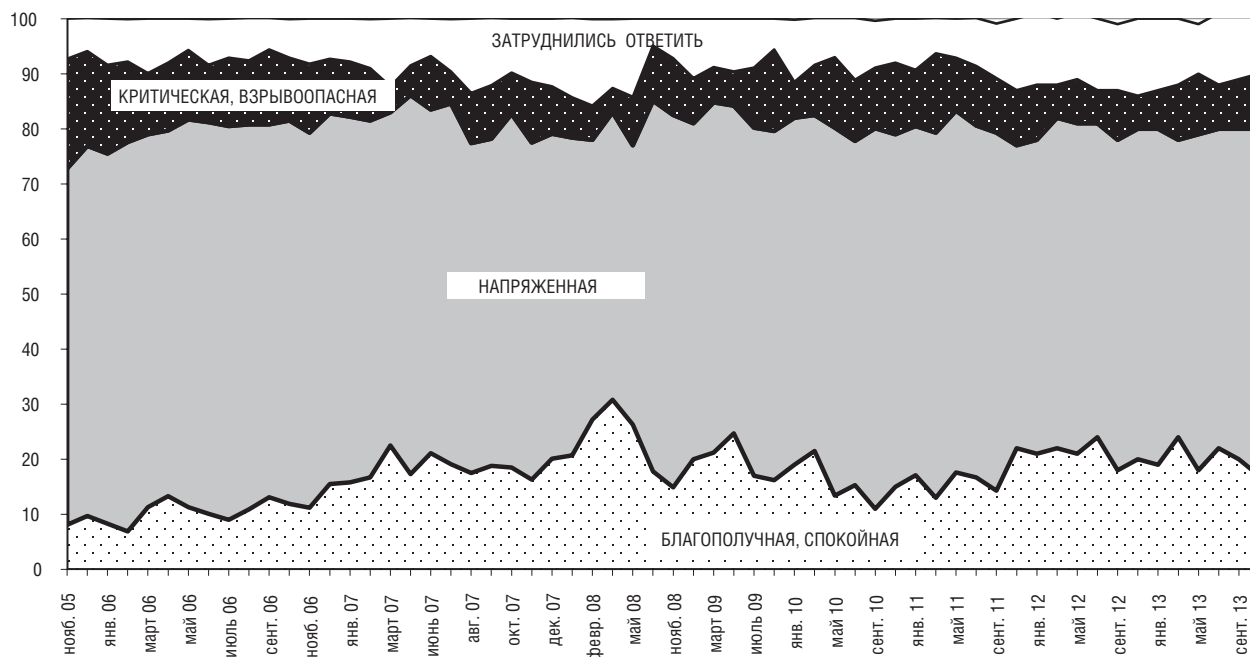

Начиная с осени 2008 г. идет постоянное снижение общего доверия к первым лицам государства. Медленно растет доля респондентов, считающих, что «сегодня нет таких политиков, которым можно доверять». Доверие к Д. Медведеву падает значительно быстрее, чем к В. Путину.

11. ПУТИН И МЕДВЕДЕВ: Одобряете ли вы деятельность Дмитрия Медведева? Одобряете ли вы деятельность Владимира Путина?

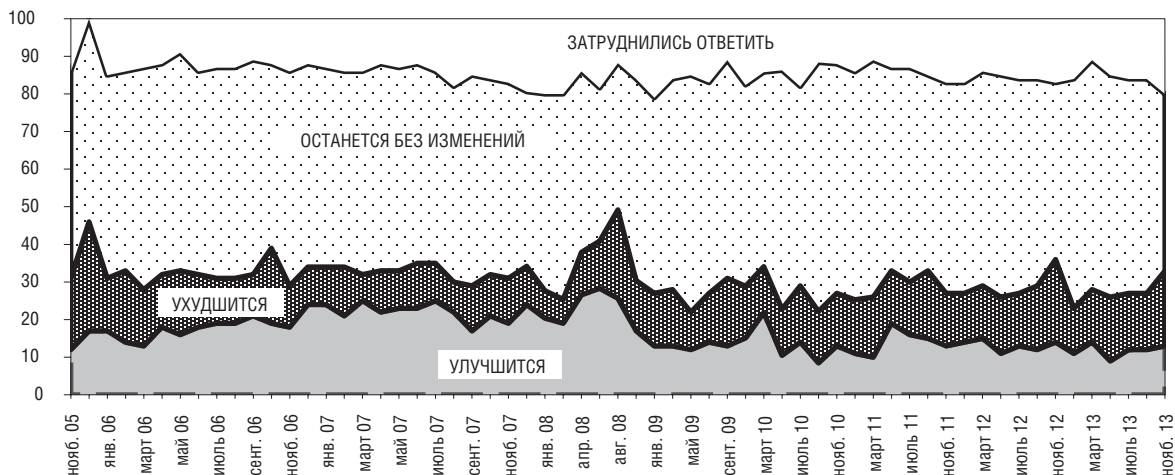

12. КАК БЫ ВЫ ОЦЕНИЛИ СЕЙЧАС ОБСТАНОВКУ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ?

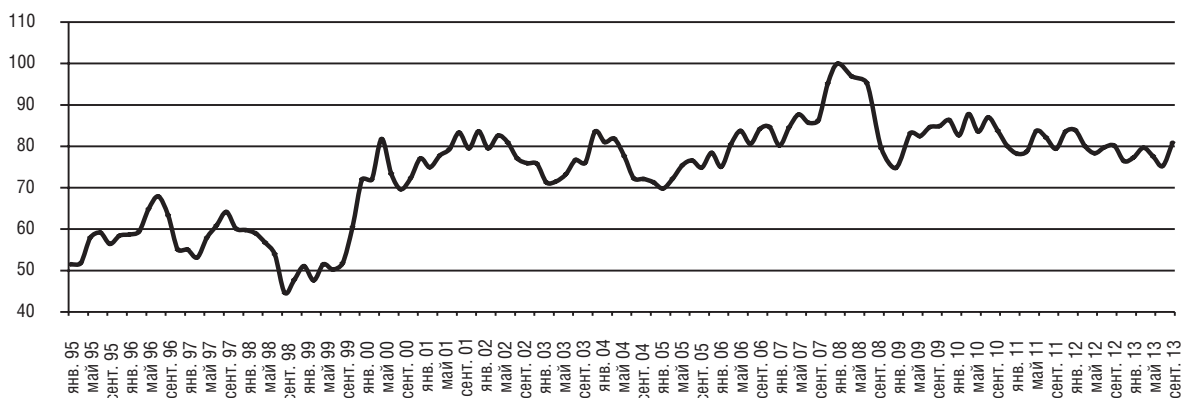
N=1600

13. КАК ИЗМЕНИТСЯ В ТЕЧЕНИЕ БЛИЖАЙШЕГО ГОДА ОБСТАНОВКА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ?

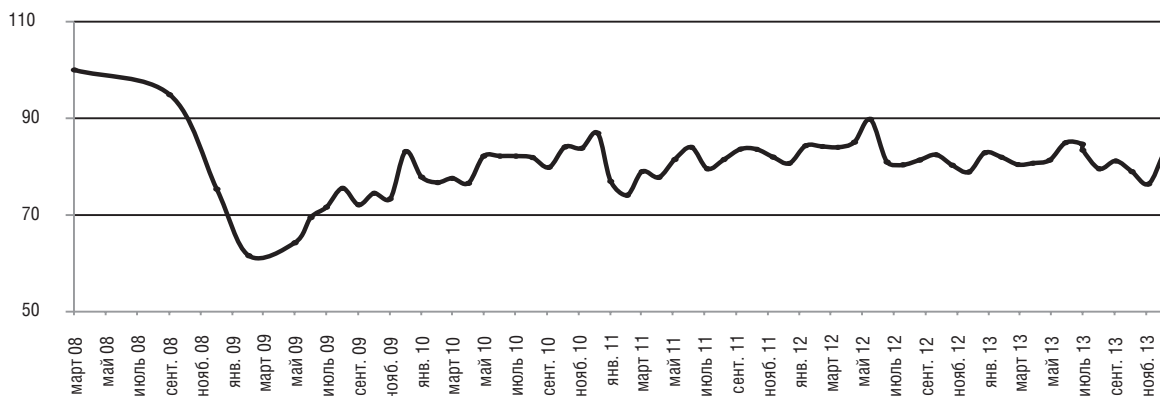
N=1600

14. ИНДЕКС СОЦИАЛЬНЫХ НАСТРОЕНИЙ (ИСН), март 2008 г. = 100%

В первой половине 2013 года ИСН оказывается ниже, уровня зафиксированного год назад. Напомним, тогда в связи с завершением избирательного цикла отмечался кратковременное незначительное улучшение социальных настроений, значительно менее выраженное, чем в предшествующем избирательном цикле 2007-2008 гг. После некоторого падения индекса осенью, к концу года он вновь несколько поднялся до уровня начала 2012 г.

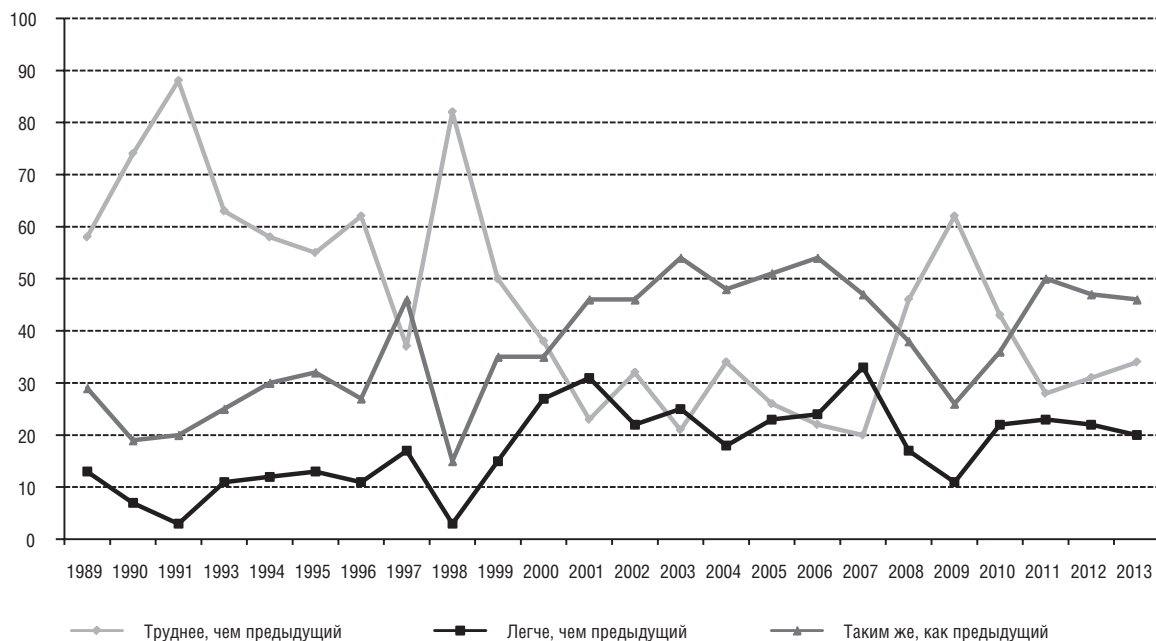
15. ИНДЕКС ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ НАСТРОЕНИЙ (ИПН), март 2008 г. = 100%

С мая до конца осени наблюдался спад потребительских настроений, который к концу года показал тенденцию к росту.

2013 ГОД В ОЦЕНКАХ РОССИЯН

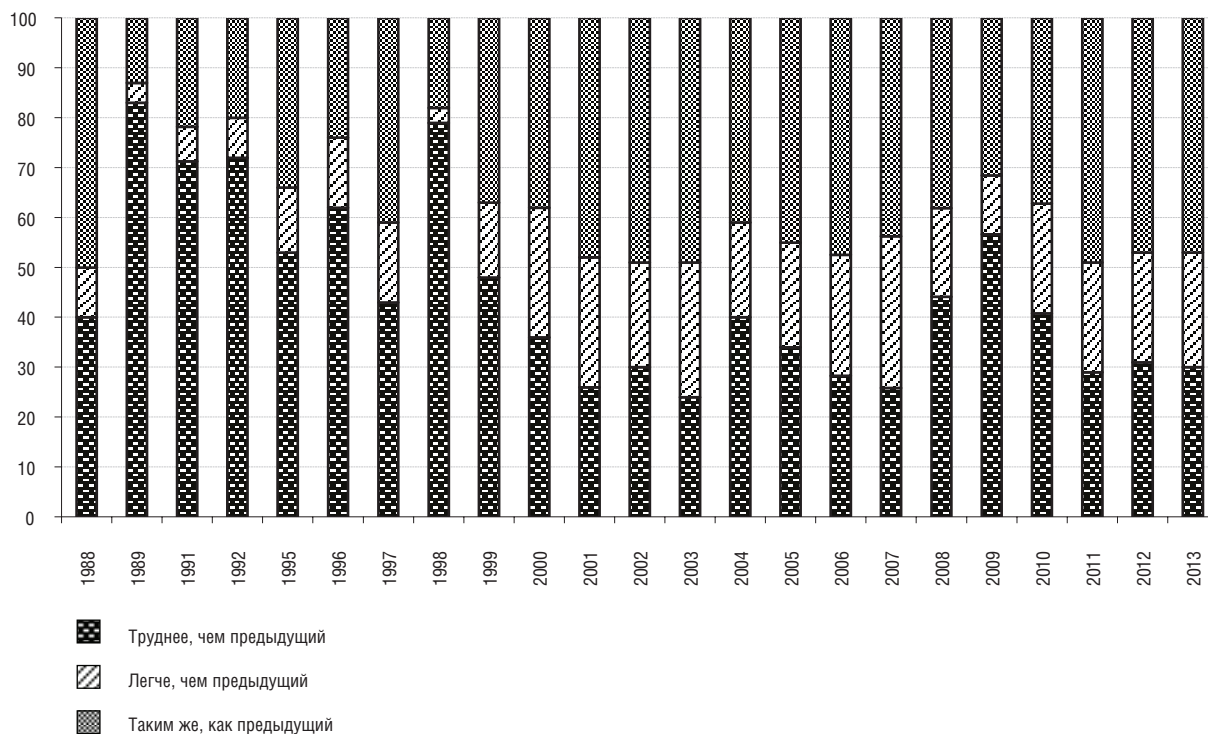
16. ГОД ЗАКОНЧИЛСЯ. КАКИМ ОН ОКАЗАЛСЯ ДЛЯ РОССИИ?

N=1600

2013 год в целом для страны в представлении россиян оказался несколько более трудным, чем 2012, но баланс оценок семейных событий такой же, что и год назад.

17. КАКИМ ОКАЗАЛСЯ МИНУВШИЙ ГОД ДЛЯ ВАС, ДЛЯ ВАШЕЙ СЕМЬИ?

ОТНОШЕНИЕ РОССИЯН К СОБЫТИЯМ НА УКРАИНЕ

1. КАК ВАМ КАЖЕТСЯ, РУССКИЕ И УКРАИНЦЫ — ЭТО ОДИН НАРОД ИЛИ ДВА РАЗНЫХ НАРОДА?

	1997	2006	2007	2013
Один народ	56	53	49	43
Два разных народа	37	41	46	50
Затруднились ответить	7	6	5	7

N=1600

2. В КАКОМ НАПРАВЛЕНИИ, ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, ДВИЖЕТСЯ СЕЙЧАС УКРАИНА?

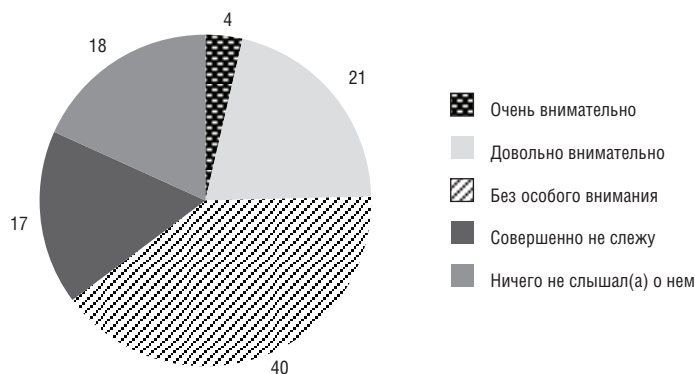
3. КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, КАКИЕ ОТНОШЕНИЯ С УКРАИНОЙ БЫЛИ БЫ БОЛЕЕ ПОЛЕЗНЫМИ ДЛЯ РОССИИ?

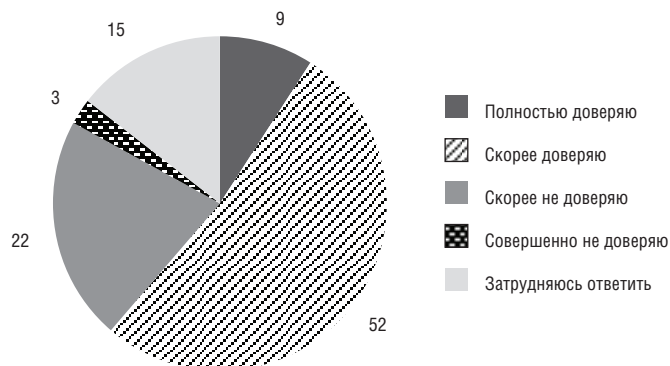
4. КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, КАК ИЗМЕНЯТСЯ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ РОССИЕЙ И УКРАИНОЙ В БЛИЖАЙШИЕ ГОДЫ?

5. СЛЕДИТЕ ЛИ ВЫ ЗА СОБЫТИЯМИ ПОСЛЕДНИХ ЧЕТЫРЕХ НЕДЕЛЬ В УКРАИНЕ, ВЫЗВАННЫМИ ОТКАЗОМ РУКОВОДСТВА УКРАИНЫ ОТ ПОДПИСАНИЯ СОГЛАШЕНИЯ О ПАРТНЕРСТВЕ УКРАИНЫ И ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА, И ПОПЫТКАМИ РАЗГОНА ПРОТЕСТУЮЩИХ? (декабрь 2013, N=1600)

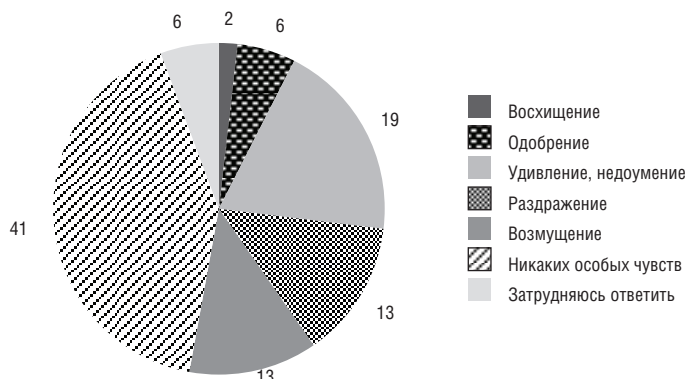

6. В КАКОЙ МЕРЕ ВЫ ДОВЕРЯЕТЕ ИНФОРМАЦИИ О СОБЫТИЯХ НА УКРАИНЕ, КОТОРЫЕ ДАЮТ РОССИЙСКИЕ ФЕДЕРАЛЬНЫЕ И ЦЕНТРАЛЬНЫЕ ТЕЛЕКАНАЛЫ И РАДИОСТАНЦИИ? (декабрь 2013, N=1600, в % от числа тех, кто слышал о протестах)

7. КАКИЕ ЧУВСТВА ВЫЗЫВАЮТ У ВАС ДЕЙСТВИЯ ПРОТЕСТУЮЩИХ НА МАЙДАНЕ?

(декабрь 2013, N=1600, в % от числа тех, кто слышал о протестах)

8. ВЫЗЫВАЮТ ЛИ У ВАС ОПАСЕНИЕ, РАЗДРАЖЕНИЕ ИЛИ ВОЗМУЩЕНИЕ ДЕЙСТВИЯ КАКИХ-ЛИБО СТОРОН ЭТОГО КОНФЛИКТА, И ЕСЛИ ДА, ТО КАКИХ ИМЕННО?

(декабрь 2013, N=1600, в % от числа тех, кто слышал о протестах)

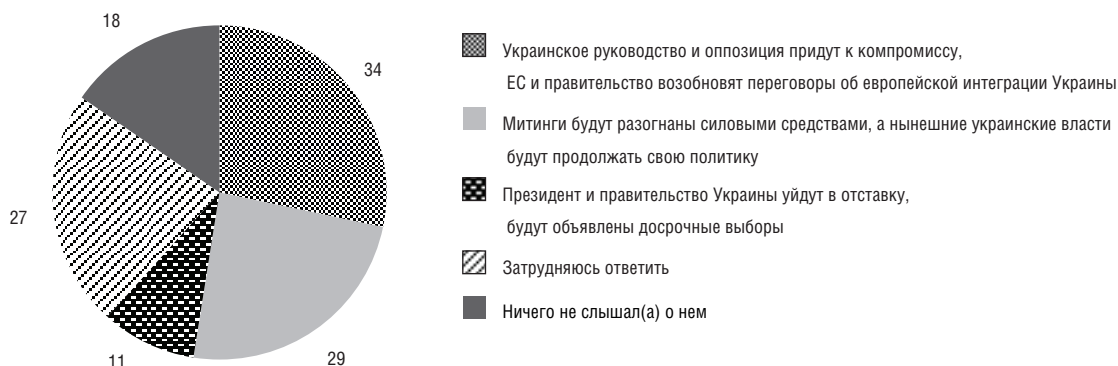

9. ЧТО, ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, ПРЕЖДЕ ВСЕГО ВЫВОДИТ ПРОТЕСТУЮЩИХ НА МАЙДАН?

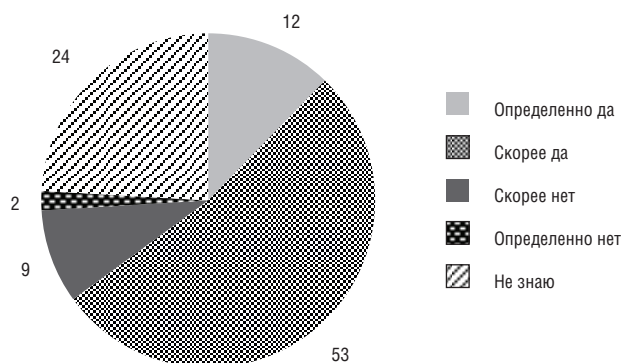
(декабрь 2013, N=1600, в % от числа тех, кто слышал о протестах)

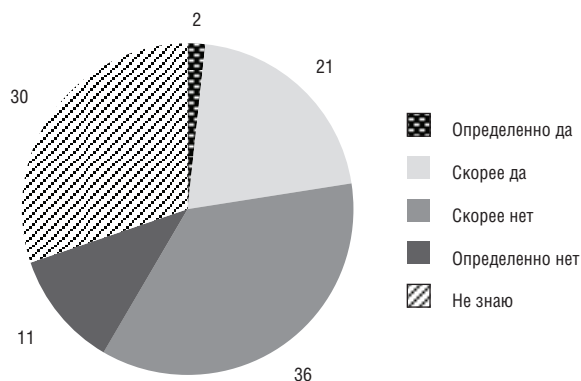
10. КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, ЧЕМ ЗАКОНЧИТСЯ ПРОТИВОСТОЯНИЕ ВЛАСТЕЙ УКРАИНЫ И ТЕХ, КТО ВЫШЕЛ НА МАЙДАН? (декабрь 2013, N=1600, в % от числа тех, кто слышал о протестах)

11. КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, ВОЗМОЖНО ЛИ, ЧТО ПУТИН ТАК ИЛИ ИНАЧЕ ДОГОВОРИТСЯ С ЯНУКОВИЧЕМ, И УКРАИНА БУДЕТ ИНТЕГРИРОВАТЬСЯ С РОССИЕЙ В БЛИЖАЙШЕЕ ВРЕМЯ? (декабрь 2013, N=1600)

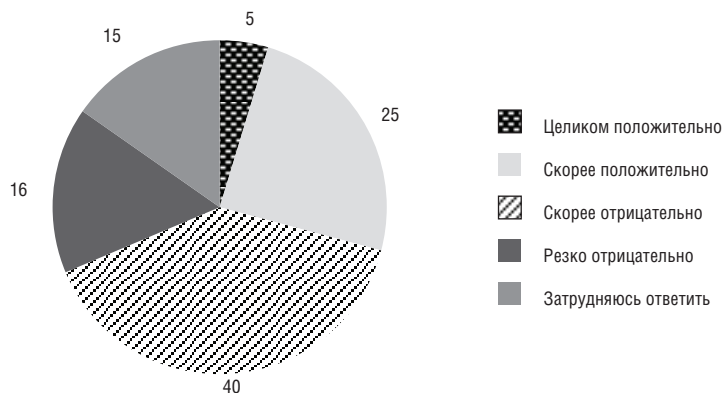
12. КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, ВОЗМОЖНО ЛИ, ЧТО УКРАИНА РАСПАДЕТСЯ НА ОТДЕЛЬНЫЕ ЧАСТИ (ВОСТОК И ЗАПАД) В БЛИЖАЙШЕЕ ВРЕМЯ? (декабрь 2013, N=1600)

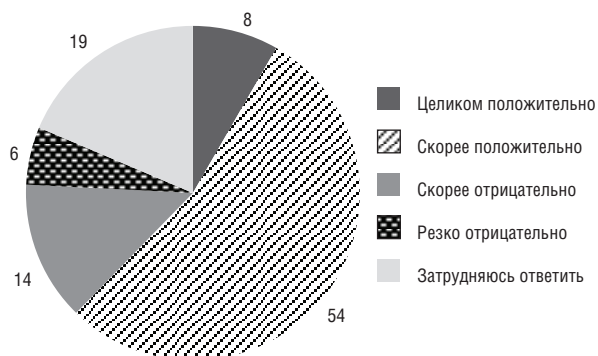
13. КАК ВЫ ЛИЧНО ОТНОСИТЕСЬ К ВОЗМОЖНОСТИ АССОЦИИРОВАННОГО ЧЛЕНСТВА УКРАИНЫ В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ? (декабрь 2013, N=1600)

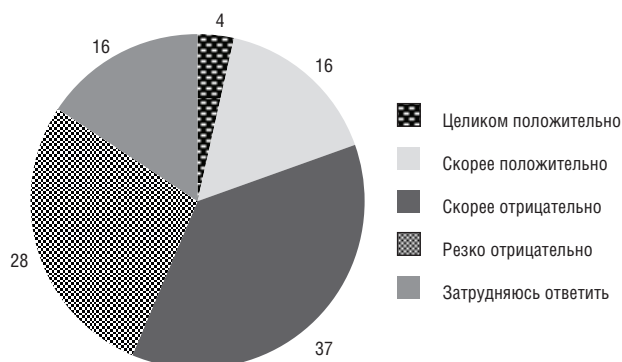
14. КАК ВЫ ОТНОСИТЕСЬ К РЕШЕНИЮ РОССИИ СНИЗИТЬ СТОИМОСТЬ ПОСТАВОК ГАЗА В УКРАИНУ НА ОДНУ ТРЕТЬ? (декабрь 2013, N=1600)

15. КАК ВЫ ОТНОСИТЕСЬ К РЕШЕНИЮ ПОДПИСАТЬ ПЛАН ПО УРЕГУЛИРОВАНИЮ ТОРГОВЫХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ РОССИЕЙ И УКРАИНОЙ (декабрь 2013, N=1600)

16. КАК ВЫ ОТНОСИТЕСЬ К РЕШЕНИЮ ИНВЕСТИРОВАТЬ 15 МИЛЛИАРДОВ ДОЛЛАРОВ ИЗ ФОНДА НАЦИОНАЛЬНОГО БЛАГОСОСТОЯНИЯ РОССИИ В ЭКОНОМИКУ УКРАИНЫ? (декабрь 2013, N=1600)

Владимир ПАНИОТТО

Украина. Евромайдан

Ход событий

Событий, связанных с формированием Евромайдана, было очень много, некоторые СМИ вели постоянные репортажи из Киева. Большинство новостей, не связанных с Евромайданом, отошли на второй план. Например, наш (Киевского международного института социологии) пресс-релиз, посвященный президентским рейтингам (президентские выборы должны состояться в начале 2015-го года), который обычно вызывает большое внимание, практически не был замечен. Трудно выделить главное из всей череды событий, не упустив чего-то важного, но описать все события детально в этой статье не представляется возможным.

Предыстория. После прихода к власти президент В. Янукович в 2010-м году подтвердил принятый ранее курс Украины на интеграцию в Европу. Однако это выглядело скорее как прокламируемая далекая цель, в то время как риторика В. Януковича и депутатов его партии (Партия регионов — ПР) указывала на ориентацию президента и партии на Россию. Ориентация ПР на Россию выглядела вполне логично, так как за союз с Россией по данным ноября 2013 года выступают более 60% сторонников партии (речь идет именно о союзе, а не об объединении в одно государство, за объединение выступает лишь 15% сторонников Партии регионов). Между тем, с сентября 2013 года неожиданно началась активная пропаганда Европейского союза, и лидеры ПР, до этого всегда выступавшие оппонентами проевропейской оппозиции, вдруг стали активно поддерживать ее в вопросе интеграции Украины в Европу. 28—29 ноября на саммите инициативы «Восточное партнерство» в Вильнюсе Украина и представители Евросоюза планировали подписать Соглашение об ассоциации Украины с Европейским

союзом. После активной пропагандистской кампании и подготовки к этому событию (принятия ряда необходимых законов в парламенте) общество поверило в реалистичность этого подписания. Депутаты власти и оппозиции демонстрировали удивительную согласованность голосований в парламенте. Оставалась проблема Юлии Тимошенко. Представители Евросоюза рассматривали ее освобождение как признак улучшения ситуации с выборочным правосудием. Нашли компромиссный вариант, ее не оправдывают, но отправляют на лечение в Германию. Для этого планировалось принятие закона о лечении заключенных, в соответствии с которым такая отправка стала бы законной. Тут возникли сложности. Ходили слухи, что для В. Януковича это требование неприемлемо, но в общем проблема считалась решаемой (тем более, что Ю. Тимошенко попросила представителей Евросоюза и оппозиции не настаивать на этом требовании ради движения Украины в Европу). Так что надежды сторонников Европейского пути развития Украины казались близкими к осуществлению.

Первая фаза — начало протестов. Однако 21 ноября, за неделю до саммита, неожиданно для населения Украины и для Европейского Союза выступил премьер-министр Украины и заявил, что Украина приостанавливает процесс подготовки к подписанию Ассоциации Украины с ЕС. В этот же день В. Янукович в Вене говорил о неизменности Европейского выбора Украины, поэтому ситуация оставалась неясной. В конце концов, В. Янукович подтвердил решение отложить подписание договора об ассоциации в связи с тем, что это приведет к дальнейшему сворачиванию товарооборота с Россией, закрытию предприятий и безработице (в некоторых разговорах с Европейскими

представителями он прямо говорил о давлении России). Первые протестующие на площади Независимости – по призыву активистов общественных организаций – появились уже 21 ноября (см. <http://www.pravda.com.ua/rus/news/2013/11/21/7002691/>). Оппозиция призвала людей выйти с протестом на Европейскую площадь (она находится в конце Крещатика, в двухстах метрах от площади Независимости). 24 ноября прошел первый массовый митинг киевлян. Получилось так, что сначала образовалось два центра формирования Майдана – беспартийных активистов и оппозиционных партий. На площадях по разным оценкам собралось от 50 до 100 тысяч человек, и это было самое многочисленное выступление граждан после 2004 года (до этого оппозиция не раз призывала к митингам по разным поводам, и на них собиралось не больше 3-5 тысяч человек). Такой массовости не ожидали ни власть, ни оппозиция, ни социологи. Воодушевленные поддержкой населения сторонники Евросоюза, используя опыт 2004 года, стали устанавливать первые палатки. Поскольку далее (после избития 1 декабря) массовые собрания происходили в основном на площади Независимости (по-украински – Майдан Незалежності), митинги и постоянный палаточный городок стали называться **Евромайданом**.

Вторая фаза – избитие митингующих и изменение мотивации протестов. До 29-го ноября по разным причинам оставалась надежда на то, что договор все же может быть подписан (или, по крайней мере, будет подписан паллиативный документ, устанавливающий другую дату визирования этого документа). К большому разочарованию сторонников Евроинтеграции подписание не состоялось. 30 ноября в 4 часа ночи несколько сотен бойцов спецподразделения «Беркут» силой разогнало митинг сторонников евроинтеграции на Майдане, собравший в основном молодежь. Их не просто вытесняли с площади, но и били ногами, дубинками, а затем гнали по Крещатику и прилегающим улицам вплоть до Михайловского собора, монахи которого открыли ворота и укрыли преследуемых студентов. Об этом сообщили различные информационные агентства (см., например, сообщение УНИАН <http://www.unian.net/news/608518-hronika-evromaydana-revoljutsijnachinaetsya-s-elki.html>), телевизионные каналы и Интернет-издания, при этом неоднократно показывались видео этих избитий. Пресс-служба МВД сообщила, что разгон митинга осуществлялся для того, чтобы Киевская

городская администрация могла установить Новогоднюю елку. В результате пострадали несколько десятков человек, 7 из них были госпитализированы. В частности, разбили голову корреспонденту агентства «Рейтер».

Эти события вызвали возмущение населения, и различные представители власти поспешили выступить с обещанием принять меры. В тот же день вечером президент В. Янукович сказал: «Я глубоко возмущен теми событиями, которые произошли ночью на Майдане Независимости. Я осуждаю действия, которые привели к силовому противостоянию и страданию людей. Несколько дней назад я перед всей страной заявил о поддержке гражданских ненасильственных акций.» Он подчеркнул, что те, кто не услышали слова Конституции и Президента и своими решениями и действиями спровоцировали конфликт на Майдане, будут наказаны. «Я требую от Генеральной прокуратуры Украины срочно предоставить мне и украинскому обществу результаты немедленного и объективного расследования для надлежащего наказания виновных» (<http://www.unian.net/news/608523-yanukovich-vozmuschen-sobyitijami-na-maydane-on-poruchil-genprokurature-nakazat-vinovnyih.html>).

Оппозиция призвала выйти на Майдан на следующий день, в воскресенье 1 декабря. Если сначала активисты Майдана пытались «открещиваться» от политиков, то потом объединились в Штаб национального сопротивления вместе с лидерами 3-х оппозиционных парламентских партий (А. Яценюком – лидером «Батькивщины», В. Кличко – лидером «Удара» и О. Тягнибоком – лидером «Свободы»). На этот раз количество собравшихся превысило максимум 2004 года и составило около 500 тысяч человек. Митингующие заняли первый этаж и зал заседаний Киевской городской администрации и несколько помещений Дома профсоюзов, находящихся вблизи Майдана Незалежности, где развернули пункты отдыха и питания. Затем с Домом профсоюзов заключили договор аренды, а в Киевской городской администрации незанятые этажи продолжали работу.

Во время митинга состоялся еще один конфликт с участием «Беркута». Группа молодых людей в масках, вооруженная палками, цепями и баллончиками с газом, смешавшись с ничем не вооруженными протестующими, напала на военнослужащих внутренних войск, охраняющих Администрацию президента. Затем они куда-то исчезли, а бойцы «Беркута», находив-

шиеся за военнослужащими внутренних войск, набросились на стоящих у Администрации безоружных людей и жестоко избили многих из них, в том числе и журналистов. Различные видеоматериалы свидетельствуют о том, что людей били, игнорируя все нормы и правила, в соответствии с которыми сотрудники спецназа имеют право оттеснять людей во время уличных беспорядков, бить по рукам и ногам, избегая жизненно важных органов. Однако на одном из видеосюжетов показано, что неподвижно лежащего на земле мужчину избивали преследующие убегающую толпу сотрудники «Беркута» — многие из них, увидев лежащего, останавливались, били его палками или ногами и бежали дальше.

Кто были эти молодые люди, начавшие конфликт с «Беркутом», неизвестно. Оппозиция полагает, что это «титущки»¹, провокаторы, нанятые милицией для создания повода к разгону митинга. Милиция заявила, что это представители радикальной партии «Братство» Дмитрия Корчинского (партия не имеет отношения к парламентской оппозиции). Корчинского узнали на видео, объявили его в розыск, но он уехал в Россию (<http://ru.tsn.ua/politika/korchinskiy-posle-shturma-bankovoy-uehal-v-rossiyu-a-polkovnik-berkuta-mog-zanimatsya-provokaciyami-337542.html>).

Все это вызвало еще большее возмущение, несколько членов ПР вышли из этой партии, что внушило надежду оппозиции отправить правительство в отставку. На следующий день состоялось заседание парламента, но необходимое число голосов, чтобы отправить в отставку правительство, получить не удалось. За следующую неделю не было принято никаких мер по отношению к «Беркуту» или его руководству (как, впрочем, и до сих пор, когда я пишу эту статью — через две недели после этих событий), но 9 митингующих были арестованы как зачинщики (некоторых из них привезли на суд из больницы). Поэтому в следующее воскресенье на Майдан и прилегающие улицы вышло рекордное количество людей — от 700 тысяч до миллиона по разным оценкам.

¹ В последние несколько лет возникли и стали общепринятыми два понятия. Во-первых, «тушки». Это депутаты, которых «покупают» правящая партия (они проходят в парламент по спискам одной партии, но после выборов переходят в партию власти). Во-вторых, «титущки». В мае 2013 года Партия регионов для охраны своего митинга наняла группу спортсменов, и один из них, Вадим Титушко, напал на журналистку, что было зафиксировано на фото. Его осудили на несколько лет условно. С тех пор титущки — это нарицательное название молодых людей спортивного вида, которых силовые структуры власти за денежное вознаграждение используют для препятствования деятельности политических активистов.

Трудно выбрать события, которые могут иметь решающее значение, их было очень много, несколько каналов вели фактически постоянный мониторинг событий, происходящих в Киеве. Я приведу лишь одно знаковое событие — активисты партии «Свобода» сбросили памятник Ленину, стоящий напротив Бессарабского рынка в начале бульвара Т. Шевченко. Это действие не было согласовано с другими оппозиционными партиями и вызвало их мягкое осуждение.

Кто вышел на Майдан и каковы их требования?

7 и 8 декабря 2013 года (напоминаю, что 8 декабря был установлен абсолютный рекорд числа людей на Майдане) по заказу Фонда «Демократические инициативы имени Илька Кучерова» мы (Киевский международный институт социологии) провели опрос митингующих. Методом персонального интервью было опрошено 1037 респондентов (375 — 7 декабря и 662 — 8 декабря). Несколько слов о методологии. Как ни странно, опыт экзит-полов или опыт уличных опросов оказывается нерелевантным по отношению к поставленной задаче. К тому же 7-го числа, в период стационарного функционирования Майдана, на нем в каждый момент времени было не больше 5–20 тысяч человек, а 8-го — сотни тысяч. Методика, разработанная для стационарного состояния Майдана, требовала модификации. Выборка включала выделение сегментов Майдана (включая захваченные здания) с реализацией процедур случайного отбора в каждом сегменте и взвешивание на оценочное количество людей в сегменте (люди, находящиеся, например, в районе палаток, могли отличаться от людей в других сегментах). В зданиях реализовывалась обычная процедура экзит-пола — опрос всех выходящих с определенным шагом. На Майдане же были выделены точки опроса, рядом с интервьюером предполагалось нарисовать линии длиной примерно в 3 м и опрашивать всех, кто пересекает эти линии (оказалось, что во многих случаях линии не видны и выделялись воображаемые линии между интервьюером и некоторым хорошо видимым конкретным объектом). Контролеры наблюдали за опросом параллельно с проведением опроса. Кроме того, каждая точка опроса фотографировалась с возвышенности, по фотографии оценивалось количество людей в сегменте опроса и данные взвешивались на долю опрошенных. 8-го декабря, когда плотность людей была особенно высокой, опросы возле зданий не прово-

дились. Теоретическая погрешность выборки не превышает 3,2% (а дизайн-эффект близок к 1, так как фактически у нас была стратифицированная по сегментам одноступенчатая случайная выборка).

Основные мотивы, которые побудили людей выйти на Майдан, достаточно очевидны (см. табл. 1).

Два основных мотива — это жестокое избивание демонстрантов на Майдане в ночь на 30 ноября, репрессии (70%) и отказ Виктора Януковича от подписания Соглашения об ассоциации с Евросоюзом (54%). Менее очевидны стремление изменить жизнь в Украине (50%) и стремление изменить власть в стране (39%).

Среди основных требований к власти, выдвигавшихся на Майдане, наибольшую поддержку среди опрошенных участников Майдана получили: освобождение арестованных участников Майдана, прекращения репрессий (82%), отставка правительства (80%), отставка Виктора Януковича и проведение досрочных президентских выборов (75%), подписание Договора об Ассоциации с Европейским Союзом (71%), заведение уголовных дел на виновных в избивании демонстрантов на Майдане (58%), роспуск Верховной Рады и назначение досрочных парламентских выборов (56%).

Можно сказать, что главные требования — это справедливость, защита достоинства людей (в 2004 году люди тоже выступали не столько в поддержку Ющенко, сколько против фальсификации выборов).

По мере того, как время идет, а власти не уступают, требования Майдана радикализуются.

Таблица 1

ЧТО ПОБУДИЛО ВАС ВЫЙТИ НА МАЙДАН? (респондентам предлагалось выбрать не более 3-х главных причин из приведенного списка)

Мотивы	%
Жестокое избивание демонстрантов на Майдане в ночь на 30 ноября, репрессии	70
Отказ Виктора Януковича от подписания Договора об Ассоциации с Евросоюзом	54
Стремление изменить жизнь в Украине	50
Стремление изменить власть в стране	39
Свертывание демократии, угроза диктатуры	19
Опасность, что Украина вступит в Таможенный Союз и вообще вернется в Россию	17
Солидарность со своими друзьями, коллегами, родственниками, которые тоже на Майдане	6
Призывы лидеров оппозиции	5
Желание отомстить власти за все, что она творит в стране	5
На Майдане весело и интересно	2
Деньги, которые мне заплатили (или обещали заплатить)	0
Другое (что именно?)	3
Трудно сказать	1

Абсолютное большинство участников Майдана (72%) готово оттуда уйти только в случае выполнения всех требований Майдана (см. табл. 2), еще 28% готовы удовлетвориться выполнением нескольких требований. Объективные причины могут заставить покинуть Майдан 16,5%, усталость, плохое самочувствие — 13%, решение большинства — 13%, разочарование в лидерах — 7,5%, репрессии — 6%, холод — 2%.

Таблица 2

КАК ДОЛГО ВЫ СОБИРАЕТЕСЬ БЫТЬ НА МАЙДАНЕ?

	% респондентов
Только сегодня	6
Еще 2-3 дня, не более	9
Не более недели	4
Не более 2-х недель	1
До новогодних праздников	3
Столько, сколько будет нужно	72
Трудно сказать	4

На Майдане было около 50% киевлян и 50% приезжих. Абсолютное большинство приезжих участников Майдана (92%) приехали самостоятельно, проезд остальных был организован или общественной организацией, или одной из партий. Более 90% участников Майдана не принадлежат ни к партиям, ни к движениям.

В социально-демографической структуре участников Майдана несколько больше мужчин (56%, женщин — 44%), средний возраст участника Майдана, разумеется, ниже, чем в целом по стране, но все же довольно много людей среднего и пенсионного возраста (38%

в возрасте от 15 до 29 лет, 49% — 30-54 года, 13% — 55 лет и старше). Образовательный уровень участников очень высокий — люди с высшим образованием составляют 64%, с незаконченным высшим — 13%. По роду занятий среди участников Майдана наибольшую группу — 40% — составляли специалисты с высшим образованием, 12% — студенты, 9% — предприниматели, 8% — руководители, *т.е. большинство участников Майдана — представители среднего класса.*

Отношение населения Украины к Евромайдану дифференцировано. Приблизительно половина украинцев (49%) поддерживают киевский Евромайдан, несколько меньшая часть респондентов (45%) придерживаются противоположного мнения¹. Наибольшей поддержкой Евромайдан пользуется на Западе (84%) и в Центре (66%) Украины. Также Евромайдану симпатизирует треть жителей Юга Украины (33%) и 13% жителей восточного региона. Больше всего не поддерживают киевский Евромайдан на Востоке (81%) и Юге (60%) Украины, также не поддерживают митингующих 27% жителей центральных и 11% жителей западных областей.

Внешнеполитические ориентации населения Украины — Европа или Россия?

За день до заявления премьер-министра Н. Азарова о приостановлении движения в Европу, мы закончили опрос населения, где спрашивали, как бы люди проголосовали на референдуме о вступлении Украины в ЕС. Опрос проводился с 9 до 20 ноября 2013 года. Методом face-to-face интервью опрошено 2011 респондентов, проживающих во всех областях Украины (включая город Киев) и в Крыму, по стохастической выборке, репрезентативной для населения Украины старше 18 лет. Статистическая погрешность выборки (с вероятностью 0,95 и при дизайн-эффекте 1,5) не превышает: 3,3% для показателей, близких к 50%, 2,8% для показателей, близких к 25%, 2,0% для показателей, близких к 10%, 1,4% для показателей, близких к 5%.

¹ Тут мы используем данные опроса, проведенного компанией Research & Branding Group в период 4-9 декабря 2013 года (т.е. в разгар событий на Евромайдане). Сбор информации проводился методом персонального интервью в 24-х областях Украины, АР Крым, городах Киев и Севастополь. Респонденты отбирались по квотной выборке, репрезентирующей взрослое население страны по месту проживания (область), полу и возрасту. Объем выборочной совокупности составил 2079 человек. Ожидаемая средняя ошибка выборки, как указано на сайте компании, составляет 2,2% (однако эта оценка явно не учитывает дизайн-эффект выборки).

Результат — 54% «за» вступление в ЕС, 46% «против». Таким образом, большинство за присоединение Украины к Евросоюзу. Однако два месяца назад после неожиданного поворота партии власти к Европе и активной пропаганды Европейского пути развития за ЕС было 57% против 43%, т.е. сейчас разница уменьшилась (правда, если спрашивать не о ЕС, а о подписании договора об ассоциации с ЕС, то тех, кто «за» — существенно больше).

Оказывается, что как и прежде, мнения населения противоречивы — немало людей хотят и в Европу, и в союз с Россией одновременно. Если отдельно провести референдум о вступлении Украины в Таможенный Союз (ТС), то «за» проголосует 55%, а «против» 45%. Если же поставить вопрос так, что голосующий должен выбрать только один вариант — ЕС или ТС, то за ЕС 51%, за ТС 49%, т.е. примерно одинаково. В Западном и Центральном регионах сторонников вступления в ЕС значительно больше, чем сторонников вступления в ТС (86% против 14% и 61% против 39%), а в Южном и Восточном регионах сторонников вступления в ТС значительно больше, чем сторонников вступления в ЕС — (64% против 36% и 81% против 19%).

В начале года в случае проведения референдума по выбору между Европейским Союзом и Россией большинство предпочло бы Россию, два месяца назад — ЕС, а сейчас установилось почти равенство. Скорее всего, это связано с тем, что еще за 7-10 дней до заявления Азарова (а мы проводили опрос с 9 по 20 ноября) власть стала «тормозить» и пугать население серьезными проблемами в экономике после подписания договора об ассоциации с ЕС.

Общественное мнение подвержено влиянию. Вероятно, в Украине около трети населения являются твердыми сторонниками ЕС, столько же убежденных сторонников союза с Россией, мнение же остальных ситуативно, и при высокой монополизации СМИ достаточно легко управляется властью. Отношение украинцев к Евросоюзу зависит также от того, какими будут отношения с Россией при вступлении в Евросоюз. Большинство хотело бы независимости Украины при хороших отношениях с Россией и отсутствии виз и границ (73%), объединиться с Россией в одно государство хотело бы лишь 9% населения (см. табл. 3).

С марта 2008 года мы осуществляем совместный проект с Левада-центром, отслеживаем динамику этого показателя. На графике 1 представлены данные ряда опросов, проведенных за этот период Киевским международ-

ным институтом в Украине и Левада-центром в России (на графике представлен лишь один показатель – процент желающих объединиться в одно государство). Как видим, сначала число таких желающих было выше в Украине, но в течение 2013 года оно снизилось (возможно, это связано с торговыми «войнами» и участвовавшими негативными высказываниями руководства Украины о руководстве России).

Вместе с тем, Евромайдан, судя по данным уже упоминавшегося нами исследования компании Research & Branding Group, проведенного в разгар выступлений в Киеве (4-9 декабря), способствовал увеличению поддержки Евровыбора. Точная формулировка вопроса не приводится, но указывается, что 46% украинцев поддержали интеграцию страны в ЕС, а 36% – в Таможенный союз, 19% не смогли сделать однозначный выбор.

По этим данным, сторонники интеграции с ЕС преобладают на Западе (81%) и в Центре (56%) Украины, также интеграцию с ЕС поддерживают треть жителей Юга Украины (30%)

и 18% жителей Восточной Украины. Интеграцию с Таможенным союзом поддерживают две трети (61%) жителей Востока Украины и более половины (54%) жителей Юга Украины. Также сторонниками интеграции с ТС являются 22% жителей центрального и 7% жителей западного регионов.

Почему социологи плохо прогнозируют социальные взрывы

Мы (КМИС) закончили опрос населения за день до выступления Н. Азарова с фактическим отказом от подписания соглашения об ассоциации с ЕС. Наши данные не предвещали никаких неприятностей. На вопрос, в каких акциях социального протеста опрошенные лично готовы принять участие, 56% сказали, что не готовы участвовать ни в каких акциях, 22% не знали, и 22% сказали, что готовы участвовать в определенных акциях. В частности, 13% – в сборе подписей, 12% – в санкционированных митингах, 5% – в забастовках, 3% – в несанкционированных митингах. Бойкоты, голодовки, захват зда-

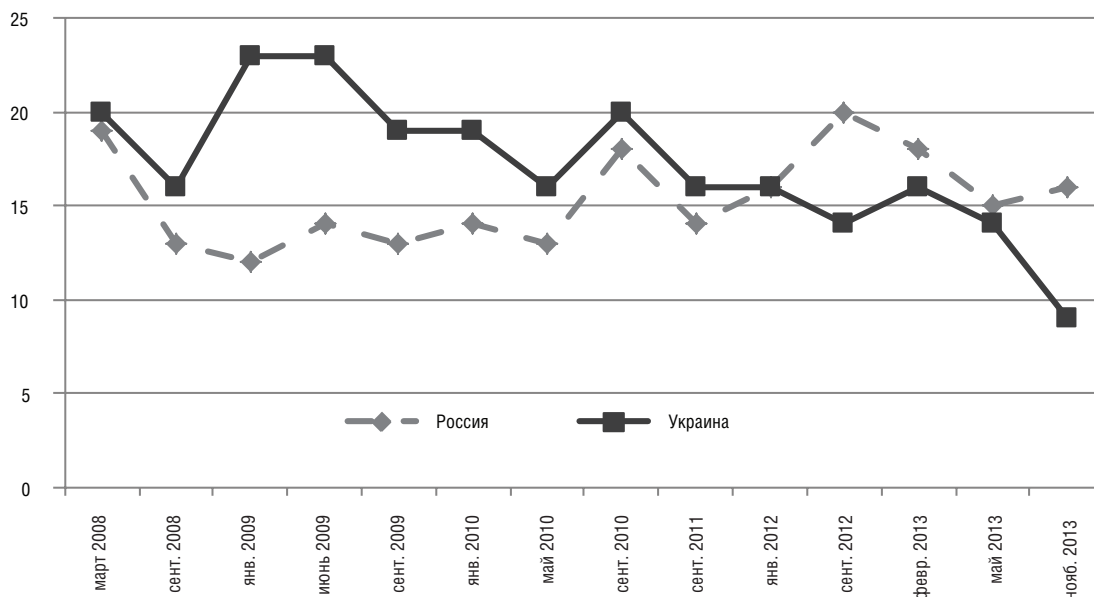
Таблица 3

КАКИМИ ВЫ ХОТЕЛИ БЫ ВИДЕТЬ ОТНОШЕНИЯ УКРАИНЫ И РОССИИ (ноябрь 2013)

Варианты ответа	%
Они должны быть такими же, как с другими государствами – с закрытыми границами, визами, таможенными	12
Украина и Россия должны быть независимыми, но дружественными государствами – с открытыми границами, без виз и таможен	73
Украина и Россия должны объединиться в одно государство	9
Трудно сказать	6
Итого	100

График 1

УКРАИНА И РОССИЯ ДОЛЖНЫ ОБЪЕДИНИТЬСЯ В ОДНО ГОСУДАРСТВО, % ПО ОТНОШЕНИЮ К НАСЕЛЕНИЮ УКРАИНЫ (сплошная) И РОССИИ (пунктирная) СООТВЕТСТВЕННО

ний и т.п. — меньше 3% каждый вид протеста.

Много это или мало? Если сравнить с аналогичным опросом, который мы провели во время Оранжевой революции 2004 года, то тогда готовых участвовать в протестах было намного больше — 36%. А не хотели участвовать ни в каких акциях лишь 33% (а не нынешние 56%). Что же произошло, почему через несколько недель на улицу вышло больше людей, чем во время Оранжевой революции? Почему наши данные этого не показали?

Вообще говоря, ясно, что «не всё спокойно в датском королевстве». Лишь 3% опрошенных считают, что Украина в хорошем экономическом положении, 70% считают, что Украина движется в неправильном направлении, а в то, что через год в Украине станет жить лучше, верит только 14%. Но так ситуация выглядит уже второй год, а прямые вопросы о готовности к протестам нестораживают.

Главная причина, по-моему, в том, что у нас недостаточно развито компьютерное моделирование социальных процессов. Но есть и другая причина. Вопрос, который мы задаем,

звучит абстрактно («В каких акциях социально-го протеста Вы готовы принять участие?»), без описания ситуации, которая может побудить к действиям, а побудительным мотивом к протестам являются как раз конкретные действия власти. А вот если бы мы задали конкретный вопрос — «выйдите ли Вы на акцию протеста, если на группу ребят, ночующих на площади в поддержку евроинтеграции, нападет отряд «Беркута» и жестоко их избьет, чтобы они не мешали поставить Новогоднюю елку?», то могли бы получить гораздо более точную оценку событий. Получается, что методика более точного прогнозирования состоит в том, что нужно составить перечень возможных противоправных действий, которые способны совершить властные органы, и спрашивать, как люди будут на них реагировать. У социологов на это может не хватить социологического воображения (мало ли какие возмутительные поступки может совершить власть). К тому же формулирование подобных вопросов до того, как такие действия совершены, вряд ли этично.

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Лариса КОСОВА

Социальная мобильность или нестабильность доходов?

Характер социальной мобильности — ключ к пониманию происходящих в обществе процессов. Какие социальные лифты существуют в обществе, каким группам населения они доступны, каковы скорость и интенсивность продвижения по каналам социальной мобильности — эти вопросы носят не только академический характер, они позволяют понять вектор развития общества, заранее увидеть ожидающие его проблемы и тупики. Именно поэтому они так часто обсуждаются и в исследовательском сообществе, и в средствах массовой информации. Однако подходы к пониманию социальной мобильности различаются. Так, в работе «Мобильность по доходам в России»¹ авторы приходят к выводу, что российское общество начала нулевых отличала высокая мобильность. Причем, это была мобильность «в пользу бедных»: шансы покинуть нижние децильные группы были высоки, бедность носила краткосрочный характер. К этим выводам авторы приходят на основе децильного анализа шкалы доходов. Действительно, как справедливо указывают авторы, доля переместившихся между децилями шкалы доходов была высокой. Однако давайте вспомним классическое определение: социальная мобильность — это изменение социального статуса. Безусловно, доход — важнейшая составляющая статуса, но можем ли мы считать переход из одной децильной группы в другую социальной мобильностью или проведенный авторами анализ описывает другие процессы? Для ответа на этот вопрос мы, как и авторы статьи, воспользуемся

данными RLMS — HSE², выбрав две волны — за 2000 и 2005 годы. Панельный характер исследования позволяет выделить респондентов, участвовавших в обоих опросах, и проследить динамику их ответов во времени.

Среди прочих вопросов респондентов просили оценить свои позиции на трех воображаемых социальных лестницах. Следуя веберовской традиции, авторы анкеты выделили в качестве составляющих статуса богатство, власть, престиж. Каждая лестница состояла из 9 ступеней (1 — самая низкая позиция, 9 — самая высокая), присутствовали опции «затрудняюсь ответить» и «отказ от ответа». Ответы респондентов визуализированы на рис.1. Сплошной линией обозначены субъективные оценки составляющих статуса в 2005, пунктирной — в 2000 году.

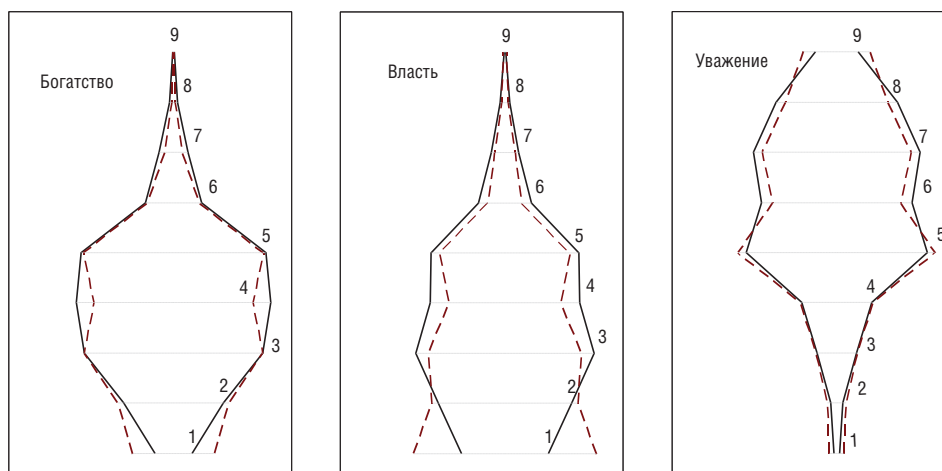
Как показывает рисунок 1, субъективные оценки статуса улучшились по всем составляющим — картинки заметно «подтянулись» вверх. Этот вывод, полученный методом «пристального взгляда», подтверждается и статистическим анализом: различия средних между оценками статусных позиций в 2005 и в 2000 году для осей «богатство» и «власть» значимы с вероятностью выше 99%, для шкалы «уважение» значимость составляет 75% (см. Приложение 1). Обратим внимание еще на одну особенность полученных оценок — пирамида «уважение» перевернута с ног на голову. Если при оценке своего имуще-

¹ Lukyanova A., Oshchepkov A. Y. Income mobility in Russia (2000-2005) // Economic Systems. 2012. No. 36. P. . 46-64.

² «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE)», проводится Национальным исследовательским университетом — Высшей школой экономики и ЗАО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии РАН. (Сайты обследования RLMS-HSE: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms> и <http://www.hse.ru/rlms>).

Рисунок 1

ВИЗУАЛИЗАЦИЯ ОЦЕНОК РЕСПОНДЕНТАМИ СОБСТВЕННОГО СТАТУСА ПО ТРЕМ СОСТАВЛЯЮЩИМ

ства или властных полномочий большинство респондентов помещает себя в нижней части социальной лестницы, то степень уважения к себе опрошенные оценивают диаметрально противоположным образом: почти 60% ответивших на этот вопрос разместили себя на позициях выше пятой – то есть выше середины вообразимой социальной лестницы.

Субъективные оценки статусов отличаются высокой динамикой – только четверть респондентов (чуть больше или меньше по разным составляющим статуса) отметили, что занимают одни и те же позиции в обеих волнах опроса. Среди тех, кто поставил себя на разные пози-

ции в 2000 и в 2005 году, большая часть полагает, что это было изменение на 1-2 ступени, но есть и более радикальные оценки перемещения (см. табл. 1).

Сводные результаты оценок изменения составляющих статуса приведены в таблице 2. Мы видим симметричную динамику по оси «власть», по осям «богатство» и «престиж» преобладают оценки восходящей мобильности.

Давайте теперь включим в анализ шкалу доходов и попробуем оценить вклад этого фактора в динамику субъективных статусов. Построим децили для 2000 и 2005 года и пересечем их (см. табл. 3).

Таблица 1

ОЦЕНКА РЕСПОНДЕНТАМИ ИЗМЕНЕНИЙ СВОИХ ПОЗИЦИЙ В ОБЩЕСТВЕ

Изменения Статуса:	Ось «богатство»	Ось «власть»	Ось «престиж»
снизился на 7 ступеней	-	0,1	0,1
снизился на 6 ступеней	0,1	0,2	0,3
снизился на 5 ступеней	0,2	0,4	1
снизился на 4 ступени	1	2	3
снизился на 3 ступени	4	4	7
снизился на 2 ступени	9	9	12
снизился на 1 ступень	18	14	17
остался прежним	26	24	22
повысился на 1 ступень	20	20	17
повысился на 2 ступени	12	12	11
повысился на 3 ступени	5	7	6
повысился на 4 ступени	3	4	3
повысился на 5 ступеней	1	2	1
повысился на 6 ступеней	0,5	1	1
повысился на 7 ступеней	0,2	0,2	0,2
повысился на 8 ступеней	0,003	-	0,003
ВСЕГО:	100	100	100

Таблица 2

СВОДНАЯ ТАБЛИЦА ОЦЕНОК ИЗМЕНЕНИЯ СТАТУСА

	Ось «богатство»	Ось «власть»	Ось «престиж»
позиции снизились	32	39	30
позиции остались прежними	26	22	24
позиции повысились	42	39	46
ВСЕГО:	100	100	100

Таблица 3

ПЕРЕСЕЧЕНИЕ ДЕЦИЛЬНЫХ ГРУПП 2000 И 2005 ГОДОВ (100% по каждому децилю 2000 года)

ГОД	Дециль:	2005										Всего:
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	
2000	1	31	19	13	7	6	8	6	5	3	2	100
	2	31	22	14	7	7	6	6	3	3	2	100
	3	9	30	19	14	12	9	3	3	1	1	100
	4	4	20	25	21	12	8	4	3	2	2	100
	5	1	4	18	24	30	10	7	2	2	1	100
	6	2	5	12	13	24	13	15	8	8	1	100
	7	3	5	7	6	10	14	22	14	14	5	100
	8	3	4	5	9	9	10	15	20	17	7	100
	9	2	3	3	5	5	9	9	23	25	16	100
	10	1	1	4	5	7	4	8	14	19	38	100

Полученные результаты совпадают с теми, что описаны в статье «Мобильность по доходам в России»: 70% тех, кто находился в нижнем дециле в 2000 году, улучшили свое положение, причем для 24% это было перемещение в верхнюю половину шкалы доходов. Самый размытый дециль – шестой: лишь 13% тех, кто входил в этот дециль в 2000 году, остался в нем в 2005.

Агрегируем теперь полученные данные, выделив три группы респондентов – тех, опустился в более низкий дециль в 2005 по сравнению с 2000 годом, тех, кто сохранил свои позиции, и тех, кто поднялся в более высокий дециль. Пересечение новой агрегированной переменной с динамикой субъективных статусов приведено в таблицах 4-6.

Даже простая кросс-табуляция показывает, что нет прямой связи между переходом в более высокий дециль по доходам и позитивной динамикой оценки статусов. Так, среди тех, кто оказался в более низком дециле, доля оценивающих свой статус на шкале «богатство» как выросший практически равна доле «неудачников», полагающих, что снизили статусные позиции. В то же время 26% тех, кто поднялся в более высокий доходный дециль, оценивает свои позиции на шкале «богатство» как снизившиеся (см. табл. 4). Аналогичная ситуация и с другими составляющими статуса. Среди тех, чей дециль на шкале доходов стал ниже, 43% полагают, что властная составляющая их статуса выросла (см. табл. 5). Среди тех, кто

Таблица 4

ОЦЕНКИ РЕСПОНДЕНТАМИ ДИНАМИКИ СВОИХ ПОЗИЦИЙ НА ШКАЛЕ «БОГАТСТВО» В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ИЗМЕНЕНИЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ К ДЕЦИЛЬНЫМ ГРУППАМ ПО ДОХОДУ

	дециль в 2005 году ниже, чем в 2000	дециль в 2005 году тот же, что и в 2000	дециль в 2005 году выше, чем в 2000	ВСЕГО:
позиции на шкале «богатство» снизились	37	29	26	31
позиции на шкале «богатство» остались прежними	27	32	27	28
позиции на шкале «богатство» повысились	36	39	47	41
ВСЕГО:	100	100	100	100

Таблица 5

ОЦЕНКИ РЕСПОНДЕНТАМИ ДИНАМИКИ СВОИХ ПОЗИЦИЙ НА ШКАЛЕ «ВЛАСТЬ» В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ИЗМЕНЕНИЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ К ДЕЦИЛЬНЫМ ГРУППАМ ПО ДОХОДУ

	дециль в 2005 году ниже, чем в 2000	дециль в 2005 году тот же, что и в 2000	дециль в 2005 году выше, чем в 2000	ВСЕГО:
позиции на шкале «власть» снизились	32	29	26	29
позиции на шкале «власть» остались прежними	25	28	24	25
позиции на шкале «власть» повысились	43	43	50	46
ВСЕГО:	100	100	100	100

Таблица 6

ОЦЕНКИ РЕСПОНДЕНТАМИ ДИНАМИКИ СВОИХ ПОЗИЦИЙ НА ШКАЛЕ «УВАЖЕНИЕ» В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ИЗМЕНЕНИЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ К ДЕЦИЛЬНЫМ ГРУППАМ ПО ДОХОДУ

	дециль в 2005 году ниже, чем в 2000	дециль в 2005 году тот же, что и в 2000	дециль в 2005 году выше, чем в 2000	ВСЕГО:
позиции на шкале «уважение» снизились	42	36	39	40
позиции на шкале «уважение» остались прежними	23	23	21	23
позиции на шкале «уважение» повысились	35	41	40	38
ВСЕГО:	100	100	100	100

переместился в более высокий дециль, фактически одинаковое количество тех, кто считает, что их престиж вырос и тех, кто полагает, что они стали пользоваться меньшим уважением (см. табл. 6).

Мы дополнили табличный анализ простыми регрессионными моделями, где зависимой переменной является динамика оценок различных составляющих статуса, а независимой — динамика перехода между децилями на шкале доходов (см. Приложение 2). Лучшая из моделей объясняет менее 2% вариации. Иными словами, переходы между децилями на шкале доходов не объясняют изменений в оценке статусов.

Что означает полученный результат? С нашей точки зрения, следует учитывать несколько аспектов.

1. Как уже упоминалось выше — доход лишь одна из составляющих статуса, не связанная к тому же монотонно с другими его компонентами — престижем и властью. Начало нулевых в России сопровождалось значимым повышением пенсий и зарплат в бюджетной сфере. Так, по данным Росстата, средний размер назначенных месячных пенсий вырос за период с 1998 по 2005 год в 6 раз. Воспринимает ли пенсионер, получивший добавку к пенсии

и вследствие этого поднявшийся из нижнего дециля, эту ситуацию как изменение своих позиций на социальной лестнице? И является ли этот процесс — процессом социальной мобильности?

2. В восприятии жизненной ситуации — в том числе и статуса — ведущим фактором выступает не абсолютная, а относительная депривация. Децильный анализ доходов ее не учитывает.

3. Несмотря на широко известные и часто цитируемые показатели неравенства, российское общество плохо дифференцировано. Если воспользоваться приемом визуализации социальной структуры, то форма российского общества — не пирамида, не капля, не бочка. Наиболее точный образ российского социального ландшафта — перевернутая буква Т. Основную часть этой фигуры образует слабо дифференцированная плоскость, включающая в себя 70-80% населения, над которой возвышается вертикаль — и в данном случае использование термина «вертикаль власти» будет точным, поскольку высокие показатели статуса в российском обществе реализуются через власть. Различия в доходах основной массы населения так малы, что незначительные прибавления перемещают респондента сразу на несколько деци-

лей вверх. Например, согласно данным RLMS добавка в 300 рублей в месяц в 2000 году перемещали респондента из 1 дециля сразу в четвертый, а увеличение доходов на шестьсот рублей — сразу в седьмой (см. табл. 7).

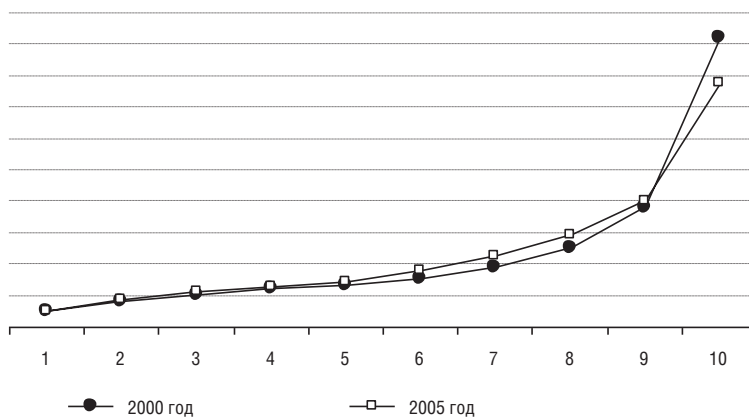
На рис. 2 приведены точки разбиения на децили в сопоставимых единицах. И в 2000, и в 2005 году большая часть кривых имеют совсем незначительный подъем — они практически плоские почти на всем своем протяжении.

Именно здесь, с нашей точки зрения, лежит причина того, что увеличение или снижение дохода не воспринимается респондентами как мобильность. Перемещения, которые происходят в основной массе населения, это не столько вертикальная мобильность, сколько перемещения на плоскости. В их основе лежит не индивидуальное достижение, а социальная политика государства, изменение которой остановит эту текучесть.

Таблица 7
ТОЧКИ РАЗБИЕНИЯ НА ДЕЦИЛИ ДЛЯ 2000 И 2005 ГОДОВ

Точки разбиения на децили	2005 персональные доходы за месяц, все источники	2000 персональные доходы за месяц, все источники
1	до 1670	до 450
2	2300	598
3	2750	721
4	3040	828
5	3690	910
6	4600	1050
7	6000	1500
8	8000	2000
9	11000	3000
10	Более 11000	Более 3000
Всего респондентов:	5138	5037

Рисунок 2
ВИЗУАЛИЗАЦИЯ ТОЧЕК РАЗБИЕНИЯ НА ДЕЦИЛИ

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. Оценка различий средних в оценках социальных позиций

T-TEST (сравнение средних по шкале «богатство»)

Paired Samples Statistics					
		Mean	N	Std. Deviation	Std. Error Mean
Pair 1	Представьте себе, пожалуйста, лестницу из 9 ступеней, где на нижней, первой ступени, стоят нищие, а на высшей, девятой – богатые. На какой из девяти ступеней находитесь сегодня Вы лично?	3,87	3957	1,52	2,41E-02
	Представьте себе, пожалуйста, лестницу из 9 ступеней, где на нижней, первой ступени, стоят нищие, а на высшей, девятой – богатые. На какой из девяти ступеней находитесь сегодня Вы лично?	3,61	3957	1,55	2,46E-02

Paired Samples Correlations				
		N	Correlation	Sig.
Pair 1	Представьте себе, пожалуйста, лестницу из 9 ступеней, где на нижней, первой ступени, стоят нищие, а на высшей, девятой – богатые. На какой из девяти ступеней находитесь сегодня Вы лично?	3957	0,322	0,000

Paired Samples Test									
		Mean	Std. Deviation	Std. Error Mean	95% Confidence Interval of the Difference Paired Differences		t	df	Sig. (2-tailed)
					Lower	Upper			
Pair 1	Представьте себе, пожалуйста, лестницу из 9 ступеней, где на нижней, первой ступени, стоят нищие, а на высшей, девятой – богатые. На какой из девяти ступеней находитесь сегодня Вы лично?	0,26	1,78	2,83E-02	0,20	0,31	9,133	3956	0,000

T-TEST (сравнение средних по шкале «власть»)

Paired Samples Statistics					
		Mean	N	Std. Deviation	Std. Error Mean
Pair 1	Представьте себе, пожалуйста, лестницу, из 9 ступеней, где на нижней ступени стоят совсем бесправные, а на высшей – те, у кого большая власть. На какой из девяти ступеней находитесь сегодня Вы лично?	3,49	3848	1,69	2,73E-02
	Представьте себе, пожалуйста, лестницу из 9 ступеней, где на нижней, первой ступени, стоят совсем бесправные, а на высшей – те, у кого большая власть. На какой из девяти ступеней находитесь сегодня Вы лично?	3,09	3848	1,76	2,84E-02

Paired Samples Correlations				
		N	Correlation	Sig.
Pair 1	Представьте себе, пожалуйста, лестницу из 9 ступеней, где на нижней, первой ступени, стоят совсем бесправные, а на высшей – те, у кого большая власть. На какой из девяти ступеней находитесь сегодня Вы лично?	3848	0,333	0,000

Paired Samples Test

	Mean	Std. Deviation	Std. Error Mean	95% Confidence Interval of the Difference Paired Differences		t	df	Sig. (2-tailed)
				Lower	Upper			
				Pair 1	Представьте себе, пожалуйста, лестницу из 9 ступеней, где на нижней, первой ступени, стоят совсем бесправные, а на высшей – те, у кого большая власть. На какой из девяти ступеней находитесь сегодня Вы лично?			

T-TEST (сравнение средних по шкале «престиж»)

Paired Samples Statistics

	Mean	N	Std. Deviation	Std. Error Mean	
Pair 1	И еще одна лестница из 9 ступеней, где на нижней ступени находятся люди, которых совсем не уважают, а на высшей - те, кого очень уважают. На какой из девяти ступеней находитесь сегодня Вы лично?	5,97	3706	1,71	2,81E-02
	И еще одна лестница из 9 ступеней, где на нижней ступени находятся люди, которых совсем не уважают, а на высшей - те, кого очень уважают. На какой из девяти ступеней находитесь сегодня Вы лично	5,93	3706	1,87	3,07E-02

Paired Samples Correlations

	N	Correlation	Sig.	
Pair 1	И еще одна лестница из 9 ступеней, где на нижней ступени находятся люди, которых совсем не уважают, а на высшей - те, кого очень уважают. На какой из девяти ступеней находитесь сегодня Вы лично?	3706	0,328	0,000

Paired Samples Test

	Mean	Std. Deviation	Std. Error Mean	95% Confidence Interval of the Difference Paired Differences		t	df	Sig. (2-tailed)
				Lower	Upper			
				Pair 1	И еще одна лестница из 9 ступеней, где на нижней ступени находятся люди, которых совсем не уважают, а на высшей - те, кого очень уважают. На какой из девяти ступеней находитесь сегодня Вы лично?			

Statistics

		все доходы за месяц в 2005 году, почищены	все доходы за месяц в 2000 году, почищены
N	Valid	5138	7291
Percentiles	Missing	5037	7392
	10	1670,0000	450,0000
	20	2300,0000	597,6000
	30	2750,0000	721,0000
	40	3039,6000	828,2000
	50	3690,0000	910,0000
	60	4600,0000	1050,0000
	70	6000,0000	1500,0000
	80	8000,0000	2000,0000
	90	11000,0000	3000,0000

децили по доходам 2000

		Frequency	Percent	Valid Percent	Cumulative Percent
Valid	1,00	534	4,3	10,6	10,6
	2,00	473	3,8	9,4	20,0
	3,00	505	4,1	10,0	30,0
	4,00	503	4,0	10,0	40,0
	5,00	504	4,1	10,0	50,0
	6,00	513	4,1	10,2	60,2
	7,00	490	3,9	9,7	69,9
	8,00	463	3,7	9,2	79,1
	9,00	562	4,5	11,2	90,3
	10,00	490	3,9	9,7	100,0
	Total	5037	40,5	100,0	
Missing	System	7392	59,5		
Total		12429	100,0		

децили по доходам 2005

		Frequency	Percent	Valid Percent	Cumulative Percent
Valid	1,00	514	4,1	10,0	10,0
	2,00	544	4,4	10,6	20,6
	3,00	486	3,9	9,5	30,1
	4,00	515	4,1	10,0	40,1
	5,00	511	4,1	9,9	50,0
	6,00	516	4,2	10,0	60,1
	7,00	484	3,9	9,4	69,5
	8,00	509	4,1	9,9	79,4
	9,00	529	4,3	10,3	89,7
	10,00	530	4,3	10,3	100,0
	Total	5138	41,3	100,0	
Missing	System	7291	58,7		
Total		12429	100,0		

ПРИЛОЖЕНИЕ 2. Анализ зависимости динамики оценок составляющих статуса от динамики децильного распределения

REGRESSION (шкала «богатство»)

Variables Entered/Removed ^b			
Model	Variables Entered	Variables Removed	Method
1	динамика децильных групп 2005-2000 ^a		Enter

a All requested variables entered.

b Dependent Variable: ST_W

Model Summary

Model	R	R Square	Adjusted R Square	Std. Error of the Estimate
1	0,126 ^a	0,016	0,016	1,6728

a Predictors: (Constant), динамика децильных групп 2005-2000

ANOVA^b

Model	Sum of Squares	df	Mean Square	F	Sig.	
1	Regression	110,194	1	110,194	39,377	,000 ^a
	Residual	6814,151	2435	2,798		
	Total	6924,345	2436	1,6728		

a Predictors: (Constant), динамика децильных групп 2005-2000

b Dependent Variable: ST_W

Coefficients^a

Model		Unstandardized Coefficients		Standardized Coefficients	t	Sig.
		B	Std. Error	Beta		
1	(Constant)	0,231	0,034		6,808	0,000
	динамика децильных групп 2005-2000	8,487E-02	,014	0,126	6,275	0,000

a Dependent Variable: ST_W

REGRESSION (шкала «власть»)

Variables Entered/Removed ^b			
Model	Variables Entered	Variables Removed	Method
1	динамика децильных групп 2005-2000 ^a		Enter

a All requested variables entered.

b Dependent Variable: ST_POW

Model Summary

Model	R	R Square	Adjusted R Square	Std. Error of the Estimate
1	0,076 ^a	0,006	0,005	1,8746

a Predictors: (Constant), динамика децильных групп 2005-2000

ANOVA^b

Model	Sum of Squares	df	Mean Square	F	Sig.	
1	Regression	48,249	1	48,249	13,730	0,000 ^a
	Residual	8349,334	2376	3,514		
	Total	8397,583	2377	1,6728		

a Predictors: (Constant), динамика децильных групп 2005-2000

b Dependent Variable: ST_POW

Coefficients^a

Model	Unstandardized Coefficients		Standardized Coefficients	t	Sig.
	B	Std. Error	Beta		
(Constant)	0,399	0,038		10,378	0,000
1 динамика децильных групп 2005-2000	5,677E-02	,015	0,076	3,705	0,000

a Dependent Variable: ST_POW

REGRESSION (шкала «престиж»)**Variables Entered/Removed^b**

Model	Variables Entered	Variables Removed	Method
1	динамика децильных групп 2005-2000 ^a		Enter

a All requested variables entered.

b Dependent Variable: ST_PR

Model Summary

Model	R	R Square	Adjusted R Square	Std. Error of the Estimate
1	0,032 ^a	0,001	0,001	2,0733

a Predictors: (Constant), динамика децильных групп 2005-2000

ANOVA^b

Model	Sum of Squares	df	Mean Square	F	Sig.
1 Regression	10,281	1	10,281	2,392	0,122 ^a
Residual	9894,997	2302	4,298		
Total	9905,277	2303	1,6728		

a Predictors: (Constant), динамика децильных групп 2005-2000

b Dependent Variable: ST_PR

Coefficients^a

Model	Unstandardized Coefficients		Standardized Coefficients	t	Sig.
	B	Std. Error	Beta		
(Constant)	-2,40E-02	0,043		-0,554	0,580
1 динамика децильных групп 2005-2000	2,677E-02	0,017	0,032	1,547	0,122

a Dependent Variable: ST_PR

Наталья БОНДАРЕНКО

Характер текущего и ожидаемого дефицита профессиональных навыков и качеств работников на российском рынке труда

В общественных и экспертных обсуждениях все более актуализируются вопросы модернизационного потенциала компаний, решение которых невозможно без изучения «кадрового вопроса». Какова на данном этапе развития российской экономики квалификационная структура рынка труда, отвечает ли она хотя бы нынешним запросам компаний, не говоря уже о требованиях работодателей на перспективу? Мы постараемся проанализировать особенности текущего и ожидаемого дефицита профессиональных навыков и профессиональных качеств работников российских компаний, в том числе общих навыков (*generic skills*) и поведенческих навыков («*soft*», «*behavioral*» skills), влияние «квалификационного» дефицита на эффективность компаний в целом, используя данные многолетнего исследования работодателей в рамках проекта Мониторинга экономики образования по заказу НИУ-ВШЭ и Минобрнауки РФ¹. В процессе исследования мы изучили особенности кадровых требований и кадровых ограничений российских компаний, уже сейчас проводящих или планирующих модернизацию технологий, и сравнили различия во мнениях по «кадровым» вопросам руководителей российских и британских² компаний

¹ Левада-центр по заказу НИУ-ВШЭ и Минобрнауки РФ в 2005-2013 гг. в рамках проекта «Мониторинг экономики образования» проводил регулярные опросы руководителей компаний шести секторов экономики (промышленность, строительство, транспорт, связь, деловые услуги, торговля), в которых занято более 50% взрослого населения России (1000 руководителей).

² Были использованы данные открытых источников регулярного исследования работодателей по проблематике профессиональных навыков работников (UK Commission's Employer Skills Survey). Для сравнения с опросом российских работодателей были взяты данные опроса британских работодателей 2011 года, т.е. последнего опроса из представленных в открытом доступе. В опросе 2011 года приняло участие 87500 респондентов, руководителей компаний различной величины всех секторов экономики (в т.ч. промышленность, строительство, транспорт, связь, бизнес-услуги, розничная и оптовая торговля). В ходе опроса руководителей британских компаний изучались проблемы поиска работников нужной квалификации, представления о состоянии рабочей силы в компаниях, проблема сбалансированности

аналогичных секторов экономики.

Оценка сбалансированности структуры занятых по уровню квалификации дает представление о том, насколько эффективно используется квалификационный и образовательный капитал работников на данном этапе, есть ли потенциал и какие существуют риски в компаниях. В динамическом аспекте это позволяет судить о том, насколько меняется бизнес, и насколько активно эволюционируют запросы к компетенциям сотрудников в связи с технологическими, организационными сдвигами, с использованием новых возможностей бизнеса.

Работодатели в России в целом удовлетворены состоянием рабочей силы, занятой в компаниях. Однако существует определенная доля компаний, где квалификационная структура занятых не сбалансирована. Проблема несбалансированности связана 1) с наличием дефицита квалификации работников (т.е. они имеют квалификацию ниже требуемой работодателями), 2) с избыточной квалификацией персонала (квалификация выше требуемой). В обоих случаях происходит недоиспользование или неэффективное использование оборудования, технологий и других имеющихся в компании ресурсов — в первом случае, человеческого капитала — во втором, и как следствие — экономические, финансовые потери компании и экономики в целом.

Согласно ответам 70% руководителей компаний с дефицитом квалификации основных исполнителей, несоответствие уровня квалификации части работников влечет за собой определенные проблемы для компании: в 40% — это повышенная нагрузка более опытных работников, в 21% — невозможность выполнять стандарты качества, еще в 20% — рост

квалификационной структуры занятых, направления и масштабы инвестиций компаний в организацию профессионального обучения сотрудников, готовность выпускников университетов, колледжей к работе в компаниях <http://www.ukces.org.uk/assets/ukces/docs/publications/ukces-employer-skills-survey-11.pdf>.

текущих затрат. Такие проблемы оборачиваются для компаний долгосрочными потерями, связанными с трудностями внедрения более эффективных новых технологий (для 30%), уходом части заказчиков, утратой части бизнеса (15%), запаздыванием разработок новых продуктов (14%), невозможностью внедрения новых трудовых навыков (для 17% компаний).

Отрадно отметить – большинство российских компаний (почти две трети в 2013 году) имеют сбалансированную структуру работников-исполнителей, когда квалификация специалистов, служащих и рабочих в принципе соответствует текущим требованиям, предъявляемым на предприятии. На 23% предприятий зафиксирован дефицит квалификации основных исполнителей. Но в связи с квалификационным дефицитом на существенное снижение эффективности указывали менее 30% предприятий, где квалификация основных исполнителей ниже требуемой, еще на 46% дефицит квалификации основных исполнителей оказывал некоторое, не столь значительное влияние на общую эффективность компании.

С точки зрения удовлетворения текущих квалификационных требований работодателей в 2013 году зафиксирована более сбалансированная структура занятости, чем в 2005 и 2008 годах (рис. 1). Структура квалификации основных исполнителей стала более сбалансированной за счет значимого сокращения доли компаний, сталкивающихся с дефицитом квалификации персонала. По данным опросов в 2008–2013 годах доля компаний, на которых

квалификации основных исполнителей ниже требуемой, уменьшилась с 30% до 23%.

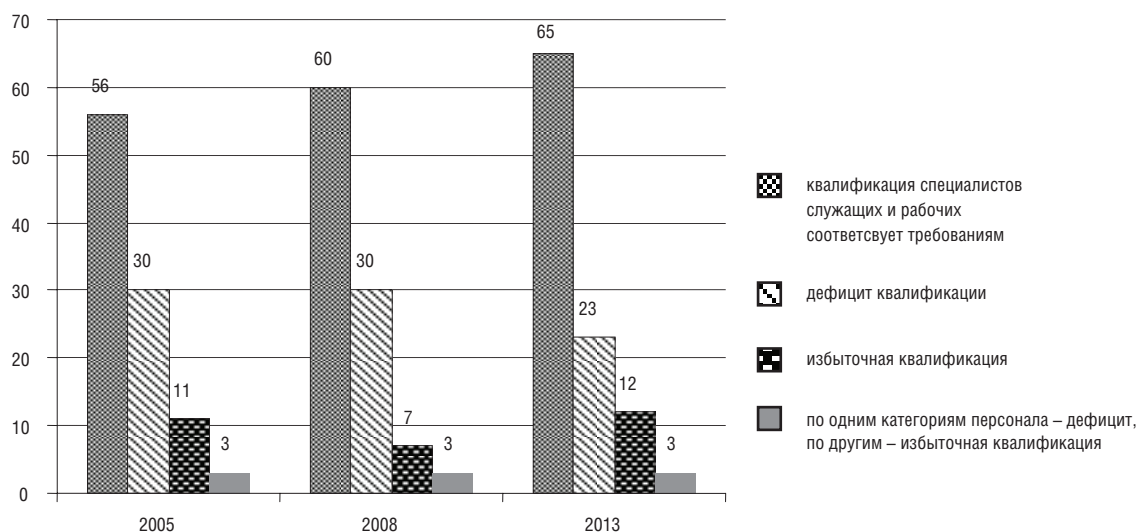
Избыточная квалификация встречается гораздо реже. В результате опросов эта проблема была выявлена на 12% предприятий. Кроме того, существует незначительная часть компаний (3%), сталкивающихся по одним категориям исполнителей с дефицитом квалификации, а по другим категориям – с ее избытком.

Действительно, в 2005 году, когда российская экономика находилась в переходном состоянии, была довольно значительной и доля компаний, в которых квалификация исполнительского состава не соответствовала характеру деятельности и запросам компаний. Потребовалось определенное время на рынке труда для адаптации работников к меняющемуся спросу компаний на профессии и профессиональные компетенции. В 2013 году рынки услуг профобразования и труда уже более адаптированы к запросам компаний. В настоящее время, по сравнению с началом 2000-х годов, Россия находится не в столь «активной» стадии развития экономики и реализации новых бизнес-возможностей, сейчас в российской экономике наблюдается более устойчивая ситуация, в свою очередь фиксирующая и квалификационную структуру занятости в компаниях.

Дефицит квалификации может рассматриваться со знаком «плюс», если он является временным явлением, обусловленным стадией модернизации технологий, появлением новых продуктов/услуг, инновационными организационными сдвигами.

Рисунок 1

СООТВЕТСТВИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ НАВЫКОВ ОСНОВНЫХ ИСПОЛНИТЕЛЕЙ – СПЕЦИАЛИСТОВ, СЛУЖАЩИХ И/ЛИ РАБОЧИХ – ТРЕБОВАНИЯМ РАБОТЫ НА ПРЕДПРИЯТИИ (опрос работодателей, Россия¹)

¹ Об опросе см. ссылку №1 на стр. 34

Действительно, примерно на половине обследованных предприятий за последние несколько лет повысились требования к профессиональным навыкам и знаниям в связи с обновлением оборудования, использованием новых технологий или внедрением новых методов организации управления, труда. За последние 12 месяцев более 60% компаний проводили мероприятия по замене, обновлению оборудования, технологий. Частично обновление оборудования, технологии не было инновационным и не потребовало значительного пересмотра требований к трудовым навыкам. Однако в 63% случаев требования к профессиональным знаниям и навыкам работников изменились.

В каждой третьей компании, осуществившей за последние несколько лет модернизацию, основной персонал до сих не смог адаптироваться к новым требованиям.

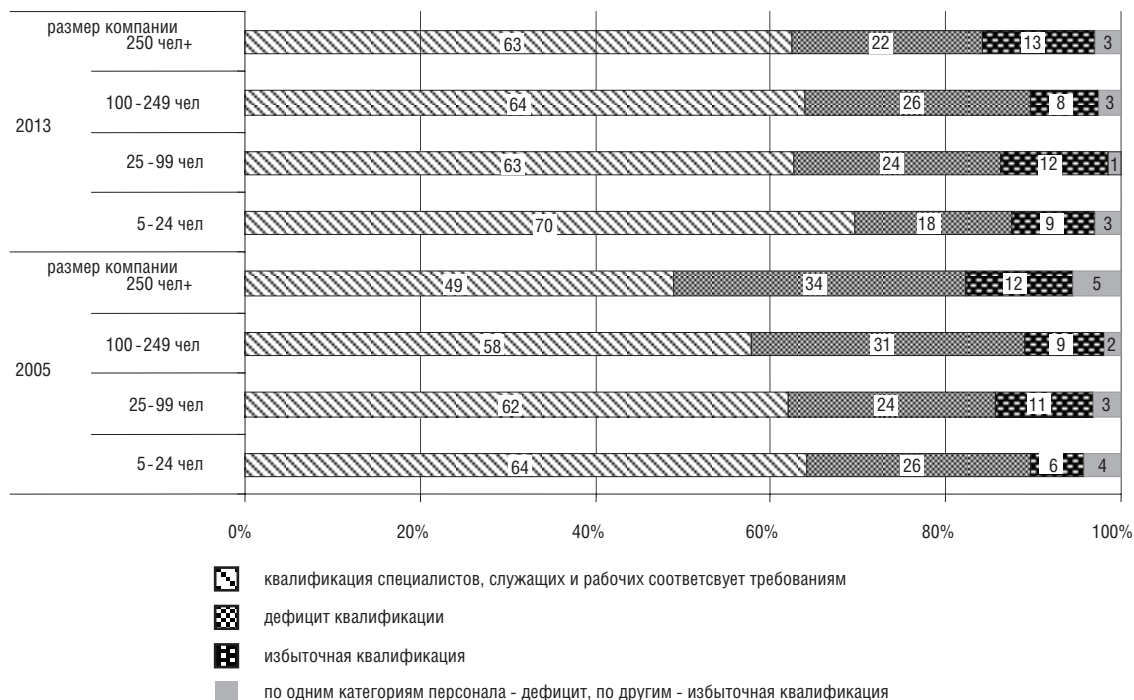
В 69% случаев дефицит квалификации обусловлен технологическими и организационными сдвигами. Причем характер квалификационного дефицита (те качества, которые необходимо улучшить работникам прежде всего) принципиально различается в компаниях, где дефицит квалификации обусловлен реализацией программ модернизации, и в компаниях, где дефицит квалификации сложился по другим причинам. В тех компаниях, где дефицит квалификации связан с модернизацией,

чаще всего сотрудники пока не «набрали» новых специализированных знаний (49%), им не хватает навыков к переучиванию, освоению нового (40%), недостает навыка самостоятельного решения рабочих проблем, инициативности (34%). Более актуальным для работников в этих компаниях стали и навыки самостоятельного планирования рабочего времени (в 19% случаев)

А вот в компаниях, где дефицит квалификации не связан с модернизацией, работодатели считают, что работникам с недостаточной квалификацией прежде всего необходимо «поработать» над совершенно другими профессиональными качествами. В этих компаниях работникам нужно повышать не столько профессиональные знания, сколько «работать» над исполнительностью, дисциплинированностью (43%) и профессиональной ответственностью (42%).

С 2005 по 2013 год наиболее существенные изменения в оптимизации квалификационной структуры персонала происходили в среднем и крупном бизнесе (рис. 2). В 2005 году оценки руководителей крупного и малого бизнеса соответствия квалификации основных исполнителей требованиям компаний серьезно расходились: на тот момент квалификация исполнителей чаще соответствовала требованиям компаний в малом бизнесе по сравнению

Рисунок 2
ПРОБЛЕМА НЕСБАЛАНСИРОВАННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ ОСНОВНЫХ ИСПОЛНИТЕЛЕЙ В МАЛОМ, СРЕДНЕМ, КРУПНОМ БИЗНЕСЕ В 2005, 2013 ГОДАХ

с крупным и средним бизнесом. Действительно, в переходный период малый бизнес демонстрировал более высокую адаптивность к трансформационным процессам в экономике в сравнении с более крупными компаниями. Кроме того, в крупном бизнесе тогда происходила более масштабная модернизация. Но уже в 2013 году удовлетворенность квалификацией основных исполнителей в крупном, среднем и в малом бизнесе примерно на одном уровне (рис. 2). В ходе общероссийского опроса 2013 года предприниматели сообщали о том, что квалификация основного персонала ниже необходимой в 22% компаний с персоналом менее 25 человек и в 25% компаний численностью более 250 человек.

Если сравнить данные британского опроса работодателей 2011 года (последнего из опубликованных), то между малым, средним и крупным бизнесом довольно значителен разрыв в оценках соответствия квалификации персонала текущим требованиям компании. Так, дефицит квалификации в той или иной мере ощущают примерно 45% опрошенных британских компаний численностью более 250 человек и 23% британских компаний численностью до 25 человек¹.

Если оценивать масштабы дефицита квалификации по отношению к общей численности занятых, то доля сотрудников, чья квалификация ниже требуемой, не превышает 4% в общей численности занятых согласно данным общероссийского опроса. По данному показателю расхождения российских показателей с британскими небольшие. В британских компаниях доля работников, чья квалификация оценивается ниже требуемой для выполнения ими текущих служебных обязанностей и задач, равнялась примерно 5% от численности всего персонала опрошенных компаний².

Распространенность дефицита профессиональных навыков и качеств по основным категориям работников

В 2005 году наиболее острым (по доле компаний, сталкивающихся с проблемой недостаточной квалификации сотрудников) дефицит квалификации был среди линейных исполнителей высшей квалификации и рабочих (табл. 1).

В целом, к 2013 году существенно уменьшилась доля компаний, где квалификация линейных специалистов остается ниже требуемой для полноценного выполнения служебных обязанностей, и в данный момент доля таких компаний составляет лишь 8% от числа обследованных. А вот дефицит квалификации рабочих от 2005 года к 2013 году снизился незначительно, в настоящее время о недостаточной квалификации рабочих сообщали на 15% предприятий. На сегодняшний день проблема дефицита квалификации, прежде всего, касается именно рабочих, причем как квалифицированных, так и неквалифицированных.

В 2005 году наиболее острым (по доле компаний, сталкивающихся с проблемой недостаточной квалификации сотрудников) был дефицит квалификации линейных исполнителей высшей квалификации и рабочих (табл. 1). К 2013 году существенно уменьшилась доля компаний, где квалификация линейных специалистов остается ниже необходимой для полноценного выполнения служебных обязанностей. На сегодняшний момент доля таких компаний, испытывающих подобный дефицит, составляет 8% от числа опрошенных компаний. А вот дефицит квалификации рабочих снизился с 2005 года к 2013 году незначительно. В настоящее время о недостаточной квалификации рабочих сообщали на 15% чаще, чем прежде. Так что сегодня проблема дефицита квалификации касается прежде всего именно рабочих, причем как квалифицированных, так и неквалифицированных.

По данным опроса руководителей британских компаний, дефицит квалификации персонала можно считать локальным, и связан он чаще всего с малоквалифицированными позициями, в частности на элементарных работах в сфере торговли и в сфере обслуживания, а также с неквалифицированными рабочими, в основном занятыми ручным трудом³. Для России также можно признать, что проблема недостаточной квалификации носит локальный характер и встречается в основном в тех секторах экономики, где чаще всего используется малоквалифицированный труд. Но следует выделить одно важное отличие российского рынка труда — дефицит квалификации присутствует не только среди работников, занятых на элементарных работах, но и среди квалифицированных рабочих. Например, среди

¹ Report UK Commission's employer skills survey 2011: UK results, p. 70. <http://www.ukces.org.uk/assets/ukces/docs/publications/ukces-employer-skills-survey-11.pdf>.

² Report UK Commission's employer skills survey 2011: UK results, p. 70. <http://www.ukces.org.uk/assets/ukces/docs/publications/ukces-employer-skills-survey-11.pdf>.

³ Report UK Commission's employer skills survey 2011: UK results, p. 141. <http://www.ukces.org.uk/assets/ukces/docs/publications/ukces-employer-skills-survey-11.pdf>

Таблица 1

РАСПРОСТРАНЕННОСТЬ ДЕФИЦИТА КВАЛИФИКАЦИИ ПО ОСНОВНЫМ КАТЕГОРИЯМ РАБОТНИКОВ В РОССИИ

	Отрасли экономики					
	промышленность	связь	строительство	торговля	транспорт	сфера дел.услуг
<i>Доля предприятий, на которых квалификация функциональных специалистов...</i>						
Выше требуемой						
2005	7	14	10	10	4	9
2013	8	14	8	12	8	10
Ниже требуемой						
2005	10	8	10	8	11	11
2013	7	5	3	3	3	5
<i>Доля предприятий, на которых квалификация линейных специалистов...</i>						
Выше требуемой						
2005	7	17	7	9	4	8
2013	11	16	5	10	6	6
Ниже требуемой						
2005	17	12	16	18	17	17
2013	7	6	8	10	8	9
<i>Доля предприятий, на которых квалификация служащих...</i>						
Выше требуемой						
2005	4	10	3	5	1	3
2013	6	9	4	6	2	3
Ниже требуемой						
2005	11	10	8	12	12	18
2013	7	9	4	13	6	10
<i>Доля предприятий, на которых квалификация квалифицированных рабочих...</i>						
Выше требуемой						
2005	7	9	7	2	4	5
2013	6	6	4	3	4	2
Ниже требуемой						
2005	19	11	21	21	19	9
2013	16	10	19	14	12	6

российских компаний, испытывающих квалификационный дефицит, недостаток квалификации рабочих отмечался почти в 2 раза чаще, чем несоответствие квалификации персонала более высокого должностного статуса. В этих компаниях отмечается недостаточный уровень квалификации у примерно 7-8% служащих и исполнителей высшей квалификации, у 17% квалифицированных рабочих и 15% неквалифицированных рабочих. При изучении отраслевой структуры нами было выявлено, что дефицит квалификации рабочих по-прежнему чаще отмечается на промышленных предприятиях и в строительных компаниях (табл. 1). В целом, по итогам опроса квалифицированные рабочие оказались наиболее дефицитной категорией работников и по числу вакансий, и по уровню квалификации.

Можно предположить, что для российского рынка труда дефицит квалификации рабочих является уже не циклическим явлением, а приобретает перманентный характер. Интересно, что по сравнению с дефицитом специалистов и служащих более существенный недостаток предложения квалифицированных рабочих нужной квалификации все чаще фиксируется работодателями не только в России, но и в странах постсоветского пространства, в странах Восточной Европы. Влияние на эту тенденцию оказали сразу несколько факторов. Во-первых, в этих странах произошло значительное сворачивание начального и среднего профессионально-технического образования. Если в советское время почти половина получающих среднее образование училась в профессиональных училищах, то в постсоветское время в массовом по-

рядке молодые люди уже стремились получить общее среднее образование (окончить полную школу), чтобы потом получить высшее/третичное образование. Их выбор сейчас мотивирован относительной доступностью высшего образования по сравнению со странами «старой» Европы, а также более высокой отдачей (т.е. размером «премии», прироста заработной платы) от высшего образования. В течение переходного периода уровень отдачи от третичного образования почти удвоился, в то же время отдача от среднего образования (и общего, и технического) выросла незначительно. Во-вторых, квалифицированные рабочие старших возрастов с необходимой профессионально-технической базой постепенно уходят на пенсию.

Профессиональные навыки, которые нужно совершенствовать сотрудникам, имеющим «несоответствующую» квалификацию

Что подразумевают работодатели, когда говорят о дефиците квалификации, по каким именно критериям выявляется несоответствие части исполнительского персонала современным требованиям компаний? По каким профессиональным навыкам ощущается наиболее острый дефицит? «Дефицитные», наиболее недостающие навыки, по мнению работодателей, оказываются различными для разных категорий исполнителей (табл. 2).

В частности, *специалистам* высшей квалификации не хватает целого ряда поведенческих навыков: 59% специалистов в должной мере не могут самостоятельно решать рабочие задачи и проявлять инициативу, у 40-42% плохо развиты навыки планирования и организации рабочего времени, профессиональной ответственности, умения работать с клиентами, в команде, в коллективе, а также навыки переобучения и освоения нового. Среди базовых навыков отмечается недостаток специфических, профессиональных знаний (43%).

Если сравнить мнения работодателей в России и в Великобритании, то российские работодатели чаще отмечают у *специалистов* недостаточную готовность самостоятельно решать рабочие проблемы и нести за это ответственность, т.е. российские работодатели современных компаний видят ограничения в активных поведенческих, в том числе инновационных, качествах специалистов. Так же как и британские, российские работодатели указывали, что в настоящее время узким квалификационным звеном, снижающим профессиональный потенциал специалистов, становятся недостаточ-

но развитые коммуникативные навыки (неумение работать с клиентами, нехватка навыков работы в команде), а также неумение самостоятельно эффективным образом организовать свое рабочее время (табл. 2).

Недостаточная квалификация российских *служащих* связана, прежде всего, с нехваткой базовых профессиональных знаний. Что касается поведенческих навыков, которые необходимо наращивать служащим с низкой квалификацией, то чаще всего упоминались навыки командной, групповой работы (36%) и «классические» традиционные навыки исполнителя — дисциплинированность, профессиональная ответственность (46%). Для сравнения, в британских компаниях считают, что квалификацию нынешним служащим необходимо повышать не столько за счет совершенствования традиционных исполнительских качеств, но за счет развития навыков самостоятельной работы, офисного администрирования и коммуникативных навыков для работы с клиентами (табл. 2).

В России *квалифицированным рабочим* не хватает наряду с профессиональными знаниями, традиционных навыков эффективной работы — дисциплинированности, исполнительности и умения достаточно оперативно переучиваться, перестраивать свою работу. Очевидно, что формируется запрос российских работодателей к квалифицированным рабочим как к адаптивным гибким *исполнителям*, способным выполнять меняющиеся производственные, технологические задачи. По данным британского опроса работодатели хотели бы видеть квалифицированного рабочего уже не только как успешно адаптирующегося исполнителя, но и того, кто умеет быть самостоятельным, что касается организации и планирования своего рабочего времени и организации командной, групповой работы (т.е. умение работать при децентрализации оперативного управления и частичном делегировании бригадирских функций) (табл. 2).

В исследованиях рынка труда в России и на постсоветском пространстве фиксируется, что характер спроса на квалификацию основных исполнителей очень значительно и быстро меняется в связи с технологическим сдвигом и адаптацией новых форм организации¹. Уже сейчас на новых современных рабочих местах актуализируются принципы децентрализации про-

¹ Sondergaard L, Murthi M. Skills, not just diplomas. Managing education for results in Eastern Europe and Central Asia.//World Bank. 2012, http://siteresources.worldbank.org/ECAEXT/Resources/101411_FullReport.pdf.

цедур принятия решений, выполнения задач «точно в срок», расширения командной рабо-

ты, требования выполнения нескольких задач одновременно, и очевидным образом меняется

Таблица 2

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ НАВЫКИ И КАЧЕСТВА, КОТОРЫЕ НУЖНО, В ПЕРВУЮ ОЧЕРЕДЬ, УЛУЧШИТЬ РАБОТНИКАМ КОМПАНИЙ, ИМЕЮЩИМ НЕДОСТАТОЧНУЮ КВАЛИФИКАЦИЮ: СРАВНЕНИЕ ПО ОСНОВНЫМ КАТЕГОРИЯМ ИСПОЛНИТЕЛЕЙ В РОССИИ И ВЕЛИКОБРИТАНИИ. По столбцу - доля компаний, в которых соответствующей категории персонала в первую очередь следуют улучшать указанные навыки указана в % от числа компаний, сталкивающихся с квалификационным дефицитом соответствующей категории персонала

	Специалисты	Служащие	Квалифицированные рабочие	Неквалифицированные рабочие
РОССИЯ 2013				
общие навыки				
собственно профессиональные знания, навыки необходимые для работы на данном рабочем месте/должности	43	52	56	30
общеобразовательные навыки (грамматические, математические), общая культура	12	20	12	7
базовая компьютерная грамотность, навыки пользования программным обеспечением	29 ¹	24	18	11
поведенческие навыки				
работы с клиентами	41	25	18	9
командной работы, в коллективе, в группе	42	34	27	13
самостоятельного решения рабочих проблем, инициативность	59	28	32	14
планирования и организации своего рабочего времени	41	21	18	4
офисного администрирования	11	19	3	0
ответственность за порученную работу	42	46	29	49
умение переучиваться, осваивать новое	40	26	39	26
дисциплинированность, исполнительность	29	46	40	35
заинтересованность в работе на данном рабочем месте/должности	25	35	20	29
ВЕЛИКОБРИТАНИЯ 2011²				
общие навыки				
собственно профессиональные знания, навыки необходимые для работы на данном рабочем месте/должности	44	47	51	51
общеобразовательные навыки (грамматические, математические), общая культура	9	18	23	25
базовая компьютерная грамотность, навыки пользования программным обеспечением	9	22	19	13
поведенческие навыки				
работы с клиентами	37	34	18	45
командной работы, в коллективе, в группе	39	32	37	42
самостоятельного решения рабочих проблем, инициативность	29	34	31	35
планирования и организации своего рабочего времени	38	41	28	35
офисного администрирования	10	32	9	9

¹ В таблице фоном отмечены более востребованные в одной из стран, более «дефицитные» профессиональные качества, если сравнивать между Россией и Великобританией. «Жирным» шрифтом отмечены чаще всего отмечаемые как дефицитные для данной категории профессиональные качества.

² Report UK Commission's employer skills survey 2011: UK results, p. 80. <http://www.ukces.org.uk/assets/ukces/docs/publications/ukces-employer-skills-survey-11.pdf>.

характер запросов к компетенциям и навыкам ключевых исполнителей. На постсоветском пространстве такого рода квалификационные сдвиги будут расширяться и коснутся не только специалистов, но рабочих, как это происходило ранее в странах «старой» Европы, в США. Так, в опросе работников стран ЕС о характере труда выяснилось, что в процессе своей работы более 75% работников должны самостоятельно решать непредвиденные рабочие проблемы / задачи, от 70% работников требуется учиться, осваивать новое, более 65% работников наделены функцией самостоятельного выбора / смены методов работы, около 60% работников выполняют сложные рабочие задачи и только порядка 40% выполняют монотонные задания¹. Таким образом, в современных развитых экономиках от квалифицированных рабочих все чаще требуется решение сложных и непредвиденных задач в их повседневной работе, их работа все реже и реже включает простые, предсказуемые, шаблонные задания. И в дополнение работники должны мастерски адаптироваться к меняющимся технологиям и уметь овладевать большим объемом получаемой профессиональной информации.

Для России такой запрос пока менее характерен, но в будущем он мог бы стать более распространенным при условии, если российскими компаниями будет реализован модернизационный прорыв.

Характер квалификационных требований в компаниях в среднесрочной перспективе (на ближайшие 2-3 года)

Будут ли меняться, по мнению работодателей, квалификационные требования в среднесрочной перспективе, в ближайшие 2-3 года, в связи с возможными технологическими изменениями, сдвигами в организации труда? Какие навыки станут более востребованными в ближайшем будущем в исследуемых секторах?

Чаще прогнозируют изменения в требованиях к работникам в компаниях новационных отраслей. В 62% обследованных компаний связи и примерно в 60% компаний сферы услуг прогнозируют, что требования к квалификации и навыкам будут пересматриваться. Более консервативная технологическая и организационная среда в традиционных отраслях способствует закреплению/консервации требований к

профессиональной базе и навыкам работников. Лишь чуть более, чем на половине предприятий в промышленности, на транспорте и в строительных компаниях, как ожидается, будут меняться требования к профессиональным качествам работников.

В разных отраслях различны ожидания по набору профессиональных качеств, к которым будет предъявлять более высокие требования. В среднесрочной перспективе преимущественно в новационных отраслях исполнителю делегируется значительная самостоятельность при выполнении рабочих задач, и он должен быть способным настраиваться на меняющиеся, регулярно обновляющиеся технологии, самостоятельно решать рабочие задачи и организовывать свой труд, одновременно быть готовым выстраивать свои рабочие отношения в команде, с клиентом. В этой связи работодатели в этих отраслях предполагают, что будут еще более востребованы, в первую очередь, навыки работы с клиентами (в 29% компаний связи и в 28% компаниях сферы деловых услуг); навыки самостоятельных решений задач и инициативность (соответственно, 17% и 21%); а также умение осваивать новое (22% и 19%).

В традиционных отраслях изменения будут связаны с развитием тех навыков, которые необходимы для классического исполнителя, способного быстро адаптироваться в производственном процессе на базе компьютерных технологий. Следовательно, в традиционных отраслях в большей степени будет сохраняться акцент на развитии базовых навыков, в т.ч. профильных навыков и компьютерной грамотности, а также такого поведенческого навыка, как умение осваивать новое, быстро переучиваться. Также для компаний этих отраслей, особенно, строительства, остаются «в цене» традиционные поведенческие навыки — дисциплинированность и профессиональная ответственность.

Изменения требований к квалификации и профессиональным навыкам чаще прогнозируются в тех компаниях, где проводилась модернизация технологий, оборудования или собираются провести подобные мероприятия в ближайший год (52%). В 66% компаниях, где проводятся (будут проводиться) такие технологические и организационные обновления, прогнозируют, что в ближайшие 2-3 года также будут меняться и требования к профессиональной квалификации, профессиональным навыкам (табл. 3). И, в первую очередь, возрастет значимость таких навыков как умение переучиваться, осваивать новое (29%), а также на-

¹ *Sondergaard L., Murthi M. Skills, not just diplomas. Managing education for results in Eastern Europe and Central Asia./World Bank, 2012, p.20. http://siteresources.worldbank.org/ECAEXT/Resources/101411_FullReport.pdf.*

Таблица 3

ХАРАКТЕР ТРЕБОВАНИЙ К ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМ КАЧЕСТВАМ ОСНОВНЫХ ИСПОЛНИТЕЛЕЙ НА БЛИЖАЙШИЕ 2-3 ГОДА В ЗАВИСИМОСТИ ОТ СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ КОМПАНИЙ. Указан % по столбцу от числа компаний в группе

	Не проводили модернизацию и не собираются	Собираются модернизировать оборудование, технологии	Провели / собираются проводить модерцию оборудования и есть дефицит квалификации персонала
в ближайшие 2-3 года требования к профессиональным навыкам не изменятся	67	34	25
в ближайшие 2-3 года возрастут требования к...			
к общим навыкам и знаниям			
собственно профессиональным знаниям, навыкам необходимым для работы на данном рабочем месте/должности	13	30	41
базовой компьютерной грамотности, навыкам пользования программным обеспечением	8	26	29
общеобразовательным навыкам (грамматические, математические), общей культуре	1	2	4
к поведенческим навыкам			
умению переучиваться, осваивать новое	8	29	35
навыкам самостоятельного решения рабочих проблем, инициативности	7	19	26
навыкам работы с клиентами	9	18	21
навыкам планирования и организации своего времени, труда	2	12	17
навыкам командной работы, в коллективе, в группе	7	14	10
навыкам офисного администрирования	0	1	2
ответственности за порученную работу	6	12	15
желанию/интересу работать на данном рабочем месте/должности	5	8	7
затрудились с ответом	4	4	2

выки пользования программным обеспечением, компьютерными технологиями (26%) одновременно с возрастающими требованиями по профильным, узкоспециализированным знаниям (30%). Следующей по частоте упоминания выделилась группа «активных» поведенческих навыков, востребованность которых при переходе на современные технологии и формы организации труда очевидным образом возрастает. Это – коммуникативные навыки работы в группе (14%) и навыки работы с клиентами (18%), а также навыки самостоятельной работы (19%).

Интересно, что на предприятиях, вовлеченных в процесс модернизации, также указывают и на недостаток определенных профильных знаний у работников. Причиной этого называется не только краткий опыт работы на новом оборудовании, по новым технологиям, в рамках новых форм организации труда (47%), но и «ограниченность» базового профессионального образования – что еще раз свидетельствует о том, что для работника оно (образование) становится в

буквальном смысле «неподъемным багажом», а не инструментом для его свободной и своевременной адаптации к новшествам (41%).

Следует отметить, что те навыки, которые являются наиболее дефицитными сейчас, и в дальнейшем будут активно востребованы работодателями. И если технологии обучения этим навыкам не будут развиваться, в том числе в системе профессионального образования, квалификационный разрыв будет лишь усиливаться.

Представления работодателей о том, каким образом лучше обучать профессиональным поведенческим навыкам

Еще одна важная особенность квалификационного вопроса состоит в том, что наибольшие претензии российские работодатели предъявляют не столько к базовым профессиональным знаниям работников, сколько к неразвитости поведенческих навыков у работников. Каким образом приобретаются основные наиболее востребованные поведенческие навыки,

без которых в современных условиях работнику невозможно полноценно выполнять должностные, рабочие обязанности? (табл. 4)

«профессиональных знаний» или стандартные когнитивные навыки (математическая, компьютерная грамотность, др.).

Таблица 4

МНЕНИЯ РОССИЙСКИХ РАБОТОДАТЕЛЕЙ О ТОМ, ГДЕ ЛУЧШЕ ВСЕГО ФОРМИРУЮТСЯ ОСНОВНЫЕ ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ НАВЫКИ (в % от числа опрошенных по строке)

Лучше всего формируются...	Во время обучения на специальных курсах/семинарах	Во время работы под руководством наставника	Только с опытом самостоятельной работы	Затрудняюсь ответить
навыки командной работы, в группе, в коллективе	16	47	33	3
навыки планирования и организации своего времени, труда	13	41	44	2
навыки самостоятельного решения рабочих проблем, задач	3	30	60	3
навыки работы с клиентами	22	32	38	8

Примерно в одинаковой мере руководители российских компаний соглашались с тем, что лучше всего коммуникативные навыки командной работы и умение самостоятельно организовывать свое рабочее время формируются у сотрудника или во время работы под руководством наставника, или только с опытом самостоятельной работы. Довольно однозначно руководители высказались о способе приобретения работниками навыков самостоятельного решения рабочих проблем / задач: 60% руководителей считают, что в нынешних условиях эти навыки приобретаются работником только с опытом самостоятельной работы. А вот обучение поведенческим навыкам с помощью образовательных структур, на учебных курсах не рассматривается работодателями как наиболее эффективная форма совершенствования, «наращивания» необходимых навыков. В нынешних условиях неформальное обучение российских работников оказывается более эффективным, порой даже единственно возможным, при отсутствии таких программ обучения в рамках российской системы профессионального образования. Эксперты указывают, что в образовательной системе в России, как, впрочем, и в других странах постсоветского пространства, образовательные технологии направлены исключительно на передачу учащимся фактологического материала, но не на развитие у учащихся критического мышления, навыков самостоятельного решения профессиональных задач¹, других поведенческих навыков, которые на рынке труда ценятся даже выше, чем багаж

Несколько иной подход к технологиям обучения поведенческим навыкам существует в США и странах ЕС, например, в Великобритании. Среди работодателей в этих странах все чаще высказывается точка зрения, что в современной экономике, в рамках новых форм организации труда, в новой рабочей среде привычные неформальные формы обучения поведенческим навыкам являются уже недостаточными, и этим навыкам следует обучать в рамках системы профессионального образования, как по программам непрерывного образования взрослых, так и при получении профессионального образования молодежью².

О требованиях в современных компаниях к молодым специалистам, недавним выпускникам и оценке подготовленности их к работе в компаниях

В течение многих лет практически не меняются оценки качества профессиональной подготовки выпускников, которые выставляют им работодатели при найме на работу. Так, в 2013 году выпускники вузов получили от работодателей 3,7 по 5-балльной шкале, выпускники колледжей – 3,6, а выпускников ПТУ – 3,5 балла.

У работодателей в России и Великобритании довольно похожее мнение об уровне знаний и умений выпускниках вузов и колледжей, устраивающихся на работу в компании (рис. 3). В целом работодатели довольно редко ставят выпускникам вузов по качеству полученных

¹ *Sondergaard L, Murthi M. Skills, not just diplomas. Managing education for results in Eastern Europe and Central Asia.//World Bank, 2012, p. 5. http://siteresources.worldbank.org/ECAEXT/Resources/101411_FullReport.pdf*

² *Lynch, Lisa M. A Needs Analysis of Training Data: What do we want, what do we have, can we ever get it? NBER Conference on Research in Income and Wealth: Labor Statistics Measurement Issues. Ed. J. Haltiwanger, M. Manser and R. Topel. Chicago: University of Chicago Press, 1998. P. 407-409.*

профессиональных знаний неудовлетворительные оценки (т.е. «плохо подготовлены» по шкале британского опросника, или оценки ниже 3 баллов по 5-ти балльной шкале по российскому опроснику) (табл. 5).

Руководители британских и российских компаний, как правило, в целом удовлетворены имеющимися профессиональными знаниями, при этом как британские, так и российские работодатели несколько выше оценивают профессиональную подготовку выпускников вузов, выпускники колледжей относительно реже получали от работодателей высокие оценки (табл. 5).

Рисунок 3

ОЦЕНКА РАБОТОДАТЕЛЯМИ ВЫПУСКНИКОВ ВУЗОВ И КОЛЛЕДЖЕЙ, РОССИЯ, ВЕЛИКОБРИТАНИЯ. Горизонтальная ось – относительные баллы, вертикальная ось – доля (в %) компаний, где выставили определенную оценку-балл выпускникам) (график включен для наглядности, распределение ответов действительно дано в таблице ниже)

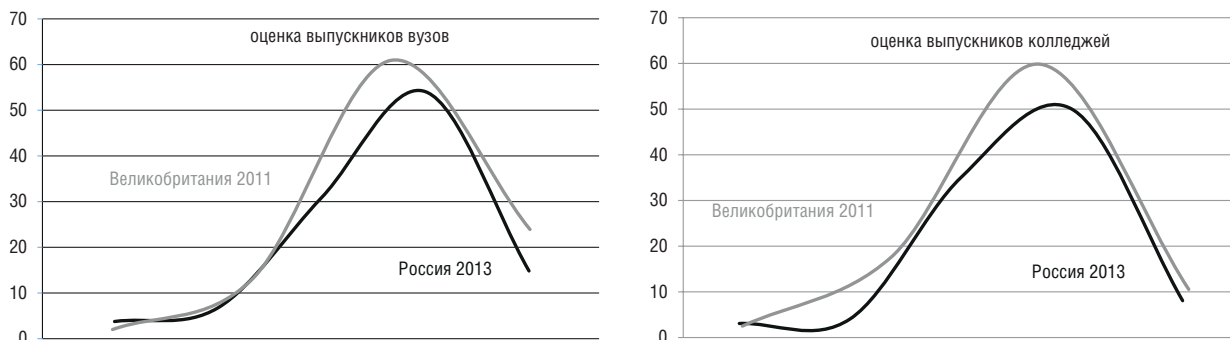

Таблица 5

ОЦЕНКИ РОССИЙСКИХ И БРИТАНСКИХ РАБОТОДАТЕЛЕЙ КАЧЕСТВА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ ВЫПУСКНИКОВ ВУЗОВ И КОЛЛЕДЖЕЙ

	выпускники вузов	выпускники колледжей
Уровень профессиональной подготовки... (Россия 2013)		
1 (низкий)	2	3
2	5	4
3	29	35
4	52	50
5 (высокая)	13	8
Насколько хорошо подготовлены к работе... (Великобритания 2011)		
очень плохо подготовлены	2	5
плохо подготовлены	12	19
хорошо подготовлены	59	60
очень хорошо подготовлены	23	13
затруднились с ответом	4	3

Но если студенты вузов, колледжей, как правило, получают некоторый необходимый набор теоретических знаний, то, что касается других навыков, необходимых выпускникам

для успешной адаптации на рабочем месте в компании, то к ним и у работодателей, и у экспертов оказывается больше претензий. Согласно докладу Мирового банка 2012, особенностью обучения в рамках российской системы профессионального образования остается передача «академических» теоретических знаний, заучивание фактов и недостаточное внимание к развитию навыков использования теоретических знаний для решения прикладных задач, навыков критического мышления, навыков поиска решения задач / проблем¹. Такая модель пока сохраняет наследие советской эпохи, когда развитие у студентов навыков критического мыш-

¹ *Sondergaard L, Murthi M. Skills, not just diplomas. Managing education for results in Eastern Europe and Central Asia.//World Bank, 2012, pp. 59-60* http://siteresources.worldbank.org/ECAEXT/Resources/101411_FullReport.pdf

ления, навыков самостоятельного поиска решения проблем из реальной среды, обучение по первоисточникам, а не по интерпретациям из учебников рассматривалось даже как опасное. В частности, по международным тестам PISA в 2006 году студенты из России не уступали в тестах по теории, но отставали в тестах на умение использовать знания, навыки мышления при решении сложных практических задач на примере реальных ситуаций. Эксперты признают, что российским студентам не хватает навыков более высокого порядка, их нужно учить не набору профильных теорий, а умению рассуждать, самостоятельно находить решения в сложных, нерутинных обстоятельствах, готовности осваивать новую информацию, которые и придают адаптируемость профессионального капитала работника к меняющейся технологической и организационной среде. Следует отметить, что недостаток подобных профессиональных навыков более высокого порядка отмечается не только у будущих молодых специалистов, но и у работников компаний (этот феномен детально описан в разделе о характере дефицита компетенций основных исполнителей в российских компаниях).

Работодатели довольно рационально относятся к профессиональной базе молодых специалистов, не выражают завышенных ожиданий и требований. Более приоритетными оказываются для работодателей обучаемость, адаптируемость на новом рабочем месте, высокая мотивированность на непрерывное обучение, преимущественно самостоятельное, и целеустремленность. В целом, способности к обучению недавних выпускников оцениваются работодателями выше (более 4 баллов), нежели уровень их профессиональной подготовки при приеме на работу.

К аналогичным выводам пришли и исследователи другого проекта Surejob, опрашивавшие руководителей кадровых служб компаний. Так, согласно данным этого опроса при найме молодого специалиста, во-первых, оценивают «личные компетенции и деловые качества» (74%), во-вторых, наличие минимального профессионального опыта (45%). А вот уровень и качество образования при отборе молодых специалистов на вакантное место, в первую очередь, учитывали бы лишь 34% руководителей кадровых служб. Под важными «личными компетенциями», необходимыми недавним выпускникам, подразумевались мотивированность, целеустремленность (62%), организованность, умение планировать время (44%), ори-

ентация на развитие, самообразование (39%), умение работать в команде (28%). Опыт работы молодого специалиста по специальности важен для работодателей, в том числе приветствуется участие в программах стажировки в различных компаниях (его учитывали при оценке молодого специалиста 28%).

В целом следует отметить, что работодатели и для опытных, и для молодых специалистов называют похожие профессиональные качества и навыки, в том числе поведенческие, которые следует улучшить работникам, и спрос на которые со стороны работодателей будет сохраняться: ответственность, умение учиться, обрабатывать и использовать информацию, самостоятельно решать задачи, организовывать свою работу и планировать время, а также навыки коммуникации в коллективе и с клиентами.

Какова же реальная «программа» действий, реализуемых российскими работодателями по квалификационным вопросам? В компаниях, где квалификация основных исполнителей оказалась ниже требуемой, чаще всего пытаются восполнить квалификационный дефицит путем обучения своих работников (около 70%). Лишь каждая пятая компания решает «квалификационный» вопрос путем замены малоквалифицированных новыми сотрудниками.

В России проблему разрыва навыков, полученных работниками в вузах и колледжах и требуемых от них компаниями, не стоит рассматривать односторонне, как проблему недостаточной гибкости образовательной системы в условиях современного рынка труда. Ранее, при сравнении запросов работодателей к вновь принятым работникам в Великобритании и в Польше, исследователи обратили внимание, что в польских компаниях ожидают от недавних выпускников наличия углубленных узкоспециализированных профессиональных навыков, а британские работодатели предпочитали выпускников, имеющих профессиональную подготовку с хорошими базовыми навыками и необязательно с развитыми узкоспециализированными навыками. Ожидания польских руководителей завышены, и они вынуждены будут рано или поздно адаптировать свои требования к молодым специалистам, и взять на себя более активную роль и большую ответственность по финансированию и обеспечению профессионального обучения работников, как это уже происходит в Великобритании¹. Пред-

¹ *Sondergaard L, Murthi M. Skills, not just diplomas. Managing education for results in Eastern Europe and Central Asia.//World Bank, 2012, p. 41. <http://>*

положение, что рано или поздно работодателям придется все более активно участвовать в развитии системы основного (высшего, среднего) профессионального образования, оказывается актуальным для всех стран постсоветского пространства, в том числе и в России. Адекватное развитие технологий, обучающих «дефицитным» профильным специфическим знаниям и поведенческим навыкам, возможно только при финансовом и, что не менее важно, организационном участии работодателей.

Проблема существующего в России дефицита квалификации (разрыва между имеющейся квалификацией у работников компаний и требуемой работодателями) не ограничивается претензиями к системе формального профессионального образования, но также связана с недостаточной вовлеченностью населения в

siteresources.worldbank.org/ECAEXT/Resources/101411_FullReport.pdf

практику непрерывного профессионального образования. Если сравнивать с опытом других европейских стран, то за весь постсоветский период России нельзя отметить значительного прогресса в развитии компаниями непрерывного профессионального образования для работающих. Развитие этого направления/сектора в российском образовании – центральный вопрос, если основным курсом стран выбрана модернизация и экономический рост. Ведь для стран, сталкивающихся с демографическим спадом (в том числе для России), должна существенно вырасти производительность «сжимающихся» трудовых ресурсов, а это возможно только в случае «наращивания» профессиональных навыков взрослого населения. В этом свете игнорировать необходимость развития непрерывного образования для взрослых уже невозможно.

Петр БИЗЮКОВ

Трудовые отношения россиян и мигрантов: существуют ли различия?

Вопрос о мигрантах стал одним из самых горячих в стране. Облавы на нелегалов, создание летом 2013 г. некоего подобия фильтрационного лагеря в одном из московских районов, требования введения визового режима, волнения в Бирюлево, рост ксенофобии и т.п. Все это требует всестороннего и пристального рассмотрения проблемы мигрантов. И начинать рассматривать ее следует именно со стороны экономики — ведь иностранные работники приехали в Россию для того, чтобы заработать. Страна им интересна прежде всего как источник заработка. Но увеличение количества мигрантов показывает, что и они представляют определенную ценность для страны и для экономики. То, что мигранты нарушают местные обычаи и традиции, становятся дополнительным источником криминальной активности, порождают коррупцию и т.п. — все это, если и имеет место, то является вторичным по отношению к главному. Мигранты это, прежде всего, работники, которые ищут и находят для себя именно такой вариант реализации, а не в каком-то ином качестве, например, предпринимателей. Для этого им необходимо включиться в *систему социально-трудовых отношений*, под которой понимается совокупность взаимодействий между работниками и работодателями, направленных на определение способов участия работников в производстве экономических благ, их распределение между работниками и работодателями, а также регулирование самих взаимодействий. Работники и работодатели — не единственные акторы, действующие в пространстве социально-трудовых отношений. Во-первых, они сами могут действовать и как единичные субъекты, и как ассоциированные, объединенные в формальные (профсоюзы, организации работодателей) или в неформальные союзы. Во-вторых, важнейшими акторами социально-трудовых отношений является государство и местные власти. Их роль заключается в том, что они определяют нормативные границы допустимых трудовых отношений. Делается это с помощью трудового законодательства, в котором закрепляются

правила, границы и нормы, в которых должны действовать остальные участники. В-третьих, активными, хотя и второстепенными акторами являются общественно-политические организации, местные сообщества, члены семей работников и др.

В данной статье будет сделана попытка сравнения трудовых отношений, в которых участвуют российские и иностранные работники. *Содержание трудовых отношений* раскрывается через практики взаимодействий, которые реализуются на предприятиях и в организациях в ходе производственного процесса и соответствующей ему трудовой деятельности. Трудовые отношения организованы в систему, где разные виды взаимодействий и практик взаимно обуславливаются. Например, процедура приема работника подразумевает целый набор взаимодействий, направленных на то, чтобы выявить, подходит ли работник данному работодателю, и наоборот, насколько предлагаемая работа и условия ее выполнения годятся для работника. Затем, в случае обоюдного согласия определенным образом (формально, полужформально, неформально) заключается договор или соглашение, и стороны переходят к следующему набору взаимодействий. Теперь работник должен выполнять деятельность, о которой они договорились, здесь решаются вопросы снабжения материалами и инструментами, продолжительности пребывания на работе, контроля и санкций за плохую (или поощрениями за хорошую) работу и т.п., вплоть до последнего набора взаимодействий, связанных с расторжением или прекращением сотрудничества по причинам неудовлетворенности или исчерпания работы.

Прежде всего, это взаимодействия, связанные с *включением работника в систему трудовых отношений и выключением из нее*. Это правила приема и увольнения, правила перемещения работников с одного рабочего места на другое, а также участия в дополнительных работах. Следующий аспект связан со *статусом работника*, который определяется набором его трудовых функций, наличием прав, полномочий, обязан-

ностей и ответственности и их соотношением, местом в системе горизонтальных и вертикальных отношений. Отдельным видом трудовых отношений и соответствующих им практик является набор параметров, регулирующих **пребывание на рабочем месте** (продолжительность, условия, характер деятельности и т.п.), или то, что чаще всего называется условиями труда.

Важнейшей частью трудовых отношений, безусловно, является подсистема, связанная с **распределением дохода** между работником и работодателем как в денежной, так и в недежной форме. Это вопросы оплаты труда, величины премий и штрафов, системы оплаты и премирования, доплат, компенсаций и т.п. Особое внимание должно уделяться набору взаимодействий, связанных с обеспечением так называемого **соцпакета**, т.е. дополнительных благ и льгот, которые работодатель обеспечивает работникам помимо заработной платы.

Наконец, современную систему трудовых отношений нельзя рассматривать, не учитывая совокупности взаимодействия основных акторов по поводу **регуляции** самой этой системы. Современные организации и предприятия весьма динамичны и изменчивы, мало того, они находятся в условиях не менее динамично меняющейся макросреды, и трудовые отношения должны находиться в процессе постоянного изменения, а значит и регулирования.

Перечисленные аспекты трудовых отношений не являются исчерпывающими. Например, сюда же можно отнести все, что связано с **обучением**, с **особыми режимами включенности работников** в трудовой процесс (работники вредных производств, особые категории – женщины, инвалиды и т.п.).

В целом трудовые отношения следует рассматривать как систему, которая **конфигурируется на каждом рабочем месте** и, в общем-то, каждое рабочее место – это уникальное сочетание отношений по поводу:

- способа включения и выключения (в том числе временного) работника в систему трудовых отношений с данным работодателем;
- статуса работника (наличие прав и обязанностей и их соотношение) в пространстве социально-трудовых отношений, отношений управления-подчинения;
- распределения дохода между работником и работодателем как в денежной, так и в недежной форме;
- параметров пребывания на рабочем месте (продолжительность, условия, характер деятельности и т.п.);

– способов изменения и регулирования как всей системы трудовых отношений на данном рабочем месте, так и отдельных аспектов;

– и др.

Важным аспектом обсуждения проблемы мигрантов на российском рынке труда является одна особенность, которая, якобы, определяет ситуацию. Речь идет о декларации того факта, что в экономике существует определенное количество рабочих мест, которые предусматривают только тяжелый, малооплачиваемый, грязный и т.п. труд. Признание этого обуславливает последующее обоснование необходимости соответствующих работников, которые должны занимать эти рабочие места. Далее, как правило, следует рассуждение о том, что российские работники не желают занимать подобные места, и их необходимо заполнить иностранными работниками, т.е. мигрантами.

Некоторые эксперты и политики однозначно заявляют о том, что мигранты жизненно нужны российской экономике¹. Иногда есть еще желающие дополнить эту мысль пассажирами о том, что россияне ленивы, избалованы ростом зарплат, не желают трудиться и т.п. Иное дело работники-мигранты. Их называют избалованными, трудолюбивыми добросовестными, готовыми работать за лишнюю копейку, не считаясь со временем и усилиями. Они видятся как идеальные работники, готовые на все ради заработка. Но есть и рассуждения о том, что российским работникам невыгодно трудиться на подобных рабочих местах², так как вознаграждение, которое предусмотрено на таких работах, не покрывает реальных жизненных издержек местных жителей. Здесь указывается, что готовность мигрантов работать подобным образом обусловлена тем, что их запросы невысоки, а издержки жизни в России минимизированы. Та низкая, по меркам России, зарплата, которую они здесь получают, превышает возможности их заработка на родине. Ради нее они готовы жить в дешевых, мало приспособленных для жизни жилищах, у большинства из них здесь нет семей, они не обустроивают свой быт, экономят буквально на всем.

В общем, и те, и другие согласны с фактом – есть «плохие» рабочие места, и их занимают мигранты. А далее уже выстраивается целая система аргументов и обоснований по

¹ Например, С. Алексашенко, который довольно часто в своих выступлениях высказывает эту мысль. См., например, здесь <http://echo.msk.ru/programs/personalno/1177896-echo/>.

² См. Ю. Латынина «Вытеснение граждан рабами», «Газета.ру», 24.08.2012. <http://www.gazeta.ru/column/latynina/4736785.shtml>.

поводу того, что раз такие места не хотят занимать местные работники, то их должны занять те, кто на это согласен, например, мигранты. И здесь не важно, что одни говорят о лени и инертности российских работников, а другие, с долей сочувствия, говорят о том, что российским работникам невыгодно работать на подобных местах, так у них больше расходов, чем у мигрантов. При том, что обе позиции имеют под собой определенные основания, стоит признать, подобный подход, скорее, маскирует реальную проблему, суть которой заключается в том, что **«плохие» рабочие места не появляются сами собой, они формируются определенными акторами, а именно работодателями.**

Традиционно проблема мигрантов рассматривается с точки зрения описания наиболее общих и измеряемых количественных показателей, таких как пол, возраст, образование и т.п.¹, либо с чисто экономических позиций, описывается их место в среде, которая называется рынком труда в России². Однако, признавая необходимость таких подходов, нельзя не отметить, что они мало что объясняют ни с точки зрения возникновения ситуации, ни с точки зрения ее изменения. По сути, рассматривая положение и роль мигрантов на рынке труда, пользуясь данными об их количестве и связывая их с ограниченным набором личностных данных, можно зафиксировать только статичную ситуацию, сделать один или несколько «снимков состояния». Авторам не остается ничего иного, как признать, что явление существует, определить некоторые его количественные параметры. Но на этом изучение проблемы останавливается. Применительно к проблеме мигрантов не удается показать, как присутствие мигрантов с имеющимся у них набором характеристик влияет на предприятия, где они работают, и на экономику в целом. Невозможно оценить, как они влияют на систему отношений в обществе, каковы последствия их присутствия. Поэтому не случайно итогом рассмотрения чаще всего является констатация существования самого явления или его особенностей — «...неформальная занятость по найму и российских, и иностранных работников сконцентрирована в сегменте низкоквалифи-

1 Варшавская Е.Я. Российские и иностранные работники: особенности неформального найма в сб. Трудовые отношения: состояние и тенденции развития в России: сб. науч. ст. / ред. кол.: В.А. Ядов (отв. ред.) [и др.]. — Самара: Изд-во «Самарский университет», 2013.

2 Чернина Е.М., Локшин М.М. Мигранты на российском рынке труда: портрет и заработная плата : препринт WP3/2012/08 [Текст] / Е. М. Чернина, М.М.Локшин; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2012.

цированных рабочих мест и имеет выраженную строительно-торговую отраслевую специфику... есть основания говорить о формировании определенного сегмента рынка труда, работающие в котором имеют высокие риски неоформленного (бесконтрактного) найма»³.

Еще раз, повторяя мысль о том, что изучение количественных параметров миграции, является крайне необходимым, надо подчеркнуть, что таких исследований недостаточно для однозначной оценки столь сложного явления, которое выходит за пределы экономики и имеет еще и довольно ярко выраженную социальную природу. На это указывают инциденты с участием мигрантов и протесты местного населения, направленные против них, которые состоялись в последние годы.

Для более полного рассмотрения проблемы мигрантов, их роли в экономике и в обществе более целесообразным представляется подход, основанный не столько на изучении характеристик «участников рынка труда», сколько **на исследовании совокупности отношений**, в которые включены различные его акторы. Речь идет, прежде всего, о трудовых отношениях, структура которых рассматривалась выше.

Однако прежде чем перейти к изложению результатов исследования, следует сделать еще несколько замечаний. Трудовые отношения не задаются априорно, они конструируются определенным образом, и диапазон их изменения может быть весьма широк. Говоря о конструировании трудовых отношений нельзя не сказать о **нормативности**, которая здесь обязательно присутствует. Главным источником нормативов, определяющих, что приемлемо, допустимо и запрещено в пространстве трудовых отношений, является закон, который выполняет рамочные функции. Конструирование трудовых отношений работниками и работодателями должно происходить в рамках закона. Причем, эти рамки сами являются итогом конструирования, которое выполняется в рамках законодательного процесса. Например, меняя в 2000-х годах законодательство о забастовках, правительство запретило их на транспорте, в учреждениях здравоохранения, образования и т.п. Тем самым «рамка» закона была сдвинута в сторону уменьшения возможностей для работников отраслей, в которых заняты миллионы. Законодательно разрешенное пространство социально-трудовых отношений сузилось, и целый ряд действий, которые ранее считались допустимыми, оказались в числе незаконных.

³ Варшавская Е.Я., там же стр. 181.

Таким образом, нормативность трудового законодательства не является стабильной, она подвержена изменениям, порой весьма значительным¹.

Но, несмотря на значимую роль закона, основными акторами, формирующими трудовые отношения, являются работники и работодатели, как индивидуальные, так и ассоциированные. Многообразие их взаимодействий во многом определяется степенью их *субъектности*, т.е. способностью действовать в пространстве социально-трудовых отношений. Как субъект, способный осознавать, продвигать, отстаивать свои интересы и в соответствии с ними менять поведение других акторов, трансформирует таким образом само социальное пространство. Нормальным с точки зрения современного социального развития общества считается равенство прав работников и работодателей, предоставляющее им возможность в равной степени влиять на формирование трудовых отношений. Но реальные практики далеко не всегда соответствуют этому идеалу. В частности, в России, где трудовое законодательство декларирует необходимость социального партнерства и равенства участников трудовых отношений, наблюдается распространение неформальных практик, главная особенность которых заключается в том, что в таких отношениях преобладает диктат работодателя². Там, где отношения оформлены в соответствии с требованиями закона, наблюдается меньше произвола, там у работников больше возможностей влиять на состояние и качество рабочих мест и трудовых отношений.

¹ В качестве примера, иллюстрирующего то, как происходит процесс изменения трудового законодательства можно использовать ситуацию с попыткой законодательного запрещения заемного труда, т.е. труда через кадровые агентства. Такой вид трудовых отношений, который относится к трехсторонним трудовым отношениям (работник, агентство-наниматель, работодатель-пользователь рабочей силы) запрещен российским законодательством. Разрешенным является только двухсторонний тип отношений (работник – работодатель). В середине 2000-х годов представители кадровых служб разработали законопроект, узаконивающий заемный труд и трехсторонние трудовые отношения. Четыре года назад профсоюзными депутатами был внесен альтернативный законопроект, который однозначно запрещал заемный труд. Однако за четыре года закон так и не был принят. Против такой редакции закона выступило бизнес-сообщество, и последняя его редакция (2013 г.) выглядит как весьма непонятный компромисс. Заемный труд запрещается, но в некоторых случаях допускается. Этот пример показывает, как различные акторы пытаются изменить рамки приемлемого в сфере социально-трудовых отношений, как непросто формируется нормативность трудовых отношений.

² *Бизюков П.* «Неустойчивая занятость как форма деградации трудовых отношений», Вестник общественного мнения 2013 г. № 1 (114).

Все это позволяет утверждать, что в современной России *доминирующим актором, формирующим трудовые отношения на конкретных рабочих местах, на предприятиях и в организациях, а, следовательно, и в целом по стране, является работодатель*. Именно от него зависит, каким будет рабочее место – высоко- или низкооплачиваемым, «чистым» или «грязным» и т.п. Произвольные подходы к оплате труда позволяют оплачивать одни и те же трудовые позиции по-разному, все зависит от того, где например, работает уборщица – в центральном офисе крупной монополии или в бюджетной организации провинциального городка. Если работодатель не вкладывает деньги в охрану труда, в новую технику и технологию, то рабочие места будут «вредными», «грязными» и «тяжелыми», и наоборот, эти же места могут стать нормальными и даже комфортными, если там работают на современной технике, летом включены кондиционеры, а зимой – обогреватели. Разумеется, речь идет о возможных и разумных улучшениях. Ведь если нормализация ситуации невозможна по тем или иным причинам, то различные неблагоприятные условия могут быть компенсированы деньгами (повышенная оплата, компенсации) или неденежными благами (сокращение рабочего времени, страхование, дополнительное питание и т.п.).

Исследование, о котором пойдет речь, было посвящено сравнительному анализу трудовых отношений российских и иностранных работников (мигрантов, гастарбайтеров). Оно было проведено в 2013 г. сотрудниками Центра социально-трудовых прав (ЦСТП) и Центра этнополитических и региональных исследований (ЦЭПРИ) и включало два этапа. Первым этапом стало качественное исследование, в ходе которого была проведена серия интервью и фокус-групп с российскими и иностранными работниками, интервью с работодателями, с представителями профсоюзов, правозащитников, занимающихся мигрантской тематикой. Качественное исследование, проведенное в четырех регионах (Санкт-Петербург и область, Москва и область, Самара, Астрахань), предшествовало количественному опросу, который был проведен в 22-х регионах России. Всего было опрошено 755 российских работников и 755 мигрантов. Основанием для отбора региона послужили данные о количестве иностранных работников, занятых на местном рынке труда, что позволило рассчитать соответствующие квоты для этих регионов. Количество

иностранцев в данном регионе определяло и количество опрошенных российских работников. В основном опрашивались российские и иностранные работники, трудящиеся на одном предприятии (в организации), иногда это были работники смежных (сходных профессий). Для исследования было принципиально, чтобы опрашивались люди, которые работают рядом, в непосредственном контакте. Среди российских работников, которые попали в выборку, 84% имели ежедневный контакт с работниками мигрантами, а 16% контактировали с ними один-два раза в неделю. Таким образом достигалась высокая информированность о мигрантах, о взаимоотношениях с ними. Респонденты имели возможность судить друг о друге не на основе слухов и мифов, а на основе своего повседневного опыта и постоянных взаимодействий.

1. Портрет российских и иностранных работников. Для понимания ситуации с трудовыми отношениями, в которые включены российские и иностранные работники, необходимо описать несколько наиболее общих социальных характеристик. Прежде всего отметим, что большинство опрошенных и в той, и в другой группе – мужчины (71% среди россиян и 80% среди мигрантов). Такое гендерное смещение объясняется тем, что среди мигрантов, безусловно, преобладают мужчины, приехавшие на заработки. Соответственно, при опросе российских работников необходимо было это учитывать и опрашивать таких же респондентов для полноценного сравнения.

Иностранные работники моложе – их средний возраст составляет 33 года, в то время, как средний возраст россиян – почти 37 лет. Среди мигрантов почти нет людей старше 50 лет (3%), среди россиян их доля составляет 11%. Семейное положение опрошенных одинаково – около двух третей и тех и других имеют супругов. А вот доля тех, кто имеет детей до 16 лет, немногим выше среди мигрантов – 55%, среди россиян – 48%.

Уровень образования россиян ожидаемо выше. Только 21% российских работников имеет образование на уровне средней школы, а еще 1% не закончил ее. Среди мигрантов эти показатели соответственно – 47% и 4%. Среди россиян самая многочисленная группа это те, кто получил профессиональное образование в техникуме, колледже или училище – 53%. Среди мигрантов доля имеющих такое образование – 39%.

Большинство иностранцев – это горожане, приехавшие на заработки из нестоличных городов – 58%, а 27% приехавших – это выходцы из сельской местности. Но и россиян нельзя в полной мере назвать местным населением. 69% из них – это действительно те, кто живет и работает в одном городе, а 27% – это те, кто приехал на заработки из других городов и регионов страны. Это так называемые внутренние мигранты, которые тоже обладают определенными особенностями.

Опрошенные работают главным образом в сфере торговли и сервиса (треть и тех, и других), в строительстве (25% россиян и 27% мигрантов), в сфере ЖКХ и персональных услуг (17% россиян и 18% мигрантов), на промышленных предприятиях (по 7%), на транспорте (по 5%).

Таким образом, обобщенный портрет мигрантов и работающих рядом с ними российских работников выглядит следующим образом. Работник-иностранец – чаще всего это мужчина, молодой или средних лет, имеющий семью с ребенком. У него невысокий уровень образования и он работает, главным образом, в отраслях, где востребован малоквалифицированный труд. Российские работники, в соответствии с поставленной задачей, заняты в тех же самых отраслях. Главными отличиями от их коллег мигрантов является то, что российские работники постарше и у них выше уровень образования. В остальном они мало чем отличаются, и это дает основания считать, что для сравнения выбраны достаточно однородные группы.

2. Включение в систему трудовых отношений – важный аспект трудовых отношений, который определяет место работника в социальном пространстве. *Статус работника, который он приобретает, включившись в систему, определяется тем, на каких условиях он вошел в нее; какими правами он обладает; какая ответственность на него возложена; каковы условия сохранения статуса работника и в каких случаях этот статус теряется.*

Сравнение процедур получения статуса работника показывает, что россиянам это сделать намного проще. Российскому работнику для официального трудоустройства нужно предъявить паспорт и трудовую книжку. Работодатель, если он хочет принять такого работника, выпускает приказ о приеме на работу и оформляет трудовой договор. У иностранца ситуация намного сложнее. Ему нужно не только иметь разрешение на работу, но еще оформить право

пребывания на территории страны (встать на миграционный учет). Обе эти процедуры могут быть реализованы самим работником – и тогда его ждет непростой, небыстрый, а порой и дорогостоящий путь оформления необходимых разрешений. Но это же может сделать и работодатель, который принимает работников-иностранцев. Правда, в этом случае мигранты могут столкнуться с недобросовестностью, так как известны случаи, когда работодатель уверял работников, что он все оформил, и даже брал деньги за оформление, но никакого оформления не производилось и документов о законности пребывания в стране и разрешений на работу люди не получали и даже не видели. Довольно распространенным является случай оформления так называемого «патента», который приобретается для оказания услуг частным лицам. Это недорогой и несложно оформляемый документ, но он не дает права работать на предприятиях и в организациях. Патент позволяет мигранту пройти проверку документов на улице, но если человек работает на предприятии, это нельзя считать легальной формой разрешения на работу. В общем, получение легального статуса для мигранта это непростая процедура, и среди опрошенных работников иностранцев 41% не имеет легального статуса, т.е. относятся к числу нелегалов.

Оценивая процедуру включения в систему трудовых отношений, нужно учитывать еще и неформальные аспекты, способные оказывать влияние на будущий статус работника. Например, особенностью *родственно-знакомственного найма* является наличие особых договоренностей, регламентирующих поведение будущего работника. Человек, выступающий рекомендателем в отношении кого-то, дает работодателю определенные гарантии относительно того, что его протеже будет вести себя «правильно» во всех смыслах – от «хорошо работать» до «никаких скандалов». Работник, устроенный по протекции, должен не просто соблюдать условия официального договора, он еще не должен «подставлять» того, кто его сюда устроил. А вот самостоятельное трудоустройство избавляет работника от необходимости обуславливать свое будущее поведение какими-то дополнительными обязательствами. Его ответственность ограничивается только теми обязательствами, которые он на себя взял при трудоустройстве и это, безусловно, более свободная позиция.

Данные опроса показывают, что *мигранты чаще пользуются каналом родственно-знаком-*

ственного найма, чем россияне. Разница составляет 20%, и именно на эту же величину доля самостоятельно трудоустраиваемых россиян больше. Уже на этой стадии формируется менее свободное и более зависимое положение работников-мигрантов.

Но, разумеется, решающее влияние на их статус оказывает то, что значительная часть мигрантов *не имеет легального статуса.* Работник-нелегал просто не может быть независимым – для него количество угроз и рисков возрастает многократно, диапазон допустимого, с точки зрения работодателя, поведения сужается до полного и безоговорочного подчинения. Малейшее отклонение от того, что считается нормой, и работник теряет свое место, не имея никаких возможностей воспротивиться увольнению или оспорить его.

Следующая проблема, связанная со статусом работников, возникает вместе с оформлением договоренности о найме. Роль официальных трудовых договоров, в случае их существования, чаще всего невелика, а подчас – ничтожна. Россияне в большинстве своем имеют трудовой договор (77%) и трудовую книжку по месту работы (62%). Среди мигрантов картина иная – только 54% из них имеют договор, и 23% – трудовую книжку на рабочем месте. Их статус в пространстве трудовых отношений гораздо чаще определяется неформальными договоренностями, которые сформированы работодателем.

Таким образом, условия вхождения для работников-мигрантов таковы, что уже на этой стадии они попадают в большую зависимость, чем их коллеги россияне. Им намного труднее включиться в систему трудовых отношений, они обременены большим количеством условий и зависимостей. Если мигранты попытаются трудоустроиться легально, то им потребуются оформить больше документов, пройти больше разрешительных процедур и т.п. Мало того, как легальные работники они могут просто оказаться ненужными работодателям, которые изначально нацелены на «дешевых работников». *«Естественно, мне они так [официально оформленные] невыгодны. Если я 40% за них плачу, зачем мне тогда они нужны. Я могу наших за такие же, [деньги] найти» (Санкт-Петербург, работодатель).*

Нельзя сказать, что российские работники избавлены от неформальных отношений и обременений на этапе найма. Но для россиянина легче войти в систему трудовых отношений, его труднее выключить из нее без веских основа-

ний, и для него цена потери работы выглядит меньшей, чем для мигранта.

3. Рабочее время отражает временной аспект *пребывания человека в пространстве социально-трудовых отношений*. Этот параметр регламентирован законодательством и его можно оценивать, не только сравнивая реально отработанное рабочее время различными группами работников, но и сравнивая эти группы с нормами рабочего времени, предписанными законом¹. При этом сравнение необходимо проводить еще и с учетом тех позиций, которые занимают работники. Это нужно делать для того, чтобы была возможность сравнивать группы, находящиеся в сходных условиях. Ведь, например, ситуация на большом предприятии, где, как правило, соблюдаются требования законов, регламентов, отличается от той, в которой находятся работники малых предприятий, где официальные требования соблюдаются не столь строго. То же самое относится и к тем отраслям, в которых из-за технологических особенностей деятельности могут действовать иные, разрешенные законом, режимы рабочего времени². Ну и, разумеется, необходимо учитывать профессионально-квалификационные различия, которые накладывают отпечаток на продолжительность рабочего времени различных групп работников.

В ходе исследования респонденты указывали обычную продолжительность рабочего дня и количество рабочих дней в неделю. Несложные расчеты позволяют получить данные о количестве рабочих часов в месяц³ для российских и иностранных работников (см. табл.1).

И российские, и иностранные работники работают больше норматива (на 25% и 42% соответственно). Только 39% россиян работают 160 или меньше часов в месяц, среди мигрантов доля тех, кто имеет нормальную или меньшую продолжительность – 20%. Продолжительность рабочего времени у мигрантов всегда больше. Причем, больше всего работает самая массовая

мигрантская категория – неквалифицированные работники. Продолжительность их рабочего времени на 20% выше, чем у россиян, занимающих аналогичную позицию.

Интересная картина наблюдается в отношении работников, занятых на предприятиях разной величины. Минимальные различия между россиянами и мигрантами наблюдаются на микропредприятиях с численностью до 10 человек. Они работают там с превышением нормальной продолжительности почти в 1,5 раза (45%), в то время как переработки россиян превышают положенное время на 1/3. Таким образом, на микропредприятиях и у российских, и у иностранных работников продолжительность рабочего времени намного больше, чем положено по закону, но мигранты эксплуатируются больше. А дальше наблюдается интересная тенденция – чем больше размер предприятия, тем меньше перерабатывают россияне, и почти неизменный размер переработок у мигрантов. Такое различие может быть объяснено тем, что по мере увеличения предприятия там увеличивается необходимость соблюдения закона, и в отношении российских работников приходится больше соблюдать требования о продолжительности рабочего времени. Правда, в эту тенденцию не вписываются данные о предприятиях с численностью больше 250 человек. Там рабочее время и у россиян, и у мигрантов больше, почти такое же, как на уровне микропредприятий (206 и 240 часов соответственно). Объяснение ситуации довольно простое. Крупные предприятия используют не только труд иностранных работников, но и внутренних мигрантов, т.е. российских граждан, приехавших на заработки из других городов. На малые и средние предприятия такие работники почти не приезжают. Продолжительность работы внутренних мигрантов составляет 242 часа в месяц. При этом их доля среди тех, кто работает на средних и крупных предприятиях достаточно велика и составляет 37%. Иными словами, скачок продолжительности рабочего времени у россиян на таких предприятиях объясняется использованием труда внутренних мигрантов, которые работают столько же, сколько и иностранцы.

Сравнение рабочего времени по отраслям тоже показывает, что и россияне, и иностранцы работают больше, чем положено по закону, но мигранты работают больше, чем россияне, причем в некоторых случаях намного.

Анализируя рабочее время, нельзя забывать, что речь идет о параметре, изменение которого не носит линейного характера. Ра-

¹ Трудовой кодекс (ТК) РФ устанавливает в качестве нормальной продолжительности рабочего времени 40 часов в неделю или 160 часов в месяц. Именно эта продолжительность рассматривается здесь как нормальная.

² Технологические регламенты, особенности организации производства могут быть таковы, что традиционные восьмичасовые временные режимы при пятидневной рабочей неделе не могут исполняться. В таких случаях применяется так называемый суммированный учет рабочего времени (ТК РФ, статья 104), т.е. продолжительность смены может быть больше нормальной, но в итоге (за месяц, квартал и др. периоды, но не больше года) продолжительность рабочего времени не может превышать нормального числа рабочих часов.

³ Предполагается, что работник трудится 4 недели в месяц.

Таблица 1

ДАнные о количестве рабочих часов в месяце у российских и иностранных работников

	Россияне		Мигранты		Мигранты/ Россияне (%)
	Реальная продолжи- тельность (час/мес.)	Реальная продолжи- тельность/ норма (%)	Реальная продолжи- тельность (час/мес.)	Реальная продолжи- тельность/ норма (%)	
В целом	199,5	125	227,3	142	113
Группы по ISCO ¹¹					
Руководители, специалисты высшей и средней квалификации, офисные работники	183,9	114	208,7	130	113
Квалифицированные работники обслуживания, ЖКХ и торговли	217,6	136	241,4	151	110
Квалифицированные рабочие	199,5	124	228,5	143	114
Операторы машин и механизмов	204,9	128	231,0	144	112
Неквалифицированные рабочие	186,2	116	221,1	138	119
Численность работающих на предприятии					
До 10 чел.	215,2	135	232,5	145	108
10-19 чел	202,4	127	221,6	139	109
20-49 чел.	189,9	119	229,5	143	121
50-249 чел.	188,1	118	217,9	136	116
250 и более	206,5	129	240,5	150	117
Отрасли					
Промышленность	170,2	106	192,6	120	113
Строительство	210,9	132	237,2	148	113
Торговля, ремонт	215,6	135	235,7	147	109
Транспорт и связь	198,4	124	245,9	154	139
Коммунальные и персональные услуги	176,4	110	206,5	129	117
Приходится ли Вам работать сверхурочно?					
Нет, никогда	191,8	119	222,1	139	116
Иногда, один-два раза в месяц	192,4	120	219,7	137	114
Часто, один-два раза в неделю	217,9	136	227,1	142	104
Практически каждый день	264,0	165	286,2	179	108
Затрудняюсь ответить	200,0	125	258,2	161	129

бочий час в начале рабочего дня и в его конце не равнозначны. Чем больше времени человек отработал, тем больше у него накапливается усталость, как физическая, так и психологическая. И каждый час вне нормальной продолжительности рабочего времени требует больше усилий, и соответственно, больших затрат, чем такой же час но в пределах нормальной продолжительности рабочего времени.

Оценивая ситуацию с рабочим временем, нужно учитывать еще и то, как ее воспринима-

ют сами работники. Ведь, судя по ответам, существование переработок воспринимается как нечто нормальное не только теми, кто определяет продолжительность рабочего дня, т.е. работодателями, но и самими работниками. Смещение понятия «нормальности» хорошо видно в ситуации со сверхурочными работами. И среди россиян и среди мигрантов почти одинакова доля тех, кто заявил, что они никогда не работают сверхурочно – 32% и 30% соответственно. Однако приведенные данные показывают, что эти люди работают больше, чем положено. Они работают сверхурочно, но отрицают это. Такая ситуация может быть объяснена тем, что у этих людей либо какое-то иное понимание нормальной продолжительности рабочего времени, либо они не понимают что такое сверхурочная работа.

¹ ISCO-88 (International Standard Classification of Occupations), Международный стандартный классификатор профессий, стандарт, позволяющий на основании описаний профессии отнести ее к одной из девяти групп. Профессии объединяются в группы на основе сходства квалификации, необходимой для выполнения рабочих задач и обязанностей.

4. Заработная плата. Важнейшим, если не главным аспектом трудовых отношений является вопрос заработной платы и принципов оплаты труда. Вопрос о системах оплаты в данной статье затрагиваться не будет, хотя с его помощью можно охарактеризовать принципы распределения произведенного продукта, показывающие, как и кем формируется вознаграждение, получаемое работниками. Здесь будет рассмотрен только вопрос о величине заработка, который получают работники разных групп.

Причем *сравнение зарплат будет осуществляться с учетом времени, за которое эта зарплата выплачивается.* В рамках исследования были получены исходные данные, которые позволили рассчитать стоимость одного рабочего часа¹. В таблице 2 приведены данные о стоимости рабочего часа российских работников и мигрантов, а также соотношение их зарплаток.

Если сравнивать получаемую зарплату за единицу времени, то *зарплата мигрантов всегда ниже*, чем у российских работников. Это касается и квалификационных групп, и размера предприятия, и отраслей. О равенстве даже не идет речи, можно только говорить о том, что в каких-то случаях зарплата мигрантов намного ниже, а в каких-то ненамного. Самой невыгодной квалификационной группой для мигрантов является позиция «квалифицированных рабочих», где они получают на 30% меньше, чем их коллеги россияне. Только в одном случае, на предприятиях среднего размера (50–250 чел.) зарплата мигрантов отстает от зарплаты россиян всего на 15%. Сравнивая зарплату по отраслям видно, что самой «выгодной» для них является сфера ЖКХ и персональных услуг, где мигранты получают всего на четверть меньше, чем их российские коллеги.

Соотношение стоимости часа рабочего времени можно интерпретировать следующим образом: здесь видно, сколько работодатели эконо-

мят на каждой сотне рублей, выплачиваемой мигрантам по сравнению с российскими работниками. Как видно из данных, экономия по разным позициям составляет от 15 до 37 рублей на каждую сотню выплаченной зарплаты. Это и есть «цена миграционного вопроса» — возможность платить меньше только потому, что перед тобой иностранный гражданин.

Разумеется, что такие практики оплаты не могут быть названы иначе, чем *дискриминационными*. Судя по данным, именно это и является главной привлекательной чертой мигрантов, как работников в глазах работодателей.

5. Соцпакет. Еще одним важным аспектом трудовых отношений, который заслуживает рассмотрения, является система предоставления работникам социальных услуг и дополнительных благ, которые сотрудники получают от работодателя или с его помощью. Смысл *существования таких благ заключается в том, что они «гуманизируют» трудовые отношения*, превращают их из простого обмена «труда на деньги» в систему «человеческих отношений». Самый простой пример — это оплата отпуска по болезни, которым, наверное, приходилось пользоваться каждому работнику. Существование такого отпуска показывает, что болезнь, которая может приключиться с каждым, не будет вменена работнику в вину, его не только не накажут, но и помогут поправить и восстановить здоровье.

Некоторые из таких «гуманизирующих» выплат обязательны по закону — оплата очередных отпусков и отпуска по нетрудоспособности (так называемые «больничные»)². Другие выплаты и блага могут быть необязательными и выделяться (предоставляться) работникам по инициативе работодателя. К таким «необязательным» благам и выплатам относятся транспорт до места работы, дополнительное или специальное питание, медицинские услуги, оплата отдыха детей и т.п. Необязательные выплаты и предоставляемые блага обычно называются «социальным пакетом» (соцпакетом), хотя в последнее время в понятие соцпакета стали включаться и отпуск, и оплата больничного. Чем больше таких благ, чем больше социальных выплат, чем «богаче» соцпакет, тем с большим основанием трудовые отношения могут быть расценены как «человечные», гуманные.

Признаками минимального проявления «гуманности» трудовых отношений можно считать доступ работников к оплачиваемому

¹ Расчет стоимости рабочего часа проводился следующим образом: респонденты указывали два параметра своего рабочего времени, а именно количество часов, отработанных в день («Сколько часов в день Вы обычно работаете?»), и количество отработанных дней в неделю («Сколько в среднем дней в неделю Вы обычно работаете?»). Произведение этих двух параметров дает показатель количества рабочих часов в неделю, который будучи умноженным на количество недель в месяце (4 недели) дает месячное количество отработанных часов. Далее, отношение месячной зарплаты респондента («Каков размер Вашей месячной зарплаты на этом рабочем месте за последние полгода?») к количеству отработанных за месяц часов дает стоимость одного часа. Такая оценка, хоть и не лишенная недостатков, позволяет получить более точную характеристику величины заработной платы, нежели простое сравнение получаемых работниками сумм за свою работу.

² Первые должен оплачивать работодатель, а вторые он оплачивает совместно с государственным фондом социального страхования.

Таблица 2

ДАННЫЕ О СРЕДНЕЙ СТОИМОСТИ РАБОЧЕГО ЧАСА РОССИЙСКИХ И ИНОСТРАННЫХ РАБОТНИКОВ*

	Россияне (руб.)	Мигранты (руб.)	Мигранты/ Россияне (%)
В целом	139,6	91,8	65,8
Группы по ISCO			
Руководители, специалисты высшей и средней квалификации, офисные работники	173,4	123,9	71,4
Квалифицированные работники обслуживания, ЖКХ и торговли	117,1	91,5	78,1
Квалифицированные рабочие	149,8	103,9	69,3
Операторы машин и механизмов	141,2	119,7	84,8
Неквалифицированные рабочие	94,4	79,3	84,0
Численность работающих на предприятии			
До 10 чел.	126,8	91,2	71,9
10-19 чел	136,7	92,5	67,7
20-49 чел.	135,2	94,9	70,2
50-249 чел.	121,8	103,8	85,2
250 и более	151,4	110,4	72,9
Отрасли			
Промышленность	161,8	101,4	62,7
Строительство	159,3	108,1	67,8
Торговля, ремонт	122,2	89,7	73,4
Транспорт и связь	165,5	108,7	65,7
Коммунальные и персональные услуги	122,4	91,8	75,0

* Так как не все респонденты указали размер своей зарплаты, количество отработанных часов и дней в неделю, стоимость рабочего часа удалось рассчитать для 77% российских работников и 79% мигрантов.

«больничному» и оплачиваемому отпуску, потому что это — обязательные элементы «гуманизма» на рабочем месте. Доля тех, кто заявил, что он не может из-за болезни пропустить хотя бы один день, невелика — 3% россиян и 5% мигрантов сказали, что если они не выйдут на работу даже по причине болезни, их уволят. Но на оплату отпуска из-за болезни могут рассчитывать далеко не все — это доступно каждому второму российскому работнику и только каждому пятому иностранному.

С отпуском ситуация хуже — 6% россиян прямо ответили, что не могут взять отпуск вообще¹, а из тех, кто может взять отпуск — он не будет оплачиваться каждому четвертому, но 66% российских работников могут воспользоваться этим прописанным в законе правом — взять оплачиваемый отпуск. У мигрантов ситуация хуже — 21% заявили, что они не могут взять отпуск. Но из тех, кто может взять отпуск, более

половины (57%) заявили о том, что этот отпуск не будет оплачиваться. Соответственно, только 25% иностранных работников, имеющих право на отпуск, могут рассчитывать на его оплату.

В целом ситуация «с обязательной гуманностью» выглядит не очень благоприятной, хотя для россиян она выглядит лучше. Пожалуй здесь стоит сравнивать количество не тех, кто получает, а тех, кто не получает даже законодательного минимума, т.е. исключен из системы отношений, которые в обязательном порядке признаны необходимыми.

Всего людей, которые одновременно заявили, что для них недоступен и больничный, и отпуск, немного — 1% среди россиян, и 3% среди мигрантов. Это статистически незначимые доли, которые, скорее позволяют говорить о том, что работники, находящиеся в рамках *полностью дегуманизированных отношений*, существуют.

Минимальная стадия гуманизированности определяется тем, что работники могут получить отпуск, взять «больничный», но их никто не будет оплачивать. В этом случае работодателем признается необходимость отдыха, выделения

¹ Здесь и далее учитывались ответы только тех работников (россиян и мигрантов), которые имеют стаж работы на последнем рабочем месте более одного года (57% россиян и 39% мигрантов), т.е. это люди, которые формально могут претендовать на получение оплачиваемого отпуска.

времени на поправку здоровья, но отрицается утвержденная законом необходимость компенсировать то время, которое будет потрачено на отдых или лечение. Совершенно очевидно, что это ниже той планки «человечности», которая установлена трудовым законодательством. Доля россиян, которые находятся в рамках минимально гуманизированных трудовых отношений, составляет 26%, мигрантов больше — 37%.

Для контраста необходимо сравнить долю тех, кто включен *в зону нормальных*, т.е. определенных законом трудовых отношений. Доля российских работников, которые могут получать законодательно гарантированный минимум — оплачиваемый «больничный» и оплачиваемый очередной отпуск — 46%, почти половина. Доля мигрантов, находящихся в тех же условиях, в три раза меньше — 15%. Ну и можно добавить данные о количестве работников, находящихся в *максимально «гуманизированной» сфере*, т.е. тех, кто помимо отпуска и больничного имеет хотя бы что-то относящееся к дополнительному социальному пакету. Таких «счастливчиков» среди россиян — 25%, среди мигрантов — 7%.

Если говорить о степени гуманизованности трудовых отношений, то она в целом невысока. Хотя положение российских работников выглядит значительно лучше, они в большей степени включены в «человеческие отношения», правда, это касается только каждого второго из них. Но если говорить про мигрантов, то подавляющее большинство совершенно однозначно находится за пределами гуманизированных отношений — они либо не имеют права на получение этих благ (оплачиваемого отпуска), либо не получают их, хотя и имеют право.

Все это позволяет оценить мигрантов, как рабочую силу, в которой не видится почти ничего человеческого. М. Кастельс называл таких работников *«родовой рабочей силой»*, главной особенностью которой является то, что ее можно *«заменить автоматизацией и/или нанятыми/уволенными/офшорными рабочими в зависимости трудовых затрат»*¹. Судя по всему, современные мигранты во многом являются воплощением этой самой безликой рабочей массы, которая не имеет для тех, кто ее использует, никакого человеческого измерения, это просто безликий «трудовой ресурс»².

¹ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ-ВШЭ, 2000.

² В одном из интервью, взятом в рамках другого исследования, посвященной другой теме — заемному труду, рабочий так охарактеризовал отношение работодателей к таким, как он: «Мы для них никто, мы для них потное рабочее мясо, вот у генералов есть «пушечное мясо», а мы

5. Регулирование трудовых отношений. Современные трудовые отношения основаны на принципах, сформированных в середине 20-го века, когда трудовое право стало частью общеправовой системы. Осмысление глобальных событий первой половины столетия позволило понять важность диалога работников и работодателей в рамках закона. Это привело к установлению важнейшего принципа регулирования трудовых отношений, а именно, совместному участию трех сторон — работников, работодателей и государства в установлении и регулировании важнейших параметров, определяющих взаимодействие работников и работодателей. Этот принцип, получивший название трипартизма, существует в правовой системе и поныне, и современный работник имеет безусловное право защищать свои интересы и участвовать в определении условий своего труда. Это можно делать индивидуально, обращаясь в государственные органы, занимающиеся надзором за соблюдением законности, в суд, либо ведя прямые переговоры с работодателем. Но индивидуальные действия скорее подходят для тех, кто пытается защитить свои права и интересы. Для того чтобы участвовать в конструировании трудовых отношений (определять размер и систему оплаты, размеры и принципы регулирования рабочего времени и т.п.), работники обычно действуют коллективно — через профсоюзы, которые ведут переговоры, заключают коллективные соглашения и даже прибегают к забастовкам в случае необходимости.

Особенность выборки, которая была необходима для данного исследования, обусловила отсутствие большого количества работников крупных индустриальных предприятий, где обычно есть профсоюзы. Иностранцам работникам вопрос о профсоюзах не задавался, так как предполагалось, что среди них нет даже гипотетически тех, кто что-то знает о профсоюзах³. Среди россиян только 12% знают, что на их предприятиях есть профсоюз. Несколько больше — 20% — заявили, что на их предприятии принят и действует коллективный договор. На основании этих данных можно говорить, что подавляющее большинство российских ра-

бочее мясо». Думается, что это более эмоциональный, но не менее точный аналог кастельсовского понятия «родовая рабочая сила».

³ Тем не менее, в ходе качественной части исследования удалось встретить мигрантов, которые состоят в российском профсоюзе. Речь идет о профсоюзе «НовоПроф», который действует в Санкт-Петербурге. Там создано несколько первичных организаций иностранных работников, которые довольно активно борются за соблюдение прав работников, участвуют в совместных акциях с российскими работниками других предприятий.

бочих выключено из процесса коллективного регулирования трудовых отношений, а мигранты из этого процесса выключены полностью.

При этом нельзя сказать, что опрошенные работники не имеют никаких проблем, связанных с нарушением их прав. 41% и 42% российских и иностранных работников, соответственно, сталкивались с такими нарушениями¹. Наиболее распространенными нарушениями являются задержки зарплаты, невыплаты зарплаты, грубость и оскорбления, незаслуженные штрафы.

Тот факт, что и россияне, и иностранцы в основном или полностью выключены из системы коллективного регулирования трудовых отношений, заставляет посмотреть, насколько ими используются возможности индивидуаль-

ного регулирования, которое в основном позволяет отстаивать нарушенные права. О системе защиты трудовых прав в индивидуальном порядке нельзя сказать, что она очень уж эффективна². В качестве индикатора для оценки использовался факт обращения респондента для защиты своих нарушенных прав. Однако не все смогли определенно ответить на вопросы о нарушении своих прав работодателями (среди них 23 россиянина и 39 мигрантов), их ответы не учитывались при обработке результатов опросов (см. табл. 4).

Ответы показывают, что мигранты практически не видят каналов, через которые они могли бы отстаивать свои права, разве что небольшая их часть предполагает, что надо идти к начальству, чтобы попробовать разобраться.

Таблица 4

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС О СПОСОБАХ ОТСТАИВАНИЯ СВОИХ ПРАВ В СЛУЧАЕ ИХ НАРУШЕНИЯ РАБОТОДАТЕЛЕМ (%)

	Российские работники		Иностранные работники	
	Сталкивались с нарушением прав (N=307)	Не сталкивались с нарушением прав (N=425)	Сталкивались с нарушением прав (N=315)	Не сталкивались с нарушением прав (N=401)
Пойду в профком (цехком) предприятия (организации)	2	5	2	4
Пойду к вышестоящему начальству на предприятии	22	21	4	11
Пойду в комиссию по трудовым спорам (КТС)	8	10	2	3
Пойду в суд	15	13	2	1
Приму участие в забастовке, буду протестовать	4	1	1	-
Пойду к местным властям	2	1	1	1
Пойду к общественности (в СМИ, к депутатам, политическим партиям и пр.)	2	-	-	-
Пойду к влиятельным друзьям, знакомым, родственникам	6	4	3	2
Пойду в милицию	5	1	2	1
Пойду к мафии, «авторитетам»	2	1	-	-
Ничего не буду делать	41	47	75	68

*Примечание: так как респонденты выбирали несколько вариантов, то сумма ответов не равняется 100%.

¹ Нужно иметь в виду, что во время опроса трудно было проверить, насколько правдиво отвечали респонденты. В интервью, которые проводились во время качественного этапа исследования, неоднократно фиксировалась ситуация, когда работники, как российские, так и иностранцы, не понимают, что такое трудовые права и их нарушение. Например, они считали, что если зарплату задержали на несколько недель, но потом ее выплатили, то это нормально и здесь нет никаких нарушений. А в некоторых случаях, особенно это касается мигрантов, было очевидно, что они не знакомы с понятием «трудовые права», но при этом они достаточно подробно рассказывали, как их «обижают» начальники.

Большая часть из них дали однозначный ответ — они ничего не будут делать, т.е. будут терпеть и приспособливаться. Нельзя сказать, что для российских работников ситуация намного лучше. Почти половина тех, кто не сталкивался с нарушениями, заявили о том, что они ниче-

² Бизюков П.В. Индивидуальные трудовые конфликты: Могут ли работники защитить свои права в одиночку. По материалам проекта «Горячий телефон по трудовым правам». М.: Центр социально трудовых прав, 2011.

го не будут делать, а среди тех, кто сталкивался с такими нарушениями, занимают пассивную позицию несколько меньше — 41%. В тех случаях, если работники намерены что-нибудь предпринять, на первом месте стоит их обращение к начальству или в суд, иными словами самыми доступными оказываются неформальный канал решения проблем («пойти поговорить с начальником») и самый формальный, находящийся вне предприятия, куда можно идти, только если имеются задокументированные доказательства нарушений. Таким образом, общий вывод выглядит так: вариантов для участия в регулировании трудовых отношений на индивидуальном уровне у мигрантов крайне мало, максимум, что им доступно — это по большей части неформальный способ «договориться с начальством». Значительная часть россиян тоже не имеет такой возможности, однако среди них есть и те, которые все-таки видят варианты для защиты своих прав через формальные или неформальные каналы.

6. Условия труда. Упоминания заслуживает еще один аспект трудовых отношений, связанный с теми условиями, в которых приходится работать людям, а точнее с наличием производственных вредностей. В современных условиях есть значительное количество факторов, которые делают трудовую среду неблагоприятной для здоровья работников. В случае, когда действие производственных вредностей устранить невозможно, законодательство предписывает компенсировать ущерб, который получает работник, находящийся в таких условиях. Определение вредностей и соответствующих им компенсаций — это значительный пласт трудовых отношений, весьма формализованный, где существуют многочисленные градации, регламенты, нормы и т.п.

На присутствие производственных вредностей у респондентов указывает наличие ответов о том, что они работают в официально признанных вредных условиях труда. Доля таких ответов практически одинакова как у российских, так и у иностранных работников — 12%. Причем, цифры равны и для строительной отрасли (24 и 23% соответственно), и для ЖКХ (10 и 12%), и для других отраслей. Интерпретировать полученные результаты непросто прежде всего потому, что нет информации о том, действительно ли рабочие места респондентов являются вредными. Но даже если бы у исследователей был доступ к данным организаций об имеющихся производственных вредностях, то картина вряд ли

была бы точнее. Аттестация производственных вредностей — один из самых сложных и запутанных вопросов российских трудовых отношений. Работодатели всячески пытаются минимизировать не сами вредности, а их официальное признание, которое осуществляется через весьма непростые и дорогостоящие процедуры аттестации рабочих мест. Логика проста — нет акта аттестации о признании вредности — нет вредности. В результате, аттестационная работа сводится к тому, чтобы официальные лица подтвердили приемлемые для работодателя результаты, например, не признавали вредности там, где она есть, или занизили ее степень. Соответственно, по итогам аттестации у работодателя либо вообще не возникает обязательств по компенсации вредных условий, либо они существенно меньше тех, которые должны быть. Даже официальная ситуация с оценкой условий труда выглядит крайне неопределенной¹. И вот в этих условиях, когда никто толком не знает, где есть вредность, а где ее нет, респонденты дают одинаковые оценки, опираясь на такие же крайне неопределенные основания.

Единственным критерием, который дает представление о реальной вредности условий труда, может служить наличие компенсаций. Учитывая особенности выборки, их получение работником можно рассматривать как надежный индикатор существования вредных условий труда. Среди россиян такие компенсации получают 30% от тех, кто считает свои условия труда вредными, среди мигрантов — 24%. И в том, и в другом случае это очень мало — 4 и 3% от общей численности опрошенных. Иными словами — наличие компенсации за вредность условий — это скорее случайность, почти нереальное событие и для тех, и для других. Здесь у российских и иностранных работников различий нет. Но это не то равенство, которое можно считать нормальным, это **равенство в отсутствии возможностей добиться справедливой оценки состояния условий труда.**

¹ Свидетельством такой неопределенности может служить интервью первого замминистра труда и соцзащиты России, данное им в 2013 г. - «... у нас были только данные о количестве работников, занятых в списочных сферах. Это было примерно чуть меньше 25% от общего числа работающего населения. Когда мы начали проводить аттестацию, оказалось, что вредные рабочие места есть и за пределами списков № 1 и 2. Эта цифра поползла вверх и сейчас, по нашим оценкам, составляет порядка 32%. При этом есть экспертные данные, которые свидетельствуют, что у нас 54% работников трудятся во вредных условиях труда. Но есть и альтернативное мнение о том, что у нас необъективные и чересчур жесткие по сравнению с другими странами критерии, на основании которых мы признаем рабочие места вредными». <http://ria.ru/interview/20130812/955743844.html>

Заключение

Рассмотренные выше аспекты трудовых отношений можно считать не просто главными, а определяющими всю систему взаимодействий и соответствующих им практик. Есть немало и других аспектов, которые не рассматривались в статье — это вопросы дисциплины, систем оплаты труда, премирования и штрафования, обучения и др. Полученные результаты показывают, что наиболее значимые параметры трудовых отношений россиян и работающих рядом с ними мигрантов различаются, причем порой весьма значительно. Кратко результаты сравнения представлены в таблице 5.

Трудовые отношения, в которые включены российские работники, вряд ли можно назвать нормальными. Рассматривая выбранные параметры можно увидеть что они порой весьма существенно отличаются в худшую сторону от границ, которые предписаны законом. Превышается продолжительность рабочего времени, применяются схемы неформального найма, не соблюдаются нормы, связанные с предоставлением отпуска по болезни, очередных отпусков. Существенные проблемы есть в соблюдении безопасных условий труда, участии работников в регулировании трудовых отношений. **В целом, систему трудовых отношений для российских работников можно охарактеризовать как проблемную в рамках современной правовой системы.** И неважно, о какой проблемности идет речь — связанной с неисполнением существующих законов и необходимостью нормализовывать практику или с необходимостью совершенствовать заложенные в законе нормы и «подгонять» их под существующую практику. С точки зрения современного законодательства такие трудовые отношения несовершенны, проблемны и т.п. Но главное в том, что российский работник может обратиться к закону за защитой трудовых прав.

А в отношении иностранных работников ситуация выглядит уже не как отклонение, **а, скорее, как отрицание существующих правовых норм, как отказ от правового регулирования трудовых отношений.** Преобладание неформального найма и значительная доля нелегально работающих, завышенная продолжительность рабочего времени, дискриминационная система оплаты труда, дегуманизированность трудовых отношений и невозможность участия в регулировании трудовых отношений, все это делает систему трудовых отношений, которая предлагается иностранным работникам, **отделенной от официальных институтов, регулирующих труд.**

Это не два различных состояния одной и той же системы — плохое и очень плохое. Это **две различных системы трудовых отношений.** Суть одной — это **плохая реализация системы, основанной на праве и законодательстве,** с недостаточным соблюдением его норм и ограничений, но сохраняющей для работника возможность хотя бы гипотетически отстаивать свои права и интересы. Суть второй это **непризнание правовой системы и выстраивание децентрализованной, односторонне регулируемой работодателем системы трудовых отношений,** которая обеспечивает ему возможность конструировать их наиболее выгодным для себя образом. Две этих системы могут одновременно существовать в рамках одного предприятия и даже в рамках одного цеха. Это могут быть два участка, на одном из которых работают мигранты, а на другом — российские работники. Параметры трудовых отношений у этих людей соответствующие. Наблюдения, сделанные в ходе исследования, показывают, что российские работники редко попадают в зону мигрантских трудовых отношений, и наоборот. Для иллюстрации можно использовать пример с несмешивающимися жидкостями, которые находятся в одном сосуде. Прямой конкуренции между российскими и иностранными работниками не существует, проблема выглядит иначе. Работодатели манипулируют ситуацией следующим образом: местных работников выводят из цеха в рамках «оптимизации», «сокращения», а эти места заполняются иностранными работниками, нанятыми на соответствующих условиях и участок, цех, а то и предприятие в целом превращается в зону мигрантских трудовых отношений. Изменения имеют четкую направленность — рабочие места российских работников, со всеми их достоинствами и недостатками заменяются местами для мигрантов, максимально приспособленными для снижения трудовых издержек.

Здесь опять необходимо вернуться к пониманию того, что трудовые отношения — не данность, а продукт конструирования. Работодатели формируют для мигрантов именно такие условия, пользуясь их социальной слабостью и правовой уязвимостью. Вряд ли это можно считать результатом игры стихийных рыночных сил. Появление мигрантов на российском рынке труда — это не случайное явление. Его следует рассматривать как следствие неспособности отечественных работодателей уменьшать свои издержки иным способом, кроме снижения затрат на труд. Если в качестве рабочей силы ис-

пользовать российских работников, которые хоть в какой-то степени защищены законом, это делать затруднительно. Не имея возможности вывезти свои предприятия за рубеж, в страны с более дешевой рабочей силой российские предприниматели стали импортировать рабочую силу, создавая условия для приезда и эксплуатации работников, обеспечивающих им столь желанную экономию трудовых издержек.

Российский бизнес далеко не всегда может переместиться в страны с дешевой рабочей силой¹. Но, оказывается, можно «расплавить» ограничения на приезд дешевых работников и устроить все так же, как в странах с дешевой рабочей силой, только у себя. Помимо устранения барьеров на въезд необходимо еще устранить ограничения на использование рабочей силы и подавить возможности для сопротивления работников. Это достигается, прежде всего, за счет поддержания нелегального статуса и неформального контракта у мигрантов. А далее включаются механизмы, неоднократно опробованные на российских работниках — увеличение продолжительности рабочего времени при одновременном занижении уровня оплаты, дегуманизация труда и тотальный диктат работодателя в вопросах регулирования и изменения трудовых отношений. Таким способом достигается желанная экономия трудовых затрат — за счет формирования иной системы трудовых отношений, децентрализованной и игнорирующей современные правовые институты.

Но является ли использование такой модели оправданной? Стоит ли сохранять, а уж тем более расширять зону действия такой системы трудовых отношений? Являются ли мигранты с их покорностью, готовностью работать без счета времени и усилий образцом для российских работников и благом для российской экономики? Думается, что положительного ответа на эти вопросы быть не может. Дегуманизированный труд, сведенный только к экономическому обмену рабочей силы на зарплату, да еще в условиях односторонне и корыстно формируемых правил этого обмена, не может быть образцом в двадцать первом веке.

¹ Есть немало причин, по которым бизнес не может «эмигрировать». Например, жилищное строительство невозможно вывезти за рубеж — дома строятся в России и для российских потребителей. Сетевые кафе и магазины не имеет смысла открывать в азиатских странах. Кроме того, для бизнеса имеет значение местная инфраструктура — от инженерной (сети коммуникации) до коррупционной. В России есть свои «прикормленные» чиновники, поэтому незачем ехать куда-то, где надо будет заново налаживать систему отношений. Наконец, даже в странах с дешевой рабочей силой надо соблюдать законы и играть по «их правилам», которые нарушать сложнее и даже опаснее.

Проблема мигрантов актуальна во всем мире, но в качестве ее генерального решения видится именно «подтягивание» иностранных рабочих до местных стандартов. Таким образом устраняется разница в стоимости местного и мигрантского труда, сохраняются трудовые стандарты, являющиеся результатом борьбы, компромиссов и соглашений, социального развития нескольких поколений граждан. Параллельное существование двух различных систем трудовых отношений ведет не только к тому, что работодатели начинают всемерно увеличивать число мигрантов, удобных для получения дополнительной прибыли. Постепенно трудовые отношения, предназначенные для мигрантов, переносятся и на местных работников — запускается процесс «мигрантизации» трудовых отношений.

Именно такой выбор стоит сегодня перед Россией. К сожалению, мало что предпринимается для противодействия «мигрантизации» трудовых отношений. Профсоюзы делают только первые шаги, работая с мигрантами. Экспертное сообщество часто встает на сторону работодателей, руководствуясь принципом «что хорошо для бизнеса, то хорошо для всех». Власти действуют крайне противоречиво, то устраивая «массовые зачистки» и выдворения мигрантов, то разрешая привлекать их сверх всяких квот, например, предприятиям, занятым подготовкой к спортивным мероприятиям.

А тем временем складывается ситуация, когда «мигрантизация» трудовых отношений будет распространяться и станет необходимостью для всех работодателей, так как нормальные, законные, гуманизированные трудовые отношения станут фактором, снижающим конкурентоспособность. Бизнес окажется перед выбором, да собственно, уже стоит перед ним, либо экономическая эффективность, либо цивилизованные институциональные правила регулирования трудовых отношений.

Таблица 5

ИТОГОВАЯ ТАБЛИЦА: КАЧЕСТВЕННЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ

	Российские работники	Иностранцы работники
Включение/ выключение в систему трудовых отношений	<ul style="list-style-type: none"> - нет разрешительных процедур, наличие легального статуса для получения работы «по умолчанию», нужна только вакансия и двустороннее согласие на ее замещение; - большая часть работников трудоустроена официально; - неформальные договоренности существуют; - довольно часто необходимо соблюдать закон при увольнении. <p>Несложный вход в систему трудовых отношений, зависимость от работодателя-теля, определенная степень защищенности статуса работника.</p>	<ul style="list-style-type: none"> - сложные разрешительные процедуры для получения легального статуса, невозможность для многих получить легальный статус; - меньшая часть работников устроена официально; - неформальные договоренности имеют решающее значение; - чаще всего не нужно соблюдать закон при увольнении. <p>Сложный вход в систему трудовых отношений, почти полная зависимость от работодателя, незащищенность статуса работника.</p>
Рабочее время	<ul style="list-style-type: none"> - 39% имеют нормальную продолжительность рабочего времени; - 25% работников трудятся больше, чем предписано законом. <p>Продолжительность рабочего времени превышает нормальную.</p>	<ul style="list-style-type: none"> - 20% имеют нормальную продолжительность рабочего времени; - 42% работников трудятся больше, чем предписано законом; - продолжительность рабочего времени на 13% больше, у чем россиян. <p>Продолжительность рабочего времени значительно превышает нормальную, работают больше своих российских коллег.</p>
Заработная плата	<p>Стоимость рабочего часа всегда выше, чем у иностранных работников.</p>	<ul style="list-style-type: none"> - стоимость рабочего часа в среднем на треть меньше, чем у россиян <p>Стоимость рабочего времени всегда ниже, чем у российских работников. Оплата труда имеет дискриминационный характер.</p>
Гуманизированность трудовых отношений	<ul style="list-style-type: none"> - 27% находятся за гранью минимальной нормы гуманизированности трудовых отношений; - 46% находятся в рамках минимально гуманизированных трудовых отношений; - 25% находятся в рамках полноценных гуманизированных трудовых отношений. <p>Степень гуманизированности трудовых отношений – невысокая.</p>	<ul style="list-style-type: none"> - 40% находятся за гранью минимальной нормы гуманизированности трудовых отношений; - 15% находятся в рамках минимально гуманизированных трудовых отношений; - 7% находятся в рамках полноценных гуманизированных трудовых отношений. <p>Степень гуманизированности трудовых отношений – низкая.</p>
Условия труда	<ul style="list-style-type: none"> - 12% считают, что работают во вредных условиях труда; - 30% тех, кто считает свои условия вредными, получают компенсации. <p>Признанная вредность условий труда практически не встречается.</p>	<ul style="list-style-type: none"> - 12% считают, что работают во вредных условиях труда; - 24% тех, кто считает свои условия вредными, получают компенсации. <p>Признанная вредность условий труда практически не встречается.</p>
Регулирование трудовых отношений	<ul style="list-style-type: none"> - мало возможностей для коллективного регулирования трудовых отношений; - мало возможностей для индивидуального регулирования трудовых отношений, преобладание неформальных способов регулирования; - 41% занимает пассивную позицию при отстаивании нарушенных прав. <p>В значительной степени выключены из системы регулирования трудовых отношений.</p>	<ul style="list-style-type: none"> - отсутствуют возможности для коллективного регулирования трудовых отношений; - очень мало возможностей для индивидуального регулирования трудовых отношений, преобладание неформальных способов регулирования; - 71% занимает пассивную позицию при отстаивании нарушенных прав. <p>Почти полностью выключены из системы регулирования трудовых отношений.</p>

Владимир МУКОМЕЛЬ

Ксенофобия как основа солидарности¹

«Ксенофобия рождает ксенофобию,
недоверие — взаимное недоверие»

*П. Штомпка*²

Ксенофобные настроения, всегда присутствующие в обществе, получили широкое распространение в 2000-х годах. Если в 2002 г. слоган «Россия для русских» поддержали, в той или иной мере, 45% респондентов, то в октябре 2013 г. — 66%. Почти вдвое в этот период возросла доля респондентов, чувствующих враждебность к представителям других национальностей³.

Рост ксенофобии и межэтнической напряженности в обществе признается и специалистами, и политиками, и масс-медиа. Против кого направлена ксенофобия? Каковы глубинные, возможно, латентные факторы, обуславливающие рост ксенофобных настроений и агрессии к «чужим»? Имеется ли связь между распространенностью ксенофобии и функционированием социальных институтов, социальным устройством? В какой мере, если таковая связь присутствует, она — следствие конъюнктурных моментов, а в какой — результат предшествующего развития российского общества? Чем вызван всплеск ксенофобии последнего времени? Поиску ответов на поставленные вопросы и посвящена настоящая статья.

Объекты и дискурс ксенофобии

Ксенофобия в России имеет несколько измерений, из которых важнейшими являются этническое (этнофобии), миграционное (мигрантофобии), религиозное и конфессиональное (исламофобия, в первую очередь) и гражданское (наличие/отсутствие российского гражданства).

Преувеличенное значение этничности пронизывает многие аспекты общественных дискуссий по проблемам социально-экономи-

ческой и политической жизни, а обсуждение социальных проблем, зачастую без всяких на то оснований, переводится в этническую плоскость. На смену марксистскому экономическому детерминизму пришел этнический детерминизм.

Этнофобии сегодня направлены в первую очередь на представителей «видимых меньшинств», визуально отличающихся от этнического большинства. Важную роль в формировании образа «чужого» играет его «пришлось»: даже принадлежность к этническому большинству не является барьером для мигрантофобий. (Что проявилось в 1990-х гг., когда вынужденные переселенцы — в подавляющем большинстве русские — столкнулись с неприятием местного населения). «Пришлось» не менее важна, чем этничность: традиционные для данной конкретной местности меньшинства рассматриваются этническим большинством как «свои».

Отметим два обстоятельства: во-первых, «пришлось» и гражданство являются подвижными характеристиками, зависящими, соответственно, от срока пребывания (и сопутствующего «укоренения» мигрантов в сознании принимающего населения) и одномоментного приобретения гражданства иностранцами. В отличие от них принадлежность к этнической группе, вероисповедание воспринимаются как принимающим населением, так и самими объектами ксенофобии, как нечто неизменное («навязанная идентичность»). Во-вторых, гражданство мигрантов значимо в повседневных контактах мигрантов с принимающим населением и властями, но никак не для обывательского сознания.

Из наличия вышеперечисленных векторов ксенофобии следует, что наиболее уязвимой группой будут являться представители мигрантских этнических меньшинств, не имеющие российского гражданства и исповедующие религию, не доминирующую в данной местности⁴.

¹ Расширенный вариант статьи публикуется в журнале «Мир России».

² Штомпка П. Доверие — основа общества / Петр Штомпка: пер. с пол. В. Морозовой. — М., Логос, 2012, с. 421.

³ Россияне о миграции и межнациональной напряженности. Левада-Центр, Пресс-выпуск 5 ноября 2013.

⁴ Среднеазиатские мигранты, выходцы из Азербайджана, идеально подходят на роль «козлов отпущения». Хотя исламофобия имеет ограниченный отклик в публичном пространстве, исследования свидетельствуют о росте антиисламских настроений в обществе.

Россияне относительно толерантны лишь к приезжим из Украины, Молдовы, Белоруссии, визуально не выделяющимся в принимающем сообществе. В отношении других этнических групп у респондентов преобладает раздражение, неприязнь, недоверие. Большинство респондентов негативно относятся к соседству с семьей выходцев с Северного Кавказа (59,9%), иностранцев из Юго-Восточной Азии (57,3%), Средней Азии (55,0%), государств Закавказья – 52,0%. Среди сторонников лозунга «Россия для русских» неприятие мигрантов особенно выражено: среди них, например, 80,1% отрицательно отнеслись бы к соседству с выходцами из Северного Кавказа, положительно отнеслись бы к такому соседству 4,5%¹. (И к мигрантам из других регионов России, независимо от их национальности, отношение соответствующее).

Рост ксенофобии в 1990-х объяснялся, во-первых, травматическим шоком, вызванным коренными социально-политическими и экономическими преобразованиями российского общества, во-вторых – ликвидацией сдерживающего правоохранительного начала. По мнению Л. Гудкова, например, ксенофобия выступает «суррогатом гратификации», фобии изменившегося порядка вещей легко переходят в ксенофобию².

Что касается второго объяснения – ликвидации «социального запрета» (иногда увязываемого с возникшим идеологическим вакуумом³), то имеется и иная точка зрения. А. Малашенко подчеркивает, что Ксенофобия с большой буквы, сакрализовала отторжение любого культурного, социального, духовного компонента, не соответствующего советскому стандарту и преломлялась в религиозную фобию в виде атеизма, социальную фобию (обострение классовый борьбы) и этнофобии, в частности, антисемитизм. На бытовом уровне объектами этнофобии, помимо евреев, стали жители Средней Азии и Кавказа⁴.

В 2000-х рост ксенофобии сложно объяснить последствиями кризиса и травмы: население адаптировалось к социально-политиче-

ским и социально-экономическим реалиям. Практически сошли на нет фобии утраты ресурсов, характерные для 1990-х гг.⁵ Напротив, фобии утраты идентичности только усилились, однако изменился дискурс: масс-медиа и публичные политики предпочитают апеллировать к «культурной матрице», «культурному коду», «культурным скрепам» и т.п. При этом культура понимается как этнически имманентная, хотя «идея врожденной культуры, национального характера и тому подобное в современной социологии либо полностью дискредитированы, либо сданы в архив»⁶. «Культурный расизм», заменяющий иерархию рас биологического расизма на представления о несовместимости «культур», вреде их смешения, сегодня более распространен, чем «классический» расизм⁷.

Россияне полагают, что приток иноэтничных мигрантов угрожает социальной стабильности. Превалирует точка зрения, что Россия не нуждается ни в иммигрантах, ни в трудовых мигрантах – с такой позицией солидаризовались 39% респондентов. Только 11% опрошенных верили, что «стране нужны и те, и другие мигранты», 15% полагали, что «нашей стране нужны только те мигранты, которые хотят остаться здесь жить навсегда», еще 26% – что «стране нужны только те мигранты, которые приезжают на заработки и не собираются здесь жить постоянно» и 9% уклонились от ответа⁸.

Возросшие в начале 2000-х масштабы миграции и их структурная трансформация сыграли определенную роль в росте ксенофобии, переориентации радикальных националистов на борьбу с наплывом иноэтничных мигрантов⁹, но достаточно ограниченную: еще в 1990-х исследователи указывали, что ксенофобия все больше принимает формы различных этнофобий и мигрантофобий. Да и политическая философия антимиграционизма, «в основе которой лежат расово-этнические аргументы и образы», по формулировке В.А. Тишкова, сформировалась еще в конце прошлого века¹⁰.

¹ Опрос ФОМ в октябре 2011 г. по заказу НИУ ВШЭ. Опрошено 24500 респондентов. Автор благодарит НИУ ВШЭ за предоставленную возможность использования данных вышеупомянутого исследования (далее МегаФОМ 2011).

² Гудков Л. Чеченская война и «мы» // Неприкосновенный запас, № 5 (13), 2000.

³ Путин В.В. Большая пресс-конференция президента России в Кремле // Известия, 1 февраля 2007.

⁴ Солдатова Г.У., Макаруч А.В. Тренинг по профилактике ксенофобии. – М.: Генезис, 2006, <http://psyfactor.org/lib/xenophobia2.htm>. См. также: Шнирельман В.А. Советский парадокс: расизм в стране «дружбы народов»? // Антропология социальных перемен: сборник ст. / [Отв. Ред. Э.Гучинова, Г. Комарова]. – М.: РОССПЭН, 2011, с. 45.

⁵ Левада Ю. От мнений к пониманию. Социологические очерки. 1993–2000. – М.: Московская школа политических исследований, 2000, с. 433.

⁶ Штомпка П., цит. соч., с. 243.

⁷ Осипов А. На пути к осмыслению проблем расизма // Расизм: современные западные подходы: сб. ст. / Пер. с англ., фр. Сост. А. Верховский, А. Осипов. – М.: Центр «Сова», 2010, с. 15.

⁸ МегаФОМ 2011.

⁹ Бызов Л.Г. Представления и мечты россиян об устройстве России через призму ценностных и идейных противоречий общества // Россия реформирующаяся. Вып. 11: Ежегодник / отв. ред. М.К. Горшков. – М.: Новый хронограф, 2012, с. 162.

¹⁰ Толерантность как фактор противодействия ксенофобии: управленческие риски ксенофобии в обществе риска / Под ред. Ю.П.Зинченко, А.В. Логинова. – М.: Федеральный институт развития, 2011, с. 570.

Вероятно, рост ксенофобии в различных ее проявлениях обусловлен не только внешними факторами, но и глубинными, фундаментальными факторами функционирования российского общества.

Социальное неравенство, институты и экспансия культуры недоверия

Запрос на трансформацию социальных и политических институтов сформировался не сегодня. Россиян не устраивает все возрастающее социальное неравенство, проявляющееся в неравенстве доходов: по этому показателю Россия занимает неприлично высокое место — коэффициент Джини, составлявший 0,387 в 1995 г., вырос до 0,420 в 2012 г.¹

Реформы в ключевых областях, затрагивающих каждого россиянина, фактически провалились, и положение в правоохранительной сфере, судебной системе, пенитенциарной системе, в области здравоохранения, образования, социального обеспечения, борьбы с коррупцией мало кого устраивает.

73% респондентов не видят положительного эффекта от реформы полиции. Более половины респондентов не удовлетворены работой полиции своего города/района, 61% — не доверяет полиции. Сотрудники полиции вызывают антипатию, опасение, страх, возмущение и негодование у 54% россиян. 58% опрошенных полагают, что полиция не способна защитить его/ее и членов их семьи от преступников². Отчасти это так: количество убийств на 100 тысяч человек в России составляет 10,2 против 2,1 в странах ОЭСР³.

77% опрошенных в 2013 г. не были удовлетворены системой здравоохранения, причем на всем протяжении 2000-х большинство респондентов ежегодно фиксировали ухудшение качества медицинских услуг. Население возмущает не только качество медицинских услуг, но и их недоступность: 70% респондентов и членов их семей отказывались от лечения, восстановления здоровья из-за нехватки денег⁴.

Не лучше ситуация в сфере образования: по расходам на образование (4,1% ВВП

в 2008 г.), Россия занимала 110-е место в мире⁵. Проблема не столько в недофинансировании, сколько в качестве образования и его доступности. Состояние системы образования в стране оценивают негативно более двух третей респондентов. Равенство возможностей доступа к образованию — ключевой компонент социального государства, — подвергается россиянами сомнению: половина респондентов уверены, что они, их дети, внуки сейчас не смогут получить хорошее образование⁶.

Избирательное правосудие, социальное неравенство в сфере образования, здравоохранения, отсутствие социальных лифтов для молодежи, чувство незащищенности перед властями усугубляют неудовлетворенность повседневностью. По субъективной оценке удовлетворенности жизнью своих граждан Россия занимает место во второй сотне стран⁷.

Социальное неравенство порождает недовольство: «В условиях нелегитимности в общественном сознании подобных [социальных — В.М.] неравенств, они оказывают серьезное влияние на дестабилизацию российского общества и нарастание в нем социальных противоречий»⁸.

Для человека социального, для гражданина характерна вера в себя, вера в других людей, вера в совместно построенные институты. Еще в 1990-х гг. отмечалось: «В российском социуме низок уровень взаимного доверия людей, для него типичны взаимное безразличие, ограниченность реципрокного (т.е. основанного на взаимном исполнении обязанностей) поведения «родственно-дружеским» кругом, а чувство долга — масштабами семьи»⁹.

На протяжении 2004-2012 гг. вера в людей ослабевала¹⁰. Сегодня отмечается «системный дефицит доверия»: «Население вообще никому не верит и, более того, укрепляется в убеждении, что это нормальное и естественное для

¹ Распределение общего объема денежных доходов населения, Росстат, 2013, http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/urov_32g.htm.

² Ежегодник «Общественное мнение — 2012», Аналитический Центр Юрия Левады, М., 2012, с. 106, 107.

³ Better life Index, OECD, 2013, <http://www.oecdbetterlifeindex.org>

⁴ Медицина, образование и ЖКХ в представлении россиян. Левада-Центр, Пресс-выпуск 10 сентября 2013; Общественное мнение — 2012, с. 70-72.

⁵ The World Factbook, CIA, 2013, <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/>.

⁶ Общественное мнение — 2012, с. 74, 75.

⁷ The Happy Planet Index: 2012 Report, p.25, <http://www.happyplanetindex.org/assets/happy-planet-index-report.pdf>.

⁸ Горшков М.К. Социальные факторы консолидации Российского общества: социологическое измерение. — М., Новый хронограф, 2010, с. 3.

⁹ Дилигенский Г.Г. Становление гражданского общества: культурные и психологические проблемы // Гражданское общество в России: Структуры и сознание. — М., Наука, 1998, с. 230.

¹⁰ В эти годы Левада-Центр ежегодно задавал вопрос: «Как изменилась за минувший год Ваша вера в людей?». Отвечавших, что она ослабла, в среднем было в 2,5 раза больше тех, в ком она укрепилась. Рассчитано по: Общественное мнение — 2012. М.: Левада-Центр, 2012, с. 8.

общества состоянии»¹. Межличностное доверие ограничивается ближним кругом: семьей, родственниками, друзьями, хорошими знакомыми.

Низкий уровень межличностного доверия напрямую сказывается на росте ксенофобных настроений в первую очередь на прямых межличностных контактах с конкретными представителями меньшинств (этнических, мигрантских, религиозных и т.п.): «Взаимное недоверие, подозрительность становится одним из главных факторов, обуславливающих сохранение интолерантности в российском обществе»².

Другой, более широкий круг доверия, опирающегося на стереотипы и предубеждения, охватывает категории людей, с которыми мы не сталкиваемся непосредственно, только наше представление соединяет их в реальные сообщества: члены этнической группы, религии, расы и т.п. А так как импульс доверия относится исключительно к людям, «чтобы его погасить, достаточно дегуманизировать, овестивить адресат доверия, лишить его человеческих черт: индивидуальности, само/утверждения, достоинства, автономии»³. Недоверие, базирующееся на деперсонализации, провоцирует ксенофобию ко всем членам воображаемого сообщества.

Особая проблема – институциональное доверие. С начала 1990-х гг. уровень доверия к отдельным государственным институтам стабильно низок⁴, причем неуклонно снижается с 2008 г.⁵

Сокращается доверие не только к государственным институтам – мало доверяют публичным людям, организациям, режимам, с которыми имеется только опосредованный контакт, чаще всего через СМИ: крупному бизнесу, деловым и промышленным кругам, банкам, тем же масс-медиа.

В обществе идет экспансия культуры недоверия, для которой характерны аномия, нестабильность общественного порядка, непрозрачность институций, чуждость окружения, безответственность других людей и инсти-

тутов⁶. Не последнюю роль в эрозии культуры доверия играет социально-политическое устройство современной России, выстраивание вертикали власти и ее централизация снижает потребность власти в доверии граждан: «В случае полного контроля над каким-то явлением доверие, естественно, не играет никакой роли... Полная власть не требует доверия». При этом «чем сильнее граждане ощущают недоверие со стороны власти, тем меньше ей доверяют»⁷.

Становление культуры недоверия сочетается с низким уровнем лояльности и солидарности: нарастание недовольства сложившейся в стране ситуацией во всех группах россиян, наряду с нарушением базовых принципов справедливости, ощущение «неправильности» происходящего «приводит к нарастанию атомизации, разрушающей непосредственно переживаемое чувство органической общности нации и, тем самым, устои социальной солидарности россиян»⁸, что подрывает фундаментальные ценности россиян.

Эрозия традиционных ценностей и перестроение солидарностей

Согласно кросс-культурным исследованиям, в российской культуре заложены ценности, которые в известной мере не служат барьером ксенофобии. Русская культура относится к культурам коллективистского типа с высоким уровнем избегания неопределенности и дистанции власти (по Г. Хофстеду), преобладающим «традиционных» ценностей и ценностей «выживания» (по Р. Ингельхарту), выраженностью ценностей «принадлежности» к коллективу и ценностей «иерархии» (по Ш. Шварцу)⁹.

Анализ внутрироссийской дифференциации ценностей по Р. Ингельхарту показал, что 50% российских респондентов ориентируются на подчинение и слабо ориентируются на самостоятельное социальное действие. Для них характерно придание высокой важности иерархическим отношениям в обществе, получению и исполнению сигналов «сверху» и руководству стоящими ниже них в статусной иерархии. Прямым продолжением почтения к иерархии власти является высокая ценность «порядка»,

¹ Явлинский Г.А., Космынин А.В. Двадцать лет реформ – промежуточные итоги? (российское общество как процесс) // Мир России, 2011, № 2, с. 14.

² Козырева П.М., Смирнов А.И. Доверие и его роль в консолидации российского общества // Социальные факторы консолидации Российского общества: социологическое измерение. – М., Новый хронограф, 2010, с. 171.

³ Штомпка П., цит. соч., с. 117, 157-158.

⁴ Общественное мнение – 2012, с. 76-77.

⁵ Голенкова З.Т., Игитханян Е.Д. Российский рабочий: социально-политические ориентации // Россия реформирующаяся. Вып. 11: Ежегодник / отв. ред. М.К. Горшков. – М.: Новый хронограф, 2012, с. 276-277.

⁶ Штомпка П., цит. соч., с. 300 – 305, 414.

⁷ Штомпка П., цит. соч., с. 71, 379.

⁸ Тихонова Н.Е. О чем мечтают россияне: идеал и реальность / Под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, Н.Е. Тихоновой. – М.: Весь Мир, 2013, с. 289.

⁹ См.: Лебедева Н.М. Этническая и кросс-культурная психология. – М.: МАКС Пресс, 2011.

приверженность диктуемым «сверху» запретам, в частности аборт и гомосексуализма, несамостоятельность, нерешительность. Недоверие окружающим сочетается у них с повышенным доверием властным фигурам.

Лишь у 3% российских респондентов альтернативные ценности инициативной автономии преобладают над ценностями встраивания в вертикаль власти (как светской, так и духовной). Преобладание ориентации на самостоятельность над ориентацией на подчинение сочетается у них с высоким уровнем доверия к окружающим. Промежуточных ценностей придерживается 46% респондентов, отвергающих регулирующие воздействия, идущие «сверху», но не выражающих готовности к собственному активному действию; уровень доверия к окружающим у них также невысок¹.

Отмечалось, что «господствующая система ценностей и убеждений обеспечивает легитимизацию социальных принципов распределения, а тем самым — и существующего неравенства. Сама легитимизация очень часто выступает как одобрение или поддержка общественным мнением этих форм»². Это так — но до определенных пределов, когда сомнения в принципах распределения перерастают в сомнения в легитимности существующего порядка.

Власти отдают отчет в опасности размывания традиционных ценностей, дестабилизации основ культуры, в первую очередь — почтительности к власти, лояльности, признания легитимности сложившегося порядка.

Выход ищется, во-первых, в эксплуатации традиционных ценностей «порядка» и апелляции к «стабильности». (При игнорировании других ценностей, в частности — «справедливости». Запрос на «справедливость» в условиях возрастающего социального неравенства ведет к фрустрации, нарастанию агрессивных настроений³. В результате идет размывание электорального ядра сторонников власти, ее опоры).

Во-вторых, в пресечении различных форм неуправляемой инициативы и солидарности, идущих снизу и основывающихся на бескорыстии, готовности бескорыстной помощи. Благотворительность и волонтерство, идущие снизу, не в почете: власти готовы говорить лишь о специфически понимаемой «социальной от-

ветственности бизнеса». Для власти характерно недоверие к сложным формам организации или мысли, солидарности и достижения, соответственно — недоверие к гражданскому обществу, любым добровольным, а не принудительным ассоциациям и связям, подавление стремления «к более сложным формам гратификации и солидарности»⁴.

В-третьих, что наиболее важно, — в реформировании солидарностей и формировании иных оснований для лояльности власти; власть, иницирующая объединение представителей определенных социальных групп по общественно значимой проблеме, справедливо рассчитывает на лояльность членов общества, разделяющих ее взгляды и основания такой солидарности.

Власть, не нуждающаяся и не рассчитывающая на доверие граждан, нуждается в солидарности и лояльности к ней. Трудно представить солидарность и лояльность без доверия, альтернативой может служить, казалось бы, лишь страх. Сегодня формируются уникальные основания солидарности и лояльности: не доверие, не страх, а избирательное недоверие и избирательные страхи — недоверие к чуждым и страхи «чужих».

Основанием «новых солидарностей» все чаще выступают ксенофобные настроения сограждан, к которым апеллирует власть, опираясь на результаты социологических опросов. Выказывалось мнение, что за «борьбой с пропагандой гомосексуализма» ничего не стоит, кроме «тупой гомофобии / тупой ксенофобии / элементарного людоедства»⁵. Отнюдь: «норма, понимаемая как константа традиционализма, — единственное, что снимает все социальные границы»⁶.

Идеальной моделью реформирования солидарностей стала кампания, развернутая после событий на Матвеевском рынке в Москве летом 2013 г. (и, в фантазмагорично истеричной форме продублированная после Бирюлево). Гонения на трудовых мигрантов, рейды на рынках и их закрытие, изоляция и высылка иностранцев формировали новые солидарности с властью, эксплуатируя негативные настроения по отношению к нескольким группам одновременно: а) к иностранцам, б) к кавказцам, в) к незаконным мигрантам, г) к торговцам, д) к криминалу, е) к коррумпированной полиции.

¹ Магун В., Руднев М. Ценностная гетерогенность населения европейских стран: типология по показателям Р. Инглхарта // Вестник общественного мнения. 2013, № 3-4 (113).

² Хахулина Л. Субъективные оценки социального неравенства: результаты сравнительного международного исследования // Вестник общественного мнения, 2004, № 3, с. 45.

³ Тихонова Н.Е., цит. соч., с. 307.

⁴ Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Зоркая Н.А. Молодежь России. — М.: Московская школа политических исследований, 2011, с. 18.

⁵ Бычкова О. Чтобы никаких сомнений // Эхо Москвы, 13 июня 2013.

⁶ Берг М. О Путинской норме // Эхо Москвы, 24 июня 2013, <http://www.echo.msk.ru/blog/mberg/1101356-echo/>.

При любых вариантах выстраивания «новых solidarностей», потенциальные объекты ксенофобии (этнические и религиозные меньшинства, мигранты, иностранцы) оказываются по иную сторону барьера, они — априори «чужие». Парадоксальным образом при этом «новые solidarности» объединяют как традиционалистов, так и их антагонистов, руководствующихся избирательной solidarностью, базирующейся на «этике ответственности, а не предписаниях традиции или коллективного заложничества»¹. (По крайней мере, часть из них — как наиболее ярые борцы с ксенофобией, так и наиболее яркие ее пропагандисты являются представителями «модерного» типа личности. Не случайно ксенофобные настроения широко распространены в столицах среди высокообразованных, материально обеспеченных бизнесменов, руководителей высшего звена²).

Этническая solidarность занимает неподобающе значимое место в пространстве иных групповых solidarностей. В обществе доминируют представления о первостепенности прав групп, а не личности: 12% респондентов согласились с лозунгом «Россия для русских», 33% — с утверждением, что «Россия многонациональная страна, но русские должны пользоваться определенным преимуществом», 35% выбрали подсказку «Россия многонациональная страна, и все национальности должны пользоваться равными правами». Лишь 18% согласились с утверждением: «Важно обеспечить права личности, а не этнических групп», еще 3% затруднились с ответом³.

И хотя этническая solidarность может прямо коррелировать с гражданской⁴, социологи отмечают как неблагоприятный симптом, что solidarизация в немалой степени основана на обидах, особенно среди русских⁵.

Российское общество — мобилизационное, а «непременное условие мобилизационного состояния — обстановка постоянной «борьбы» (Левада 2001, с. 13). С непреходящими поисками «врагов», внутренних и внешних⁶. Дух

¹ Гудков Л. Доверие в России: смысл, функция, структура // Вестник общественного мнения, 2012, № 2, с. 27.

² Среди лиц с доходом свыше 60 тысяч рублей в месяц доля полностью одобряющих действия скинхедов была в 7 раз выше, чем среди всех респондентов (МегаФОМ, 2011).

³ МегаФОМ, 2011.

⁴ Дробижева Л.М., Рыжова С.В. Российская идентичность и межкультурная толерантность // Социальные факторы консолидации Российского общества: социологическое измерение. — М., Новый хронограф, 2010.

⁵ Дробижева Л.М. Этничность в социально-политическом пространстве Российской Федерации. Опыт 20 лет. /Л.М. Дробижева. — М.: Новый хронограф, 2013, с. 244.

⁶ См., например, список государств — врагов России с 2007 года (Общественное мнение — 2012, с. 200).

конфронтации пронизывает все общественные дискуссии в России, а понятия ненасилия, терпимости, компромисса имеют явную негативную коннотацию. На всем протяжении 2000-х возможность массовых кровопролитных столкновений на национальной почве в стране допускали менее половины респондентов⁷. В октябре 2013 г. такую возможность допускали уже 62% опрошенных⁸.

В начале 2000-х высказывалось мнение, что единственный мобилизационный ресурс автократии — эксплуатация уязвленного национального достоинства русского народа⁹. Освоение технологии «новых solidarностей», сопровождающееся постоянным поиском и нахождением новых объектов ксенофобии, «новых чужих», существенно расширило ресурсы мобилизации: «буквально все, что ни происходит в стране ... начинает казаться сплошным гигантским, сложно организованным отвлекающим маневром, политтехнологическим фейком циклопического масштаба. Интеллектуальная и духовная жизнь Святой Руси начала XXI века перенасыщена... взрывами массовых эмоций, угаром вражды по всем горизонтам и азимутам»¹⁰.

Поиск расколов, поставленный на поток, с одной стороны, решает тактические задачи, с другой — ведет к сегментации общества, а не его консолидации.

За последний год озабоченность обывателей наплывом приезжих, мигрантов резко возросла: если в 2012 г. такого рода тревожность выражали 16% респондентов, то в 2013 г. — 27%¹¹. При том, что объективных оснований тому нет: всплеск трудовых миграций пришелся на начало 2000-х, за последние три года численность мигрантов, работающих в России, стабилизировалась на уровне 4,5–6 млн. человек.

Несомненно, огромную роль в всплеске ксенофобных настроений сыграли события лета этого года, сопровождавшиеся истерией по поводу «проблем миграции»¹². «Дельта» тревож-

⁷ Общественное мнение — 2012, с. 177.

⁸ Россияне о миграции и межнациональной напряженности. Левада-Центр, Пресс-выпуск 5 ноября 2013.

⁹ Лайн Э.А. Этнополитический маятник. Динамика и механизмы этнополитических процессов в постсоветской России. — М.: Институт социологии РАН, 2004, с. 234.

¹⁰ Рубцов А. Философия опасности // Отечественные записки, 2013, № 2 (53).

¹¹ Проблемы и тревоги россиян. Левада-Центр, Пресс-выпуск 3 сентября 2013, <http://www.levada.ru/03-09-2013/problemy-i-trevogi-rossiyan>.

¹² Обсуждение «проблемы миграции» сводится к предложениям конкретных мер, подобных введению визового режима, ужесточения законодательства и т.п. Артикуляция «проблемы» отсутствует, хотя очевидно, что разные вызовы предполагают различные, часто взаимоисключающие, решения.

ности — конструкт, продукт пропаганды ксенофобии¹.

Об этом свидетельствует то, что наиболее подвержены мигрантофобиям жители тех населенных пунктов, где, как они сами констатируют, мигрантов нет. И то, что образ «мигранта» для обывателя абстрактен². (Сами мигранты взаимоотношения с принимающим населением оценивают также исходя из представлений, почерпнутых из масс-медиа³).

Маховик ксенофобии раскручивается: пропаганда формирует соответствующие общественные настроения, опираясь на которые и черпая фантастические сведения из них же, масс-медиа и политики вбрасывают все новые и новые порции ненависти к «чужим» в общественные дискуссии и информационное пространство.

Неадекватная реакция масс-медиа и политиков на события лета 2013 г. (Матвеевский рынок, выборы мэра Москвы, Бирюлево), не имеющая вроде на то видимых оснований, вполне логична: переформатирование солидарностей невозможно без соответствующей атмосферы, формирующей общественные настроения.

Представители меньшинств — удобные «козлы отпущения». Для политиков это способ канализации социального недовольства и завоевания популярности. Еще в начале 1990-х отмечалось: «Почти одинаковая по степени готовности сторонников различных течений поддерживать негативные этнические установки (а также соответствующие им действия, например, различные запреты, ограничения на передвижения, занятия по этническим признакам) приводит к сохранению и усилению потенциала ксенофобии в обществе»⁴.

Ксенофобия и мигрантофобии расползаются благодаря активизации этнических антрепренеров. В дискурсе «расизма», это не только,

по мнению В.А. Тишкова, бытовой расизм, но и политический расизм, основанный на партийной идеологии и находящий отражение в партийных программах⁵ и практической деятельности, а также институциональный расизм, присущий таким социальным институтам как армия, школа, здравоохранение, социальная помощь, религиозные организации, государственный расизм, обнаруживающийся в законодательстве, практиках⁶.

Заключение

Осуждение ксенофобии, как правило, идет с этических позиций. Пора понять: ксенофобия не прагматична, сегрегированное общество лишено будущего.

Институционализация новых отношений невозможна без повышения доверия, а доверие невозможно без эффективных социальных институтов. Не реалистично уповать, что выходом из этого тупика станет появление анклавов с собственным, современным типом социального капитала⁷. Адекватным ответом на вызовы, стоящие перед обществом, будут меры, направленные на создание климата доверия — в первую очередь, восстановление публичного доверия.

Особое значение приобретают инструменты согласования интересов разных социальных и политических групп. Необходим диалог, «промысел смысла»⁸, продуманная и прозрачная политика противодействия интолерантности, включающая принятие соответствующей государственной программы, создание общественного контроля над функционированием социальных и политических институтов, призванных противодействовать ксенофобии.

Без создания климата доверия, без институциональных преобразований, пусть даже символических, ксенофобия будет оставаться не только продуктом, но и инструментом функционирования российского общества.

¹ «Клуб телепрессы» назвал антисобытием телесезона «Систематическое возбуждение ксенофобских настроений в политическом эфире государственного телеканала «Россия 1»». (РИА-Новости, 31 октября 2013, <http://ria.ru/society/20131031/973443619.html>).

² В структуре повседневного сознания работающей российской молодежи понятие «мигранты» не связывается с определенными этническими группами, определенной конфессией или определенными образцами поведения. (Проект РГНФ 13-03-00494 «Анализ особенностей взаимной адаптации и потенциала интеграции молодых россиян и молодых мигрантов из Средней Азии и Закавказья», использовалась методика семантического дифференциала).

³ Политика интеграции мигрантов в России: вызовы, потенциал, риски: рабочая тетр. / [В.И. Мукомель]; [гл. ред. И.С. Иванов]; Российский совет по междунар. делам (РСМД). — М.: Спецкнига, 2013, с. 11).

⁴ Левада Ю. Новый русский национализм: амбиции, фобии, комплексы // Мониторинг общественного мнения, 1994, № 1, с. 17.

⁵ В программах всех парламентских партий, за исключением «Единой России», присутствуют ксенофобные тезисы (*Мукомель Владимир*. Миграционная риторика в программных документах политических партий. КАРИМ-Восток — Консорциум прикладных исследований по международной миграции, 2012, http://www.carim-east.eu/media/exno/Explanatory%20Notes_2012-51.pdf).

⁶ Толерантность..., с. 571.

⁷ Гудков Л. Д. Доверие..., с. 42.

⁸ Штомпка П., цит. соч. с. 327.

Светлана КОРОЛЕВА
Алексей ЛЕВИНСОН
Анастасия ЦАТУРЯН

Государственные дети. О местах содержания детей без родителей

Вступление: репродукция как проблема

В предлагаемый ниже обзор нескольких работ Отдела социокультурных исследований Левада-центра мы включили те, которые относились к деятельности ряда институтов репродуктивной системы нашего общества¹. Многие исследования Центра свидетельствуют о том, что репродукция общества, понимаемого как «население», стала заботить немалую часть этого общества. При этом публика и масс-медиа более всего говорят о снижении рождаемости, о сокращении населения страны или, что чаще, о сокращении числа и доли русских в этом населении. Не будем обсуждать «объективные» причины этого беспокойства. Для дальнейшего нам важно указать на такую перемену: от идеи, что Россия – страна неограниченных ресурсов, в том числе, людских, совершается переход к идеям их истощимости, и в перспективе – исчезновения. Эсхатологические картины исчезновения русских как этноса уже предлагаются, пусть пока как гротеск. Возникающая озабоченность приобретает далее первертные формы, поскольку начинает эксплуатироваться субъектами, имеющими собственный и при этом сторонний для проблемы интерес, на-

¹ Речь идет об исследованиях, проводившихся за последние годы по заказам ряда благотворительных фондов и государственных организаций, в том числе ПРОБО «РОСТОК» (благотворительная организация, которая занимается семейным устройством детей-инвалидов) и Благотворительный Фонд «Цвет Жизни» (оказывает помощь детям-сиротам и детским домам Москвы и Московской области). Проекты предполагали обследования детских домов-интернатов (ДДИ), интервью с выпускниками школ-интернатов, интервью с родителями детей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ), с педагогами и администрацией школ, практикующих инклюзию, с родителями детей дошкольного возраста, а также интервью с экспертами по соответствующим вопросам. Отметим, что сам рост числа обращений в Левада-центр с подобными заказами в какой-то мере отражает отмеченный выше рост общественного интереса к названной проблематике. Исследования в основном проводились в технике групповых дискуссий и индивидуальных интервью. Приводимые в тексте дословные высказывания респондентов выделены курсивом.

пример, политический или электоральный. Инспирированный подобными субъектами взлет иррациональной гомофобии снабжают «рациональными» аргументами о том, что это есть борьба против снижения численности населения. На том же основании поборники «здоровой семьи» разворачивают борьбу против пропаганды так называемого защищенного секса. Указанная перверсия видится в том, что те структуры, которые способны отразить и направить внимание общества, направляют его на предмет репродукции, на секс, но на ту его сторону, которую заведомо считают или объявляют «нездоровой». А для решения обнаруживаемых в этой сфере проблем предлагаются меры из фундаменталистского арсенала. (Его активация, а не «решение проблемы», обычно и является реальной политической целью таких акций).

Наряду с этим в социуме явственно видна перемена отношения к той части репродуктивного процесса, где обычные общественные системы дают сбой. Речь идет о сиротстве, в том числе социальном, о появлении сирот и детей, которых родители по тем или иным причинам не в состоянии воспитывать в семье.

Исследования, в которых приходилось принимать участие, показывают, что воспитание детей в их собственной, родной семье привлекает к себе внимание общества в той степени, которую можно считать рутинной. По-другому можно сказать, что такое состояние и текущие там процессы в целом принимаются за норму. На фоне этой нормы делом чрезвычайным или отклоняющимся от этой нормы, требующим собственного обоснования, является воспитание детей вне родной семьи. Недавние исследования, кратко отраженные в этом обзоре, показали, что проблемным для части родителей является сегодня даже направление ребенка на ограниченное время вовне семьи, например, в детский сад.

Проблемой, привлекающей внимание публики, впрочем, довольно одностороннее, стала судьба сирот, воспитывающихся в специальных учреждениях. Вопросами возможной передачи сирот из воспитательных учреждений в семьи публично озаботился парламент, за ним медиа и церковь. Как мы покажем ниже, это — предмет весьма острого столкновения двух разных подходов. Обстоятельства такой передачи порой оказываются в центре самого широкого общественного внимания, попадая туда неожиданным, казалось бы, образом, например, в контексте конфликта между Россией и США («Дело Димы Яковлева» как ответ на «дело Магницкого», подробнее об этом — в последнем разделе обзора).

Часть общественной дискуссии на этот счет отразили наши исследования в детских домах-интернатах, и о них тоже пойдет речь в этом обзоре. Интервью с персоналом этих учреждений позволяют увидеть проблему изнутри этой системы, тогда она предстает как проблема самой системы.

Наконец, в обществе заинтересовались и самой тяжелой участью детей. Речь идет о «детях с ОВЗ», т.е. о детях с ограниченными возможностями здоровья. Медленно пробивает себе дорогу идея о том, что инвалиды имеют право на присутствие в «нормальной» общественной среде. Интервью с родителями таких детей показывают, что сопротивление этой идее со стороны «здоровой» общественности еще очень велико.

Два взгляда на детский сад

Нам показалась важной в теоретическом и практическом отношении фиксируемая в интервью с родителями оппозиция детсад — семья. В родительском дискурсе оба института выступают как носители важнейших ценностных начал. Эти начала — личность и коллектив, индивид и государство. Их противоречие вполне актуализировано в родительском сознании.

— *Детский сад — начало тоталитарного государства, кабалы на всю жизнь. Чем дольше от нее можно укрываться, тем лучше.*

— *Там не вникают в каждого ребенка: Всем есть! Всем спать! Всем гулять!*

— *Дома можно развивать индивидуальность, давать ребенку то, что ему больше всего подходит, а в саду уж нет...*

Ценность коллективистского и ценность индивидуально-личностного начала в воспитании соприсутствуют на равных в родительском дискурсе, сохраняя свою взаимоисключительность. Именно их соприсутствие делает — и для

семей, и для общественного, государственного института социализации — выбор между домашним и садовским воспитанием не простым практическим вопросом, а драматической дилеммой.

Ясно, что в этой ситуации сталкиваются ценности коллективизма как одной из основ советской традиции, с одной стороны, и индивидуализма как приписываемого враждебной ей новации с «Запада», то есть, происходит столкновение ценностей «своего» и «чужого», а также «старого» и «нового». Старое может получать трактовку как надежного, проверенного опытом, освященного традицией, а может — как устаревшего, подлежащего отвержению как не отвечающего современным требованиям. Мы встречались в ходе исследования и с тем, и с другим отношением к детскому саду как институту традиционному.

Надо отметить, что такое отношение вызывает муниципальный детсад, который родители называют словом «государственный» или «нормальный», «обычный». Названных претензий не обращают к частным детским садам, в которых, как считают даже те, кто туда детей не водит, практикуется индивидуальный подход к ребенку. Эти заведения, что называется, снимают описанные противоречия между началами коллективизма и индивидуализма, но для массового сознания они не выход — они *только для тех, кто может себе позволить*.

Помимо отвлеченных ценностных соображений у родителей зачастую имеется собственный опыт пребывания в детском саду. Есть простая сторона дела: родители, которые этот опыт пребывания ощущают как негативный, стремятся избавиться от него своих детей, и наоборот. Но в данном контексте важно, что именно воспринимается сейчас и помнится этими взрослыми людьми как травмирующее. Все без исключения воспоминания этого рода, которые приводились родителями, касались ущемления их индивидуальности в детсаду, насилия над их личностью со стороны либо детского коллектива, либо, что чаще, со стороны воспитателя, выступавшего для них от имени суперколлектива — государства, общественного строя. Именно это, а не, например, физические неудобства, плохое питание, и даже не плохой характер воспитателя выступают их внутренним аргументом против детсадовского воспитания.

Противоположное начало было представлено родителями, которые именно умение быть в коллективе считают главной задачей воспитания. При этом часть из них акцентируют необ-

ходимость обучения тому, как подчинять свою индивидуальность и волю нормам и рамкам государственного и общественного начала.

— *Детсад это дисциплина. Без нее в жизни нельзя. Их там приучают понимать, что значит «надо». Жить в коллективе учат.*

Другие родители считают, что детсад — место, где ребенок учится не только подчиняться, но и не подчиняться, а также подчинять себе. Это обычно называют умением *стоять за себя*, умением *дать сдачи*. Обычно говорят, что это умение проявить агрессию нужно в первую очередь мальчишкам.

— *Придется ведь в жизни и людьми командовать. Надо все уметь*

Но были и родители, которые учили этому девочек.

Интересно было видеть одобрение, с которым одна из мам отмечает, что ребенок в детском саду научился врать.

— *Это ведь в жизни нужно, чтобы постоять за себя.*

Требования уметь подчиняться и уметь подчинять формируют классический вариант авторитарной личности. Добавленное к этому комплексу умение врать в целях приспособления к среде создает много интересовавший Ю.А. Леваду феномен «лукавого человека» как отечественной вариации названного типа личности. К его формированию причастны и те черты детсадовского быта, о которых никто не говорит с одобрением. Это грубость и жестокость обращения детей друг с другом, широкое хождение нецензурной брани в их среде, недостаточный уход (*стоят в мокрых трусах на морозе, никто не сменит им*), плохое по качеству или вкусу питание.

Детсад, детский коллектив многими родителями воспринимается как отрицательный, но неизбежный атрибут жизни. В этом детсад сродни детским болезням и прямо связан с ними.

— *Надо до школы отходить в садик, отболеть всем инфекциями. Домашний ребенок болеет меньше, но пойдет в школу — все подхватит, иммунитет ведь нет.*

Таков один из образов детсада. Наряду с ним есть образ «хорошего» сада с добрыми воспитателями, умеющими увидеть в каждом ребенке *маленького человека, тоже личность*. Но архетипически пестование индивидуальности человека связывается с домашним воспитанием при участии матери. Положительные стороны домашнего воспитания видятся именно в этом. Многие нынешние матери одного-двух

детей видят свою задачу не только в сохранении здоровья ребенка, обеспечении его физического развития. Интеллектуальный рост, обучение началам знаний, а также воспитание личности они ставят как задачи домашнего воспитания, как собственные задачи. И решают эти задачи.

Однако отношение к домашнему воспитанию такое же двойственное, как к детсадовскому. Рисуя образ домашнего ребенка, родители-респонденты часто указывают на то, что дома ребенок с нерадивыми родителями или чаще — с бабушкой, которая таких задач перед собой не видит, оказывается под влиянием социализирующих систем, которые еще хуже детсадовских по показателю деиндивидуализации — это телевизор и компьютер с играми. Кроме того, домашний ребенок *вырастет неженкой, не будет уметь общаться и играть с детьми. Бабушка перекормит его сладким* и пр. и пр.

Мир как «воля» и как представление

Понятно, что детский сад — место всего лишь временного пребывания детей без родителей. Но уже этот институт, как мы показали, вызывает озабоченность у части публики. Разумеется, гораздо больше она находит проблем в судьбе детей, который не имели семьи или утратили ее и воспитывались в детском доме.

Проблемы, которые возникают в этой связи, известны специалистам: «Государственная система ориентирована на создание условий социальной защиты и развития детей. Но психическая депривация, характерная для ситуации институализации, приводит к тому, что общее физическое, психическое развитие детей замедляется и искажается, создавая эффект, получивший в американской практической психологии диагностическое название — «психосоциальная карликовость». Известно, что результатом пребывания ребенка в детском доме является низкая самооценка, ограниченность социального опыта, неразвитость эмоций, неготовность к самостоятельной жизни. Период постинтернатной адаптации для выпускников осложняется иждивенческими установками, низким уровнем социального интеллекта и компетентности. Предоставляемая государством социальная помощь оказывается малоэффективной — выпускники чувствуют себя психологически незащищенными в самостоятельной жизни»¹.

¹ Семья Г. Основы психологической защищенности детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей // Развитие личности. 2004. № 1 (<http://rl-online.ru/articles/1-04/415.html>).

Ниже предлагаются дополняющие этот вывод наблюдения над тем, как реализуется один из вариантов выхода сирот из детского дома в «жизнь». Отметим, что речь идет о выпускниках «хорошего» детдома. В представлениях воспитанников, а также персонала, руководства на уровне города учреждения этого рода часто делятся на категории «плохие», «средние» и «хорошие». Эта репутация является довольно устойчивой. Все три категории непременно существуют, поскольку выполняют разные функции внутри системы и дополняют друг друга. «Плохие» играют роль отстойника, места наказания и ссылки, хорошие играют роль «лица отрасли», проводников передового опыта и пр. Средние демонстрируют норму. Школа-интернат, выпускники которой давали интервью, принадлежит к «хорошим»

О пред-предыстории, т.е. о том, почему наши респонденты в тот или иной момент оказались в детском доме или подобном учреждении, здесь рассказано не будет. С одной стороны, велико кажущееся разнообразие этих траекторий. С другой, все случаи укладываются в известную и небогатую типологию вариантов социального неблагополучия, признаваемых законом в качестве оснований для помещения ребенка в детский дом (интернат и т.п.)

Когда выпускники рассказывают историю своего пребывания в детском доме (школе-интернате), то их рассказы, напротив, отличаются очень большим единообразием. Это в основном рассказы о том, каким хорошим был интернат, как хорошо там жили. У исследователей нет оснований и нет намерений ставить под сомнение эти высказывания как таковые. Но ясно, что они суть не свидетельства о реальной жизни, а элементы коллективно сконструированного мифа о славном прошлом, о своего рода золотом веке. Такой миф играет очень важную роль в жизни сирот, он и после выпуска выступает одной из форм компенсации.

Детство без семьи всегда означает дефицит любви как персонального чувства, как асимметричной, но двусторонней эмоциональной связи человека и человека. Детский дом предлагает различные формы замены таких индивидуальных отношений на коллективные или смешанные коллективно-индивидуальные. Для практически всех респондентов жизнь в детском доме была ограничена его стенами, соответственно, их социальный опыт был вынужденно ограничен лишь теми вариантами взаимодействия, которые там практиковались. Давно стало общим местом указание на недостаточность

этого опыта для успешного построения взаимодействия в «жизни», в том мире, куда попадает выпускник после выхода из детдома. Встает вопрос, почему он недостаточен? Из педагогической и художественной литературы мы знаем, что детские колонии в СССР в 1920-30-е годы выпускали много выдающихся в дальнейшем деятелей, претензий упомянутого рода к этим учреждениям не было. Встает второй вопрос: почему тогда опыт этих воспитательных учреждений был достаточен для успешной жизни в гражданском мире?

Чтобы ответить на эти вопросы, стоит привлечь к рассмотрению опыт Красной Армии как института социализации тех же лет в сравнении с социализацией в Советской/Российской армии в период с 1980-х гг. по настоящее время. В период ускоренной урбанизации и социальной модернизации, каким были 1920-30-е годы, детколони и Красная Армия принимали на воспитание контингент, уровень которого был существенно ниже должного уровня, заданного директивными инстанциями. В искусственных условиях изоляции, жесткой дисциплины и регулярных коллективных занятий за срок в несколько лет удавалось передать им сумму знаний, навыков, компетенций, которые соответствовали назначенному уровню, либо его превосходили. Проще всего увидеть это на примере грамотности, умения считать. Но то же самое можно сказать и о нескольких иных компетенциях, таких как управление автомобилем и трактором, работа на станках. Особое значение имели новые социальные навыки: умение подчиняться коллективной дисциплине, исполнять инструкции безличного характера. Указанные умения создавали выпускникам этих институтов преимущества в искусственно формируемой социальной культуре массового производства и массового быта. Их статус оказывался выше, чем у многих их сверстников и более старших членов общества, переживавших культурную революцию не в условиях изоляции. Удачный социальный старт позволял далее раскрываться индивидуальным способностям человека, облегчал дальнейшее продвижение. Учреждения и системы, дававшие названные преимущества, имели высокий престиж, рассматривались как авангардные.

За время жизни этого поколения социальная среда в российских городах существенно усложнилась. Образовательная норма постоянно повышалась. Существенные конкурентные преимущества стало давать только высшее образование и документ о его наличии. Но си-

стемы закрытых воспитательных учреждений, таких как детдома и интернаты, а также армия остались в этом смысле на прошлой и позапрошлой ступени. Сумма профессиональных навыков, которую они способны дать своим воспитанникам, не интересна работодателю. Набор представляемых там социальных компетенций резко отстает от требований, которым отвечают их сверстники, выросшие «на свободе». Престиж всех этих учреждений стал падать все ниже и ниже. Они потеряли значение социального лифта, в них стали развиваться стагнационные процессы. Системы замыкались на самовоспроизводстве. Что касается их роли для «большого» общества, они из авангарда перешли в арьергард. Это значит, что они стали хранилищем и местом воспроизводства наиболее архаичных — но именно потому претендующих на роль фундаментальных — отношений, ценностей и социальных образцов. Развивающиеся в их коллективах неформальные структуры тотального насилия и принудительной дифференциации/дискриминации по внешним признакам возраста, расы, известные под именами «дедовщины», «землячества», и дополняющие их феномены тотальной коррупции стали приобретать большее значение, чем системы формальных отношений и формальных функций этих институтов¹.

Если говорить о людях, прошедших действительную службу в Советской Армии или Российских вооруженных силах, то, как показывали исследования ВЦИОМ-Левада-центра в конце 1980-х, для большинства из них уже тогда эти годы оказывались «потерянным временем», они ставили человека ниже среднего уровня по многим ценным в современной российской жизни критериям. Единственный параметр, по которому обычный «дембель» выделялся в социальной среде — это готовность применять насилие и терпеть насилие по отношению к себе. Поэтому естественным является то, что опыт действительной службы создает преимущества, в т.ч. формальные, только для поступления на службу в силовые структуры. (Этот же признак сделан основой для преимуществ при поступлении в вузы, но широко известно, что это — не признание более высокой компетентности, а льгота, компенсирующая ее недостаток).

Закрытые заведения для содержания сирот, как показывают наши исследования, прилагают усилия для включения своих воспитанников «в жизнь». Однако они даже в лучших своих ва-

¹ Левинсон А. Об эстетике насилия // Неприкосновенный запас, 1999 № 2 (4).

риантах оказываются неспособны обеспечить своим выпускникам уровень социализации, отвечающий современным стандартам городской жизни. Среди персонала этих учреждений такое положение вещей считается нормальным. Но объяснение в подавляющем числе случаев они находят в исходном качестве «человеческого материала»²:

— *Что вы хотите от этих ребят? Вы бы посмотрели, какими они к нам поступают...*

То, что система социализации в детдомах исторически отстает от современности, косвенным образом признается тогда, когда говорится:

— *Конечно, в семьях им было бы лучше, кто ж говорит, только кому они нужны?*

В итоге считается общепризнанным (по крайней мере в рамках неформальных дискурсов, «по жизни»), что быть выпускником детдома — значит проигрывать сверстникам на большинстве рынков, и, прежде всего, на брачном и трудовом. Почти все из интервьюированных выпускников заняты мало- и среднеквалифицированной физической работой. Современные выпускники детских воспитательных учреждений менее приспособлены к жизни в современном обществе, чем выпускники подобных учреждений к существовавшему обществу 80 лет назад.

Подчеркнем, что мы видим причину такого положения не в деградации этих учреждений, как не видим ее в резком снижении интеллектуального уровня соответствующих контингентов молодежи. Мы полагаем, что за эти 80 лет произошло существенное изменение общественного контекста, культуры того социума, в котором находятся сиротские учреждения (а также армия). Можно говорить об уровне общей грамотности, который обеспечивается пребыванием в детском доме (или на действительной службе), и сравнивать его с тем, который существует в современном городском обществе. Он ниже, а не выше. Можно говорить о специальных навыках, специфических компетенциях, получаемых в ходе социализации в детдоме — или в армии. Они, за небольшим исключением, не востребованы в общегражданской жизни. Наконец, самое главное, опыт пребывания

² Безусловно, дети, поступающие в такие учреждения, в силу тех самых обстоятельств, которые лишают их семьи, уже на самом старте имеют сложности и проблемы, вызывающие то, что называется отставанием в развитии, запущенностью, умственной отсталостью, не говоря о собственно клинических диагнозах. В части случаев воспитание в этих учреждениях дает коррекцию, чем по праву гордится персонал детдомов, в части случаев закрепляет это «отставание» от того, что в современном обществе считается возрастной нормой, с чем персонал смиряется как с неизбежностью.

в замкнутом коллективе, в ограниченном социальном пространстве, заполненном преимущественно первичными, личными социальными отношениями, он избыточен для индивида в годы пребывания в нем, но мало востребован и категорически недостаточен после выхода в большой мир. В 1920-30-е российское (советское) общество меняло свое агрегатное состояние, переставало быть общинно-деревенским, становилось колхозно-поселковым, фабрично-слободским. Это значит, что в нем по-прежнему преобладают первичные, личные отношения, но в них встраиваются отношения власти, управления, командования/подчинения. Значимость коллектива, коллективизма в бытовой и производственной сфере, которая характерна для этой эпохи, это значимость связей управления как особого вида первичных, личных. Ребенок, подросток в деревне, в семье, в детской компании или банде имел навыки общения и подчинения, но это были навыки подчинения в малых группах, понимание их этики и нормативного строя. Детские колонии, воинские части прививали опыт общения подчинения в коллективах большей размерности, понимание новой этики. Именно такие коллективы встречали выпускника детдома, детколони, армии при выходе в «жизнь». Задачи именно такой социализации решала — и решала успешно — педагогика тех лет. Подросток, прошедший воспитание в колонии, юноша, прошедший воспитание в армии, имели существенные преимущества перед своими ровесниками, прибывшими в город прямо из деревни или из поселковой семьи.

Уже в 1960-е, а тем более в последующие десятилетия советское общество в значительной своей части стало городским и крупно-городским. Жизнь горожанина в большой, а затем и большей части — это жизнь в гуще вторичных, анонимных, формальных контактов и связей. Социальные навыки, которые требуются здесь ежедневно, ежечасно, ежеминутно в ходе производственных, служебных и бытовых контактов — совсем иные. Ниже мы будем описывать, как происходит встреча с этими трудностями, сейчас вернемся к воспоминаниям респондентов. Воспоминания о жизни в детдоме показывают, что массово применяемые технологии и методики воспитания почти не претерпели изменения с ранних советских времен. (Главное изменение последнего времени, как кажется, мало отрефлексированное на методико-педагогическом уровне, состоит в проникновении в социальную среду детдома современных масс-

медиа и информационных систем. Речь прежде всего идет о телевидении, видео и интернете).

В виду того, что школьное обучение, детдомовское воспитание, культура преподавания принадлежат эпохе книги и тетради, урока и устного слова, личного примера, они плохо стыкуются с предлагаемым со стороны масс-медиа миром опосредованного общения через экран и студию, через аудио-визуальные комплексные символы. Аналогичные проблемы ставит и современное домашнее воспитание, но наличие городской среды с ее формальными и фрагментарными связями, обилием условностей и конвенций помогает домашнему ребенку усвоить многие языки.

Вторжение не реального большого мира, а замещающей его массовой теле- видео- компьютерной реальности не выполняет функции подготовки воспитанников детдомов к реальной жизни. Искусственную (по сравнению с «жизнью») реальность детдома оно дополняет другой искусственной реальностью. Получаемые в этой реальности навыки вроде знания артистов и групп, языка клипов и компьютерных игр, правил общения в сетях не дают преимуществ в бытовании в реальном мире, с которым сталкиваются выпускники.

По выходе из детдома люди переживают среди прочего и серьезный кризис в части нормативного регулирования.

В детдоме главной референтной инстанцией (той, что и обозначается понятием «все») является коллектив воспитанников, детдом как символическое целое. Быть конформным его нормам являлось достаточным основанием для социального комфорта, признания, одобрения и самоодобрения. Выход из детдома в «жизнь» означает помимо прочего утрату названной референтной инстанции и рамки соотношения. Нормы внутриколлективные перестают под держиваться извне. Они остаются как интериоризованные, но инстанций внешнего контроля больше нет. Контроль со стороны «большого общества» осуществляется совсем иными способами — через чужих, через формальные институты. В отсутствие контакта с ними и в условиях, когда эти новые нормы неизвестны, не интериоризованы, когда возникает ситуация аномии. У человека может возникнуть впечатление как полной бесконтрольности, *можно все*, так и ощущение потерянности, заброшенности, *ты никому не нужен, до тебя никому нет дела*.

Подчеркнем отличие этой ситуации от выхода подростка во взрослую жизнь из мира се-

ми. Семья как референтная инстанция продолжает оставаться, к ней можно вернуться в случае неудачной адаптации к миру. Возвращение в детский дом, как в «семью», невозможно, хотя стремление к этому сохраняется у многих. За исключением крайностей — очень успешных и совсем неуспешных выпускников — практически все стремятся сохранять связь с детдомом и регулярно наносят туда визиты. Очень многие обращаются к своим преподавателям и воспитателям за советами по проблемам жизни в большом мире. Но они понимают, что вернуться туда нельзя.

Один из основных выводов исследования заключается в том, что главная проблема для выпускников детдомов, это встреча с «волей», с самостоятельным существованием. Для всех без исключения респондентов этот момент или период является критическим. От того, как справится, как именно выйдет человек из этого кризиса, зависит практически вся его дальнейшая судьба. Социологическая суть ситуации состоит в том, что индивид покидает среду с жестким нормативным регулированием — к которому он был вполне адаптирован. Далее он попадает в ситуацию, которая, как ему представляется, вообще никак не нормирована или в которой действуют неизвестные ему нормы. Это классическая ситуация анонии, но переживаемой не коллективно, а индивидуально.

Известен не один вариант переживания анонии. Социологически интересным, хотя по-человечески одним из самых драматичных, является «нулевой» вариант, при котором выпускник отказывается от какой-либо деятельности вообще.

И что он делает?

— *Ничего, дома лежит. На диване, лицом к стене лежит.*

Долго?

— *Долго, все время.*

А что же он ест?

— *Ну так, встанет, поест чего-нибудь, и опять.*

А откуда еда?

— *Ну принесет кто-нибудь. Или кто с ним живет, девушка, или другой парень.*

Мы не беремся ставить диагноз, но по внешним проявлениям это напоминает некоторые варианты депрессии. При этом нам представляется, что дело не в психическом расстройстве как таковом (хотя оно может быть сопровождающим или реактивным компонентом). Отказ от общения с миром имеет причиной незнание, непонимание этого мира — не в его визуальной,

акустической, физической форме, а в его форме социальной. Можно полагать, что ценностный багаж выпускника не отличается радикально от такового у его «семейных» сверстников. В этом смысле с миром целей, миром желаемого и чаемого у него может быть все в порядке. Но в отношении средств — реальности, которая управляется через нормы, правила и образцы поведения — у выпускника может наблюдаться резкий дефицит. В ситуации, когда человек имеет цели, но лишен средств их достижения, возможны среди прочего и тяжелые реакции по отказу от них, по автоблокированию целей. Эта операция — в особенности в подростково-молодежном возрасте — редко совершается как умственная, рациональная, подконтрольная индивиду. Скорее она реализуется в эмоционально-волевой сфере как паралич желания, воления в целом.

Другой, в известном смысле более современный, вариант переживания того же кризиса/анонии состоит в отказе от общения с реальным миром и переходе на симуляцию общения в мире виртуальном. Компьютерные игры привлекают многих подростков, но в случае с выпускниками детских домов погружение в этот мир может достигать очень большой глубины. Подростки-выпускники, во-первых, острее «домашних» детей испытывают потребность в «эскейпе», во-вторых, часто оказываются вне контроля со стороны внешнего окружения — старших или близких. Рассказывали о двух выпускниках детдома, проживающих в одной комнате, которые делили компьютер на две 12-часовых смены. Каждый мог играть и играл 12 часов подряд. Реальность компьютерных игр или общение в социальных сетях отличается от живой реальности существенно более узким, обозримым и контролируемым набором норм (правил игры, общения), здесь отсутствует или имеет безопасную для игрока форму социальный контроль.

Незнание нормативного строя в среде анонимного и формализованного общения, в учреждениях, в городском людском потоке заставляет молодых людей искать убежища в среде отношений первичных, личных и неформальных. Отсюда поиск компаний — любых — и замыкание коммуникации этой средой.

Одной из самых распространённых форм является реконструкция оставленной ситуации детдомовского общения. *Детдомовские держатся друг друга* — так это называется в рассказах. Выпускники часто создают пары, группы, которые проживают совместно, т.е. частично

воссоздают ситуацию, которую они имели в детдоме, интернате.

При невозможности реализовать этот вариант часть выпускников ищет компанию «по месту жительства». Как они входят в нее? Отечественная культура общения такова, что через акт совместного потребления наркотиков, алкоголя люди могут вступить в отношения, называемые знакомством, дружбой. Порядки общения в таких группах выпускнику детдома гораздо более известны, поскольку, снова скажем, это отношения первичные.

Часть выпускников даже из «хороших» учреждений попадают в сообщества наркоманов и в криминальные сообщества. Подчеркнем, что криминальные структуры того низшего уровня, в которые попадают эти молодые люди, привлекают их прежде всего простотой и понятностью отношений, правил поведения в этой среде. Социальный «никто» в той жизни, в которую он попадает после детдома, молодой человек в этой среде получает социальную позицию, дающую ему некие права и гарантии. Более того, эта среда позволяет ему включиться и в большой мир с его правилами уже не в одиночку, а в рамках группы.

Своего рода организация существует, судя по рассказам, и в сообществах наркоманов. Кроме того, там есть отношения солидарности, взаимопонимания и чувство общности судьбы. Уже одно это делает для страдающего от одиночества выпускника желанным пребывание в такой среде. Существенно также, что это сообщество имеет, помимо нормативной, свою собственную ценностную систему, основанную на внимании не к внешнему миру с его задачами и проблемами, а к миру внутренних чувственных и эмоциональных переживаний человека. Погружение в эту субкультуру освобождает выпускника от задач, которые перед ним ставит ценностная система, привитая в детдоме, но исполнение которых оказывается для него невозможным. На место недостижимых социальных целей приходят достижимые индивидуальные психологические цели — переживание уже испытанных или еще не испытанных состояний.

Повторим, что среда детдома — это среда первичных, личных отношений, тогда как городской мир, в который попадает выпускник, предстает перед ним как среда исключительно или по большей части отношений безличных. Для человека, у которого есть семья или коллектив знакомых на работе, в учебе, это психологически трудное общение компенсируется

облегченными отношениями со «своими». Выпускник зачастую лишен такой возможности. Он испытывает одиночество самого острого типа — одиночество в непонятной и эмоционально чужой среде.

Отношения, в которые попадает выпускник, это отношения незнакомых ему (и незнакомых друг с другом) людей, будь то прохожие или пассажиры, работники служб или чиновники в учреждениях. Для построения стратегий и тактик поведения в такой среде требуется не знакомство и даже не «знание людей», а знание правил взаимодействия. Правила эти по большей части нигде не записаны, их изучают и узнают по ходу дела — в этом состоит социализация. С такими трудностями сталкиваются и «домашние» дети, но в отличие от «приютских», у них как правило, есть круг взрослых или хотя бы более старших, чей опыт они могут использовать. У сирот количество связей гораздо меньше. Для выпускников детдома зачастую существует один взрослый, к которому они могут обратиться — это воспитатель, с которым установились доверительные отношения.

Недостаточное знание этих правил означает невозможность читать и понимать поведение других людей. Мир оказывается говорящим на непонятных молодому человеку языках.

Отсутствие этих первичных структур общения означает одновременно отсутствие форм повседневного социального контроля, который в детдоме был достаточно плотным. Называть ли эту ситуацию свободой, либо волей, либо ситуацией бесконтрольности и кажущейся вседозволенности — это вопрос философский. Психологически — если судить по рассказам выпускников — ситуация переживается весьма сложно. Они говорят о смеси чувств восторга и страха. Переживания не похожи на те, что ожидалась ими, и они, по-видимому, весьма тяжелы. От этой первоначальной свободы, если не пустоты, стремятся поскорее избавиться¹. Это верно даже для тех, кто оказывается неспособен ни на какие действия и «застревает» в этой ситуации. Первоначально жизнь в отсутствие обязательств, отсутствие устойчивых связей с кем-либо, отсутствие мыслей и забот о будущем воспринимается как воля. Затем, как рассказывают, это состояние само становится бременем, от которого невозможно избавиться. Невозможно, например, поступить на работу, завести

¹ Если «бегство от свободы» вообще черта современного массового человека, то в рассматриваемых случаях эта черта многократно усилена.

мало-мальски устойчивые отношения с другим человеком. «Объективные условия» остаются теми же, но чувство свободы проходит, сменяясь тягостным ощущением неспособности что-либо сделать. Таковую линию поведения можно назвать избавлением от свободы за счет ее рутинизации.

Исследование продемонстрировало несколько стратегий — от успешных до неуспешных — преодоления этой аномической ситуации. Все они, в конечном счете, ведут к выбору того, что называется «жизненный путь», то бишь, к выбору институциональной ситуации, среды, в которой действуют понятные правила и в которой имеется подходящий репертуар ролей. Индивид принимает одну из них, и далее живет по правилам данной среды и имеет судьбу, задаваемую соответствующими институциональными обстоятельствами. В этом сходство положений и того, кто выбрал вариант создания дома и семьи, и того, кто выбрал вариант построения карьеры на базе образования, и того, кто выбрал уход в криминальный мир¹.

Одна из часто называемых специалистами проблем, с которым встречаются выпускники с самого первого момента — это отсутствие навыков бытового ряда, например, как готовить себе еду. Наше исследование, однако, показало, что такие навыки при желании приобретаются достаточно быстро. Собственно проблемой нам кажется тот факт, что желание их приобретать складывается далеко не у всех. Возможность жить, потребляя готовые или почти-готовые блюда, и даже не блюда, а снеки, закуски, *вкусняшки*, искушает немалую часть выпускников.

Поскольку «хорошие» выпускники рассказывали и о своих коллегах с менее удачной судьбой — о тех, кто *не может устроиться*, кто *ничего не хочет* и т.п., то встречались и рассказы о тех, кто *ничего не ест*.

Как ничего?

— *А вот так, ничего. Пиво пьет, ему больше ничего не надо. Так, иногда купит что-нибудь в ларьке. Но ему ничего не надо. Пиво пьет.*

Гораздо сложнее, судя по рассказам, приобретаются навыки обращения с деньгами, рационалирования трат и проведения финан-

совых операций. Известно, что по выходе из детдома некоторые выпускники оказываются владельцами крупных сумм и значительной собственности — квартиры или комнаты. Представляется, что главное здесь — это отсутствие возможностей соотнесения денег как мерил ценности с собственно ценностями. Иначе говоря, деньги для людей в этой ситуации не исполняют свою роль мерил, оказываются самостоятельной сущностью (ценностью), не привязанной к другим. Этому в немалой мере способствуют обстоятельства появления этих богатств из ниоткуда или от государства, что для них одно и то же. Эти средства ими не заработаны, они им *причисляются*.

Современное российское государство сохраняет ряд черт социального государства (в том числе — унаследованных от советского периода), в то же время его экономика имеет ряд признаков либеральной. Освоение этого сочетания дается нелегко многим категориям российского населения. Выпускникам детдомов это особенно сложно. Только после того, как они сменяют одно—два места работы, они начинают получать представление о соразмерности их различного рода затрат и заработка. Лишь прожив хотя бы несколько месяцев на заработанные (а не полученные от государства) деньги, они приобретают обычное, являющееся автоматическим и не осознаваемым у обычных людей понятие «дорого»/«дешево», «стоит»/«не стоит» (этих денег).

Получение денег от государства в самом начале свободной жизни порождает у некоторых из них ощущение, что государство (уже не детдом, а государство как таковое) неким образом продолжает их опекать, следит за ними и *в случае чего не даст совсем пропасть*. Примечательно, что такого ощущения нет у тех, кто находится на жизненных траекториях, которые наши информанты называют наилучшими (дорога в вуз) и наихудшими (дорога в зону). Первые верят только в самих себя и не нуждаются в опеке, вторые не верят ни в кого, и в общем также в ней не нуждаются, поскольку у них атрофировано представление о будущем, о цели существования и т.п.

Из опасностей, которые подстерегают выпускников — обладателей квартир и денег, наиболее страшными, по их рассказам, являются две. Первая состоит в том, что в криминальном и полукриминальном мире, который существует как компонента городской жизни везде, есть люди, специализирующиеся на отъеме этих богатств у выпускников. В их распоряжении —

¹ Мы называем ситуации, которые с позиций «правильных» выпускников являются крайними. Между ними — ряд промежуточных. Более слабый вариант, чем обучение в вузе — получение среднего профессионального образования. Более слабый вариант, чем уход в криминал с почти неизбежным попаданием в тюрьму и далее рецидивами, это включение в девиантную уличную субкультуру со спорадическими мелкими нарушениями закона.

арсенал средств от алкоголя и наркотиков до снотворных и ядов. Они пользуются тем, что выпускники не знают ни цены квартире, ни значения документов, подтверждающих их права на нее. Проблема известна органам опеки, они стараются принимать меры, чтобы оградить выпускников от этой опасности, но поскольку ставки очень высоки, криминалитет находит новые и новые способы обмана выпускников.

Вторая опасность заключается в том, что эти молодые люди, наоборот, получают хорошее представление о том, каким ресурсом является квартира и как его можно капитализировать. Формально юридически они не имеют права сдавать это жилье в найм, но они делают это неформально. Спрос на аренду жилья, как известно, в Москве высок, предлагая в аренду квартиру по цене ниже рыночной, эти молодые собственники легко могут найти арендаторов. Таким образом, они обеспечивают себе стабильный доход в объеме, близком к прожиточному минимуму. Два или более владельца таких квартир поселяются в одной из них, а другую жилплощадь сдают.

Судьба живущих такими коммуналами различна. Один вариант – формирование сообщества вокруг матери с ребенком. Мы не говорим о ситуации, когда молодые выпускники детдома образуют семью как прочный и длительный союз, а супруг или оба супруга работают и имеют устойчивый доход. Речь идет о прочих вариантах, менее удачных с точки зрения интересов матери и ребенка. Иногда вместе с этой женщиной проживает отец ребенка, который нигде не работает. Иногда это ее (временный) партнер, но он также не работает. Почему не работает – *потому, что не получается найти работу*, или *потому что не хочет, и все*. Тогда одна из квартир, которыми располагают оба члена этой пары, становится источником пропитания для них и ребенка.

Другой вариант состоит в сосуществовании двух молодых женщин. Дети могут быть у обеих, или только у одной из них. Часто они обе не работают. Одна – *потому, что у нее ребенок*, другая – *потому, что не получается найти работу*.

Наконец, третий вариант – это пара, или большее число молодых людей (юношей), которые находятся в зоне между полной незанятостью, неформальной занятостью и непостоянной формальной занятостью. Наличие постоянного дохода от сдачи внаем одной квартиры позволяет им не считать работу не-

ременным и обязательным элементом жизни. Обычно это люди, которые в указанный кризисный период после выпуска не предпринимают активных действий для поиска выхода из него, выбирают стратегию ничего не делать, выжидать. Далее это состояние превращается из жизни в ожидании, в жизнь без ожидания чего-либо. Случайные заработки любого рода возможны, факультативны. Ясно, что в такой ситуации может происходить частичное или полное втягивание членов такого сообщества в наркоманскую и/или криминальную среду.

Все перечисленные рассказы повествуют о неудачных – с точки зрения «большого общества» и с нормативной точки зрения воспитателей детдома – вариантах адаптации. Здесь уместно сказать, что детский дом в принципе заряжает выпускников двумя важными мотивациями. Одна из них – *создать нормальную семью*. Другая – *найти хорошую работу*. Эти мотивации внешне совпадают с мотивациями их ровесников – «домашних» детей. Но следует подчеркнуть, что для детей из «нормального общества» эти мотивации и цели – это цели **продолжения**, воспроизводства известных им по всей их жизни моделей поведения, фактически это – воспроизводство родительских (или им подобных) ролей. Что касается выпускников детдомов, для них внешне те же самые задачи являются задачами на **прерывание** процесса воспроизводства известных им из опыта ролей, это задачи перехода на другой биографический трек. В их ситуации требуются совершенно особые усилия, во-первых, для деавтоматизации детского бессознательного следования примеру старших, во-вторых, для следования образцам, известным не из живого опыта, а из вторичных источников, таких как масс-медиа, искусство, и, едва ли не в первую очередь, рассказы воспитателей и т.п.

Следует по достоинству оценить такой результат, как создание прочной семьи выпускниками. Среди профессионалов, занимающихся проблемами домов ребенка, детских домов и т.п., есть известное выражение, резюмирующее их опыт: *сироты рождают сирот*. Это и просто хлесткая формула, и констатация того, что сирота в силу нехватки самых разных ресурсов – от материальных до психологических – часто не в состоянии обеспечить создание семьи и воспитание в ней своего ребенка. Но за этой формулой стоит и более широкая социальная проблема. Не входя в детали ее описания, отметим, что воспроизводятся не только сами сироты, но и система их государственного (или

муниципального) обеспечения и даже система профилактики сиротства. Правильно было бы рассматривать их в совокупности и говорить о том, что в целом сиротство как институт воспроизводит себя.

На этом фоне ситуацию, когда имеет место не-воспроизводство сиротства следует считать большой победой — и не только над собственными силами социального зла. В самом деле, субкультура детских домов наделяет выпускников очень сильной установкой на создание семьи — полной и счастливой, с ребенком или с несколькими детьми. Наделить же их всеми средствами, которые необходимы для реализации этой установки, детский дом не может. Как рассказывают специалисты, многие молодые люди, полные решимости воплотить свои мечты, начинают совместную жизнь, рожают ребенка... и далее обнаруживают, что они не умеют жить семьей, не умеют быть родителями. Нередко ребенок, который рождается у такой пары, страдает теми или иными расстройствами, ему нужен особый уход. Семья в этом идеальном и полном варианте далее существовать не может, она или превращается в неполную семью или совсем распадается. Супруги расходятся, ребенок передается в то или иное воспитательное учреждение. Иногда развод предшествует рождению ребенка. Иногда беременность наступает без наличия брака или устойчивого союза, тогда вероятность отказа матери от ребенка сразу после его рождения резко повышается.

На таком фоне возникновение и сохранение «нормальной» семьи является отнюдь не нормой, а счастливым исключением. Наши интервью с членами таких семей показывают, что такой результат возможен (лишь?) при условии, что у обоих супругов цель создания именно такой «нормальной» семьи имеет приоритет перед всеми и любыми иными целями.

Разумеется, семья выпускника или выпускников нуждается в регулярном доходе. Так что *для хорошей жизни нужна хорошая работа*.

«Хорошая работа», как известно из других исследований, вообще является главной целью молодежи. Известно также, что получение такой работы для выпускника любого учебного заведения, не имеющего стажа по соответствующей специальности, это огромная проблема, зачастую решаемая (если она решается) с помощью блата, связей. Для выпускника детдома, школы-интерната проблема стоит во много раз острее. Социального капитала в виде связей у него/нее гораздо меньше. К тому же, если ра-

ботодателю становится известно о происхождении такого соискателя «хорошего» места, отказ почти неизбежен. В итоге выпускникам достаются как правило рабочие места с наихудшими характеристиками.

Но все же, постоянная работа *привязывает к месту*, говорят выпускники, *дисциплинирует*, говорят педагоги. Такую же роль способна играть учеба. Есть несколько учебных заведений системы среднего профессионального образования, которые согласны брать выпускников детдомов. Есть некоммерческие организации, специализирующиеся на организации образования для выпускников сиротских учреждений.

Именно эти рамки, ограничивающие для выпускника ту «волю», на которую он обречен после выхода из стен детдома, помогают пережить кризисную ситуацию после выхода, минимизировать аномии за счет правил и норм места работы или учебы.

Где содержать «детей с ОВЗ»?

Мы рассмотрели некоторые аспекты существования детей без родителей, находящихся в этом состоянии временно или постоянно. Во всех случаях пока шла речь о тех детях, которые в не соблюдающем политкорректность просторечии зовутся *нормальными*. Среди специалистов они еще иногда называются *детьми без диагноза*. Ряд проблем, которых мы уже коснулись, и длинный ряд вполне специфических проблем встает тогда, когда дело касается детей с диагнозами. Это дети, у которых специалисты отмечают то или иное отклонение от нормы. Диапазон этих отклонений чрезвычайно широк. Мы не будем перечислять формы патологий. Скажем только, что дающие заключение по случаю каждого ребенка медицинские эксперты в общем и целом ранжируют эти случаи (с их весьма разной этиологией) по степени удаления от того, что считается в их среде нормой. В соответствии со степенью, установленной посредством этой экспертизы, детей распределяют по различным заведениям, а в заведениях — по палатам или классам. Претензии к этой экспертизе со стороны ряда родителей и ряда иных экспертов примерно те же, что и к российскому правосудию с его обвинительным уклоном. Здесь, говорят эти критики, преобладает уклон в сторону более тяжелых диагнозов. Они выражают мнения, что едва ли не каждого ребенка, оказавшегося в детдоме с неким диагнозом, можно в той или иной степени реабилитировать, диагноз переквалифици-

ровать. Говорят и о том, что *зачастую диагнозы лепят здоровым. В их систему попал — вырваться не дадут*¹.

Так или иначе, в стране существует значительный контингент детей-инвалидов и так называемых детей с ограниченными возможностями здоровья. В последнее время вокруг их судеб развернулись широкие общественные дебаты. Обсуждается вопрос: что для них и для общества будет лучше — чтобы они содержались в изоляции от остальных людей, или чтобы они присутствовали в обычной жизни, проживали в семьях?

Одно из первых наших исследований, которые были посвящены обсуждаемой проблематике (обследование ДДИ), застало отрасль общественного призрения в ситуации начавшегося изменения. Изменения шли сверху вниз и потому зачастую ограничивались сугубо внешними формальными аспектами. Так, часть учреждений, которые мы обследовали, называлась и имела вывески «Детский дом-интернат для детей с ограниченными возможностями здоровья». А другая часть сохранила вывески «Детский дом-интернат для умственно-отсталых детей». В руководстве отрасли пояснили, что *мы начали смену названий на более современные, но денег на все вывески не хватило, пришлось остановиться на этом*.

Детские дома-интернаты (ДДИ) находятся между полностью закрытыми учреждениями тюремного типа и учреждениями открытыми. Они принадлежат к обширной категории мест, где содержатся люди в режиме ограниченной свободы. Сюда относятся казармы, больницы, не говоря о собственно местах заключения. У всех этих мест есть типологически сходные черты². Специалисты отмечают, что даже обязательный распорядок дня в таких структурах оказывается инструментом принуждения, насилия. В отношении ДДИ для умственно-отсталых детей приходится говорить о подобии тамошней обстановки и обстановки в психиатрических стационарах. Помимо того, что и тут, и там применяются сходные приемы терапии, известны случаи применения в ДДИ психотропных средств в качестве мер наказания провинившихся воспитанников.

— А у нас и от воровства лечат. Как чем? Психотропными препаратами. Курс таких уко-

лов — и уже не ворует. Просто потому, что вообще ничего не делает — не может. Лежит, как растение, тут не до воровства. Вообще ни до чего...

Наблюдатели квалифицируют подобные случаи как поддержание практик «карательной психиатрии».

«Практика отправления детей-сирот в психиатрические заведения является в достаточной степени распространенной, чтобы можно было назвать ее, к счастью, не тотальной, но, к сожалению, системной. В стране до сих пор существует целый ряд сиротских учреждений, где «психушка» становится методом воспитания и устрашения детей, поведение которых по тем или иным причинам, на субъективный взгляд их администрации, выходит за границы нормы»³.

Об этом приходилось слышать в обследованных нами домах-интернатах. Были сотрудники интернатов, уверенные в оправданности своих действий и сообщавшие подробности таких действий со стороны администрации или медицинского персонала учреждения спокойно, зная, что интервью записывается. Другие сообщали шепотом, при полной уверенности, что диктофон выключен.

— Вот есть тут у нас такой Х. Сложно с ним. Все не дождусь, когда уже возьмут его опять в лечебницу (психиатрическую). Да, мы на время определяем. Чтоб хоть мог наш персонал от него отдохнуть. А то одни проблемы с ним. И воспитателям, и нянечкам. А если они на ночь остаются дежурить... Боятся его! Не можем ничего с ним поделать, так хоть временная передышка. И потом для него это как... ну, он понимает, что там хуже, и, когда возвращается, все-таки более смирный — первое время. Потом по новой.

Вообще говоря, основные права детей-пациентов, содержащихся в детских домах-интернатах, молодых людей, находящихся в ПНИ (психоневрологических интернатах), гарантированы Всеобщей Декларацией прав человека, Резолюцией ООН № 46/119 «Защита лиц с психическими заболеваниями и улучшение психиатрической помощи», Европейской Конвенцией о защите основных прав и свобод человека, Международным Пактом о гражданских и политических правах, Конвенцией о правах ребенка, Законом РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании». Но в случае, когда речь идет о коррекционных детских домах и интернатах, ситуация усугу-

¹ Известны случаи — но именно как исключения — когда воспитанникам, выпускникам с посторонней помощью или, что совсем редко, удается снять диагноз. Но проблемы в целом это не решает.

² Левинсон А. Урбанизация и жилые среды в кн.: А.Левинсон. Опыт социологии М. 2004, стр с. 67.

³ Татьяна Тульчинская — директор благотворительного фонда помощи детям-сиротам «Здесь и сейчас» (Москва) <http://www.severinform.ru/>.

бляется еще и тем, что живущие там дети имеют целый букет диагнозов, наличие которых дает директору формальное основание для того, чтобы поместить ребенка в специализированное медицинское учреждение. Для руководства детского дома это своего рода «карт-бланш», практически не оставляющий возможностей для доказательства необоснованности этого решения, в то время как истинность самого диагноза в значительном числе случаев под большим вопросом.

Действительность системы, о которой идет речь, представляется полем борьбы двух концепций инвалидности. Сторонники существующей с XVI века *медицинской* модели считают, что причины, создающие препятствия для полноценной общественной жизни инвалидов – в патологии их развития, приводящей к ограничению их физических или умственных возможностей. Согласно этой модели, этих субъектов надо лечить, или, если их состояние является хроническим и неизлечимым, создавать для них особые условия, что понимается прежде всего как особые, закрытые медицинские учреждения, где усилиями профессионально подготовленного медицинского персонала могло бы поддерживаться их существование.

Тем самым «медицинская» модель предусматривает изоляцию инвалидов от остального общества. Поэтому инвалиды в обществе, где такая модель принята, по большей части оказываются изолированными и дискриминируемыми. При подобном подходе к инвалидности ребенку положено и гарантируется государством медицинское обслуживание, но не социальное. Естественно, родителю, который остается родителем, сложно смириться с такой ситуацией, с таким отношением к его ребенку не как к живому социальному существу, а как к объекту медицинской помощи, «просто телу». В рамках «медицинской» парадигмы нет места социальным организациям. И если они создаются, то для того, чтобы эту модель преодолеть, т.е. вопреки системе.

В специальном докладе Уполномоченного по правам человека в РФ утверждается: «В системе социальной помощи в настоящее время возрастает роль организаций негосударственного сектора: общественных объединений, ассоциаций, благотворительных фондов, организаций родителей детей-инвалидов. Дополняя работу государственных структур образования и социальной защиты населения, гражданское общество ищет новые пути организации социального пространства помощи детям.

Благодаря конструктивной и твердой позиции гражданского общества решаются многочисленные проблемы соблюдения прав детей-инвалидов, оказывается реальная помощь семьям таких детей»¹.

Здесь возникает место для родительских организаций. То, что трудно сделать каждой семье в отдельности, удается сделать организации. Так возникли НКО, помогающие детям с особенностями развития. Центральной единицей в этой системе становится не только ребенок, но и семья, в которой растет и развивается этот ребенок. Главным фактором является наличие любящих родителей (родителя), которые вкладывают свои усилия в развитие своего ребенка: занимаются дома, возят на различные занятия, растят, воспитывают и любят его. Это в корне иное отношение к ребенку. Сам этот принцип полностью противоречит принципу детских домов и интернатов. Ключевая идея в существовании таких центров, заложена не в рамках института медицины, а в предельно широких антропологических и социальных рамках. Создатели таких центров руководствуются, по их словам, Декларацией прав человека, гласящей что «каждый человек имеет право на жизнь, свободу и на личную неприкосновенность, никто не должен содержаться в рабстве или в подневольном состоянии; Никто не должен подвергаться пыткам или жестоким, бесчеловечным или унижающим его достоинство обращению и наказанию»². Отметим, что сторонники содержания таких детей в изоляции не считают себя нарушающими эти статьи и положения, поскольку они не считают, что такие относятся к этим детям. Их логика такова: физическая или умственная неполноценность этих детей означает и их социальную неполноценность, в конце концов, к ним не применимо во всей полноте понятие человека как субъекта соответствующих прав, принадлежащих ему потому, что он человек.

Центры помощи детям, такие, как Центр лечебной педагогики, основывают свой подход не на том, чего у этого ребенка нет, что ребенок делать не может (ходить, говорить или держать ложку в руке), а на том, что у него есть как неотъемлемый атрибут, что он человек, он – личность и является абсолютной ценностью вне зависимости от своих умственных и/или физических способностей. Многие НКО,

¹ www.garant.ru/products/prp/prime/doc/6230363.

² «Всеобщая декларация прав человека». Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года, статья 3, 4 и 5.

которые занимаются детьми с особенностями, были созданы родителями, которые не хотели отказываться от своих детей, узнав, что у них есть особенности и что они не такие, как все, но которые не могли найти никаких институтов и организаций, помогающих им справиться с новыми жизненными обстоятельствами. Известно, что большинству родителей особых детей предлагали на разных этапах отказаться от своего ребенка-«инвалида», мотивируя это тем, что он ничего не будет уметь, что родители с ним не справятся, а самому ребенку будет лучше в специальном учреждении, где за ним будет профессиональный уход.

Действительно, в ряде случаев таким объединениям удается что-то делать. Плодотворным (хотя и единичным) оказался опыт родительских организации при одном из обследованных нами интернатов. Организация объединяет родителей, чьи дети постоянно нуждаются в медицинской помощи, особых видах поддержки. Эту помощь оказывает персонал интерната. Родители же объединенными усилиями «пробивают» для интернатских и своих детей окно в обычный, «немедицинский» мир. Существенно, что важное место в деятельности этой организации занимает «защита прав и законных интересов детей с ограниченными возможностями, обеспечение им равных с другими гражданами возможностей, решение задач общественной и социальной интеграции и индивидуального развития таких детей»¹.

Получившая распространение во второй половине XX века *социальная* модель предполагает, что трудности создаются не человеком, а обществом, если это общество не предусмотрело участия во всеобщей деятельности людей с ограничениями возможностями (в том числе и детей). Сторонники этой модели призывают к интеграции инвалидов в окружающее общество, к приспособлению условий жизни в обществе для инвалидов, а также к принятию и поддержанию мер, способствующих трудоустройству инвалидов в обычные организации и обучение общества навыкам общения с инвалидами.

¹ В рамках этого подхода закономерно развивается свой язык, фиксирующий отличие этого подхода от названного «медицинского», а также того, который пока является массовым. Детей, о которых идет речь, эти люди называют «детьми с особенностями», «особыми детьми». За этими формулировками стоят идеи, что такие дети могут отличаться от прочих не только тем, что лишены чего-то, что считается признаком нормы, но и тем, что они могут обладать некими способностями, которых не имеют обычные люди. Впрочем, в пределе такой дискурсивный подход к идее, что «особенным» надо считать каждого человека.

Социальная модель работает в развитых странах Запада. В России она тоже постепенно завоевывает позиции. Сейчас как раз можно наблюдать переходный период. Установка на изоляцию «особых детей» укоренена очень глубоко. Некоторые эксперты полагают, что это — наследие советских времен. За этим есть некоторая логика: такая точка зрения предполагает, что, не будь советской власти, общество развивалось бы гораздо быстрее, и к настоящему времени было бы гораздо лучше настроено к инвалидам.

Надо впрочем помнить, что в странах Запада существовала практика изоляции носителей самых разных отклонений от существовавших тогда норм. Эта фаза и соответствующая ей мораль уже достаточно давно изжиты и заменились на совсем иные, на идеологию и практику инклюзии, включение в общество в том числе и людей с ограниченными от природы или ввиду болезни возможностями.

Откликом на пришедшие с Запада новые версии гуманизма являются единичные случаи усыновления или иного взятия в семью детей с соответствующими особенностями развития. Другой вариант общественной реакции — развитие волонтерской и благотворительной деятельности в этом направлении. Третий вариант — попытки дискредитации этого подхода с переносом проблематики в политическое поле (см. об этом в последнем разделе обзора).

Интернат изнутри

На сегодня основной отечественной практикой является помещение детей с особенностями в специализированные учреждения. В общем действует правило: чем более тяжелая патология, тем более высокая изоляция от общества. В интернаты с *тяжелыми* нас не пускали. Работники *простых* интернатов рассказывают о них крайне неохотно.

— *Ну что вам сказать, держат их там, пока они живы. Слава Богу, их век обычно не долгий, видно Господь не хочет, чтоб долго мучались. Ну а как держат...считается же, что они ничего не понимают, не чувствуют, ну потому с ними и обращаются, как...не хочу говорить. Да и вам зачем, не надо. У нас тяжело работать, а уж там кто согласится, не знаю. И кто с нее будет спрашивать? Спасибо, что согласилась...*

В ДДИ, в которых удалось побывать, дети не заброшены. За вычетом самых тяжелых случаев, всех остальных персонал стремится тем или иным образом обучать хотя бы каким-то формам социального поведения, не взирая на

то, что процесс иной раз почти не идет и надежд полностью привить некий навык не может быть. Ценность прогресса, развития при этом существует как таковая, не скрытая рационализирующими практическими объяснениями. Другое объяснение состоит в том, что для тех, кто работает с этими детьми, важно не терять ценности и нормы внешнего мира. Они занимаются социализацией воспитанников в том числе и ради самих себя. *А то, знаете, с ними можно и самому умом немножко того.*

Ограниченное и управляемое подключение воспитанников к определенным элементам культуры большого общества на сегодня является основной формой социализации. Ее агентами выступают воспитатели и няни, сестры, в заведениях с классами и учителя. Существенно, что в общем объеме социализирующих воздействий, оказываемых ими, специализированные научно-разработанные средства и методики – развивающие игры, упражнения и пр. – занимают ограниченное место. Наблюдения показывают, что основная по объему и важности социализация проходит за счет естественного (для агентов) поведения, осуществляется в процессе реализации ими себя как личностей, как социальных индивидов (а не как представителей профессии, должностных лиц, операторов). По-другому: должностными и профессиональными обязанностями этих лиц (в особенности младшего персонала) оказывается использование ими не их профессиональных, а их «человеческих», «душевных» качеств, стандартных языковых и поведенческих компетенций. Именно таким путем происходит привитие навыков контроля за своими физиологическими отправлениями, соблюдения мер опрятности, личной гигиены, самообслуживания. Соблюдению этих норм в нашем обществе придается решающее значение для определения социального статуса, социальной полноценности. Неспособность их соблюдать многими воспитанниками предопределяет ограниченный социальный статус последних. Поэтому соблюдению таких норм (например, умение пользоваться ложкой) придается символическое значение, которое порой далеко превосходит инструментальное.

Вторым важнейшим признаком социальной является речь, умение пользоваться языком. Обучение также происходит и в профессионально-контролируемых формах (специальные занятия, занятия с логопедом) и в общении с персоналом. Отметим здесь особое стоящий вопрос об использовании т.н. ненор-

мативной лексики в общении воспитанников и персонала. Вопрос об этом (как практически не имеющий решения) вставал во многих интервью. Отметим, что в большом обществе явно происходит экспансия этой лексики в прежде запретные для нее зоны с неизбежной потерей экспрессивного потенциала. В субкультуре интернатов эта лексика, как кажется, его продолжает сохранять, и играет важную роль символической замены (или сопровождения) агрессивных действий. И если обучение этой лексике происходит полностью естественно, то обучение уместности, контролю за ее использованием становится задачей персонала.

Обращает на себя внимание длительный стаж работы с умственно-отсталыми детьми у многих работников и немалое число унаследовавших родительскую профессию. Такое возможно потому, что в тех бытовых условиях, в которых реально осуществляется их жизнь и работа, работники зачастую выбирают стратегию интегрирования своей семьи в свою профессиональную ситуацию, а не изоляции от нее. Воспитатели, няни, медсестры представляют в таких учреждениях один из главных агентов социализации. Они находятся при воспитанниках практически круглосуточно и состоят с ними в самом плотном контакте. Отбор таких кадров происходит не менее жестко, но сказываются их иные, чем у специалистов жизненные установки. Значительная доля представителей младшего персонала – люди среднего или пожилого возраста. Их жизненный опыт и их система ценностей позволяют им в ряде случаев эффективнее сокращать дистанцию с воспитанниками, устанавливать с ними эмоциональный контакт. В ряде случаев при нарушении или неполном развитии интеллектуальной сферы именно чувственная, эмоциональная компонента оказывается ведущей в коммуникациях с таким ребенком и, что еще важнее, с таким коллективом детей.

– Их надо понять. Пока ты с ними пуд соли не съешь, ведро воды не выпьешь, нет, конечно. Я вместе с ними, у нас запахи одни, как в животном мире. Они нас чувствуют, и мы их чуем. А (человек) с улицы нет. Он не в своей тарелке будет, не сможет. Они друг друга не поймут. У них ведь свое общение, свой разговор. Некоторые у нас глухонемые. Но мы можем с ними разговаривать, они нас понимают, и мы их понимаем. Нас никто не учил, у нас свой разговор. Отсюда – да. А с улицы нет. Люди, прожившие вместе, мы живем здесь, дышим одним воздухом.

Ключевым вопросом оказывается во всех этих ситуациях особое отношение работников

к умственно-отсталым детям. Особым мы его называем потому, что оно отличается отсутствием страха, отвержения, отвращения, которые являются статистически преобладающей реакцией при встрече с отклонениями в «большом» обществе.

Знакомство с персоналом обследованных ДДИ для детей с отклонениями оставило впечатление о специалистах как о людях вполне или в высокой степени удовлетворенных своим выбором. Исследователи не могли не оценить особую преданность своей профессии наряду с чувством собственного достоинства, которое как у давно работающих, так и у молодых сотрудников было развитым. Повторим, у работников существует ощущение избранности, свойственное представителям далеко не всех профессиональных групп. *Кто попал у нас работать не будет, не выдержит.* Большинство имеют претензии к своей работе и к месту работы, но все эти претензии связаны не с желанием оставить эту работу и найти другую, но с принципиально иным желанием, чтобы стало лучше именно это место их труда. Работа, как показало исследование, воспринимается как, разумеется, очень тяжелая, вредная, связанная порой с риском, но «затягивающая».

Мы ничего не можем сказать по поводу мотиваций начинающих специалистов. Но известно, что отбор происходит на самой первой фазе.

— *Те, кто не годится, не выдерживают, и на шестой день уходят.*

— *Приходят, пробуют, больше двух месяцев не выдерживают.*

— *Я первые две недели только плакала, потом начала работать, и вот работаю.*

— *Я месяц проплакала. Теперь все могу. Люблю их всех.*

Исследование обнаружило несколько форм отношения «большого общества» к этим учреждениям. Исходной является социальная изоляция. Как мы уже отмечали, учреждения этого характера в значительном числе случаев помещались в зоне социальной периферии — на окраинах больших городов, в удаленных от них населенных пунктах. (Из 143 ДДИ, охваченных нашим опросом, расположены в деревнях и селах 66, в райцентрах — 52. На средние и большие города приходится 25 учреждений или менее 20%).

Поскольку они задумывались как места, где удовлетворяются все потребности воспитанников, т.е. как автономные или автаркические

институты, отсутствие связей с большим обществом не было для них недостатком. В существующих в последний период экономических обстоятельствах нахождение в отдаленных и экономически-депрессивных зонах оказывалось даже благоприятным. Для населения таких зон крайне низкая по меркам большого города зарплата персонала имела привлекательность и интернаты не испытывают кадрового голода в этой части. Говорит директор: *С кадрами у меня здесь, в районном центре, проблем нет. В городах есть проблемы, потому что там она будет лучше в ларьке стоять, чем здесь (в ДДИ) санитаркой горшки таскать.*

Что касается высококвалифицированных специалистов, то с их набором ДДИ иногда испытывают трудности, и часть этих трудностей связана с размещением учреждений вне больших центров и вне возможностей активной транспортной связи с ними.

Однако в целом количество сотрудников с высшим специальным образованием (они обычно составляют 10-15% общего числа сотрудников) не зависит от месторасположения интерната (в черте города, либо в сельской местности).

Ряд экспертов отмечают, что такое расположение «в глуши» оказывается препятствием для включения детей в культурную жизнь. Поездки, экскурсии и пр. становятся весьма сложным и дорогостоящим мероприятием. Возможные аргументы в пользу сельского окружения как экологически более здорового выдвигались очень редко.

Существенно, что сторонники размещения интернатов в селе находились среди персонала городских ДДИ:

— *Я такие учреждения располагала бы на селе. Потому что дети подрастают, любопытство растет, как и у всех. Им хочется за пределы учреждения. А наше общество тоже не готово принять таких детей. Мы их здесь учим, выводим, социализируем, они общаются, но, понимаете, они не готовы жить в том обществе, в котором мы живем. А на селе народ добрее. Сельский народ, он воспринимает этих детей иначе. Все же, больше условий выживания им на селе.*

В другом случае прямо говорилось, что деревня как «естественный вариант изоляции» — это идеал:

— *Лучше б в какую-нибудь богом забытую деревню, там бы ребятишкам это был бы такой выход в мир реальный.*

Не один раз встречалась идея, что сельские жители — более подходящая среда для воспи-

танников ДДИ, поскольку находятся от них на меньшем социальном удалении:

— Я работала раньше в таком же учреждении, которое расположено на территории города. И вот, я сейчас приехала, это деревня считается. Вы знаете, коллектив добрее. Может быть, потому, что сельская местность. Люди как-то душевнее здесь. В городе люди жестче. Может быть, испытания какие-то проходят. В деревне такого нет. Люди, может быть, малообразованные. Зачастую, с этими детьми ведь работает не врач, не директор, не педагог. С ними работают эти люди, которые вышли от сохи, можно сказать.

Другой специалист высказывает примерно то же мнение:

— В селе мы как-то больше видим результат. Они (воспитанники ДДИ) там приживаются, там люди попроще. Я уже сказала, что люди попроще. Чувствую я, что это люди попроще.

Многие интернаты окружены глухим забором с охраной и пропускным режимом. Говорят, что это осталось от времен, когда такие учреждения считались учреждениями «закрытого типа». Характерно, что «закрытие» ДДИ от чужих глаз и даже засекречивание его адреса некоторые руководители в устной беседе объясняют таким «современным» аргументом как опасность террористических актов.

Однако другая часть руководителей считает возможным для ДДИ иметь такую же ограду, как у обычного детского сада или школы. Приходится отметить, что в пользу изоляции и в пользу открытости у руководителей соответствующих учреждений имеется аргументация примерно равной силы и убедительности. Спор и победа за счет логики одной из двух противоположных точек зрения здесь невозможны, поскольку аргументы принадлежат разным парадигмам и оперируют разными логиками. Спор разрешит время или инструкция вышестоящего начальства. До тех пор выбор варианта оказывается на усмотрении директора и зависит от его общих взглядов на жизнь.

Опрос руководителей ДДИ показал: мнение, что больной ребенок должен жить в специальных учреждениях, широко распространено в этой среде, и директора, находящиеся внутри этой системы искренне верят в его неоспоримость. Как показательный, хотелось бы привести ответ директора, которая считает, что интернаты для умственно отсталых детей нужны будут всегда: куда же еще таких детей девать?!

Перспективой для выпускников таких детских интернатов является помещение их во

взрослый психо-неврологический интернат. О нем коротко говорят:

— У них там жизнь какая? Интерес какой? Перспективы-то большой у них нет. Они лишены дееспособности, все. Они там умирают.

Парадокс состоит в том, что выпускникам ДДИ плохо в ПНИ именно от того, что к ним хорошо относились:

— И когда они отсюда уезжают, они потерянные. Здесь как? Воспитатель, потом нянечка, потом врач, потом психолог, потом еще кто-то. Накормили, привели, увели. Мы везде их водим. Контролируем, оказываем помощь, обучаем чему-то. Когда они уходят из нашего интерната, они попадают в мир другой. Там нет воспитателей, они становятся сразу взрослыми. Тогда и возникают проблемы. Они и бегут из интернатов, возвращаются к нам, и плачут и умоляют. Вот это тоже большая проблема. Преемственности между нашими этими структурами нет. Они, знаете, как с обрыва прыгают, куда уж выплывут, выплывут.

Впрочем, надо отметить и другие точки зрения на эту перспективу. Часть специалистов воспринимает ее как единственно возможную:

— Я скажу как медик, который наблюдает этих детей, перспективы жить в обществе у этих детей нет. Это мое мнение. В отношении всех воспитанников. Мы их всех приняли, мы их всех хорошо изучили. Я со всеми хорошо знакома, наблюдаю их, вижу их каждый день. Ни у кого перспективы нет.

Другие специалисты все же говорят, что более желательной перспективой, чем ПНИ, является какое-нибудь устройство в обычном обществе, в идеале — в семье. Еще раз скажем, что исследование застало отрасль в состоянии перехода не столько в части практик, сколько в части готовности руководства (на уровне деклараций) принимать эти новые позиции. Но далее, как правило следуют слова:

— Но общество наше еще не готово. Мораль пока еще не та.

По мнению некоторых специалистов, состоянием общественной морали объясняется и появление на свет многих из этих детей и часть их патологий и полученных травм, а также и помещение их в подобные учреждения общественного призрения как следствие отказов или лишения родительских прав. Они полагают, что положение дел по этой части только ухудшается:

— Сейчас кто рожает? Нормальные женщины не рожают, потому что боятся. Одного, двух, больше не рожают. А сейчас же пошла рожда-

емость в связи с этим законом. Родил второго ребенка и вот эти выплаты. Кто стал рожать? Бомжихи, малолетки, все это такое. От такого семени, какой может быть плод?

Однако многие работники этой системы видят перспективу (пусть и отдаленную) в перемене отношения общества к детям-инвалидам. Именно это они считают главным фактором в изменении судьбы таких детей. И считают себя причастными к решению такой задачи.

— Если мы сейчас с вами вырастим поколении родителей, для которых ребенок-инвалид не будет являться монстром, это будет возможно. В первую очередь, я убеждена в этом, все идет от отношения родителей.

В настоящий момент отношение к детям инвалидам, в том числе к детям с особенностями умственного развития, во всем мире меняется. Отдельные страны, отрасли, специалисты, обыватели находятся на разных ступенях этого перехода.

Вопрос о том, за каким подходом будущее, не стоит. Демографический переход и соответствующая ему перестройка ценностной системы общества совершаются помимо воли людей и правительств. Эта воля может лишь успешно способствовать или безуспешно препятствовать ему.

Общество и государство в России много сделали для сохранения жизни каждого воспитанника как биологического существа, теперь дело за обеспечением его существования как социального существа.

О том, как меняется в обществе отношение к детям из ДДИ и к ДДИ как институту, рассказывает директор:

— Я из директора дурдома превратился в директора детского дома. Раньше меня друзья встречали: «Как у тебя в дурдоме?», а теперь: «Как у тебя деточки твои?». Потихоньку начинается разговор. Понимаете отношение? Отношение нашего общества, нашего микрорайона было: постоянно «Дурдом», а теперь это «Детский дом».

Государство как социальное место для сирот

Стоит обратить внимание на то, какое место в топологии нашей общественной конструкции в целом занимает указанный фрагмент репродуктивной системы. Первое наблюдение покажет, что воспитание детей вне семьи происходит не рядом с ней. Такое бывало в рамках деревенского уклада, когда полусироты и сироты росли внутри соседско-родственной общины. В нынешнем городском укладе случаи самостоятель-

ного проживания сирот являются исключительными. Сироты удалены от «нормальных» семей. Но куда, в какое место общества?

Ответ на это вопрос многое говорит об устройстве такого общества. Институты общественного призрения в разных исторических условиях оказывались размещены по-разному. Отметим, что в императорской России они часто попадали под руку императорской фамилии. Законодательная база призрения сирот была заложена в период реформ Петра I. Именно в это время появились первые воспитательные учреждения для незаконнорожденных, «засорных» детей. В первой половине XIX века работа по оказанию помощи в воспитании детей дошкольного возраста получила большую поддержку и стала частью государственной политики. Ведомство императрицы Марии, которое занималось организацией воспитательных домов, детских приютов трудолюбия и т.п., получило новый статус — IV отделение Собственной Его Величества канцелярии¹.

Это было номинально знаком высокого общественного внимания к ним, но и элементом украшения добродетелью не какой-нибудь, а наивысшей власти.

На этом фоне примечательно помещение таких институтов в ведомство советских органов государственной безопасности прямо в момент их формирования. Феликс Дзержинский, по современной легенде, основатель ВЧК, занимался многими вопросами, как-то транспортом, злоупотреблением служебным положением и пр. Его ведомство взялось за решение и проблемы беспризорничества — следствия идущих войн и политических катаклизмов. Постепенно круг полномочий политической полиции уточнился, но детколонии продолжали оставаться в той или иной связи с ней. Органы госбезопасности, как они себя называли, неоднократно то поглощали, то обособляли от себя «просто» полицейские функции. Постепенно и борьба с беспризорностью перешла (частично) в ведение органов внутренних дел как дел неполитических, но продолжающих иметь связь с общественной безопасностью. У этих органов, как известно, есть два инструмента: легитимное применение насилия и легитимное же лишение свободы. Мало кто из видевших детские дома и, прежде всего, дома для детей «с особенностями» не отмечал их сходства с местами лишения свободы. В нестрогом, но сильном различии «воли» и «неволи» эти места безусловно попадают во вторую категорию.

¹ Ведомство учреждений Императрицы Марии 1797-1897 (СПб., 1987)

Типологическая близость приютов, домов общественного призрения к местам заключения отмечалась во многих странах и разные исторические эпохи. Специфика этого сходства в случае нашей страны связана с особой значимостью органов безопасности и форм «неволи» в ее истории и современности. На этом фоне появившийся тренд, а скорее призыв: передавать детей из воспитательных учреждений в семьи — это процесс, относящийся к ключевым и интимным структурам нашего общественного устройства. В профессиональной среде началась дискуссия. Тема несвободы и неволи в очередной раз стала предметом дебатов. Появились профессионалы, подвергающие критике действующую систему. Возвысили свой голос ее защитники. По словам некоторых руководителей, *смысла в реализации семейного устройства таких детей нет, так как в связи с их тяжелыми заболеваниями не только они никому не нужны, но и им не нужна семья*. Также, во многих учреждениях уверены, что *таким детям лучше находиться именно в специальных заведениях, где они получают необходимый уход, находятся под присмотром врачей и где у них больше возможностей участвовать в образовательных и реабилитационных программах*. Отмечается также, что проживание детей в интернатах *дает их родителям возможность работать*.

Интернат с уходом и заботой, которую там давали детям, всегда считался и единственной, и лучшей частью для них. И вдруг оказалось, что есть альтернатива судьбе таких детей, и она лучше интерната, системы, с которой эти работники себя отождествляют. Более того, государство, которое они привыкли считать не только своим сверх-руководителем, но и своего рода сверх-родителем этих детей, и авторитет которого должны были поддерживать учреждения, где они работали, вопреки всей привычной его логике и политике, разрешило было эти усыновления. А в своем Послании Федеральному Собранию Российской Федерации 2006 года президент РФ В. Путин заявил, что «надо совместно с субъектами Федерации разработать программу по материальному стимулированию устройства на воспитание в семьях сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Таких детей, находящихся сегодня в детдомах у нас — около 200 тысяч. На самом деле — сирот гораздо больше, но в детдомах находится около 200 тысяч. И иностранцы у нас, по-моему, уже больше усыновляют наших детей, чем у нас в собственной стране. ...Поручаю Правительству

совместно с регионами создать такой механизм, который позволит сократить число детей, находящихся в интернатных учреждениях»¹. Лед тронулся. Судя по косвенным свидетельствам, именно после этого многие руководители стали «официальными» приверженцами точки зрения, которая раньше могла существовать только как приватная, как мнение «для себя», «для своих»: *конечно, семья лучше интерната*.

В уже цитированном специальном докладе Уполномоченного по правам человека в РФ сообщается: «Широко распространена практика неправомерного помещения детей в детские дома-интернаты фактически на пожизненное проживание, поскольку по достижении совершеннолетия их переводят в аналогичные интернаты для взрослых... В домах-интернатах нарушается право детей на частную жизнь. Пространство их жизнедеятельности крайне ограничено, помещения переполнены, дети не имеют возможности уединиться. Дети, проживающие в детских домах-интернатах, полностью зависят от сотрудников учреждения и не защищены от произвола персонала... Одной из причин полной незащищенности детей в детских домах-интернатах является их закрытость, отсутствие внешнего контроля за соблюдением прав воспитанников. О необходимости создания системы общественной инспекции в данной сфере неоднократно заявляли общественные правозащитные организации, эти предложения были поддержаны Комитетом ООН по правам ребенка и нашли свое отражение в его рекомендациях Правительству России 1999 и 2005 года».

Иными словами, зачем-то нужно держать определенный контингент в этих условиях изоляции.

Особо рельефно прорисовалась эта тема в «деле Димы Яковлева», в рамках конфликта, который отчетливо обозначился как конфликт между типами обществ и их концепциями личности и государства. В столкновении между Россией и ее главным политическим противником, когда должны быть предъявлены самые главные, предельного характера, аргументы, с российской стороны была предъявлена тема вреда детям от их приемных (американских) родителей. Поскольку альтернативой американским приемным семьям в этих конфликтных ситуациях не предлагались отечественные приемные семьи, по умолчанию оказывалось, что альтернатива — это преобладающий у нас метод содержания таких детей в детдомах.

¹ www.garant.ru/products/prp/prime/doc/89457.

Какие бы собственно политические цели не ставили режиссеры этого дипломатического демарша, его message, адресованный российскому обществу, был определенно таков: практика изъятия сирот из детдомов и передача их в семью — их, западная практика — это дурная практика, пример самой западной из западных стран нам это доказывает. В споре, что лучше — держать сирот в детдоме (наш метод) или отдавать их в семью (их метод), мы победили.

Выше было показано, что эта линия на передачу сирот из специализированных заведений в семьи формально была провозглашена генеральной линией нашей политики. В идущей постоянно в нашем обществе борьбе между внутренними «западниками» и внутренними «патриотами» провозглашение такой линии было победой «западников», и вот «патриотическая» линия взяла реванш на внешнеполитическом фронте. Собственно внешнеполитическая плоскость и ситуация противостояния с Америкой были ей нужны лишь для того, чтобы вынудить самые высшие инстанции выступить с осуждением «их» западной практики.

Почему такая частная тема, касающаяся хоть и прискорбно большого, но все-таки столь незначительного меньшинства лиц, как сироты в госприютах, получила такое общественное внимание?

Ответов два. Один — потому, что дело касается одной из главных частей общественной конструкции, а именно концепции личности. Общемировой процесс — является ли он прогрессом или нет — возрастания ее роли шел и продолжает идти, и наше общество в свой черед к нему подключается. В этом процессе та цивилизация, которую называют западной, с самого начала была впереди. Потому участие России в нем предстает для России как следование Западу со всеми осложнениями, которые причиняет такое положение вещей.

Как и во всех обществах, где последовательно меняются формы отношения к сиротам, бездомным, больным, преступникам и прочим выпадающим из общества его элементам, наше общество пришло к созданию специальных государственных институтов по содержанию оных элементов в изоляции от общества и на попечении у государства. Такой подход приобрел статус нормы. Сейчас эта норма поставлена под вопрос, и многое из происходящего объясняется этим всегда сложным состоянием кризиса нормы.

Существование орфанажей повсеместно теперь для городских обществ. Часть их про-

блем имеет универсальный характер. Недаром то, что описано в ранней работе И. Гоффмана «Узилища» («тотальные институты» в его терминологии)¹ читается и сейчас как прямой репортаж из наших заведений такого рода, будь это зона, казарма, больница или детдом (а ведь автор не бывал в нашей стране и тогда еще ничего не знал о практиках ГУЛАГа и пр.). Потому столь поучительно и для нас чтение сочинений Фуко, писавшего о больницах, рабочих домах и иных реалиях западноевропейского Нового времени².

Но при всех параллелях и общемировых тенденциях, проявляющихся и у нас, в описываемой системе государственного попечения о вытесненных из общества лицах сложилась своя социальная специфика. Именно в силу ее наличия процесс «раскрытия» тотальных учреждений (а передача сирот в семьи — это одна из форм подрыва их тотальности) оказывается затрагивающим самые интимные структуры нашей государственности.

На первый взгляд кажется безумным и кошмарным сопряжение этого процесса с тем, который начался в далеком 1953 году со смертью Сталина, а именно с процессом выпуска на волю узников государства. Обоснованность таких ассоциаций выясняется знакомством с устройством и практиками этих «учреждений закрытого типа». Уже широко распространены соображения и догадки о том, что помимо одиозного ГУЛАГа в стране было и продолжает существовать множество мест содержания людей в изоляции от обычной социальности, принимаемой нами за норму. Одно из важнейших наблюдений (здесь снова вспоминается Фуко) состоит в том, что структурно схожи места, где люди содержатся в порядке кары, их наказания за вину перед обществом, и места содержания вроде бы ни в чем не повинных, где номинальная цель — не наказание, а оказание помощи несчастным. Следующим шагом бывает понимание того, что изоляции подвергают носителей любого отклонения от нормы — произвольного (преступление) или непроизвольного (болезнь). Когда в рассмотрение включается и такой вид объективной девиации, как сиротство, вся картина приобретает новое освещение.

Содержание сирот в детских домах имеет свое рационалистическое обоснование и объяснение. Рациональность и резоны здесь опираются на гуманистические ценности сохранения

¹ Goffman E. Asylums. NY, 1961.

² Фуко М. Надзирать и наказывать. М. 1999.

жизней, обеспечения их если не полноценности, то возможно более близкого ее подобия. Интрига возникает в тот момент, когда выясняется, что система детдомов и им подобных заведений стремится к самосохранению, поэтому не хочет отдавать своих воспитанников или согласна это делать на своих собственных условиях.

Понятны приходящие на ум соображения о том, что всякая однажды созданная социальная система будет стремиться себя воспроизводить, сохранять и охранять. (Известны, в частности, резоны, что зарплаты сотрудников положительно зависят от числа воспитанников и пр. Понятно, что система детдомов – это рабочие места, что закрытие таких домов будет означать их ликвидацию и пр.)

Но эти объяснения не достаточны. Мы предложили говорить о сиротских учреждениях как об элементе репродуктивной системы общества. Возможны возражения. Сироты – скорее сбой в работе этой системы. Значительная часть из них не дает потомства, у другой части это потомство страдает от рождения множественностью патологий. Наконец, среди сотрудников этих учреждений, повторим, ходит выражение, что *от сирот рождаются сироты*. И мы знаем из наших исследований, что для возвращения сирот на обычные для данного общества жизненные траектории нужны огромные усилия. Без них этого не происходит.

И все же, мы полагаем, что указанная подсистема может рассматриваться как часть репродуктивной системы общества.

Представляется, что все те места, где люди содержатся не на воле, а на попечении государства, образуют систему, имеющую метафизический смысл относительно повседневной обычной жизни, жизни на воле. Искусственная жизнь, поддерживаемая государством в этих местах внедомашнего, внесемейного содержания людей, не имеет целью поддержание их жизни. Их существование там есть не цель, а средство.

О системе этих учреждений можно сказать, что это особого рода утопия, имея в виду, что это запись определенной идеи – идеи советского и пост-советского государства как такового. А главная его идея есть утверждение невозможности существования социума без государства как формы его существования. На воле можно вообразить и даже попробовать существовать без и вне государства. Во всех местах содержа-

ния этих детей без родителей такое физически невозможно, немислимо. Другая метафора говорит о том, что система этих заведений есть место хранения и воспроизводства генетического кода, по-другому, идеала, эталона государства как системы тотального управления обществом. ГУЛАГ был попыткой реализации утопии (как ею были коммуны в КНР и Кампучии), закономерно неудачной. Утопия вернулась в свои собственные рамки. Но столь же закономерно неудачными оказались попытки эту утопию ликвидировать полностью. То, что ликвидация детских домов будет шагом к ликвидации государства – такого, каким мы его знаем, ощущается многими. И поборниками такого государства и его противниками. Защищая систему попечения государства о детях, они защищают не детей, а государство

Армия, детдома, как и «зона», ни в коем случае не «срез» общества. Не они ему подобны. Они суть модель, сокровенная модель общественного устройства, сложившегося к 1930-м годам. Это оно, общество, в той или иной мере приближается к ним, будучи их практической реализацией, репродукцией. То, что наше общество то удаляется от одного прототипа, то тянется к нему вновь, показывает вся история прошедших десятилетий, включая самое последнее из них. Присутствие некоторого тоталитарного архетипа внутри отечественной политической культуры отмечалось многими. Наши исследования позволяют увидеть одно из казалось бы маргинальных социальных мест, где этот архетип хранится. Обнаружение этой латентной функции у учреждений, где содержатся дети без родителей, позволяет понять почему вопрос о судьбе их воспитанников вдруг попал в центр общественного внимания.

При этом понятно, что ни солдаты, ни воспитанники не суть субъекты, они – статисты в этой модели, стаффаж, заменимый и воспроизводимый ресурс. Сами по себе они не интересны, важно, чтобы они были в наличии.

К догадке, что государство нуждается в существовании этой системы для неких высших и неявных целей, не связанных ни с ценностями гуманизма, ни с экономической, оборонной или иной прагматической задачей, приходили некоторые из опрошенных нами специалистов, работающих внутри этой системы. *Сироты государству нужны. Больше, чем оно им. Потому и в семьи не хочет отдавать.*

Наталья БОНДАРЕНКО
Лев ГУДКОВ
Марина КРАСИЛЬНИКОВА

Социальная природа коррупции¹

В общественном сознании озабоченность проблемой коррупции становится все более острой, а понимание возможностей ее решения — все более пессимистичным. Большинство российских горожан (70% опрошенных) полагают, что это неизбежное зло, что коррупция «будет всегда». Доказать факты коррупции и взяточничества, как представляется большей части опрошенных (51%), гораздо сложнее, чем обычные правонарушения, тем более, что этому препятствуют интересы самой бюрократии. За 10 лет доля ответов «коррупция стало больше» выросла в 4 раза — с 11% (сентябрь 2000 г.) до 43% в июле 2010 г. (см. табл. 1).

В январе 2012 года, при несколько иной формулировке (без упоминания имени Ельцина и Путина) уже половина респондентов сообщила о росте коррупции, правда к концу года доля таких ответов снизилась до 41% (см. табл. 2).

В последние годы внимание к этой теме привлекают непрерывные громкие скандалы, связанные с возбуждением следственных дел в высшем руководстве министерств и ведомств (обороны, внутренних дел, здравоохранения, сельского хозяйства, космической отрасли, образования, самой прокуратуры), региональных органов управления. Колебания в ответах на протяжении нескольких месяцев говорят лишь о периодических всплесках внимания, связан-

Таблица 1

ДИНАМИКА ОТВЕТОВ НА ВОПРОС «ВОРОВСТВА И КОРРУПЦИИ В РУКОВОДСТВЕ СТРАНЫ СТАЛО БОЛЬШЕ, ОСТАЛОСЬ СТОЛЬКО ЖЕ ИЛИ МЕНЬШЕ, ЧЕМ БЫЛО ПРИ ЕЛЬЦИНЕ?» (% по столбцу)

	2000 сент.	2001 сент.	2002 сент.	2003 сент.	2004 сент.	2005 сент.	2000 сент.	2007 сент.	2009 июль	2010 июль
Больше	11	14	15	15	21	23	28	16	27	43
Примерно столько же	66	58	59	53	51	49	43	48	45	40
Меньше	15	17	20	22	21	21	22	26	9	9
Затрудняюсь ответить	8	11	6	10	6	7	7	10	9	8

Источник: Левада-центр, данные опросов городского и сельского населения России в возрасте 18 лет и старше, N=1600

Таблица 2

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС «КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, ВОРОВСТВА И КОРРУПЦИИ В РУКОВОДСТВЕ СТРАНЫ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ СТАЛО БОЛЬШЕ, ОСТАЛОСЬ СТОЛЬКО ЖЕ ИЛИ СТАЛО МЕНЬШЕ, ЧЕМ БЫЛО 10-12 ЛЕТ НАЗАД?» (% по столбу, данные опросов городского и сельского населения России в возрасте 18 лет и старше, N=1600)

	Январь 2012	Ноябрь 2012
Больше	50	41
Примерно столько же	35	43
Меньше	6	9
Затруднились ответить	8	7

¹ Исследование было проведено по заказу Центра макроэкономических исследований (ЦМИ) Сбербанка России, в рамках которого было опрошено 6 тыс. респондентов, репрезентирующих мнение взрослого (18-65 лет) городского населения страны (города с численностью свыше 20 тыс. жителей). Кроме того, для интерпретации данных привлекались результаты собственных исследований Левада-центра в рамках многолетней программы Мониторинга социально-экономических перемен и программы «Курьер».

ных именно с сообщениями СМИ о тех или иных новых фактах взяточничества, хищениях и разоблачении финансовых афер, фальсификациях в налоговых декларациях, незаконной собственности чиновников и политиков за рубежом и т.п.

Значительная часть россиян расценивает явления, подобные коррупционным схемам, в которые оказался втянутым бывший министр обороны А. Сердюков, в качестве признаков «полного разложения» нынешнего российского государства. В ноябре 2012 г., отвечая на вопрос о том, как следует охарактеризовать коррупционные схемы, в которые оказался втянутым А. Сердюков, 80% опрошенных назвали их «проявлением всеобщего разложения коррумпированной власти». И лишь 12% увидели в этом «единичное, нетипичное явление для высшего руководства страны» (остальные затруднились сделать выбор между этими двумя характеристиками).

Обсуждения в СМИ и Интернете сопровождаются акцентированием нетерпимости верховного руководства страны к коррупционным действиям. Демонстративно подчеркивается государственная значимость и активная деятельность центральных властей по борьбе с коррупцией.

Однако, как правило, в СМИ, в сети обсуждается (и осуждается) лишь поведение чиновников, но без внимания остается поведение самого населения, которое гораздо более снисходительно относится к нарушениям такого рода (неформальным, коррупционным практикам), со стороны обычных граждан. Подспудно предполагается, что население «вынуждено» покупать услуги государственной бюрократии, поскольку навязываемый чиновниками порядок взаимоотношений населения и власти создает множество искусственных административных барьеров (включая собственно бюрократическую волокиту), преодоление которых и становится источником чиновничьей ренты. Само население тем самым снимает с себя моральную ответственность за коррупционные отношения, более того, значительная часть подобных форм взаимодействия вообще не квалифицируется в качестве девиантных, неприемлемых или недопустимых.

Массовые представления о коррупционных практиках. Самой распространенной формой коррупции в России население считает «взятничество» (69%). Это мнение универсально, в ответах респондентов из разных социально-демографических групп нет принципиальных различий.

Существенно реже опрошенные называют другие формы коррупции. Они представляют собой, чаще всего, лишь детализацию «взятничества» как оплаты «государственной услу-

ги» (реализации прямых функций государства), незаконно взимаемой чиновниками, или собственно криминальные действия, в сговоре с чиновниками (то есть являющиеся либо отклонениями от норм закона, либо их прямыми нарушениями, иначе говоря, собственно преступлениями). Речь идет о «блате» (оказание услуг с использованием служебного положения, но без прямой выгоды или корысти для чиновника (29%); далее — «махинации с госимуществом» (28%), «присвоение государственных средств» или их нецелевое использование (26%), «уклонение от уплаты налогов» (22%), «вымогательство со стороны госслужащих» (21%) или «подкуп госчиновников» (20%). Реже встречались такие определения коррупции как «мошенничество», «прокручивание госсредств», «кумовство», «раздувание штатов», «махинации с подрядами», «предоставление неоправданных льгот и привилегий», «спекуляция», «контрабанда» и т.п.¹

Далеко не все из того, что перечислено выше, можно отнести к собственно «коррупции». Массовое сознание явно здесь не делает особых различий между видами правонарушений. Но важно, что все отмеченные респондентами нарушения закона обусловлены бюрократическими ресурсами государственного управления (выдачей разрешений, сертификатов, назначениями на работу и т.п.), предоставляемые должностью чиновника, потенциалом его связей и компетенций.

Несколько чаще на специальные виды сделок чиновников с бизнесом указывали более продвинутые в этих областях респонденты — предприниматели. На привычный блат — чаще — рабочие и учащиеся, то есть далекие от собственно поля коррупционных сделок.

У опрошенных нет сомнений, где сосредоточены такие возможности: 63% респондентов полагают, что коррупции и взяточничества больше всего в государственных и муниципальных органах власти, плюс еще 18% считают, что «в госкорпорациях» (таких как Газпром, Роснефть, РЖД и проч.). На втором месте — учреждения образования и здравоохранения (30%).

В крупных частных компаниях или крупных финансовых учреждениях (банках, инвестиционных и страховых компаниях, вне зависимости от характера их собственности), а также в малом и среднем бизнесе масштабы корруп-

¹ Важно отметить, что вопрос о том, что такое коррупция, задавался респондентам как «открытый», т.е. без предъявления списка возможных ответов и определений, предполагал свободное формулирование ответа.

ции, по мнению респондентов, незначительны. На эти сферы как коррупционные указали от 5-6% (малый бизнес) до 9-10% (финансовые структуры) опрошенных.

Тем самым, проблема коррупции становится лишь частью более общей проблемы — массового отношения к государственной власти, восприятия ее, претензий к ней со стороны населения и, соответственно, гражданской самоидентичности.

Первое, что фиксируют социологические исследования общественного мнения о природе, причинах, характере и масштабах распространения коррупции в нашем обществе, это — расхождение между массовыми представлениями о коррумпированности общества и власти и собственной включенностью в подобных связи и сделки.

Представления населения о масштабах и зонах коррупции в обществе и в государственном аппарате. Самыми коррумпированными профессиональными группами общественное мнение считает полицейских, прежде всего — ГИБДД (50%). Это неудивительно, поскольку представители этих органов власти ближе всего стоят к населению и чаще, чем любые другие чиновники, вступают во взаимодействие с обычными людьми. Но в отличие от других представителей бюрократии, полиция располагает прямыми полномочиями на непосредственные санкции в ситуациях, которые сама же квалифицирует как «правонарушение», что собственно и создает условия для коррупционной сделки.

На втором месте — служащие суда, прокуратуры и судебные приставы (28%¹). На третьем месте — политики (23%), представляющие особую категорию. На четвертом месте — служащие тех ведомств, которые уполномочены и ответственны за выдачу разрешений на строительство, операции с недвижимостью, выдачу сертификатов и лицензий на предпринимательскую деятельность (21-18% в среднем, среди независимых предпринимателей это мнение разделяют уже 27%) и, наконец, работники таможи (20%).

Подобная иерархия сфер распространения коррупции² отражает понимание населением основной причины коррупционных отношений. Согласно общественному мнению, она состоит в патологии государственной системы,

тотальности этатистского или административного управления при отсутствии эффективных механизмов внешнего контроля за чиновниками, то есть реального разделения властей.

Больше коррупции — в столичных городах, где собственно и сосредоточен центр властных полномочий (так считают 57% опрошенных). Напротив, тех, кто полагает, что провинция является преимущественной зоной неискоренимой коррупции, насчитывается всего 11%. «И там, и там — в равной мере» — 30%. С теоретической точки зрения верно, безусловно, последнее, поскольку коррупционные возможности бюрократии лишь очень условно соотносятся с центр-периферическими отношениями. Главное здесь — само наличие административных ресурсов, а не их пространственно-территориальное размещение. Но преобладание ответов о сосредоточении коррупции в столице опять-таки отражает, в том числе, перенос проблемы (и ответственности за нее, личной возможности ее решения) на центральную власть. «Это их проблемы».

В общественном мнении взяточничество, подкуп (передача денег в обмен на услуги) приносит гораздо больший вред обществу, нежели любые другие формы коррупции и злоупотреблений служебными обязанностями (так считает 45% опрошенных; 12% назвали в этом отношении — «блат и кумовство»). Это означает, что «связи», «знакомства», помощь или услуги, оказываемая респонденту «посредниками» или через социальные сети неформальных отношений, в российском обществе не рассматриваются как нечто криминальное или предосудительное (если только здесь не участвуют деньги, то есть, если здесь нет прямой оплаты услуги или сделки).

Это крайне важное обстоятельство указывает на существование дополнительных неформальных институтов (институтов обычного права), компенсирующих жесткость и неэффективность формальной институциональной регуляции бюрократического (репрессивного или директивно-распределительного) государства. Такого рода институционализация неформальных сетей личных или квазиличных отношений («я к вам от Ивана Ивановича», при этом обращающийся может и не знать лично, кто такой «Иван Иванович»), позволяет адаптироваться населению к централизованной практике управления, снимая тем самым альтернативность подчинения государству.

Это собственно и образует поле для тотальной взаимной коррумпированности общества

¹ Хотя, как показывают другие исследования Левада-центра, лишь сравнительно незначительная часть российского населения — от 15 до 20% — имела дело с представителями этой системы.

² Которая учитывает, одновременно, и частоту обращения населения к соответствующей сфере, и степень ее коррумпированности.

и власти. Речь идет не о фактических коррупционных сделках, а о существовании целого пласта социальных норм и представлений, которые делают социальную жизнь более гибкой и отвечающей запросам населения, восполняют неразвитость социальной системы, ее недифференцированность и неэффективность. Цена такого псевдотрадиционализма — высокая степень стагнации наиболее важных сфер социальной жизни, где собственно и должны были бы цениться правовые формы регуляции, специализированное знание, формальные и специальные социальные посредники и системы коммуникации.

Другими словами, мы имеем дело с корпусом декларируемых формально-правовых норм и предписаний, которые смягчаются или нейтрализуются некодифицированным мно-

жеством неформальных механизмов, взаимных обязательств и правил поведения между «своими» людьми. Разветвленная сеть знакомых, родственников, коллег, соседей и т.п., оказывающих друг другу услуги и помощь, вступающих в отношения солидарности и доверия, обменивающихся (как в традиционных социумах, описываемых этнографами и антропологами, такими как М. Мосс или К. Леви-Стросс) символическими дарами и благами дополняет, а чаще замещает формальные социальные институты, правовые нормы.

Включенность в коррупционные отношения.

Частота и плотность коррупционных отношений является отражением интенсивности и сложности социальной жизни. Как показывают социологические исследования¹, у более

Таблица 3

ВКЛЮЧЕННОСТЬ В КОРРУПЦИОННЫЕ ОТНОШЕНИЯ И РАСПРОСТРАНЕННОСТЬ ТАКОГО ОПЫТА (% от опрошенных, N=6000)

	Приходилось попадать в коррупциогенные ситуации	Среднее число инстанций, в которых респонденту приходилось попадать в коррупциогенные ситуации (число раз)
Среднее	18	1,3
Возраст		
18-24 года	14	1,21
25-39 лет	21	1,29
40-54 года	17	1,29
55 лет и старше	16	1,25
Образование		
Высшее	20	1,40
Среднее общее + среднее специальное	16	1,31
Ниже среднего	17	1,10
Место жительства		
Москва	26	1,38
Большой город	16	1,25
Средний	17	1,29
Малый город	17	1,18
Социально-профессиональный статус, тип занятости		
Предприниматель	32	1,38
Руководитель	27	1,33
Специалист	19	1,10
Служащие	15	1,40
Рабочие	16	1,25
Учащиеся	10	1,30
Пенсионеры	15	1,27
Домохозяйки	15	1,30
Безработные	20	1,15

¹ И подтверждают данные настоящего опроса.

образованных, квалифицированных людей частота социальных контактов с различными группами существенно выше, нежели у людей с более низким уровнем образования и профессиональной квалификацией. В свою очередь, чем более дифференцированы отношения, тем чаще людям приходится вступать в коррупционные сделки. За последний год 20% людей с высшим образованием сталкивались с ситуацией, когда им приходилось вступать в коррупционные отношения (или от них ожидалось подобное поведение), 16% – у респондентов со средним образованием и 17% – у людей с образованием ниже среднего. Одновременно частота коррупционных ситуаций у образованных была в 1,5 раза выше, нежели у низкообразованных (28% случаев против 18%). Респонденты со средним или средним специальным образованием занимают в этом плане промежуточное положение – 21% сообщили о таких случаях. Та же закономерность проявляется и в возрастном плане. Самые активные в социальном плане возраста – 25-39 лет – заметно чаще вынуждены вступать в коррупционные отношения, об это заявили 21%, в других возрастных категорий этот показатель ниже: у самых молодых и самых пожилых – 14%-16%. Причем опять-таки частота коррупционных отношений в группе самого активного возраста – 25-39 лет – составляет 27% (сумма всех случаев коррупционных ситуаций), у следующей группы (40-54 года) – 22%, у пожилых – 20%, а у самых молодых – 17%

По мнению населения, чаще всего коррупционный характер образуют отношения населения с полицейскими (включая сотрудников ГИБДД), с работниками медицинских учреждений и образования (соответственно, в среднем, об этом заявили 7%, 6 и 3% опрошенных).

Как следует из таблицы 4, коррупционные ситуации возникают, прежде всего, у тех категорий населения, которые характеризуются более интенсивной социальной жизнью, активностью и социальными ресурсами, то есть у тех, кого можно «стричь»: молодых, более обеспеченных, предпринимателей, руководителей, вообще людей с более высоким социальным статусом. Другая категория повышенной подверженности коррупционному давлению – это те, кто в силу особенностей своего состояния (возраста, болезней, или положением родителей, озабоченных образованием своих детей) зависят от доступа к соответствующим благам, предоставляемым государством и регулируемым бюрократией, кто вынужден «задабривать»

или «откупаться» от работников соответствующих ведомств (полиции, медперсонала, учителей и т.п.).

Отношения с представителями других ведомств, вымогавших взятки (помимо упомянутых в таблице 4), зафиксированы практически только у независимых предпринимателей: вымогательство со стороны различного рода инспекций (пожарной, санитарно-эпидемиологической, трудового надзора, иных государственных надзорных органов – 6%), служащих, ответственных за выдачу разрешений на строительство, операции с недвижимостью (4%), выдачу различных сертификатов или разрешений на предпринимательскую деятельность (4%), таможенной службы (3%), суда, судебных приставов и прокуратуры (2%). Это понятно: вымогательство имеет место у тех, у кого есть деньги, и кто остро нуждается в специфических санкциях со стороны государственных органов, которые превращают свое функционирование в род административной монополярной ренты. Они не только сталкиваются с коррупционными ситуациями, но вынуждены чаще вступать в подобные отношения, поскольку их занятия гораздо в большей степени зависят от характера взаимодействия с бюрократией.

И дело не в том, что первые группы (молодые, активные и предприимчивые) чаще нарушают установленные государством нормы, чаще совершают правонарушения или вынуждены сталкиваться с конфликтом различных нормативных систем. Именно эти группы населения чаще вынуждены обращаться в госорганы за разного рода разрешениями и бумагами в связи с владением собственностью, ведением профессиональной деятельности, ответственностью не только за себя, но и за своих родных и близких (см. табл. 5).

Потенциал участия в неформальных практиках со стороны населения в ходе опроса измерялся путем регистрации фактов решения лично респондентом различного рода житейских и бытовых проблем, список которых состоял из двух десятков типичных задач (см. Табл. 1.5). Половине опрошенных в течение года приходилось совершать какие-либо из перечисленных действий, предполагающих контакты с разнообразными формальными социальными институтами (в среднем – 51%). Как уже отмечалось, более насыщенная социальная жизнь характерна для молодых людей (в возрасте 25-39 лет доля указанных ответов повышается до 56%), имеющих высшее образование

Таблица 4

ОПЫТ ВЫМОГАТЕЛЬСТВА. ДОЛЯ ВЫБРАВШИХ СООТВЕТСТВУЮЩИЕ ПОЗИЦИИ ПРИ ОТВЕТЕ НА ВОПРОС: «ПРИХОДИЛОСЬ ЛИ В ТЕЧЕНИЕ ПОСЛЕДНИХ 12 МЕСЯЦЕВ СТАЛКИВАТЬСЯ С ВЫМОГАТЕЛЬСТВОМ ИЛИ ПРОСТО НАМЕКАМИ НА ВЗЯТКУ? ЕСЛИ ДА, ТО ПРИ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ С КЕМ?» (% от опрошенных, N=6000)

Приходилось при взаимодействии с ...	Полицией	Работниками здравоохранения	Работниками образования
В среднем	7	6	3
Возраст			
18-24 года	6	3	4
25-39 лет	11	6	4
40-54 года	6	6	2
55 лет и старше	5	9	1
Образование			
Высшее	9	6	4
Среднее общее + среднее специальное	7	6	3
Ниже среднего	4	9	2
Тип поселения			
Москва	14	10	4
Большой город	8	5	2
Средний	6	6	3
Малый город	6	7	3
Социально-профессиональный статус, тип занятости			
Предприниматель	15	5	3
Руководитель	15	7	3
Специалист	8	7	4
Служащие	6	5	3
Рабочие	8	5	3
Учащиеся	4	2	4
Пенсионеры	3	9	1
Домохозяйки	4	6	2
Безработные	5	14	1
Потребительский статус			
Бедные (не хватает на продукты)	4	7	2
Нуждающиеся (хватает только на продукты питания)	4	8	2
Скромный достаток (хватает и на продукты, и на одежду, но не на ТДП)	6	7	3
Обеспеченные (могут приобретать ТДП)	10	4	3
Зажиточные (могут позволить себе дорогие покупки)	19	6	4

(57%), независимых предпринимателей и руководителей (64%), людей высокообеспеченных (63%). Напротив, необходимость общения с формальными институтами заметно меньше у людей пожилых (48%), с низким уровнем образования (46%), пенсионеров (39%) и т.п. Различия между этими группами наблюдаются не только в распространенности различного рода социальных контактов, но и в их интенсивности (см. Табл. 1.5). Например, респонденты в возрасте 25-39 лет делали в среднем за год 2,5 действия из перечисленных в списке, а люди постарше – уже только 2,1.

В среднем российскому горожанину приходится чаще всего общаться с системой здравоохранения, решать различные вопросы, связанные с владением и использованием имуществом (прежде всего, автомобилем), выступать на рынке труда. Очень заметное место в быту стали занимать финансовые услуги – потребительское кредитование и страхование (см. табл. 5).

Как показал опрос, во всех перечисленных бытовых ситуациях есть место неформальным практикам (см. рис. 1). Подчеркнем, что вопрос был сформулирован именно в такой мягкой форме («неформальные практики», а не «кор-

Таблица 5

ОПЫТ РЕШЕНИЯ БЫТОВЫХ ПРОБЛЕМ ЗА ПОСЛЕДНИЕ 12 МЕСЯЦЕВ ПЕРЕД ОПРОСОМ (процент от числа отметивших хотя бы одну позицию, N=2940)

Что приходилось делать:	В среднем N=2940	Возраст		Род занятий	
		25-39 лет N=2062	55-64 года N=1099	руководитель N=397	неработающий пенсионер N=623
Оформляли права на квартиру, жилье, землю	12	13	12	14	13
Получали регистрацию/прописку	11	14	9	6	8
Получали водительские права и т.п.	17	24	14	28	9
Оформляли страховку авто, имущества и т.п.	26	33	20	41	17
Получали потребительский кредит	27	30	22	24	21
Получали ипотечный кредит	4	6	3	3	4
Договаривались с банком об отсрочке выплат	2	3	3	3	4
Получали важные документы в местных органах власти	22	25	21	23	21
Получали важные документы в министерствах и т.п.	7	10	6	13	7
Получали разрешение на строительство, покупку земли	2	3	4	2	5
Регистрировались как ИП, получали разрешение на деятельность	2	3	2	2	3
Были задержаны сотрудником ГИБДД за нарушение ПДД	11	21	10	29	5
Участвовали в судебных разбирательствах	5	6	7	7	6
Общались с военкоматом по поводу призыва в армии	4	3	3	3	5
Устраивались на работу	13	14	7	10	6
Устраивали ребенка в школу	7	14	3	8	4
Поступали в вуз, колледж и т.п. учреждения образования	5	4	2	4	3
Лечились, делали операцию в больнице	21	19	49	18	55
Организовывали похороны	8	7	14	10	16
Среднее число действий (раз)	2,4	2,5	2,1	2,5	2,1

рупция», чтобы попытаться снять влияние моральных оценок при характеристике собственного поведения респондента).

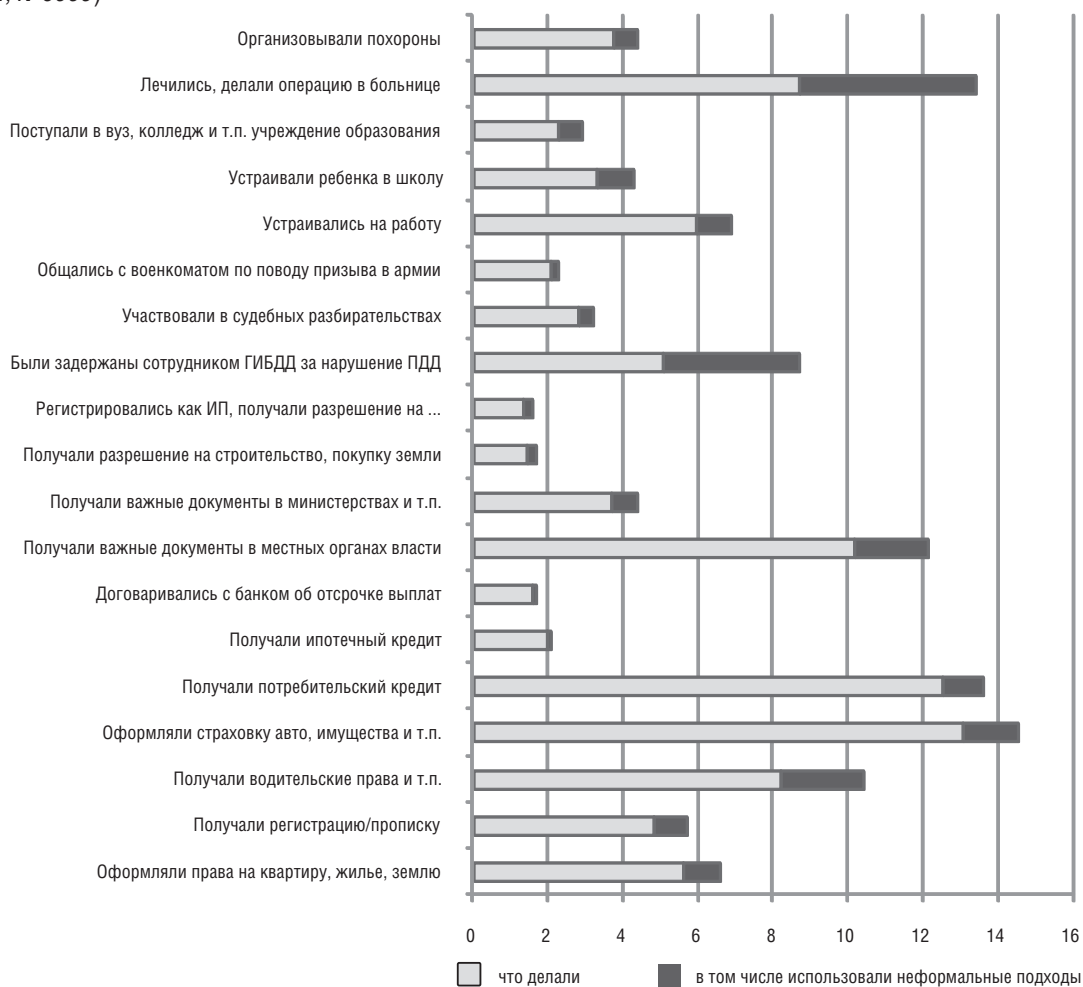
Именно лечение и общение с сотрудниками ГИБДД оказалось не только самым распространенным социальным действием, но и самым коррумпированным (соответственно 35% и 42% опрошенных приходилось использовать неформальные подходы при решении этих своих проблем). На третьем месте по частоте коррупционных действий стоит система образования – в среднем каждому пятому респонденту приходилось неформально решать вопросы поступления в школу или профессиональное учебное заведение (22-23% в каждом случае). Собственно чиновничья коррупция в этой иерархии находится посередине. Приходилось прибегать к неформальным практикам примерно одному из шести опрошенных из числа обращавшихся за получением справок и докумен-

тов в местные или федеральные органы власти, оформлявших частнопредпринимательскую деятельность, регистрировавших собственность (15-16% в каждом случае).

В рассматриваемом ряду социальных взаимодействий финансовая сфера оказалась наименее коррумпированной – о фактах неформальных практик сообщили от 5% опрошенных (при обсуждении вопросов об отсрочках выплат по кредиту) до 8% (при оформлении потребительского кредита). При оформлении страхования (автомобиля, недвижимости и т.п.) или получении выплат по страховке каждому десятому респонденту приходилось действовать через знакомых, договариваться, дарить подарки, и т.п. (10%).

По-видимому, можно с уверенностью говорить о том, что, по мнению населения, банковская сфера практически не затронута неформальными практиками, по крайней мере на уровне взаимодействия с частными лицами

Рисунок 1

РАСПРОСТРАНЕННОСТЬ НЕФОРМАЛЬНЫХ ПРАКТИК ПРИ РЕШЕНИИ РАЗЛИЧНЫХ БЫТОВЫХ ПРОБЛЕМ (% по опрошенным, N-6000)

и малым бизнесом. Относительно немногочисленные ответы о том, что в российских банках коррупции относительно больше (7%), или что в ней существуют коррупциогенные условия при оказании услуг населению (7%) скорее являются отголосками общей уверенности в тотальной коррумпированности общества. Не более 4% опрошенных сообщили о том, что им приходилось хотя бы слышать о случаях вымогательства взятки или намека на подарки со стороны банковских служащих в обмен на предоставление более выгодных условий получения потребительского или ипотечного кредита, кредита на развитие малого бизнеса.

Но неустранима общая подозрительность, а главное уверенность в безусловном преимуществе личных связей перед любыми формальными институтами. Почти половина (44%) опрошенных уверены в том, что «неформальные связи в банке» позволяют частным лицам получать кредиты на более выгодных условиях. Подобные установки не находят подтверж-

дения (но и опровержения) в практическом опыте. Респонденты, имеющие опыт потребительского кредитования, дают ровно такие же ответы, что и те граждане, кто не брал кредиты (по крайней мере, в последние два года). Коллективные мифы о магии личных связей продолжают работать даже там, где не находят практического подтверждения.

Массовые представления о причинах коррупции в России. Можно выделить три группы объяснений возникновения и воспроизводства коррупции, имеющиеся у населения:

1) институциональные дефекты власти, связанные с особенностями ее конституции и организации (коррупция как следствие специфического произвола бюрократии в отношении с бизнесом и обществом); тесные связи власти и бизнеса; чиновники получают свою должность не по заслугам, без учета профессиональной квалификации; бесконтрольность расходования госсредств;

2) характер корпоративных интересов власти, возможности получения административной ренты, связанной с безальтернативностью услуг в сфере управления (власти не заинтересованы в борьбе с коррупцией; сопротивляются попыткам ее ограничения; не применяют законов, чтобы наказать виновных; нет реального наказания за коррупцию; слишком мягкое законодательство или вообще наказания отсутствуют);

3) массовый «комплекс жертвы», оправдывающий нормативные нарушения населения своими «низкими доходами», экономической неразвитостью России – «все пороки от бедности населения». Видимая нелогичность причинно-следственных связей в этом универсальном по своей сути объяснении не должна смущать наблюдателя, поскольку ценностный посыл такого рода объяснений всех бед страны через непросвещенность и отсталость низов предназначена для самооправдания обывателя, а не для научного анализа и интерпретации явлений социальной патологии и девиантного поведения. Во всяком случае, здесь важна убедительность для массового сознания тезиса об укорененности коррупции в частной повседневной жизни России аргументами о бедности людей.

Лишь 1% опрошенных утверждает, что «коррупции в России нет».

В основном истоки коррупции, по мнению большей части населения, лежат в самом устройстве централизованной бюрократической власти (управлении), лишенной контроля со стороны общества, а потому озабоченной или руководствующейся лишь собственными интересами самосохранения и алчностью. В результате это ведет, с одной стороны, к внутриведомственному подбору мало компетентных исполнителей. А с другой – к сращиванию системы управления с предпринимательским сообществом (вымогательством или «крышеванием» со стороны чиновников, или более интеллигентно: установлению административной ренты над сферой бизнеса), произволу в распределении государственных заказов и самих бюджетных потоков. И, наконец, незаинтересованности высшей власти в ограничении коррупции (то есть не применение законов для наказания виновных, сдерживание судебной системы в расследовании коррупционных правонарушений и т.п.). В результате население воспринимает проблему коррупции как естественное и неискоренимое зло, столь же вне власти человека, как климат, среда обитания и

т.п. обстоятельства, составляющие фон или условия всеобщего повседневного образа жизни, уклада. И с этим бессмысленно бороться.

Такое восприятие проблемы оборачивается самым примитивным представлением о том, что «власти недостаточно борются с коррупцией». При этом люди видят причину в слабости политической воли высшего руководства, отдавая его тем самым от зараженной коррупцией средней и низшей бюрократии, либо подчеркивают отдельные стороны коррупционной системы отношений общества и власти. Поскольку речь идет именно о самых общих представлениях, то данные не показывают сколько-нибудь значимых различий в ответах респондентов, принадлежащих разным социальным или демографическим категориям.

Таблица 6
ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ КОРРУПЦИИ (% от опрошенных, N=6000)

Слабость политической воли («власти недостаточно активно борются с коррупцией»)	46
Бесконтрольность расходования госсредств	37
Дефекты законодательства (слишком мягкое наказание или его отсутствие)	36
Тесные связи власти и бизнеса	34
Правоприменительная практика работает избирательно, власти не хотят применять нужные законы для наказания виновных	28
Чиновники получают свою должность не по заслугам, без учета профессиональной квалификации	26
Коррупция – рутина повседневной жизни	24
Бедность населения, низкие доходы населения	15

Ответы ранжированы по убыванию частоты упоминаний; в среднем опрошенные отметили по 2,5 варианта ответов.

Представления о распространенности коррупции являются латентным выражением недоверия к государственной власти, несправедливости социального порядка, при котором обычные люди не в состоянии чувствовать себя защищенными от административного произвола, поскольку у них нет средств контроля над обстоятельствами собственной жизни. Подавляющее число опрошенных (86%) отрицательно отвечали на вопрос о том, могут ли они повлиять на то, что происходит в их родном городе, и 4% затруднились ответить, что по существу также является негативным результатом. Нельзя доверять тому, что лежит вне возможностей твоего контроля, что неподотчетно тебе, соответственно, 82% заявили, что они не чув-

ствуют ответственности за то, что происходит в их городе. Несмотря на формально лояльное по отношению к власти поведение, в общественном мнении доминирует представление о том, что власть (бесконтрольная, безответственная перед гражданами) «портит людей» (так считают 84%), а значит — в самих структурах власти концентрируются люди непорядочные, склонные злоупотреблять своим должностными обязанностями и положением. Подобная негативная презумпция в отношении власти в известной степени «оправдывает» собственное двоемыслие и «разрешает» отклонение от предписанных норм и правил законопослушного поведения.

Убежденность в том, что в России невозможно прожить, не нарушая закона (ее выражают 56% против 39% респондентов, не согласных с первыми), является «общим мнением» (то есть мнением большинства населения), обладающим принудительной силой коллективного представления. Поэтому колебания ответов в разных социально-демографических группах пренебрежительно малы, за частным исключением ответов самых молодых россиян (в этой группе доля таких ответов составляет 51%), что можно интерпретировать как инерцию школьной дидактики и слабость собственного социального опыта. Говоря об опыте, мы не имеем в виду отсутствие практического опыта правонарушений у молодежи (напротив, по понятным причинам молодежь чаще попадает в поле зрения правоохранительных органов), а лишь идеалистический ригоризм молодежи, установка на то, что у них жизнь, в отличие от их родителей, будет идти по-другому, «правильным образом».

Подтверждает эту мысль то, что распределение ответов на другой тестовый вопрос («Согласны ли вы с тем, что сейчас ни один вопрос

нельзя решить, не дав взятки, по принципу: «не подмажешь, не поедешь»?) в среднем распадается практически поровну (47% согласных и 45% не согласных). Но опять-таки у самых молодых доля нигилистических ответов несколько меньше, чем во всех остальных группах — 39% согласных на 52% не согласных, а доля «затруднившихся с ответом» чуть выше, чем у других категорий опрошенных. Согласие с этим тезисом несколько выше лишь в Москве (53%). Как показывают более ранние исследования Левада-центра, такого рода установки весьма устойчиво воспроизводятся на протяжении уже многих лет.

Представления о тщетности борьбы с коррупцией, с одной стороны, и упования на высшее руководство как единственную силу, способную что-то сделать в этой сфере, несколько (но не принципиально) сильнее распространено в среде более зависимой от государства и бедной. Утверждения о возможностях влияния респондента на то, что происходит в окружающей среде, снижается по мере уменьшения социальных ресурсов — возраста, образования, типа поселения (от мегаполисов к малым городам). Это, разумеется, не касается жителей крупнейших городов, где есть ясное понимание того, что ситуация в городе обычным людям неподвластна. Патерналистское сознание — утверждения респондентов о сильнейшей зависимости обычных людей от государства (в среднем примерно 65% заявляют, что не могут прожить без помощи государства) сочетается с одновременным признанием опрошенных своей невозможности влиять на то, что происходит в окружающей среде. Этот комплекс дополняется мощным социальным рессантиментом («...в этой жизни благополучны и успешны лишь люди пробивные, мошенники, приспособленцы и подхалимы»). Это значит, что такого

Таблица 7

ВОЗМОЖНОСТЬ ВЛИЯНИЯ НА ХАРАКТЕР СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ (% от опрошенных, N=6000)

На то, что происходит...	могут влиять	не могут влиять	затруднились ответить
На работе/учебе	37	51	11
В доме, во дворе, где живут	40	58	3
В городе, где живут	10	86	4

Таблица 8

В КАКОЙ МЕРЕ ВЫ ЧУВСТВУЕТЕ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ? (% от опрошенных, N=6000)

За то, что происходит...	чувствуют ответственность	не чувствуют ответственность	затруднились ответить
На работе/учебе	48	40	12
В доме, во дворе, где живут	46	51	3
В городе, где живут	18	78	4

рода мнения являются коррелятивными комплексами представлений общественного сознания.

Абсолютное большинство опрошенных не могут влиять на то, что происходит у них на работе, в учебном заведении, в городе, где они живут, но нельзя сказать, что и ответственность за происходящее в этих сферах осознается существенно сильнее. Это сознание «невозможности» (переплетающееся с нежеланием участвовать в чем-либо, требующем личного участия и ответственности) растет по мере повышения общественного статуса событий. Респонденты готовы и согласны отвечать лишь за то, что происходит у них в семье или самом узком круге отношений – дружеском, соседском и т.п. При этом две трети опрошенных (69%) довольны своей жизнью и считают, что они могут изменить собственную жизнь к лучшему (61%). Следовательно, проблема изменения по-

ем, что жизнь, успех в жизни (благополучие, материальная обеспеченность, социальные знаки признания) принадлежит лишь людям беспринципным и пробивным (см. табл. 9 и табл. 10).

Низкий уровень социального капитала в России (межличностного и институционального доверия) обусловлен массовым вынужденным характером приспособления к государственному произволу, стойким латентным недоверием к институтам, которое порождено репрессивной и произвольно меняющейся политикой государства¹. Взаимодействие большей части людей с государственной машиной неизбежно, поскольку это предопределено монополией на соответствующие функции управления и контроля, записанные за органами власти.

В целом, соотношение доверяющих и недоверяющих людям составляет 0,57 (преобладает недоверие как норма социального взаимодей-

Таблица 9

КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, КАКИМ ЛЮДЯМ В РОССИИ СЕГОДНЯ ЛЕГЧЕ ВСЕГО ДОБИТЬСЯ УСПЕХОВ В ЖИЗНИ? (% от опрошенных, N=6000)

	Сумма «позитивных мнений»*	Сумма «негативных мнений»**	Разница	+/-
В среднем	121	124	-3	-
Возраст				
18-24 года	137	108	+29	1,27
25-39 лет	127	122	+5	1,04
40-54 года	115	133	-18	0,86
55 лет и старше	108	133	-25	0,81
Образование				
Высшее	138	118	+20	1,17
Среднее общее/ средне-специальное	114	131	-17	0,87
Ниже среднего	104	132	-28	0,79
Тип поселения				
Москва	146	122	+24	1,20
Большой город	132	124	+8	1,06
Средний город	118	125	-7	0,94
Малый город	105	126	-21	0,83

* сумма определений: «деловым, энергичным, способным» (51%), «трудолюбивым, любящим свою работу» (21%), «образованным» (22%), «знающим иностранные языки» (6%), «имеющим высокую профессиональную квалификацию» (21%)

** сумма определений: «имеющим хорошие знакомства, связи» (54%), «спекулянтам, махинаторам» (14%), «подхалимам, приспособленцам» (15%), «имеющим преуспевающих или занимающих высокие посты родственникам» (41%).

ведения и отношения к другим, в том числе – к чиновникам, к коррупции, не представляется им значимой.

«Наученная беспомощность» подкрепляется и оправдывается представлением о нормах социального устройства общества, сознани-

¹ Особое негативное впечатление у большей части людей осталось от характера обращения государства с их сбережениями в начале 90-х годов, от попыток монетизации льгот для пенсионеров в 2005 году и т.п. Свежие примеры решений об изъятии накопительной части пенсионных накоплений уже мало возмущают, поскольку стоят в ряду привычного властного произвола (хотя если бы речь шла не о виртуальных накоплениях, а реальных выплатах, как в 2005 году, реакция, безусловно, была бы куда острее).

Таблица 10

ОДНИ ГОВОРЯТ, ЧТО ЛЮДЯМ МОЖНО ДОВЕРЯТЬ, ДРУГИЕ, ЧТО ОСТОРОЖНОСТЬ В ОТНОШЕНИЯХ С ЛЮДЬМИ НИКОГДА НЕ ПОМЕШАЕТ. КАКАЯ ИЗ ЭТИХ ТОЧЕК ЗРЕНИЯ ВАМ БЛИЖЕ? (% от опрошенных, N=6000)

	Доверяющие	Недоверяющие	Доверие/недоверие
В среднем	35	60	0,57
Возраст респондента			
18-24 года	41	55	0,75
25-39 лет	37	59	0,62
40-54 года	34	62	0,55
55 лет и старше	38	66	0,47
Образование			
Высшее	39	59	0,66
Среднее общее/ средне-специальное	35	62	0,56
Ниже среднего	27	68	0,40
Тип поселения			
Москва	31	61	0,51
Большой город	35	62	0,56
Средний город	33	63	0,52
Малый город	40	56	0,71
Род занятий респондента			
Предприниматели	32	65	0,49
Руководители	41	56	0,73
Специалисты	38	58	0,66
Служащие	36	60	0,60
Рабочие	32	63	0,51
Учащиеся	45	50	0,90
Пенсионеры	30	67	0,45
Домохозяйки	38	59	0,64
Безработные	35	63	0,56

ствия и упреждающая социальная установка в отношении людей). При этом две социальные группы отличаются несколько более высоким порогом доверия. Это молодежь (0,75), особенно – учащиеся, студенты (0,9), чей возрастной идеализм и ограниченность круга общения преимущественно сверстниками, обуславливает исходное доверие к миру. Вторая группа – это руководители высшего и среднего звена (0,73), у которых в силу властных полномочий больше возможностей для проведения своих интересов, а значит – выше ожидания исполнения своих приказов. Выше среднего доверие у жителей малых городов (0,71), в среде которых значимыми остаются личностные, неформальные, часто традиционные и полудеревенские по сути отношения «своих», «знакомых», компенсирующие социальные дефекты формальных институтов.

Преобладающая часть опрошенных (в среднем 58%) заявляют, что большую часть проблем повседневной жизни они решают или могут решить, не прибегая к взяткам и подкупу долж-

ностных лиц. Однако 36% опрошенных, напротив, уверено в неизбежности коррупционных решений. И это не так мало: в той мере, в какой жизнь идет по накатанной колее сложивших отношений, административный ресурс не нужен, все делается рутинно и почти автоматически – получение зарплаты и уплата налогов, оплата коммунальных счетов и структура повседневных расходов по жизнеобеспечению производится в рамках устоявшихся величин и механизмов. Напомним, что лишь половине горожан в течение года приходится решать какие-либо бытовые проблемы, потенциально несущие возможность коррупционных отношений (см. табл. 5). По существу, именно эта коллективная установка окрашивает восприятие государственной власти в ее отношении с гражданами.

«Маленькие» услуги или «дары» – архаически традиционная форма коммуникаций в обществе, где доверие носит исключительно личностный, а не формально институциональный характер – не считаются злом и коррупци-

Таблица 11

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ДОПУСТИМОСТИ (ПРИЕМЛЕМОСТИ) ИЛИ НЕДОПУСТИМОСТИ (ПРЕДОСУДИТЕЛЬНОСТИ) СЛЕДУЮЩИХ ФОРМ ПОВЕДЕНИЯ (% от опрошенных, N=6000)

	Допустимо	Недопустимо	Затруднились ответить
Устроить по «блату» на работу, в больницу, в институт, в школу родственника, детей, знакомых	60	36	4
Использовать связи и знакомства для продвижения по служебной лестнице	54	38	5
Получать врачу или учителю подарки от пациентов или родителей учеников	71	26	3
Отблагодарить «нужного человека» за оказанную услугу (цветы, конфеты, коньяк, духи и т.п.)	78	18	3
Оказывать «по блату», без прямой материальной выгоды услуги в обмен на услуги в другой области	58	33	9
Сообщить о взяточнике по «горячей линии» в правоохранительные органы	60	24	17

ей (см. табл. 11), в отличие от неформального взаимодействия в сфере отношений с государством или современными формальными, безличными бюрократическими институтами. Более того, способствование наказанию взяточника — «сообщение о взяточнике по «горячей линии» в правоохранительные органы» (допустимо — 60%) оказывается менее одобряемым общественным поведением, нежели «благодарность «нужному человеку» за оказанную услугу» (допустимо — 78%).

Этот слой представлений оправдывает (легитимирует) любые формы и сами стратегии адаптации «маленького человека» к весильному и безличному, но репрессивному государству.

Легитимация отношений взаимных услуг частных граждан, минуя формальное поле социальных взаимодействий, приводит к тому, что, по мнению населения, блат и кумовство, предполагающие оказание услуг без денежных подношений, не только не являются более широко распространенными, чем взяточничество, но и приносят меньше вреда. Только 14% ответили, что в сегодняшней России блат и кумовство встречаются чаще, чем взяточничество (противоположного мнения — взяточничество встречается чаще, придерживаются втрое больше — 46%). Лишь каждый десятый респондент полагает, что неформальные взаимные услуги и мелкие подарки приносят обществу больший вред, чем коррупция. В обществе отсутствует понимание неразрывной связи архаичных традиционных форм коммуникаций и коррупционных отношений, вырастающих на их основе в современном обществе по мере разделения и усложнения социальных институтов и структур

взаимодействия, опосредованных денежной формой. Представления, что коррупция является следствием существующей организации власти и ее отношений с обществом, прежде всего, с экономикой, артикулированы в российском обществе довольно слабо, скорее присутствуют в виде моралистического общего места «власть портит людей» (этот тезис поддерживают 84% опрошенных).

Меры по борьбе с коррупцией. Представление о «неустранимости», «естественности» коррупции определяет скептическое отношение к мерам борьбы с коррупцией, принимаемым (или скорее — декларируемым) правительством. Особенно критически воспринимают их москвичи — лишь 19% считают, что его действия в этой сфере «эффективны», а 79% оценивают их негативно. В средних и малых городах соотношение подобных оценок и мнений выглядит несколько иначе: достаточными и результативными эти действия называют 34%, неэффективными — от 70% в крупных городах до 58% в малых. Уровень одобрения действий руководства в этой области снижается от мегаполисов к малым городам.

Впрочем, в обществе нет ясного представления о том, что можно считать «лекарством от коррупции». В качестве средств противодействия или нейтрализации взяточничества общественное мнение выдвигает лишь ужесточение наказания и требование более суровых санкций, полагая, что судебные приговоры по этим делам (и так весьма редкие, по мнению опрошенных), носят слишком мягкий характер (так считают 75%). В России не было примеров демонстративного и убедительного для

общественности судебного расследования коррупционных преступлений (вроде итальянских процессов против мафии и коррупции бюрократии «Чистые руки»), и это подтверждают данные опроса. Более половины опрошенных (56%) считают, что в России недостаточно примеров успешных судебных преследований лиц, виновных во взяточничестве, для того, чтобы они стали эффективным способом предупреждения коррупционного поведения. С ними не согласны 33%, преимущественно жителей провинции, малых и средних городов, получающих информацию главным образом по каналам федерального ТВ.

В общественном мнении нет консолидированных позиций и представлений о том, что именно, какая политика может способствовать снижению степени коррупции в стране (хотя в среднем каждый респондент выбирал по два-три варианта ответа из списка в шестнадцать позиций, наиболее часто называемые пять суждений собирали лишь по четверти ответов). Почти все высказывания респондентов связаны с указанием на необходимость совершенствования самой власти (принятие и исполнение законов, упрощение бюрократических процедур). Задачи борьбы с коррупцией (которая, по мнению населения, концентрируется наверху) транслируются самой же властью, население снимает с себя ответственность.

Таблица 12

КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, ЧТО, ПРЕЖДЕ ВСЕГО, МОЖЕТ СПОСОБСТВОВАТЬ СНИЖЕНИЮ УРОВНЯ КОРРУПЦИИ И ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА В СТРАНЕ? (приводятся только те варианты, которые назвали не менее 10% опрошенных, % от опрошенных, N=6000)

Рост уровня жизни населения	39
Принятие законов, которые не заставляют прятаться в «тень» и делали экономические отношения «прозрачными»	26
Строгое и безусловное соблюдение законов и законности	26
Улучшение экономического положения в стране	25
Упрощение бюрократических процедур	25
Ужесточение наказаний за получение взятки	20
Сокращение бюрократического аппарата	15
Ужесточение наказания за дачу взятки	15
Отмена большинства льгот и привилегий	10

Однако на первом месте со значительным отрывом стоит уже упоминавшийся при рассмотрении причин коррупции «рост уровня жизни населения». Его назвали 39% опрошен-

ных. Убедительный и успокоительный для массового сознания тезис о том, что «все беды от бедности», в случае формулирования способов борьбы с коррупцией стремительно выходит на первый план (в отличие от его роли как фактора, объясняющего существование коррупции). Призыв к росту уровня жизни напрямую соответствует первейшим интересам современного российского общества, для которого уже второе десятилетие проблема бедности, низкого материального достатка массовых слоев населения, является наиважнейшей в ряду повседневных забот.

Более осмысленными (с теоретической точки зрения) в этом ряду выглядят предложения по ослаблению государственного вмешательства (снижению бюрократических барьеров) в те области экономических и социальных отношений, которые не требуют прямого «ручного» управления и одобрения властями, где отношения регулируются институтами права и судом. Чаще за подобные меры по «деэтизации» тех сфер, которые должны в большей степени быть саморегулируемыми, выступают москвичи, люди более образованные и обеспеченные. Чем менее образованы респонденты, особенно те, которые живут в провинции — в средних и малых городах, тем чаще они ограничиваются общими пожеланиями и декларациями («повысить жизненный уровень населения», «улучшить экономическое положение в стране», «ужесточить наказание» и т.п.).

Прочие упоминавшиеся опрошенными меры искоренения коррупции сводятся к более тщательному контролю людей при приеме на работу в госаппарат, к замене нынешних чиновников на «честных» и «неиспорченных», усилению контроля государства над всеми сферами жизни общества, необходимости более сурового общественного «осуждения» подобных явлений... И прочие общие места поверхностной публицистики и политической риторики.

Ужесточение наказания является довольно популярной мерой, ее отметил каждый пятый респондент (см. табл. 12). Отвечая на другой вопрос о том, кого, собственно, нужно наказывать в случае коррупционной сделки, самая большая группа респондентов (48%) считает, что наказывать за взяточничество, нужно и тех, кто получал, и тех, кто давал взятку. Почти столько же (41%) не согласны с ними и полагают, что ответственны за взяточничество лишь те, кто получает взятку, очевидно, руководствуясь предположением, что дача взятки — всегда (или в большинстве случаев) вынужденное по-

ведение взяток. Это соображение подтверждается крайне незначительным числом (в сравнении с первым и наиболее частым вариантом ответа) тех, кто склонен осуждать лишь предлагающих взятку (таковых 3%).

Основная ответственность за борьбу с коррупцией, по мнению российских горожан, должна быть возложена на Президента и Думу. В среднем такой ответ дали 46% опрошенных, в Москве – 35%, в больших и малых городах – по 49%. Второй по популярности ответ предполагает коллективную ответственность – «должны отвечать все в равной мере» (22%). Важно отметить, что этот вариант ответа в ходе интервью напрямую не предлагался респондентам, т.е. заведомо имел существенно более низкую вероятность выбора. Оба эти ответа в российских условиях, в сущности, означают отсутствие представления о реальных способах противодействия коррупции, конкретных социальных институтов, на которые могла бы быть возложена ответственность за решение проблемы.

Далее по убыванию частоты упоминаний государственных институтов, пригодных для того, чтобы возглавить борьбу с коррупцией, следуют «суд, прокуратура» (17%) и полиция (11%). Суд и прокуратуру несколько чаще называли опять-таки москвичи (21%), более молодые (до 40 лет), высокообразованные (18%) и обеспеченные люди (20%). Напротив, жители малых городов, люди старшего возраста, с низким уровнем образования и низкими доходами давали такой ответ в 14%-15% случаев. Еще меньше межгрупповые различия в распространенности выбора «полиции» в качестве главной инстанции по борьбе с коррупцией, что, очевидно, связано с высоким уровнем ее коррумпированности в глазах всех слоев российского общества.

Не переоценивая значимость указанных различий, все-таки можно сказать, что (пусть и в слабой форме) в более модернизированной среде присутствует некоторое понимание того, что коррупция есть следствие гипертрофии централизованной и лишённой внешнего контроля бюрократии, слабости разделения властей и автономности отдельных сфер общества. Здесь важно, что формирование подобных представлений обусловлено скорее опытом существования в условиях более сложной и дифференцированной системы социальных (в том числе – развитых рыночных) отношений, нежели образованием респондента. Чем слабее этот опыт (о котором можно судить лишь косвенным образом, по типу поселения респондента), тем сильнее выражены патерналистские установки,

перенос ответственности и надежд на «лидера нации» как на силу, способную что-то изменить в этой жизни. Характерно, что респонденты с «зависимым» и «несчастливым» типом сознания (не слишком «довольные своей жизнью» – а среди них существенно больше пенсионеров, безработных и рабочих), чаще склонны доверять президенту и переносить на него ответственность за все происходящее в стране и обществе и надежды на возможности улучшения.

Проблемы коррупции – сравнение с европейскими странами. Международные исследования проблемы коррупции очень широко распространены. Выработаны различные подходы к оценке этого явления на национальном уровне и в целях международных сопоставлений. Наиболее авторитетными международными рейтингами являются индекс восприятия коррупции (ИВК) (базирующийся на экспертных оценках) и барометр мировой коррупции (по данным опросов населения), разрабатываемые Transparency International; рейтинг этического поведения компаний, оцениваемый Всемирным экономическим форумом на основе опроса CEO ведущих компаний мира (WEF Executive Opinion Survey). Специальное внимание проблеме коррупции уделяется в рамках регулярных исследований Евробарометра.

Многочисленные данные о распространенности коррупции, несмотря на различия в методиках и источниках анализируемой информации, в целом согласуются друг с другом и приводят к более-менее непротиворечивому пониманию места отдельных стран в международных сопоставлениях. Эти исследования показывают, что Россия неизменно относится к числу весьма коррумпированных стран. По классификации экспертов среди европейских стран наихудшее положение в Греции¹, уровень коррупции в которой называют ультравысоким. И Россия демонстрирует показатели, наиболее близкие к греческим (см. табл. 13).

Опросы населения, проживающего в странах с разными экспертными оценками распространенности коррупции, показывают, что представления обычных граждан различаются в куда меньшей степени. Сравнение с европейскими странами свидетельствует о том, что мнения россиян о возможностях противодействия коррупции похожи на позиции жителей Европейского союза. А имеющиеся незначительные отклонения указывают скорее на то, что в России

¹ Mulcahy S. Money, politics, power: corruption risks in Europe. 2012. Transparency International

проблема коррупции актуализирована в общественном сознании, пожалуй, в меньшей степени, чем во многих других европейских странах.

В России далеко не самые высокие показатели согласия населения с тем, что проблемы коррупции в стране нарастают (см. табл. 13). Почти во всех странах со средним уровнем коррупции доля согласных с тем, что ее уровень в последние годы вырос, оказывается выше, чем у нас. Очевидно, в этом контексте правильно было бы расценивать интенсивный рост ответов о распространении коррупции, произошедший в последнее десятилетие в России, как свидетельство не столько действительного нарастания проблемы, сколько как показатель ее актуализации в общественном сознании.

Уровень согласия людей с тем, что коррупция – неизбежное и неустранимое зло, довольно высок как в очень коррумпированных, так и в наименее коррумпированных европейских странах (см. рис. 2). Систематические различия в оценках не просматриваются, а данные по России находятся примерно на среднем уровне или чуть выше.

В России мнения населения о деятельности властей по борьбе с коррупцией выглядят во многом оптимистичнее, чем в среднем по Евросоюзу (см. рис. 3). Более высокие оценки эффективности действий правительства по предотвращению коррупции наблюдаются только среди жителей северной части Европы – стран с наиболее благоприятной ситуацией в этом отношении.

В России заметно выше, чем в большинстве Европейских стран, доля ответов о том, что су-

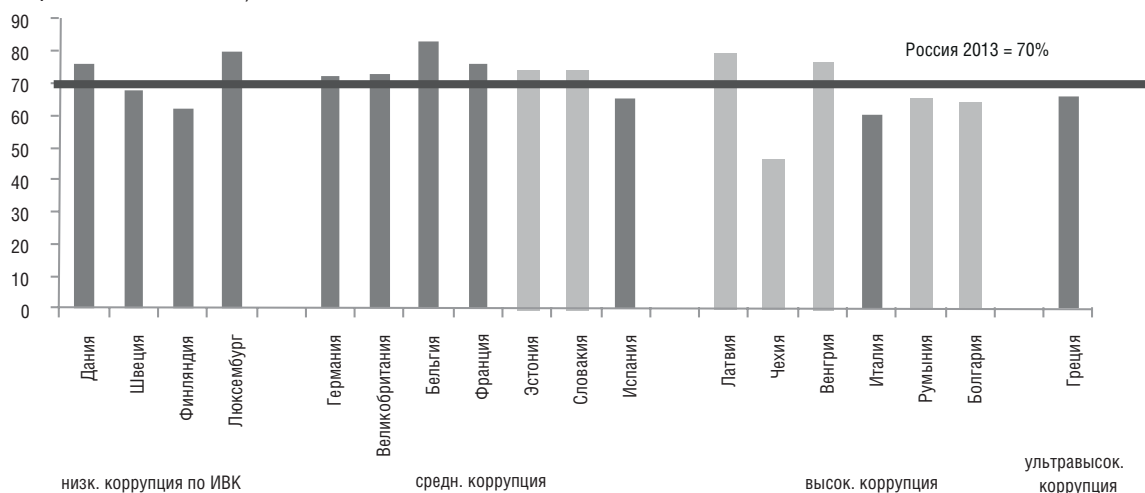
дебная практика в целом способствует задачам противодействия коррупции. Российские граждане чаще сообщают, что у нас достаточно примеров успешных судебных разбирательств для предостережения от подобного рода деяний. Мы больше, чем наименее коррумпированные страны, склонны сетовать на излишнюю мягкость наказаний по коррупционным делам, но все же делаем это реже, чем наиболее коррумпированные страны.

Сравнительно высокая лояльность при оценках усилий собственных властей по противодействию коррупции, свойственная россиянам, отражает недостаточный уровень актуализации проблемы в обществе, самоустранение людей от ее решения. Это подтверждается и относительно низким уровнем согласия россиян с тем, что простые граждане могут помочь победить коррупцию (см. табл. 1.13). Перенос ответственности на верховную власть и согласие с безальтернативностью собственного существования в коррумпированном обществе, делает людей равнодушными, приспособленными к сложившимся условиям существования.

Уровень бытовой коррупции (измеренный как распространенность ситуаций вымогательства) существенно различается по европейским странам. В среднем по 27 странам европейского союза 8% опрошенным приходилось в течение года перед опросом хотя бы раз попадать в ситуацию, когда у них вымогали взятку. Эти оценки колеблются от ничтожно малой доли в 2% в Дании (наименее коррумпированной стране) до 25% – в Болгарии и 31% – в Румынии.

Рисунок 2¹

ДОЛЯ СОГЛАСНЫХ С ТЕМ, ЧТО «КОРРУПЦИЯ – НЕИЗБЕЖНОЕ ЗЛО, КОТОРОЕ ВСЕГДА БУДЕТ СУЩЕСТВОВАТЬ» (в % от числа опрошенных, N=6000)

¹ Евробарометр 2011, Россия – Левада-центр по заказу Сбербанка, 2013.

Таблица 13

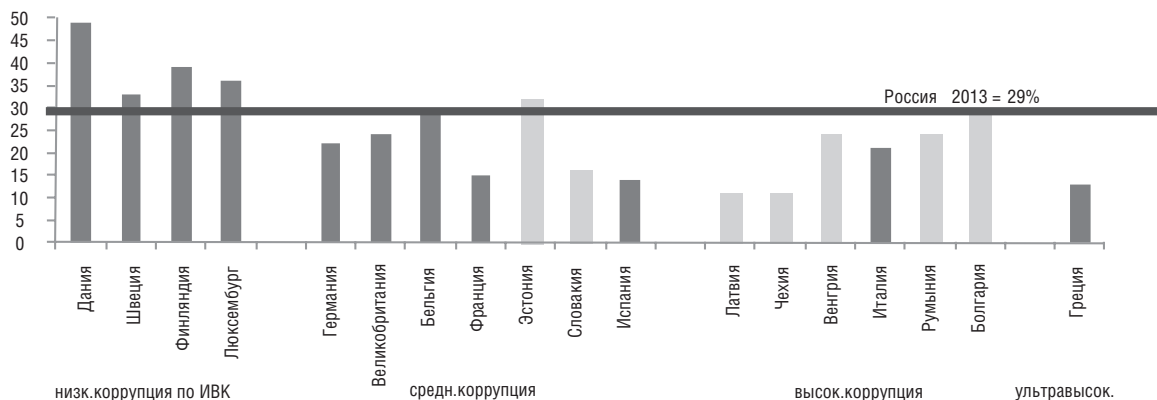
ОБРАЗ СТРАН ЕВРОСОЮЗА И РОССИИ В МЕЖДУНАРОДНЫХ РЕЙТИНГАХ И МОНИТОРИНГАХ ПО ПРОБЛЕМЕ КОРРУПЦИИ

	Eurobarometer 2011 ¹ : % согласных, что...				Global corruption barometer 2013 ² : % согласных, что...				world economic forum executive opinion survey ¹⁰ рейтинг этического поведения фирм (max - 7 баллов)	
	в стране коррупция – главная проблема	в стране коррупция в больше, чем в др. странах ЕС	коррупция влияет на повседневную жизнь	коррупция является частью бизнес-культуры в стране	за последние 2 года уровень коррупции в стране увеличился	коррупция в гос. секторе является очень острой проблемой	«полностью/ в значительной степени контролируется небольшим числом групп, действующих в собственных интересах»	простые граждане могут помочь победить коррупцию		
	Индекс восприятия коррупции 2012 (Transparency International)									
Страны с низким уровнем коррупции										
Дания	90	19	2	21	27	3	24	84	6,7	
Финляндия	90	36	10	36	44	9	28	61	6,6	
Люксембург	80	34	4	35	49	18	39	43	6,2	
Страны со средним уровнем коррупции										
Германия	79	57	11	50	57	37	56	50	5,9	
Великобритания	74	71	18	64	65	29	59	67	5,9	
Бельгия	75	72	18	66	47	53	60	66	5,6	
Франция	71	71	15	64	72	47	57	53	5,7	
Эстония	64	72	20	61	47	27	46	40	5,1	
Испания	65	88	46	74	66	65	66	60	4,7	
Словакия	61	78	51	84	56	53	60	66	3,4	
Страны с высоким уровнем коррупции										
Венгрия	55	96	59	82	62	27	53	71	3,4	
Чехия	49	90	69	88	57	55	50	45	3,3	
Латвия	49	83	53	72	29	51	71	45	3,7	
Италия	42	87	69	89	64	61	69	61	3,7	
Румыния	44	96	78	82	64	64	63	61	3,4	
Болгария	41	95	75	79	35	55	59	48	3,4	
Страны с ультравысоким уровнем коррупции										
Греция	36	98	46	88	65	70	83	81	3,1	
Россия	28	-	-	-	50	79	85	45	3,2	

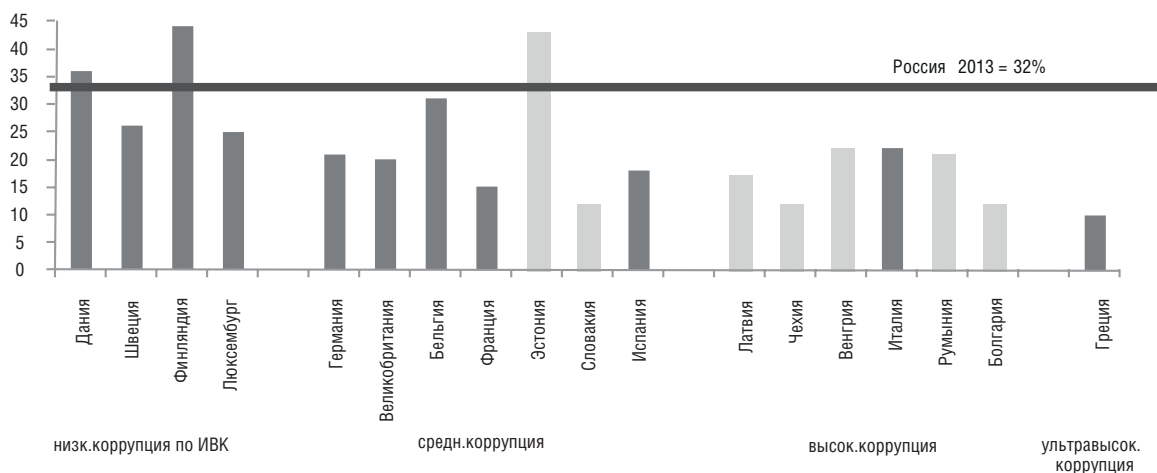
1. <http://www.transparency.org/cpi2012/results>2. <http://www.transparency.org/gcb2013/countries>3. http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/ebs/ebs_374_en.pdf

Рисунок 3
ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ПОЛИТИКИ ПО БОРЬБЕ С КОРРУПЦИЕЙ¹

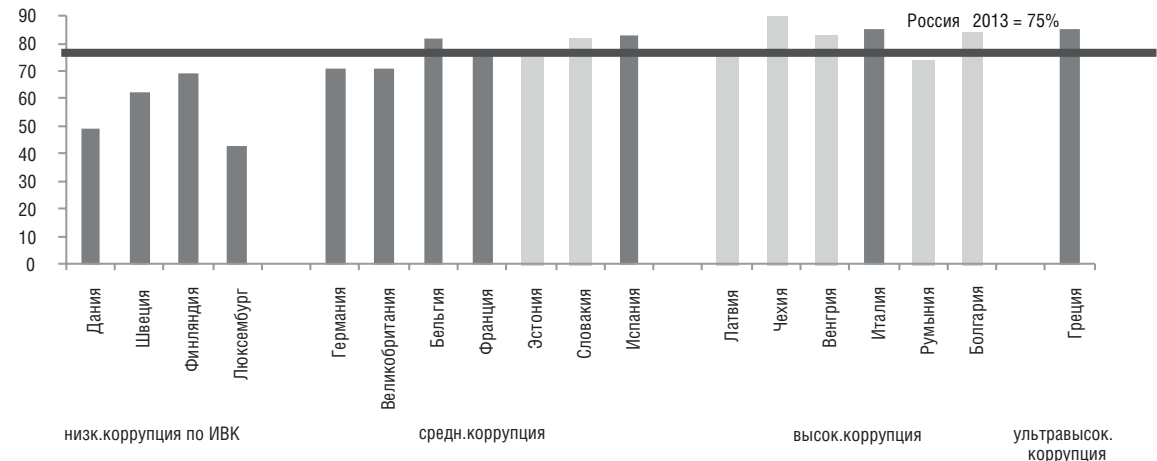
А. ДОЛЯ СОГЛАСНЫХ С ТЕМ, ЧТО «ПРАВИТЕЛЬСТВО (ВЛАСТИ) В ИХ СТРАНЕ ПРИМЕНЯЮТ ЭФФЕКТИВНЫЕ МЕРЫ ПО ПРЕДОТВРАЩЕНИЮ КОРРУПЦИИ» (в % от числа опрошенных, N=6000)

Б. ДОЛЯ СОГЛАСНЫХ С ТЕМ, ЧТО В ИХ СТРАНЕ «ДОСТАТОЧНО ПРИМЕРОВ УСПЕШНЫХ СУДЕБНЫХ ПРЕСЛЕДОВАНИЙ ЛИЦ, ВИНОВНЫХ ВО ВЗЯТОЧНИЧЕСТВЕ, ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ ПРЕДОСТЕРЕЧЬ ЛЮДЕЙ ОТ ДАЧИ И/ИЛИ ПОЛУЧЕНИЯ ВЗЯТОК» (в % от числа опрошенных, N=6000)

В. ДОЛЯ СОГЛАСНЫХ С ТЕМ, ЧТО «СУДЕБНЫЕ ПРИГОВОРЫ ПО КОРРУПЦИОННЫМ ДЕЛАМ В РОССИИ СЛИШКОМ МЯГКИЕ» (в % от числа опрошенных, N=6000)

¹ Евробарометр 2011, Россия – Левада-центр по заказу Сбербанка 2013

Как видно на примере европейских стран, по мере расширения зоны бытовой коррупции изменяются представления людей о том, какие сферы общества более всего поражены этим злом. В среднем, по мнению жителей всех 27 стран Европейского союза, коррупция более всего характерна для политической сферы. На втором месте – структуры, связанные с расходованием государственных средств (госзакупки), а также выдача разрешений на строительство. Столь значимая в нашей стране коррупция в полиции, судебных органах, а также в здравоохранении, в среднем гораздо реже привлекает внимание европейцев.

Однако различия по странам велики и указывают общее направление изменений: в странах с высоким уровнем коррупции внимание общества все более смещается в сторону взяточничества и злоупотребления служебным положением в правоохранительных органах и государственной системе здравоохранения. Одновременно относительно снижаются подозрения в коррумпированности политического руководства всех уровней. По мере роста коррумпированности общества фокус общественного внимания смещается от проблем органи-

зации власти в стране к ее более частным (но близким рядовому гражданину) проявлениям на низовом уровне. Тем самым ослабевает внимание к базовым причинам коррупции, заложенным в структуре государственной власти в стране.

В эту общую картину в целом вписывается Россия, в которой на первом месте по частоте упоминаний наиболее коррумпированных общественных сфер стоит полиция, на втором – служащие суда и прокуратуры, затем следуют государственные учреждения здравоохранения.

Здесь важно упомянуть одно важное отличие ситуации в России от всех европейских стран, включая наиболее коррумпированные. Речь идет о распространенности неформальных практик в государственной системе образования. Согласно данным Евробарометра, вне зависимости от уровня распространения коррупции в отдельных странах Евросоюза, взяточничество в публичных образовательных учреждениях упоминается вдвое реже, чем в учреждениях здравоохранения. В России, по мнению населения, обе эти сферы в равной степени высоко коррумпированы. Как ни в какой другой стране, в России, по мнению населения,

Таблица 14

В КАКИХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ГРУППАХ ШИРОКО РАСПРОСТРАНЕНО ВЗЯТОЧНИЧЕСТВО И ЗЛУПОТРЕБЛЕНИЕ СЛУЖЕБНЫМ ПОЛОЖЕНИЕМ (% по столбцу, возможно любое число ответов, N=6000)

	В среднем по 27 странам ЕС	Дания	Болгария
работники таможенной службы	31	12	70
служащие суда, прокуратуры, судебные приставы	32	9	76
политики федерального уровня	57	28	60
политики регионального уровня	48	21	50
политики местного уровня	46	29	50
полицейские, сотрудники ГИБДД	34	16	70
служащие, ответственные за размещение государственных заказов	47	25	57
служащие, ответственные за выдачу разрешений на строительство, операции с недвижимостью	46	27	56
служащие, ответственные за выдачу лицензий, сертификатов, разрешений на предпринимательскую деятельность	33	11	54
работники частных компаний	32	35	29
работники государственных поликлиник, больниц и проч. медучреждений	30	14	63
работники государственных школ, вузов и проч. образовательных учреждений	17	9	34
служащие санэпиднадзора, пожарного надзора, трудовой инспекции и т.п. государственных надзорных органов	35	29	52
затрудняюсь ответить	9	4	4
доля более чем пяти ответов, %	44	22	68

Источник: данные Евробарометра, 2011 г. http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/ebs/ebs_374_en.pdf

широко затронута коррупцией именно тот социальный институт, который предназначен для формирования морально-нравственных основ обществ, что, безусловно, существенно усложняет процесс противодействия распространению неформальных практик.

Сопоставление представлений обычных граждан, проживающих в европейских странах, с мнением россиян о причинах коррупции, при всем разнообразии данных по отдельным странам, показывает общие закономерности в формировании понимания причин коррупции (см. табл. 15). По мере перехода от менее коррумпированных к более коррумпированным странам повышается значимость причин, связанных с корпоративными интересами власти. Это выражается в росте доли указаний на избирательное применение законодательства, незаинтересованность властей в борьбе с коррупцией. Одновременно снижается внимание к таким институциональным дефектам организации жизни общества, как сращивание бизнеса и власти. Особенно заметно пониженное вни-

мание к этой проблематике в бывших соцстранах, вошедших в Евросоюз. Другие проявления институциональных дефектов власти, приводящих к коррупции – бесконтрольное расходование средств и подбор кадров во власть без учета профессиональной квалификации, примерно одинаково часто привлекают внимание всех жителей европейских стран. Российские данные по всем этим показателям принципиально не выделяются (с учетом того, что Россия примыкает к группе наиболее коррумпированных стран).

Данные Евробарометра подтверждают, что массовые представления о том, что причина коррупции лежит в экономической сфере и связана с бедностью населения, действительно являются характерной чертой коррумпированных стран. Комплекс жертвы усиливается в неблагополучных странах, как и в России. Однако в странах Восточной Европы, прошедших опыт социализма, он развит еще больше, чем в нашей стране (доля ссылок на эту причину коррупции, как правило, выше, чем в России).

Таблица 15
ПРИЧИНЫ КОРРУПЦИИ (% по столбцу, не более трех ответов)

	Россия	ЕС 27	Дания	Финляндия	Германия	Великобритания	Франция	Эстония	Испания	Чехия	Венгрия	Болгария	Румыния	Греция
власти недостаточно активно борются с коррупцией	46	36	14	21	27	38	28	24	40	53	36	39	61	57
слишком тесные связи власти и бизнеса	34	40	22	50	47	33	55	47	28	42	40	35	30	19
государственные деньги расходуются слишком бесконтрольно, непрозрачно	37	33	27	29	36	30	45	31	43	33	34	16	22	43
нет реального наказания за коррупцию (слишком «мягкое» или вообще отсутствует наказание)	36	29	17	28	25	28	32	23	33	42	33	47	25	43
слишком часто власти не применяют законы, чтобы наказать виновных, правосудие работает избирательно	28	18	13	15	12	14	19	17	25	21	14	35	25	37
слишком много работников властных органов получают свою должность не по заслугам, без учета профессиональной квалификации	26	22	17	25	28	14	19	15	16	22	22	14	24	30
многие люди воспринимают коррупцию как часть повседневной жизни	24	19	18	17	17	19	16	19	20	21	20	24	17	21
низкие доходы населения, бедность всегда ведут к коррупции	15	18	22	9	19	15	23	31	14	16	35	37	28	11
другое	1	2	2	3	3	5	2	3	2	0	2	0	1	1
В стране нет коррупции	1	2	25	11	3	4	2	2	0	0	1	0	0	0

* Источник: Россия – опрос городского населения, N=6000, остальные страны – данные Евробарометра, 2011 г.
http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/ebs/ebs_374_en.pdf

СОВЕТСКИЙ ЧЕЛОВЕК: к 20-летию выхода книги «Советский простой человек»

Клаус ГЕСТВА

Номо Sovieticus и крах советской империи: неприятные социальные диагнозы Левады¹

Юрий Левада, Советский простой человек. Опыт социально-го портрета на рубеже 90-х годов. Москва, Мировой океан, 1993. Нем. издание: Die Sowjetmenschen 1989–1991. Soziogramm eines Zerfalls. Aus dem Russischen übersetzt von Ulrike Amtmann, Elke Brain, Luzie Cames-Komov, Sabine Konrad und Barbara Schweizerfolg, Berlin: Argon 1992, Tb.-Ausg.: München: Deutscher Taschenbuch Verlag 1993. Цитаты приводятся по последнему изданию.

Миф о «новом человеке» – изобретение во все не советское, это часть европейской истории идей, начинающаяся с XVIII в. Этот миф принимал различные формы и облики, способствуя достижению целей многочисленных политических идеологий и их общественной поддержки. Но ни в одной другой стране миф о «новом человеке» не имел настолько сильного влияния на характер социальной идентичности и политическое воздействие, как в Советском Союзе. Концепция «Номо Sovieticus», закрепившаяся в 1930-е годы, была главной в триумфальной самодемонстрации первого социалистического государства. Она впечатляющим образом свидетельствовала об исторической миссии освобождения и завоевания мира, подтверждая тем самым коллективную веру в это самое освобождение. Она вмещала и классический марксистский образ боевого, победоносного пролетариата, и унаследованное от прошлого визионерское представление об особом историческом предназначении русско-

го народа. «Советский народ», формирующийся из «нового советского человека», должен был положить конец любой эксплуатации человека человеком и угнетению и благодаря обретенной свободе реализовать высший революционный идеал равенства и братства.

Однако сколько бы ни возвеличивала пропагандистская машина Москвы титанические фантазии «советского человека» о триумфе «строителей коммунизма», для многих в СССР не было тайной, что происходит постоянный общественный самообман. Немецкий публицист и знаток России Клаус Менерт в своем интернациональном бестселлере, впервые изданном в 1958 г., «Советский человек. Попытка портрета после двенадцати поездок в Советский Союз в 1929–1957 годы» пришел к выводу, что «русские» не так легко поддавались советизации, несмотря на все партийно-государственные просветительские и мобилизационные кампании. Большинство советских граждан, как он их видел, были во многом аполитичные люди, их больше заботили средства к существованию, а не коммунизм. Менерт писал, что обещанном и провозглашавшемся «классовом равенстве» не было и речи. В то время как номенклатура – новый высший слой московского партийного государства – была на особом

¹ Klaus Gestwa, Der Homo Sovieticus und der Zerfall des Sowjetimperiums. Jurij Levadas unliebsame Sozialdiagnosen // Zeithistorische Forschungen/Studies in Contemporary History, Online-Ausgabe, 2013, 10, H. 2, URL: <http://www.zeithistorische-forschungen.de/16126041-Gestwa-2-2013>. Публикуется с любезного разрешения автора и редакции журнала «Zeithistorische Forschungen/Studies in Contemporary History»

обеспечении, и уровень ее жизни был намного выше среднего, миллионы рабочих и колхозников, во имя которых собственно и строился социализм, по-прежнему мирились с множеством лишений. Возвышающая советская общественная утопия, пишет Менерт, лопнула при столкновении с социальными реалиями¹.

Схожую картину вопиющих противоречий социализма обрисовали в 1980-е гг. советские диссиденты Михаил Восленский и Александр Зиновьев, работы которых также вызвали международный интерес. Восленский показал, насколько хорошо руководящие кадры партии-государства в качестве привилегированного класса вписались в ригидную, хронически дефицитарную советскую структуру. Классовое общество реального социализма покоится, по его мнению, на смешении купленного и принудительного одобрения². Партия держится у власти не из-за социализма, а только лишь благодаря предоставленным привилегиям и разлитому в обществе усилиями тайной полиции страху. Вот почему Зиновьев в своем автобиографическом романе-коллаже явно использовал понятие «Homo Sovieticus» как знак негативной идентичности. Вместо желанного «сверхчеловека» партия-государство Москвы создало народ оппортунистов, не чужающихся никаких средств для удовлетворения своих материальных притязаний, и, насколько это возможно, уклоняющихся от всего, что диктовал социализм³.

В самом Советском союзе «Homo Sovieticus», фигура, возвеличившаяся как спаситель, мутировала в конце 1980-х гг. в ходе стремительного распространения фрустрации в уничижительное понятие *совка*, двусмысленное по своему словоупотреблению, но ставшее весьма популярным. Двусмысленность этого понятия в буквальном его смысле смешивала идентичность советских граждан с мусором, грязью. В поиске причин и последствий такого стремительного обесценивания привычных коллективных образов самих себя историки едва ли могут оставить без внимания захваты-

вающую социограмму «советского человека» в последней стадии существования советской империи, прописанную группой московских социологов под руководством Юрия Левады.

Эмпирической основой этого уникального по своей форме исторического источника послужил обширный репрезентативный опрос общественного мнения, проведенный между 1989 и 1991 гг. по формализованному опроснику «Всесоюзным центром изучения общественного мнения» (ВЦИОМ)⁴. Анкета состояла из более ста вопросов, охватывающих повседневные установки по отношению к работе и семье, религии и традиции, любви и насилию, а также политические взгляды, мнения и ожидания. Всего было опрошено 2 700 человек из разных регионов страны.

В конце 1980-х гг. вместе с основанием ВЦИОМа и бурным развитием научного изучения общественного мнения начался поздний расцвет советской социологии, которая в качестве науки общественного самоанализа во времена сталинизма десятилетиями пребывала в изгнании⁵. Сталин, вместе с утверждением своей единовластной диктатуры, насадил в 1931 г. новую «марксистско-ленинскую общественную науку». Он вместе с преданными ему партийными лидерами был твердо убежден, что политическая инструментализация диалектического и исторического материализма позволяет вывести социальные закономерности. Таким образом, после провозглашения строительства социализма критический социологический анализ общественных процессов трансформации оказался излишним. Отныне социология считалась буржуазной псевдонаукой, которой нет места в советском научном и учебном процессе.

Первые речь о некотором восстановлении эмпирической социологии зашла только спустя три десятилетия, с началом десталинизации и оттепели. Партийному руководству при Хрущеве пришлось осознать, что изменения, которые вызывает функционирование индустриального общества, не могут быть адекватно ни диагностированы, ни прогнозированы с помощью прежнего, сильно идеологизированного

¹ Cp.. Schmid, U. Wie bolschewistisch ist der „Sowjetmensch“? Klaus Mehnert erkundet die russische Mentalität //Zeithistorische Forschungen, 2007, № 4, S. 466-471.

² Voslenskij M. Nomenklatura. Die herrschende Klasse der Sowjetunion, Wien 1980. Михаил Восленский. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М., Захаров, 2005. Сходная работа югославского диссидента Милована Джиласа появилась еще раньше: Đilas M. Die neue Klasse. Eine Analyse des kommunistischen Systems, München, 1958. Джилас, М. Новый класс. Нью-Йорк, Издательство Ф. А. Прегер, 1961.

³ Sipiowjew A. Homo Sovieticus, Zürich 1984. Александр Зиновьев, Homo советикус. М., 1991.

⁴ В статье для настоящего тематического номера Клаус Бахман пишет, что в Польше уже с конца 1950-х гг. проводились масштабные опросы общественного мнения. Советские социологи постоянно искали тесных контактов со своими польскими коллегами, чтобы обучиться у них новым методам.

⁵ Ahlberg R. Sowjetgesellschaft im Epochenwandel. Studien zur Selbstaufklärung der sowjetischen Gesellschaft in der Zeit der Perestrojka, 1985–1990, Frankfurt a.M. 1992; Weinberg, E. Sociology in the Soviet Union and Beyond. Social Inquiry and Social Change, London, 2004.

концепта [марксистской] науки. Мобильность населения, едва уже контролируемая в политическом плане, а также появление новых потребительских и досуговых запросов ставили все новые и новые проблемы управления. Руководство страны испытывало колоссальную потребность в информации, особое внимание теперь вызывали вопросы практической применимости социологических исследований и их политической пользы.

Начавшаяся в конце 1950-х гг. осторожная реабилитация социальных наук хорошо прослеживается на примере карьеры Юрия Левады¹. Родился Левада в 1930 г., в 1966 г. защитил докторскую диссертацию по социологическим проблемам религии. В качестве университетского преподавателя и исследователя он много сделал для признания социологии научной дисциплиной и учебным предметом. В крупнейшем на то время социологическом исследовательском центре – Институте конкретных социологических исследований (ИКСИ АН СССР), основанном в 1968 г., он возглавлял Сектор теории и методологии. Там он собрал вокруг себя ангажированных молодых ученых.

Но уже в 1969 г. этот академический напор на прорыв начал терять динамику. Через год после подавления Пражской весны в советской научной и университетской системе была развернута кампания осуждения и проработки, якобы вызванная жесткими высказываниями Левады. Ведущий в стране теоретик социологии в дальнейшем был лишен права преподавания, утратил свой статус; он был понижен в должности до уровня рядового академического сотрудника одного из научных экономических институтов. Многие годы его последующие научные труды были доступны только узкому кругу читателей, и подобающим образом они были опубликованы только в 1993 г.²

С начала 1970-х гг. Левада оказался в науке на положении маргинала, но он и дальше поддерживал тесный контакт со своими прежними соратниками. Академические сети оставались сохраненными за кулисами официальной науки и преподавания. «Левадинские семинары» представляли собой неформальную трибуну для аналитического общественного самопознания и препятствовали стагнации в социологии.

В 1988 г. Левада отмечает свое знаменитое

возвращение в науку. За год до этого Татьяна Ивановна Заславская, Президент Советского социологического общества, в своей речи, привлекая всеобщее внимание, потребовала, наконец, сделать социальные исследования, недофинансированные и плохо обеспеченные, инструментом научной информации для реформаторской политики Михаила Горбачева. Заславская, как социальный эксперт занимавшая критическую позицию, принадлежала к идейным первопроходцам перестройки. Вместе с возвышением Горбачева она обретала все больший авторитет у высшего советского руководства, и в конечном итоге ей удалось настоять на программе мер по поддержке социальных наук. Она возглавила созданный в 1988 г. ВЦИОМ. Левада занял пост руководителя отдела теории. Как директор центра Заславская заботилась о том, чтобы команда Левады могла заниматься исследованиями и публиковаться без оглядки на партийно-правительственные предписания. Эта долгожданная интеллектуальная свобода и новые ресурсы позволили сотрудникам ВЦИОМ достичь колоссальной научной продуктивности.

Помимо документирования всего спектра мнений масштабно задуманные эмпирические исследования были нацелены на социальную диагностику для того, чтобы прояснить, насколько велика была готовность советского общества к демократическим переменам, учитывая, что предшествующие 70 лет оно подвергло «принудительной социализации три поколения в условиях почти полной информационной блокады» и «строгого контроля за каналами вертикальной мобильности» (S. 8). Левада и его исследовательская команда понимали перестройку и гласность как общественный эксперимент исторического масштаба. Они стремились принять в нем участие как комментирующие наблюдатели, чтобы своими – часто неутешительными – данными и прогнозами привлечь внимание власти на определенные проблемы избранного курса на реформы.

Когда в августе 1991 г. дело дошло до государственного переворота, подавление которого ускорило распад советской империи, работы над социограммой «советского простого человека» были уже закончены и предоставлены в виде рукописи книги. Под руководством Левады авторский коллектив из восьми человек свел плоды трехлетней работы по изучению общественного мнения в основательный научный труд. С одной стороны, эта книга оказалась в центре внимания публичных дискуссий

¹ Cp. *Mrowczyński R.* Zum Tod von Juri Alexandrowitsch Lewada // *Russland-Analysen* Nr. 119, 24.11.2006, S. 15f. *Levinson A.* Das „Phänomen L“. Zum ersten Todestag von Jurij Levada // *Osteuropa* 2007, 57 H. 10, S. 85-94.

² *Левада Ю.* Статьи по социологии. М., 1993.

о состоянии и перспективах постсоветского общества, с другой – благодаря ей Левада и его соратники вызвали международный интерес в кругах специалистов.

Язык книги был сухим и академичным; в ней широко подхватывались понятия социологических теорий, общепринятых тогда на международном уровне. Авторы сознательно дистанцировались от советского партийного жаргона и социалистической революционной фразеологии, которые использовали Горбачев и его советники, чтобы действенным образом донести политику перестройки до общественности. В социальном портрете «советских людей» едва ли прочитывается какая-то политическая повестка дня или новый общественный проект. Но наблюдения и выводы Левады и его исследовательской команды ясно указывают на то, что они с нетерпением ждут конца унаследованного патерналистского социализма. Открывшиеся возможности участия и улучшение коммуникативных форм должны были, наконец, предоставить советским гражданам шанс стать причастными к политическому изменению. Левада и его соратники многократно выступали и как публицисты. Они профессионально обобщали результаты своих опросов в форме мониторинга, нацеленного на интерпретацию данных. Они без обиняков говорили о фатальных политических упущениях брежневской эпохи, обнажали хаотичность перестроечной политики и ясно давали понять своим читателям, что, невзирая на все актуальные проблемы, альтернативы большей демократии, толерантности и свободе – нет.

Большая аналитическая работа ВЦИОМ, завершенная в 1991 г., рассматривала «советского человека» (в его политической и культурной функции) как социальный миф. Авторский коллектив исходил из предположения, что непрерывная мифологизация нашла свой отпечаток в значимых чертах личности [базового типа], влиявших на способы поведения и мышления значительной части населения. В работе определяются четыре ключевых черты: «принудительная самоизоляция, государственный патернализм, эгалитаристская иерархичность, имперский синдром» (S. 26). Авторы видели в этих чертах «антиномии», поскольку развитие каждой из этих четырех характерных черт и связанных с ними общественных процессов содержат и их отрицание. Исследовательская группа стремится схватить с помощью объемного философского понятия «антиномия» сложное чередование и взаимодействие стабильности

и ломкости [системы]. Позже, для того же обстоятельства (в контексте ГДР), Детлеф Поллак ввел понятие «конститутивной противоречивости» социалистической системы¹. По Поллаку, изменение в условиях развитого индустриального общества делает все большей проблемой саму прочность системы, долгосрочное планирование ведет к истощению ресурсов. Мнимые системные преимущества оборачиваются слабостями и дефицитами. Советский Союз зашатался не столько из-за внешних обстоятельств и факторов, сколько из-за обнаружившихся опасных разрывов в самом центре его системы².

Первой антиномией, которая долгое время обеспечивала стабильность советской системы, а затем способствовала ее стремительному крушению, была «принудительная самоизоляция» советского общества. Она была тесно связана с внушавшимся пропагандой представлением о превосходстве «советского человека». «Сознание особенности», как и дихотомия превозносившихся «своих» и угрожающих «чужих» предлагали некий универсальный и одновременно простой образец для структурирования сложной действительности (S. 17). Но игра с ясно определенными комплексом превосходства и неполноценности показала себя крайне взрывоопасной, как только политическое руководство было вынуждено признать (многие уже это осознавали), что неустанно пропагандировавшееся превосходство советской системы было химерой, что Запад уже давно по многим параметрам оставил далеко позади себя первое социалистическое государство. Перед притягательностью западной системы, ставшей ориентиром, критерием оценки, могли устоять все меньше и меньше людей в Советском Союзе. Поэтому левадинскую команду не удивляло, что «интеллигенция превратилась из опоры режима в носителя западного образца» (S. 32f.).

Вторую антиномию исследователи усматривали в сильной государственно-патерналистской ориентации «советского человека». Он принимает на веру партию-государство как «своего рода суперинститут», который выступает и как инстанция отеческой заботы, и как гарант социального порядка, и как принцип, задающий единство и организацию общества. «Опека вышестоящих должна была упираться

¹ Pollack D. Die konstitutive Widersprüchlichkeit der DDR. Oder: War die DDR-Gesellschaft homogen? // Geschichte und Gesellschaft 1998, 24, S. 110-131.

² К понятию антиномии ср. также: Dubin, B. Late Soviet Society in the Sociological Writings of Yuri Levada from the 1970s, in: Sociological Research 2012, 51 H. 4, S. 28-43

в благодарность нижестоящих — такова главная формула патерналистского устройства общества и социальной личности» (S. 19). Около 60% опрошенных указали, что большинство советских граждан «не смогут прожить без постоянной заботы и опеки государства» (S. 20). Но когда стало ясно, что советское партия-государство оказалось больше не в состоянии обеспечивать «диктатуру опеки» (Konrad H. Jarausch), в обществе все сильнее стало распространяться чувство «социальной незащитности» (S. 152f.).

Третья антиномия произрастала из покорного принятия иерархических структур, вытекающего из патерналистского понимания государства и возникающей в результате этого социально-моральной системы координат. Советское партийное государство создало «эгалитаристскую иерархию», которая, с одной стороны, выдвигала требование обеспечить равенство всех «советских людей», с другой — предоставляла привилегии тем, кто занимал важные посты и должности. Благодаря такой кадровой политике сложилась номенклатура, чье социальное положение в качестве новой властной элиты не в последнюю очередь было обязано тому, что она получила преимущественный доступ к информации и культурным благам, потребительским товарам и социальным услугам. «Коллектив равных и иерархия руководящих» (S. 71) и в Советском Союзе привели к возникновению стратифицированного, дифференцированного внутри общества. Политико-бюрократическая распределительная система и порождаемые ею в действительности преимущества для высшего и обслуживающего класса реального социализма долгое время принимались как должное и открыто едва ли проблематизировались. Однако заложенное в этой «эгалитаристской иерархии» противоречие оказало разрушительное действие на советскую пирамиду власти, когда традиционные элиты оказались мишенью для критики из-за коллапса прежней системы. Одновременно в распадающемся советском обществе сформировались группы, которым удалось с помощью их связей, новых предпринимательских идей или также насилия достичь значительного богатства, часто — в сфере деятельности, граничащей с криминальной. «Партийные бонзы» обрели исключительно негативный социальный имидж, точно так же, как и легально работающие мелкие предприниматели — торговцы, занятые в теневой экономике. Их упрекали в коррупции, подлости и бессердечии, проявляя по отношению к ним «диффузную агрессию» (см. S. 22f.).

Широко распространено было мнение, что между старой советской номенклатурой и новым криминальным миром существовали связи мафиозного характера, приведшие к тому, что высшая государственная и партийная бюрократия бесцеремонно смогла использовать перестройку экономических отношений и отношений собственности для личного обогащения. Все это сделало еще более явными масштабы давно существовавшего неравенства. Поэтому в восприятии современников существовала однозначная связь между структурами старых привилегий и новыми неравенствами, обусловленными идущими трансформациями. Вместе с тем, опросы команды ВЦИОМа показывали, что хотя в конечной фазе советской истории марксизм-ленинизм едва еще признавался в качестве идеологической надстройки, однако социалистическая программа эгалитарного общества оставалась все еще популярной.

В-четвертых, исследовательская команда видела причину острейших напряжений во всей советской системе в «антиномиях национального и интернационального». Результаты опросов однозначно свидетельствовали об «этническом взрыве»¹, который произошел в Советском Союзе в конце 1980-х гг. Самоопределение многих советских граждан все в большей степени ассоциировалось с их собственным происхождением, официально документированным графой «национальность» в советском паспорте. Огосударствление идентичности в рамках надэтнической принадлежности советской империи входило в противоречие с повсеместно пробуждавшимся национальным сознанием, которое выражалось стремлением к большей независимости от диктата Москвы. В связи с этими центробежными тенденциями лопнуло прекрасное, но оказавшееся лживым представление о «братском единстве советского народа». Лишь примерно у четверти опрошенных в исследовании ВЦИОМа в конце 1989 г. вызывало гордость их самоопределение как «советского человека» (S. 37), а через год 54% опрошенных заявили, что Советский Союз не может никому служить положительным примером (S. 307).

Вот почему исследователи в своей социограмме не давали политике реформ Горбачева положительную оценку. Горбачев был уже не в состоянии «удержать лавинообразно нарастающий обвал социальных институтов и крушение человеческих образцов прошедшей эпохи»

1 Halbach, U. Nationalitätenfrage und Föderation. Die „Explosion des Ethnischen“ in der Sowjetunion // Osteuropa 1990, 40, S. 1011-1024.

(S. 298). Общая утрата доверия и авторитетов особенно прочитывалась в падении популярности Горбачева. Начиная с 1988 г., а еще стремительнее — с 1989 г. он терял общественное одобрение своей политики реформ. Когда в 1990 г. Горбачев получил Нобелевскую премию мира и был за рубежом в зените своей славы, большинство советских граждан выражало доверие уже не ему, а его противнику Борису Ельцину (S. 231f.).

В 1992 г., после распада советской империи, социограмма «советского человека» появилась в книжной форме. Исследовательская команда Левады еще говорила о демократическом развитии, результат которого был тогда не очевиден. Но в их прогнозах скепсис уже перевешивал, поскольку «официальные структуры [...] меняются быстрее, чем их фундамент» (S. 300). Они писали, что тип человека с советским образом жизни и способом мышления, наблюдаемый в массовых опросах, еще долго будет пытаться найти свое место в быстро меняющемся мире, но уже без советских ярлыков. Пока что большинство населения соглашалось с тем, что надо «устранить противостояние собственного и западного мира», одновременно придерживаясь «примитивного ожидания западного чуда» (S. 295). Отсюда, пишут авторы, неизбежно следует радикальная перемена настроений — от великой надежды к глубокому разочарованию. Возникает угроза возврата к агрессивному изоляционизму. «Homo Sovieticus» переломной фазы — это, как утверждают авторы, «глубоко фрустрированное существо», хотя и отбрасывающее «с радостной готовностью социалистическую фразеологию», но, тем не менее, будучи приверженным «патерналистски-тоталитарному порядку», упорно продолжающее верить в возможность «переложить миссию спасения народа на вождей новых политических движений» (S. 300).

После распада советской империи Левада и ВЦИОМ оставались серьезными летописцами событий. Им пришлось убедиться, что немалое число их скептических прогнозов сбылось. В апреле 2004 г. Левада сформулировал это так: «Когда [советского] человека отпустили на волю, он начал двигаться назад — даже не в прошлый, а в позапрошлый день»¹. Критическая рефлексия Левады над общественными процессами распространялась и на тех, кто последовал в Кремле за Горбачевым. Поздним летом 2003 г. Левада в результате политических интриг был вынужден оставить ВЦИОМ. Но его репута-

ция выдающегося российского социолога и его моральный авторитет несколько от этого не пострадали. Левада стал знаменит как представитель российской, критически настроенной против высшего руководства интеллигенции, который не уступил политическому давлению. После его увольнения за ним в полном составе последовал весь исследовательский коллектив, чтобы вместе построить новый центр изучения общественного мнения, названный впоследствии его именем².

После смерти Левады в 2006 г. руководство Центром перенял Лев Гудков. Центр проводил рентабельные опросы общественного мнения по заказам, чтобы на полученные средства иметь возможность продолжать социологическую работу. Издаваемый Левада-Центром журнал «Вестник общественного мнения» является сегодня одним из ведущих социологических журналов России. Весомая репутация Левада-Центра способствует тому, что и зарубежные исследовательские институты предоставляют средства для проведения опросов, чтобы больше узнать об умонастроениях в России. Такой успех в привлечении средств в настоящее время ставит под угрозу существование Центра. В мае 2013 г. московская районная прокуратура обвинила Центр в том, что публикации результатов социологических исследований направлены на то, чтобы оказывать влияние на общественное мнение. Дескать, опросы общественного мнения — не научная работа, а политическая деятельность, которая, кроме того, финансируется на иностранные средства. Тем самым, согласно принятому российскому закону, как говорилось в прокурорском предупреждении, Левада-Центр выполняет функцию «иностранного агента». Все это следует рассматривать как атаку на свободу науки в контексте репрессивной политики администрации Путина. Специализированный журнал «Osteuropa» начал 25 мая 2013 г. международную кампанию солидарности против стигматизации Левада-Центра³.

Несмотря на большую поддержку, приходится констатировать, что исследовательские работы и самого Левады, и его коллег Бориса Дубина, Льва Гудкова, Алексея Левинсона, Бориса Грушина еще слишком редко используются в немецких социальных науках. Манфред

² Там же, *Levinson*, „Phänomen L“ (прим. 6), S. 92ff.

³ Воззвание находится по адресу <<http://www.zeitschrift-osteuropa.de/support-levada/de>>. Там же можно ознакомиться с дальнейшей информацией об актуальной ситуации Левада-Центра. [Собранные почти 15 тысяч подписей были переданы российскому руководству — от редакции].

¹ Цит. по *Mrowczynski*, Zum Tod von Lewada (прим. 6), S. 16.

Заппер писал в 2007 г. с сожалением, что «разрушение в немецких высших учебных заведениях социологического экспертного знания о России фундаментальным образом осложнило научный и культурный диалог с российскими мыслителями»¹. Этот внутридисциплинарный «сбой диалога» открывает для исторической науки (которая в последние годы проявляет усиленный интерес к последней трети советской истории) возможность заново представить немецким исследователям труд Левады и его коллег.

И все же после «Cultural Turn» [культурного поворота] историкам сложно оперировать довольно жестким концептом социогаммы «советского человека». Кроме того, разнообразие мнений и их противоречивость, документированные в исследовании ВЦИОМ, оказываются связанными вместе с самим проектом «Номо Sovieticus» с населенческим опросом. Сегодня историк во многих случаях хотел бы получить от исследовательского окружения Левады более дифференцированный анализ первичных данных [того времени] по регионам, возрасту, профессиональной принадлежности и другим важным параметрам, а не одну только публикацию агрегированных общих результатов исследования.

Задача заключается и в том, чтобы точнее определить значимость исследования ВЦИОМ

с привлечением более широкого корпуса источников. Собранный материал в виде репрезентативных массовых опросов за период с 1989 по 1991 г., определенно является уникальным в своем роде и едва ли сопоставимым с теми опросами общественного мнения, которые Борис Грушин проводил еще во времена правления Хрущева². Но для более общей современной исторической интерпретации было бы интересно представить развитие общественно-го мнения — в его разрывах и непрерывности — за несколько десятилетий. Равным образом не хватает и сравнения результатов исследования ВЦИОМ с другими содержательными источниками эпохи, например, с многочисленными читательскими письмами или множеством обращений в партийные и государственные органы³.

Наконец, чтение книги, написанной добрые 20 лет назад, напоминает нам и о том, что научная история советской социологии пока не написана. Ее достижения позволили бы основательно разобрать и раскрыть изменчивые отношения политической власти и социального и социально-экономического знания, и тем самым дать ответ на вопрос, что властные и специализированные элиты, собственно, знали и думали о развитии советской системы в 1970-е и 1980-е годы.

Перевод Наталии Зоркой

¹ Sapper M. Dialogstörung. Warum Levada & Co. nicht gelesen werden // Osteuropa 2007, 57 H. 10, S. 95-102, hier S. 95

² Грушин Б. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина в 4-х книгах. М. 2001–2006. Ср. Он же, Die freie Zeit als Problem. Soziologische Untersuchungen in Bulgarien, Polen, Ungarn und der Sowjetunion, Berlin (West) 1970; он же, Массовая информация в советском промышленном городе. Опыт комплексного социологического исследования. М., 1980. Кроме того, на сайте московской Высшей школы экономики <<http://sophist.hse.ru/>> в архивной части есть банк данных исследований постсоветского периода, но также и опросов, проведенных в советское время. За эту ссылку я благодарю Коринну Кур-Королев.

³ См. к этому статью в нашем тематическом номере *Corinna Kuhr-Korolev* // Zeithistorische Forschungen/Studies in Contemporary History.

Лев Гудков

Человек в неморальном пространстве: К социологии морали в посттоталитарном обществе

Бедная эта страна – ее надо любить .
М. Е. Салтыков-Щедрин

Настоящая статья продолжает анализ проблем, поднятых в рамках проекта «Советский человек»¹. За прошедшие 25 лет многие из первоначальных гипотез и предположений, которыми руководствовалась Рабочая группа проекта, были радикально пересмотрены и отвергнуты. В частности, это касалось одной из базовых посылок, заключавшейся в том, что «советский человек» – это, как писал сам Ю. Левада в 1992 г., «уходящая натура»², что со сменой поколений и вхождением в жизнь молодежи, не знавшей повседневности тоталитаризма, общество изменится, усвоит ценности демократии, свободы и т.п. Через 10 лет, в 2002 году, описывая те перемены общественных настроений, которые сопровождали установление авторитарного режима в постсоветской России, он писал: «Вот почему никакие, сколь угодно обстоятельные, данные о настроениях, ценностях, установках сегодняшних молодых людей не могут приоткрыть картину «за-

втрашнего» общества, если остается неясным, в какие социальные рамки волеются интересы и энергия молодых. Иными словами, дело не столько во взрослении сегодняшних *молодых*, а «во взрослении», формировании институциональной зрелости *общества*. Претенциозно-пошлые лозунги типа «молодежь – наше будущее» фальшивы. На деле «наше» (общества) будущее – это то, что социальные институты и обстоятельства сделают с *бывшими молодыми*. Только в условиях развитого, социально «зрелого» общества подростковый или юношеский примитивизм (все равно – примитивно-бунтарский или примитивно-патерналистский, вождистский, ксенофобский...) может уступить место «взрослым» формам социальной активности и ответственности. При отсутствии таких условий возникают «старческие» воспроизведения той же «подростковой» наивности, зависимости, жестокости, безответственности, но уже в окостеневших (или склеротических) державно-бюрократических конструкциях»³.

В настоящей работе внимание уделяется прежде всего социальным механизмам стерилизации или уничтожения морали как условия поддержания в населении состояния апатии и безразличия, без которых авторитарные режимы, вроде путинского, не могут существовать. Подавляя систематическим образом (с использованием политических технологий и средств пропаганды) потенциал человеческой порядочности, а значит – ценностные основания гражданской солидарности, институты насилия сохраняют возможности своего воспроизводства.

¹ Сам проект был инициирован Ю. А. Левадой в 1989 году и продолжается по настоящее время. Последний замер общественных установок был произведен в августе 2012 года. По итогам первого исследования под его редакцией вышла коллективная монография «Простой советский человек. Опыт социального портрета на рубеже 90-х». М., Мировой океан, 1993, переведенная на немецкий и французский языки. Левада систематическим образом последовательно описывал этот тип человека, представив результаты своих разработок в серии статей, опубликованных в журнале нашего Центра («Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены», с 2003 года – «Вестник общественного мнения»). Эти статьи были им собраны и представлены в виде основных тематических разделов двух его книг: «От мнений – к пониманию» (М., МШПИ, 2000) и «Ищем человека» (М., Новое издательство, 2006).

Название настоящей статьи отсылает к одной из этих работ Левады: Человек в корруптивном пространстве (Ищем человека, с. 233-247).

² Уходящая натура?.. // Знамя. – М., 1992, № 6. с. 201-211.

³ Левада Ю. Заметки к «проблеме поколений» / Ищем человека, с. 43-44.

1. Политика и мораль. К социологической теории морали

Наше дело состоит прежде всего в том, чтобы понимать. Если сумеем понять, можно строить какие-то предположения о том, что будет дальше.

Ю. Левада

В русском языке слово «мораль» в советское время подверглось такой же девальвации, что и другие этические понятия — добро, грех, благо, вина, совесть и т. п. Убедительнее всего об этом свидетельствовала неудача призывов к общественному «покаянию» в период перестройки, когда вопрос: кто именно должен каяться (и за что конкретно)? — приобрел модальность принуждения к публичному признанию вины при отсутствии самого субъекта раскаяния и неопределенности состава преступления. Что сразу же убило саму идею моральной — субъективной — ответственности и превратилось в словоблудие публицистов. Сам факт гибели и страданий миллионов ни в чем не повинных людей при советской власти не подлежит сомнению и признан абсолютным большинством населения в качестве «политического преступления» (хотя доля таких мнений сокращается с каждым годом). Но ответа на следующий вопрос: кто преступник или преступники? — нет. Жертвы есть, оправдывать «необходимость» или «целесообразность» их какими-либо высшими государственными резонами большинство россиян (как и само руководство страны) уже не осмеливаются, но и признать советское руководство страны «виновником» или дать определение советскому режиму как «преступного», не хочет от 64 до 68% опрошенных¹. И здесь дело не только в инерции страха, проходящего через несколько российских поколений (что само по себе следует считать достаточной причиной для состояния растерянного молчания), но и парализующего массового отупления, наступающего всякий раз, когда обыватель оказывается один на один с подавляющим его государством. Сегодня уже нельзя сказать, что люди «ничего» или «мало» знают о терроре, но у них нет средств или желания разбираться в этом; не возникает самой потребности осмысления этих событий, поскольку вынесение моральной оценки логически требует следую-

¹ А с учетом тех, кто «затрудняется ответить», то есть уходит от ответа, не обладая «способностью суждения», и все 80-82%. См.: Общественное мнение — 2012. Ежегодник Левада-центра. М., 2012, с. 223, табл. 23, 34. (Далее ОМ-2012)

щего шага: признания «ответственности» действующих лиц или социальных сил (не просто установления «виновников», но и обязательной квалификации их в категориях «носителей зла»). Другими словами, отсутствует, исчезла (если она и была когда-то, что тоже неочевидно) сама способность к подобному оценочному суждению или контекст, в котором была бы возможна оценка и моральная интерпретация действий людей, текущих событий, прежде всего — политической жизни (так как здесь другие масштабы и характер последствий). Поскольку разобраться в том, что произошло за годы советской власти, и кто должен нести ответственность за преступную политику государства (деяния, которые в мировой практике после Второй мировой войны квалифицируются как «преступления против человечности», не имеющие срока давности, что подчеркивает их особый характер) российское общественное мнение самостоятельно оказалось не в состоянии, страна предпочла эти вопросы не трогать.² Проблема исторической цены преступлений советской власти (террор, массовые репрессии, бесчеловечная растрата человеческих жизней в «мирное» время и во время почти непрерывных войн³, прежде всего в 1939-1945 гг.) была благополучно вытеснена и забыта.

Но точно так же без этической оценки остается и множество других общественно значимых событий, связанных с насилием, таких как расстрел парламента в 1993 году, обе чеченские войны, атмосфера террора на Северном Кавказе во время «контртеррористической операции», несправедливые судебные процессы, имитация выборов и т. п. Получается, что «способность суждения»⁴ или вынесения моральной оценки важнейшим обстоятельствам кол-

² Гудков Л. Время и история в сознании россиян. Ч. 2 // Вестник общественного мнения, 2010, № 2 (104), с. 13-61; Гудков Л. Дерезализация прошлого: функции сталинского мифа // Pro et Contra, 2012, ноябрь-декабрь, № 6 (57), с. 108-135.

³ За 73 года своего существования советский режим вел различные по масштабам, продолжительности и ожесточенности военные кампании. Сюда должны быть включены как «большие» и общеизвестные войны (Гражданская, Финская, Отечественная, Афганская), так и многочисленные «малые» войны, военные действия внутри страны или за рубежом с участием советских войск, забытые или вообще оставшиеся за рамками общественного внимания или интереса (на Кавказе, в Средней Азии, на Дальнем Востоке, в Африке, во Вьетнаме, на Ближнем Востоке), в общей сложности это продолжалось 23-24 года. На 22 года постсоветского времени приходится 12 лет военных действий на Северном Кавказе (первая и вторая война в Чечне, а также — хронические военные операции против боевиков и сепаратистов).

⁴ Русский перевод этого понятия И. Канта стирает очень важный семантический оттенок: по-немецки это не столько «способность», сколько «сила суждения» — die Urteilskraft.

лективной жизни, связанным с безопасностью частного, индивидуального существования, отражает степень дееспособности «общества»¹, его интеллектуальный потенциал, средства концептуализации, а они, в свою очередь, что очевидно, зависят от характера его социальной организации.

Сегодня словоряд «мораль», «нравственность» и производные от них, употребим в речи лишь высших чиновников и депутатов, а также иерархов РПЦ, приравненных к ним по статусу и назначению. Здесь «мораль» (апелляция к «моральным ценностям») означает лишь ужесточение контроля в сфере социализации молодежи, ограничение прав человека (сферы субъективности), деятельности оппозиционных политиков, писателей, содержания СМИ и прочее (то же, впрочем, и в массовом сознании²), но сам по себе контекст высказываний не содержит ничего, что связывалось бы с идеей этической рационализации повседневной жизни и, соответственно, практик методического самоконтроля. В этом плане представления о морали (все равно – светских ли, духовных ли функционеров, или большей части населения, принявшего официальный язык власти как часть конструкции реальности) не выходят за рамки требований запретительных мер и дополнительных ограничений, прежде всего по отношению к группам, настроенным либерально, а значит – критически по отношению к авторитарному режиму и поддерживающей его церкви³. Следование «общепринятым моральным нормам» и «национальным традициям» в данной ситуации означает требование придерживаться правил обрядовости, внешний социальный конформизм.

К подобному словоблудию кремлевских политиков (заклинаниям о защите общественной морали, физического и духовного здоровья нации /народа, сохранения национального генофонда и т.п.) большая часть россиян относится с равнодушием, как и к любой пропагандистской риторике власти. Пропуская мимо ушей

соответствующие пассажи, население, тем не менее, одобряет принятие строгих мер против «несвоих», то есть покушающихся на сложившийся порядок. Поддерживается, например, введение цензуры в СМИ и интернете, несоразмерно жестокий приговор Пусси-райот или репрессии в отношении НКО или законы против «оскорбления чувств верующих», однако люди решительно возражают против применения к ним самой практики государственного регулирования их собственной частной жизни⁴.

По существу моральная тематика никогда не была в поле внимания российского общества.

Своеобразие российской ситуации с «моралью» состоит в том, что прежние, досоветские блюстители традиционных нравов были не отделены от сословного порядка, а это значит, что сами этические представления не могли подвергаться генерализации и универсализации. К абсолютному большинству населения это понятие или система представлений вообще не имела отношения⁵, поскольку ни о какой «морали» или свободе воли не могло идти и речи вплоть до середины 60-х годов 19 века, потому что крепостное право оставляло крестьянина в полной личной зависимости от его владельца, включая место жительства, род занятий, выбор брачного партнера и т.п. Крепостные гаремы, эксплуатация, унижение и прочие особенности этого образа жизни налагали свою неизгладимую печать не только на самих крестьян, но и на сознание крепостников, чиновников и все остальные категории населения. Положение казенных крестьян или купечества, казаков,

¹ Понимаемого здесь не как совокупность государственного населения, а как система социальных связей, основанных на отношениях солидарности или взаимных интересах (что означает: без отношений «господство-подчинение»).

² См.: пресс-выпуск Левада-центра от 25.07.2013 – <http://www.levada.ru/25-07-2013/moralnye-ogranicheniya-rossiyan>

³ Достаточно напомнить слова патриарха Кирилла о том, что приход к власти В. Путина – «это божье чудо» - *Simon A.-C. Pussy Riot: Putin und der Patriarch – eine unheilige Allianz // Die Presse, 13.08.2012.* – http://diepresse.com/home/politik/aussenpolitik/1278008/Pussy-Riot_Putin_und-der-Patriarch-eine-unheilige-Allianz?_vl_backlink=/home/politik/aussenpolitik/index.do.

⁴ Например, при несомненной лояльности РПЦ, абсолютное большинство россиян высказывает явное несогласие с попытками запрета абортов или навязывания обязательного религиозного образования для их детей (не вообще введения ОПК для кого-то, а недовольство увеличением нагрузки именно для своих собственных детей).

⁵ Само слово «мораль» в русском общественном обороте появляется довольно поздно – оно заимствовано из других языков не ранее 30-40-х годов XIX века и входит в речевой оборот образованного сословия практически одновременно с другими европейскими понятиями модерности, требующими известной интеллектуальной развитости и некоторых навыков отвлеченного мышления: «культура», «литература», «история», «интеллигенция» и т. п. К еще более позднему времени относятся попытки рационализировать уже собственно проблематику морали – так, например, «Оправдание добра» Владимира Соловьева написано в 1893 г. Примечательно, что у Соловьева «мораль» – сочетание стыда, сострадания (жалости) и благоговения – внутренне связывается с субъективной свободой индивида и наличием «общества», с преодолением узко понятой обрядовой религиозности и национализма (национальной исключительности и изоляционизма). – см.: *Соловьев В. С. Оправдание добра: Нравственная философия.* - М.: Республика, 1996; Он же. Идолы и идеалы. Национальный вопрос в России. - В кн.: В. С. Соловьев. Соч. в 2-х тт., Т. 1, с. 607 и далее.

мещан, безусловно, существенно отличалось от крепостных, но и тут уровень нравственного сознания не поднимался над рутинной традиционного уклада или простого безальтернативного воспроизводства жизни. Только в ходе процессов модернизации (последняя треть или четверть XIX века) моральные нормы стали теоретически дифференцироваться, отделяться от традиционных предписаний поведения и стандартов идентификации – дворянского, купечески-мещанского, крестьянского или чиновничьего, хотя поддержание «благонравия» осуществлялось по-прежнему: через мнение «света» («хорошего общества»), исправником и духовенством. Тончайший слой разночинской или интеллигентской столичной публики (даже на переломе веков его можно оценить лишь как 0,002-0,1% от всего населения), конечно, уже представлял собой разновидность носителей возникающей в тот момент общей европейской *модерной* культуры, заметно диссонировавшей со всем косным и малоподвижным российским социумом. Не случайно процессы модернизации в России воспринимались как крах сложившегося порядка, а сама возникающая субъективистская культура как «декадентство» (то есть как закат и разложение, хотя позже, на фоне уже советской «культуры», она признана как Серебряный век). Этот болезненный отрыв модерности от традиционализма предопределил всю тематику «великой русской литературы» и искусства, от А. Островского, Л. Толстого и А. Чехова до А. Блока, Саши Черного и акмеистов. Только в этом узком диапазоне заимствованных из Европы идей и смысловых форм («просвещения», «гуманизма», «человечности») и складывалась проблематика русской «морали», точнее – еще только тоски по моральности, по «правильному» или «настоящему человеку», освобожденному от мертвых прописей религии, от лицемерия общества, от исторически предопределенной провинциальности и т.п. Соответственно, сюжеты в русском романе и повести последней трети XIX – начале XX века определяются конфликтом жесткости старых и слабости новых социальных ролей: темы лицемерия («Господа Головлевы» у Щедрина), адюльтера и женской эмансипации (или иначе – свободной любви), просвещения без социальной ответственности, скуки (как отсутствие общества, дефицит признания или адекватной социальной gratification), равнодушия, наслаждения в безумии (выход за рамки общепринятой нормальности – см., например,

«Черный монах» Чехова), греха, вины, смерти, границ социального статуса или эрозии социальных барьеров, жесткости ролевых предписаний, и, наконец, самое позднее – моральности межэтнических отношений¹.

На формирование этого пласта сознания указывает появление слова «нравственность», содержащее семантический компонент абстрактности качества, обобщенности понятия, отделенности его от этнографических «нравов» и обычаев, воспринимаемых как специфически партикулярные регуляции коллективного поведения («этоса» в античном или средневековом значении слова). Возникновение такого понятия (представлений) означает, что происходит распад самой традиции (изначальной слитности субъективных и коллективных значений действия, техники социализации и воспроизводства поведения): *образец действия* отделяется от ситуации и актуального процесса поведения. Это означает – отделение действующего от социальных норм, от нормативной системы группы или института, являющегося внешней инстанцией социального контроля и gratification. Таким образом, происходит не только выделение и умножение социальных ролей: помимо самого актора появляются воспитатель или учитель, следящий за поведением (контролер), хранитель образца (памяти или записей обобщенных норм), но и разделение самой реальности на различные сферы или модальные плоскости восприятия, выбора средств действия, суждения, оценки и т.п. Такого рода элементы дифференциации предполагают дальнейшую специализацию ролей – обучения или социализации, с одной стороны, и поддержания образца, контроля над поведением, с другой. В отличие от примитивных социумов или традиционных сельских сообществ, где обучение (социализация) происходит от «лица – к лицу», от отца к сыну или от матери к дочери, в ходе повседневного проживания или рутинной хозяйственной деятельности (принцип «делай как я», «так исстари повелось», «не нам менять» и т.п.), в меняющемся социуме появляются специализированные фигуры и социальные роли, репрезентирующие интересы и идейные представления других социальных групп

¹ В этом плане еще предстоит написать социологическую историю русской литературы, в которой общественная тематизация процессов модернизации представлена именно в литературном материале – романах Л. Толстого («Анна Каренина» или «Воскресенье», «Хаджи-Мурат» и др.) или М. Салтыкова-Щедрина и др. Соответствующие курсы, впрочем, уже читались в ведущих американских университетах (например, проф. Г. Фрейдиным в Стэнфорде).

и институтов. Другими словами, единый космос традиционного социума распадается на отдельные социокультурные сферы, стремящиеся к автономности. Это еще не позволяет говорить о «морали» в современном смысле (в принятом здесь смысловом значении), но дает основания для отслеживания процессов внутренней социальной дифференциации (усложнения системы социальных отношений, социально-ролевой и групповой структуры социума). На ранней стадии этих процессов возможным оказывается лишь внешний социальный контроль и принуждение к соблюдению групповых норм и порядков, здесь еще нельзя ничего сказать о том, в какой степени эти нормы интернализированы субъектом и стали частью его структуры личности. Здесь нет ничего специфически русского, точно такие же процессы, но только значительно раньше, протекали и в других странах опаздывающей модернизации¹.

Сфера эстетического в России оказалось единственным смысловым пространством, где можно было искать и находить аналоги и тематизации моральных коллизий и драм модернизирующегося европейского общества. И дело здесь не только в той роли, которую в России играет литература и искусство, или в отсутствии специальных групп, функцией которых была бы этическая рационализация повседневной жизни, и чей авторитет общество готово было бы признать. На этом месте мне придется остановиться, чтобы сделать несколько методологических пояснений, касающихся функциональной роли российских представлений о «Западе».

Неизбежное (при социологическом анализе российской действительности) появление оппозиций или конструкций «Россия-Запад» часто служит поводом для поверхностной критики самого способа социологического описания и интерпретации социальных процессов в России (упреки в «идеализации Запада»,

¹ См., например, историю понятия *Sittlichkeit* в Германии, близкое по этимологии с русским словом. В России генерализованное понятие «нравственность» начинает употребляться не ранее последней трети 19 века. Это понятие не совсем адекватно европейскому понятию «мораль», но сам процесс универсализации семантики указывает на вектор изменения, на приближение к нему. Социолингвистический анализ мог бы подтвердить характер диагноза этих модернизационных социальных изменений. Готов предположить (но не более того — мои возможности здесь ограничены), что русское слово «нравственность» указывает на фазу общественного сознания, типологически предшествующую «морали» в европейском смысле. Запрос уже есть в определенных группах или социальных средах (более рафинированного, чем массовое сознание), но общей системы координат морали, а значит — наличия специализированных или авторитетных в этом плане групп, нет.

рассуждения, что «Запада» как такового нет и т.п.)². Использование обобщенной модели стран, завершивших процессы модернизации, как системы координат для описания российских явлений может объясняться не только непроясненностью концептуальных установок, методологической наивностью или идеологической предвзятостью социологов. Для нас (меня и моих коллег) давно понятно, что «Запад» — это понятийный конструкт (имеющий статус трансцендентальной предпосылки), а не описание конкретных обществ европейских стран, что это весьма условное образование, не обладающее иным статусом реальности, кроме модальности методологических сравнений³. То, что обычно не понимается или не принимается во внимание подобными критиками, заключается в том, что для общества запаздывающей (незавершенной или в принципе не могущей быть завершённой) модернизации такое сопоставление *культурно предзадано и обосновано*, что оно конститутивно для национального самосознания и национальной идентичности и составляет одно из важнейших, можно даже сказать — принципиальных — течений в русском мышлении⁴. Целый ряд ценностных представлений, базовых мифов и идеологем, образующих силовые линии русской культуры (философии, литературы, искусства, политики), сложившихся в 19 веке после войны с Наполеоном, *не могут быть выражены иначе*, чем с помощью референции к условному «Западу». Благодаря артикулированной таким образом ценностной позиции становятся возможным объективации тех элементов социальных взаимодействий, которые либо особо не марки-

² Ср., например, *Габович М.* К дискуссии о теоретическом наследии Юрия Левады // Вестник общественного мнения, 2008, № 4 (96), с. 51-61.

³ Задолго до того, как нас стали обвинять в подобных грехах, я в докладе на Тыняновских чтениях описал саму эту культурную конструкцию («ослепления Западом», по выражению К. Аксакова) как механизм компенсации и обживания культурной фрустрации, характерной для самоопределения и претензий патримонильных элит, и ее функцию в русской культуре. — *Гудков Л.* Понятие литературы у Тынянова и идеология литературы в России // Тыняновский сборник. Вторые Тыняновские чтения. Рига, 1986, с. 208-226. (в соавторстве с Б. Дубиным). См. также: *Дубин Б.* Европа — «виртуальная» и «другая». Запад, граница, особый путь. Символика «Другого» в политической мифологии современной России // Интеллектуальные группы и символические формы. Очерки социологии современной культуры. М., Новое издательство, 2004, с. 264-285 и с. 300-318.

⁴ Включая и некритический перенос на отечественную реальность российскими социологами понятийного аппарата современной социологии, разработанного для описания и анализа социальных отношений, которых нет в нашей практике. Ценностная подмена (и ее причины) оказывается гораздо более значимой мотивацией «научной» деятельности, нежели ее когнитивная составляющая.

рованы, поскольку они редки или незначимы, либо представлены в модальности «значимого отсутствия», как элемент негативной групповой идентификации или идеологического проекта, желаемого будущего. Можно сказать, что заданная таким образом *ценностная* позиция позволяет высветить в темной, смутной и непроясненной социальной действительности значимые обстоятельства, подлежащие анализу и интерпретации.

Другого способа артикулировать многие сложные понятия и представления, в том числе – моральные или политические (более сложные, нежели социальные формы и отношения в окружающей говорящего действительности), кроме как соотнести их с «чужой» жизнью, выступающей как образец уже достигнутого и как средство осмысления разрыва (собственной «неразвитости», «отсталости», «ненормальности») нет: подобным понятиям не соответствует практика взаимодействий ни одной из реально существующих групп российского общества. Что вовсе не означает их полного отсутствия или нереальности подобных ментальных образований – они наличествуют, но в иной модальности: модальности моральных, политических или социальных «проектов», мечтаний, стремлений, иногда – утопий, ценностных ориентиров, выдвигаемых самими разными элитными группами, а также – элементов их групповой идентичности. Такая риторическая или ментальная фигура сознания позволяет (предоставляет для этого интеллектуальные и семантические средства) артикулировать те смыслы и значения, которые в повседневной реальности российской жизни присутствуют в самой слабой концентрации, скорее как намек на возможность в будущем развернуть их, как то, что *должно* быть, но пока отсутствует, а не как действительные и значимые структуры взаимодействия, формы социальной жизни. Поэтому они сохраняют «условную модальность» (как если бы...), с одной стороны, и «негативность по отношению к любым типам социальных образований», с другой, <...> «фиксируют уровень достигнутой культуры для части целого (населения, общества, народа) и выступают в качестве залога обеспечения этого уровня в будущем для всех»¹. Другими словами, моральная тематика, как и прочие проблемы «недомодернизированного состояния», могут обсуждаться или осмысляться исключительно в условном плане сопоставления с моделью более развитых социальных

форм (в рамках фикционального или «игрового пространства», если вспомнить понятие «игры» у Левады). «Запад» служит «проявителем» соответствующих ценностных значений.

Таким образом, ценностная (и риторическая) фигура «Запад» и ее элементы и производные являются не столько содержательными утверждениями о тех или иных реалиях общества и культуры европейских стран, сколько условием и предпосылкой для обсуждения зон социальной и культурной фрустрации российского общества и его социальной истории. Но цена такого способа осмысления оказывается в исторической перспективе слишком высокой: это не только «литературоцентризм» или «утопизм» российской интеллигенции, но и слабость и незначимость практической работы (в том числе – политической или гражданской). При таком подходе социальная реальность предстает преимущественно в виде больших целостностей («власть», «интеллигенция», «народ» или «общество» и т.п.), что часто блокирует возможности более сложного, дифференцированного и эмпирически подтверждаемого наблюдения, подавляет внимание к тому, что «есть» («на самом деле»), но лишено ценностного наполнения, и сковывает мысль слепой приверженностью идеологическим убеждениям и ценностным пристрастиям.

Дискредитация духовенства (неприятия его из-за присущего попам агрессивного невежества и консерватизма, враждебности просвещению) в интеллигентской среде, ставшей агентом модерности, радикально развела проблематику модернизации и морали общества (возможности его гуманизации), что, в частности, обернулось апологией и фасцинацией насилия как средства социального изменения (причем в его самом крайнем варианте). Осмыслить последствия этого не так просто. Недостаточно лишь констатировать низкий уровень морального сознания российского общества (что стало общим местом). Речь должна идти о том, что сохранение чисто эстетических возможностей обсуждения этих вопросов (в литературной или какой-то другой изобразительно-экспрессивной форме – кино, театра, живописи, перформанса и т.п.) блокирует появление более рафинированных интеллектуальных средств рационализации подобной проблематики. Об этих затруднениях свидетельствует отсутствие специальных социальных ролей и институтов, которые должны были бы тематизировать и прорабатывать моральные коллизии, поддер-

¹ Гудков Л. Понятие литературы у Тынянова..., с. 220.

живая тем самым необходимый уровень рефлексии над типовыми конфликтами такого рода, а значит — делать их решение доступным для массовой социализации.

В современном (модерном) обществе такими образованиями (социокультурным институтом поддержания морали) является прежде всего сфера публичности, «общественности», (*Öffentlichkeit*, как ее описал в свое время Ю. Хабермас), общественного мнения, немыслимого без СМИ и опирающегося на них, а ее составными частями или агентами выступают не только традиционные институты — церковь (по-прежнему сохраняющая свою функциональную роль для определенных групп населения, с ее рациональной проработки греховности и ответственности — исповедью, проповедью, но вместе с тем, использующая и все новые технологии и возможности удержания своего влияния), монашество, религиозные школы, теология, оказывающая существенное влияние на публицистику и саму публичную сферу, но и светские институты: прежде всего — университеты, а также — науку (в ее внешней стороне, обращенной к публике, обществу, к СМИ, то есть выдающей результаты своих рационализаций и тем самым влияющих на структуры мышления и знания, сами интерпретации реальности и ее конструкций). Особая роль (моральных консультантов или арбитров, замещающих традиционных исповедников и священников в качестве супер-Эго) здесь падает на врачей, в меньшей степени — на учителей, сохраняющих еще в своем образе следы авторитета носителей знания и культуры (хотя и подвергшегося в сильнейшей степени эрозии и десакрализации), в последнее годы — появившихся психоаналитиков.

Однако преимущественное значение здесь все-таки получают именно публичные интеллектуалы и моральные авторитеты (философы, писатели, деятели культуры), а также люди, занимающиеся благотворительностью и заслужившие доверие общества (представители гражданского общества, самоорганизации общества). Их функция — не социальный контроль или образец действия, а лишь подкрепление или удостоверение возможного выбора, который предстоит делать самому действующему. В этом плане собственно религиозные мыслители и теологи — профессионалы этической софистики и диалектики — входят в качестве важнейших фигур на публичную сцену общества, но не обладают уже монополией на суждение и квалификацию поведения или проблемати-

ки (на что сегодня самым агрессивным образом претендует РПЦ, но об этом ниже)¹.

Важно подчеркнуть, что надстраивающаяся над традиционными институтами социального контроля современная сфера морали (публичности) лишена моноцентричности, а значит — и претензий на монопольное влияние и жесткость своих санкций. Другими словами, модернизационные процессы, выражающиеся в интенсивной социальной дифференциации (автономизации и специализации различных социальных сфер и систем действия), сильнейшим образом влияют на структуру личности современного человека, ослабляя значимость внешнего социального контроля (репрессивность контроля отдельных групп или институтов, с которыми он себя отождествляет или к которым принадлежит) и усиливая механизмы субъективной самоорганизации, самостоятельного выбора стратегии и тактики действия, индивидуальную ответственность за собственные решения и поступки. Такое положение вещей порождает увеличение контингента растерянных, фрустрированных, одиноких, дезадаптированных или депрессивных, маргинализованных людей, нуждающихся в специальной помощи и профилактике неврозов и суицида, но с другой — в целом увеличивает потенциал терпимости, гуманности и социально-правовой защиты большинства, осознанной гражданской солидарности и понимания².

¹ Можно привести массу примеров признанности высокого авторитета католических теологов (Т. де Шардена), или еще большей популярности протестантских авторов (А. Швейцера, Р. Бульмана, К. Рашке, П. Тиллиха, Ю. Мольмана или Д. Бонхеффнера), иудаистских (М. Бубер) или дзен-буддистских (Д. Судзуки) мыслителей, оказавших самое серьезное влияние на своеобразие современного культурного мира. Но, оглядываясь на отечественный опыт, невозможно назвать в этом ряду ни одного имени из круга РПЦ МП, хотя зарубежные православные авторы были хорошо известны, тот же митр. Антоний Сурожский, оказавший значительное влияние на интеллигентские круги в России в 1960-70-е годы.

² Некоторое представление о колебаниях уровня аномии могут дать международные сравнения. Сопоставляя, допустим, статистику преступлений в Европе или удельный вес осужденных, мы получаем разительную картину социальной — нормативной — девиации, позволяющую судить об уровне насилия в различных странах соответственно значимости повседневной морали: число заключенных в РФ (на 100 тыс. населения в 2005-2006 гг.) составляло 611, в Белоруссии — 426, Украине — 356, Эстонии — 327-339, в Латвии — 337, Литве — 234, Польше — 216-230, Чехии — 186, Венгрии — 162, Болгарии — 158-148, Великобритании — 143-148, Испании — 142, Нидерландах — 134-128, Италии — 102, Германии — 96, Франции — 92-85, Бельгии — 91, Швеции — 78-82, Дании — 76, Финляндии — 73, Норвегии — 65. // Демоскоп Weekly № 361-362 от 19.01-01.02.2009 — <http://demoscope.ru/weekly/2009/0361/>. Явственно выделяется здесь зона бывшего социализма. Больше, чем в России, заключенных лишь в США (738), где профиль преступности и заключенных радикально смещен в сторону афро-американцев и латиноамериканцев.

В отличие от церкви, религиозных организаций в западных странах (кроме, может быть Польши, Ирландии), где они отделены от государства, а потому вынуждены полагаться лишь на силу собственного авторитета и значимость своего влияния, Русская православная церковь МП не имеет опыта интеллектуального диалога с обществом¹. Слабость РПЦ проявляется в том, что она недееспособна без государства: она вынуждена постоянно обращаться к государственным средствам насилия и принуждения для того, чтобы провести в жизнь какие-то из важнейших своих планов, реализовать ведомственные, церковно-политические цели, например, получить доступ к преподаванию вероучения в школах, заткнуть рот своим критикам, получить льготное или внебюджетное государственное материальное обеспечение и финансирование своих мероприятий, выключивать налоговые привилегии, здания, земли и проч.), прикрывая «моральными» соображениями вполне материальные, земные интересы владения, алчности, властолюбия. В этом отношении никакие соображения приличия и нравственные сдержки не работают — ни про-

Те же самые закономерности распределения аномии нетрудно проследить на международной и внутрироссийской статистике самоубийств, сердечно-сосудистых заболеваний, отражающих уровни социальных напряжений, стресса и т.п.

¹ Зависимость православных религиозных интеллектуалов от государства парализовала возможности и интересы теологической и практической рационализации повседневной жизни. Более того, всякая самостоятельность религиозных интеллектуалов, их попытки найти взаимопонимание религии и культуры, установить диалог интеллигенции и духовенства вызывают со стороны православной бюрократии подозрение и отторжение (таково отношение православных иерархов к о. А. Меню, к деятельности Св.-Филаретовского института, к о. Г. Кочеткову и другим случаям). Ситуация в зарубежной РПЦ принципиально иная: только здесь и можно найти примеры современных теологических разработок, стремящихся дать православный ответ на моральные вопросы современного общества. Если зарубежная церковь стремится сблизиться с современным обществом, как то показывают, например, проповеди пресв. А. Шмемана, то РПЦ, сохраняя архаическую феодальную организацию («церковный абсолютизм», по выражению Н. Митрохина), по своим интенциям тяготеет к авторитарному режиму Путина, поддерживает его и пытается (не слишком успешно, впрочем) идеологически обосновать, резко негативно относясь к явлениям современной интеллектуальной и культурной жизни, дистанцируясь от общества, не будучи в состоянии понять и оценить то, что происходит внутри него. Напротив, РПЦ, опираясь на власть, стремится к подчинению общества. Для этого используются разного рода псевдо-исторические спекуляции, вроде изданий арх. Тихона (Щелкунова) — «Гибель империи». См. также: *Лункин Р.* Образ РПЦ в светских медиа: между мифом о государственной церкви и фольклорно-окультурном православии // *Православная церковь при новом патриархе. М., центр Карнеги — РОССПЭН, 2012, с. 171-222; Верховский А.* Национализм руководства Русской православной церкви в первом десятилетии XXI века // Там же, с. 141-170.

поведь нестяжательства, смирения, отказа от земных ценностей и т.п., как показывает опыт поведения ведомства в целом или отдельных иерархов, включая и самого патриарха Кирилла. Можно отобрать школу, здание детской больницы, консерватории, музея, галереи, принадлежавшие до революции церкви, и не чувствовать при этом никаких моральных сомнений, поскольку все это оправдано заботой о духовности и нравственности народа. Тем самым лицемерная апелляция к морали превращается в систему нормативного социального контроля.

Вместе с катастрофой 1917 года, революцией, гражданской войной, красным и белым террором, эмиграцией, национализациями и экспроприациями разного рода, классовыми чистками, коллективизацией, голодом, сталинскими репрессиями и т.п. беззаконием и произволом коммунистического государства проблематика морали ушла из сознания советского населения.

К настоящему времени она вообще потеряла какой-либо смысл, поскольку российское население не понимает, что за этим стоит, хотя смутное ощущение неблагополучия в этой сфере время от времени проступает в данных массовых опросов². Ни той духовной работы, которую вели католики в своих странах на протяжении последнего столетия, ни тем более практики протестантской этической рационализации жизни, в России не было, что в своем роде «облегчило» процессы опустошения и деморализации населения, распространения лагерных нравов, внутреннего одичания во время советского массового террора и последующих десятилетий. Какое-то, причем довольно долгое, время (конец 1920-х — начало 1950-х годов) человек был поставлен в такие условия, в которых в принципе нельзя говорить о «морали» — любой выбор в условиях массовых репрессий

² На кризис морали, культуры, неудовлетворительное состояние общественных нравов (в чем бы оно не выразилось) указали в октябрьском опросе 2013 г. («самые острые проблемы нашего общества») 30% опрошенных. По мнению 63% (сентябрь 2011 г.) уровень морали (и культуры!) в России за последние 12 лет упал и положение дел в этой сфере ухудшилось (21% считают, что ситуация в этом отношении не изменилась, а 12% — даже улучшилась). За весь период исследований (1989-2013 гг.) озабоченность состоянием морали и культуры общества высказывали от 15% опрошенных (февраль 1991 г.) до 31% в 2012 г. Хотя в общем и целом доля таких ответов обычно снижалась в моменты ухудшения экономического положения и повышалась до 26-28% по мере улучшения ситуации, тем не менее общий тренд здесь явно негативный. Чувство стыда за происходящее сейчас в стране испытывают 52% опрошенных (с их оценками не согласны 19%) — Общественное мнение — 2012, с. 22, табл. 3.2.2.

и атмосфере террора был аморален, поскольку субъективно детерминированное нравственное действие влекло за собой конфликт действующего со своим окружением, а значит — и угрозу репрессий или предательства по отношению к какому-либо из близких. За вольную или невольную нелояльность, тем более внутреннее сопротивление советской системе или выпадения из нее, наказывался не только сам действующий, но и его семья, коллеги, друзья и знакомые, а часто и вообще посторонние люди. Принудительная коллективная ответственность уничтожила проблематику морали (как целой области культуры и определяемой ею социальной организации), что, соответственно, имело следствием разрушение структуры личности сложного типа и ее последующее исчезновение как социального феномена (хотя, разумеется, уникальные примеры человеческой порядочности всегда можно привести)¹. Дело не в недостаточном присутствии или дефектах российских религиозных институтов, не в недостатках мирского служения РПЦ, а в подавлении самой этой проблематики в массовом сознании, ее отсутствии, стерилизации запроса на нее. Символические дефициты такого плана, ощущаемые немногими людьми еще в советское время компенсировались (в поздние брежневские годы с мумификацией выморочной коммунистической идеологии) суррогатами православного неопитства, оккультизмом, йогой, восточной философией, сыроедением и т.п.² После краха СССР и снятия идеологических запретов обрядовое и магия, суеверия банализировались и стали масскультурным явлением (от раннего Кашпировского до назойливых нынешних ТВ-передач о экстрасенсах, ясновидящих и т.п.), а агрессивная или демонстративная религиозная идентификация — наиболее характерным способом нравственного самоутверждения и самоудовлетворения. Роль религии здесь очень важна, но вовсе не в том плане, в каком об этом рассуждают церковники, утверждая, что именно религия является источником морали.

¹ Эта проблематика хорошо представлена в поздних произведениях восточноевропейских писателей и кинематографистов, прежде всего — у венгров («Пятая печать» З. Фабри, И. Сабо, повести И. Кертиса), но не только у них. Можно привести также в качестве примера сочинения П. Леви, В. Шаламова, Ч. Милоша.

² Характерно, что из среды приверженцев этой моды 70-х годов — городской молодежи, поколения рождения примерно середины 1950-х годов, полуинтеллигентов, фрондирующих, хиппующих или экспериментирующих с альтернативными образами жизни, несостоявшихся поэтов, философов и музыкантов, вышли многие видные представители нынешнего русского православного фундаментализма, идеологи евразийской геополитики и неомпериализма. Перебесились.

Дискредитированная большевиками и практикой террора советской власти («...морально то, что соответствует классовым интересам пролетариата», то есть самой власти), эта тематика всерьез не обсуждалась ни советской интеллигенцией³, ни постсоветской публикой, довольствующейся глянцевым гламуром и формульной литературой. Она и не могла обсуждаться, поскольку даже «продвинутая» часть российского общества не дотягивалась до того уровня, когда эти проблемы могли быть осознаны⁴.

Мораль у нас обычно путают с этикой как учением о добродетельной жизни. Но суть этих проблем (вопросов морали) совсем не в том, чтобы представить аудитории то или иное изложение рекомендуемых норм поведения и предписаний «как жить». Как раз наоборот. Сама проблема морали выросла из осмысления границ насилия и произвола, из необходимости понять, чем, какими средствами может быть ограничен деспотизм абсолютного самовластия. А это значит, что в отличие от традиционной тематики «добраго правления» (воспитания суверенного, но просвещенного автократора), здесь упор делается на солидарные действия подданных, не могущих уступить узурпатору свои права, не потеряв часть своего

³ Опять-таки, сама проблематика этого рода стала вновь появляться лишь с первыми признаками идеологического разложения советской системы. Не случаен поэтому и столь длительный успех «Мастера и Маргариты» М. Булгакова, в котором так явно — для советского сознания — поставлен вопрос о предательстве (разрешаемый лишь в условном плане). Справедливости ради здесь следует упомянуть также и усилия немногих писателей и кинематографистов (В. Тендрякова, В. Быкова, Ю. Трифонова, А. Тарковского, Ю. Казакова, В. Шукшина и других), пытавшихся диагностировать саму ситуацию этической антиномии, хотя и без особого успеха быть услышанными. Подступающему кризису советской системы, «перестройке» предшествовало появление целого ряда произведений, в которых обозначался диссонанс частной морали (личной ответственности) и системы государственного заложничества и конформизма, по выражению Салтыкова-Щедринина — «круговой поруке снисходительности» (например, в фильме «Остановился поезд» В. Абдрашитова и А. Миндадзе). В постсоветское время это свелось к суррогатному обрядовому и моральной карикатуре (представленной, например, фильмом «Остров» П. Лунгина). Сегодня эту проблематику вновь пытается поднять С. Алексиевич (см. ее интервью «Почему мы такие?», данное «Новой газете», № 95 от 28.08.2013, с. 15-16).

⁴ Современное российское искусство (литература, кинематограф) смутно ощущает утрату способности к моральному измерению социального и частного существования (см. фильм А. Балабанова «Груз-2000», повесть П. Санаева «Похороните меня за плинтусом» и множество менее ярких однотипных сочинений), но даже не пытается осмыслить сам этот феномен или дать какие-то свои диагнозы проблемы. Еще раньше, но в менее выраженном виде, это почувствовало советское кино («Афоня», «Полеты во сне и наяву»). Появилась литература, которая на свой лад даже паразитирует на коллективной травме неспособности к морали (В. Сорокин или В. Пелевин, например).

достоинства (утратить образ человека как подobia Бога — мотив, введенный в политическую философию морали прежде всего Дж. Локком).

Необходимость дать ответ на эти вопросы проистекает из логики развертывания проблемных узлов политической философии. После макиавеллиевского анализа прагматизма, необходимого для государя, так или иначе освобожденного от сакрального характера власти или утратившего его, и гоббсовской идеи делегирования (в порядке самоограничения) населением суверенных прав государю, становящегося таким образом гарантом порядка и безопасности в государстве и только отсюда получающего свою легитимность, неизбежно встал вопрос о том, где пределы суверенитета власти, чем можно, а значит, и должно и следует ограничить абсолютную власть, где гарантии от превращения «добротого правителя» в «тирана» и «деспота» (в духе «Аллегории Добротого правления» Амброджо Лоренцетти).

Мыслители 17-18 веков нашли ответ: в «нравах», обычаях подданных (*moralis*¹). С. Пуффендорф, Дж. Локк (последний особенно много сделал в этом плане), развили эту идею в теорию «естественного права», естественных, то есть прирожденных, присущих самой природе человека, не социальных, а потому — не могущих быть отмененными или не признаваемыми, а значит — упраздненными, *неотчуждаемых* прав человека (в его качестве подданного или позднее — гражданина). Но Т. Гоббс, Ш. Монтескье, Дж. Локк, Ж. Руссо внесли в это представление и понятие еще некоторые смысловые компоненты: естественное право как барьер против узурпации власти и беспричинного насилия они усилили *принципом разделения властей*, что должно было служить средством минимизации

¹ Слово «*moralis*» (от лат. *moralitas*), касающийся нравов (позднее в контексте философских рассуждений — нравственный), изобретено Цицероном для перевода аристотелевского понятия «этический» (производное от «этос», которое первоначально означало место совместного проживания, жилище, позднее — связь сущности /природы/ явления или характера человека с образом его жизни, нравом, обычаями, темпераментом, манерой одежды или образом поведения. «*Mores*» множественное число от *mos*, означающее примерно то же, что и греческое «этос», а именно: нрав, обыкновение, обычай; во множественном числе — нравы, характер, образ жизни, поведение, свойство, природа, но также — правило и предписание, покррой и мода). У Аристотеля «этическое» получило специфическое значение, став синонимом особых качеств характера человека, не сводимых ни к природным свойствам тела, ни к способностям ума, качеств, описывающих добродетельное ведение жизни, а «этика» — наука о добродетелях и, соответственно, знание о различении добротого и плохотого. В таком нормативном виде «этика» и вошла в историю европейской философии, в отличие от морали, которая скорее фиксировала «реальные», предметные особенности поведения.

опасности узурпации власти (благодаря взаимному ограничению властных институтов), и необходимым минимумом солидарности *в виде общественного договора* граждан и государства. Границы произвола очерчивались признанием неотчуждаемых прав человека, а именно: права на жизнь, на свободу, здоровье, собственность, и в некоторых случаях, помимо уже перечисленных сдержек, сюда вводилась еще идея справедливого (независимотого) суда. Позднее они были положены в основу американской, а затем — и других западных конституций. Тем самым, понятие получило еще и социальный, политический (конструктивный) смысл, теряя вместе с тем связь с семантикой традиционных нравов, социальной или территориальной локализацией, «этнографичностью» и приобретая гораздо более общий, обобщенный, метафорический характер, что собственно и стимулировало процессы универсализации моральных представлений.

Философская фикция «естественных прав» или морали была таким образом в какой-то части реализована в законодательстве и других публичных и государственных институтах демократии. «Правовое государство» выросло из «нравов» городских обывателей и опиралось на моральную оценку власти и законов. Наиболее завершенный вид эти философские идеи (моральные основания политики и права) нашли в изложении И. Канта². Из его трактовки этих вопросов следовало, что нормы закона, не опи-

² См. у Канта (*Кант И.* К вечному миру. Соч. в 6 томах. Т. 6. М., «Мысль», 1966): «Мораль уже сама по себе есть практика в объективном смысле как совокупность безусловно повелевающих законов, в соответствии с которыми мы *должны* вести себя; и после того как признан авторитет этого понятия долга, явно нелепо утверждать, что это *невозможно*. /с. 289-290 /<...> Народ должен объединиться в государство в соответствии с одними только правовыми понятиями свободы и равенства. И этот принцип основан не на благоразумии, а на долге <...> Только общая воля, данная априори..., определяет, что такое право у людей /с. 299/ <...> Истинная политика, следовательно, не может сделать шага, заранее не отдав должное морали, и хотя политика сама по себе трудное искусство, однако соединение ее с моралью вовсе не искусство, так как мораль разрубает узел, который политика не могла развязать, пока они были в споре. Право человека должно считаться священным, каких бы жертв это не стоило господствующей власти. Здесь нет середины и нельзя измышлять среднее прагматически обусловленного права (нечто среднее между правом и пользой). <...> Возможность этой формы содержится в каждом правовом притязании, потому без гласности не могла бы существовать никакая справедливость (которая может мыслиться только *публично известной*), стало быть и никакое право, которое исходит только от нее /с. 302/ <...> Несправедливы все относящиеся к праву других людей поступки, максимы которых несовместимы с публичностью <...> Этот принцип следует рассматривать не только как *этический* (относящийся к учению о добродетели), но и как *юридический* (касающийся права людей) /с. 303/.

рающиеся на «нравы» или не соответствующие моральным представлениям (принимающих в данном случае форму идеи «справедливости»), воспринимаются в современном обществе как непродуктивные и неэффективные¹. Но, вместе с тем, нет сомнения, что значительная часть законов всегда отражает интересы господствующих групп (так называемое «октроированное право»), однако их роль в современном обществе по мере усиления представительной демократии отчасти ослабевает под влиянием других интересов, трансформируется с течением времени из-за множества компромиссов и внутренних соглашений различных партий и социальных сил, превращаясь в конце концов в «пактированное право».

Как и другие институты современного социума (искусство, история, наука, нуклеарная семья, школа, фабрика, массовые коммуникации и т.п.) мораль — своеобразный продукт западного мышления нового времени, родившийся из переключки философов, мыслителей, теологов, историков и литераторов из разных стран

¹ Наиболее полно это демонстрирует российский опыт советского и постсоветского времени. Формально прописанные нормы права (объективность позитивного права) и даже Конституции легко обходятся властями, порождая практику избирательного правоприменения и несправедливого судопроизводства. Но точно также — и обывателями, вынужденными решать свои проблемы в обход решений власти. Без интернализации этих норм, то есть превращения их во внутренние регуляторы — императивы социального контроля и ценностные составляющие компонентов социального действия («совесть», которая, как известно социальным психологам, говорит «голосом матери»), закон может быть известен и учитываем в поведении действующим, но не значимым в качестве побудительного мотива действия. Двоемыслие такого рода — общераспространенное явление в репрессивных обществах. Оно свидетельствует не только о поверхностной социализации, разделении значимости (или силы) формального закона и силы обычаев или нравов, но и о недифференцированности социальных структур. Слабая дифференциация может быть как следствием неразвитости, отсталости, архаичности социальной системы, так и искусственного, принудительного подавления механизмов самоорганизации общества. Право без моральной основы является внешним регулятором поведения, то есть превращается во внешний локус контроля. Напротив, более глубокий уровень социализации — ценностный, представляет в генерализованной форме учет интересов других социальных сил и институтов, усвоенных в виде обобщенных, универсалистских императивов поведения. В этом случае мораль уже не предполагает внешнего контроля и, соответственно, применения *социальных санкций* различного репертуара. Ценностный (моральный) уровень регуляции задан исключительно собственными представлениями действующего индивида или группы, с которой он себя отождествляет. Собственно именно отсутствие социальных санкций и связанных с ними институциональных — формальных или неформальных механизмов или средств принуждения и гратификации, отказ от *наказаний* за отклонение от общепринятого и ожидаемого поведения, то есть высокая степень «терпимости» окружающих к культурному и социальному разнообразию, — становятся индикатором наличия морального уровня массового сознания.

Европы. Этот круг проблем окрашен чисто европейскими коллизиями и историческими примерами. Мораль — результат секуляризации традиционного христианского миропорядка и эмансипации отдельных сфер знания и норм внутри иерархического, сословного или кастового социума. В этом плане «мораль» остается ограниченной пространством европейской, христианской по своему генезису, культуры. (Если бы в русском языке существовали артикли, то перед словом «мораль» надо было бы ставить определенный артикль, как в английском или немецком языке). Но общность происхождения не означает единства форм или смысловых структур². Безусловно, можно найти множество функциональных аналогов «морали» как систем этической регуляции в других больших цивилизационных или культурных ареалах, таких как конфуцианская этика поведения и взаимодействия с людьми из разных сословий или слоев в Китае, или индуистская система правил кастового поведения в Индии и т.п. Но все это будут именно *аналогии* соответствующих функциональных образований (норм, ценностей, принципов). Вытекающие из них *формулы рациональности* (соединение идей и социальных интересов, то есть требований, вытекающих из отношений господства, производства и распределения, коммуникации и т.п., определяющих практическое приложение моральных постулатов) будут иметь совершенно отличную от европейской содержательную архитектуру смыслов и референций, другую метафизику. А это, в свою очередь, означает, что связанные с ними внешние институциональные формы социальных организаций или групп, которые принимают на себя задачу поддержания этической регуляции социальных отношений, их рационализацию (систематизацию и проработку, связь с другими институтами — структурами господства, семьи, экономики, права и проч.), будут существенно различными.

² Не случайно М. Шелер в своей работе «Рессантимент в структуре моралей» использует именно множественное число, тогда как в русском языке «мораль» допускает употребление только единственного числа. Нормативное сознание в этом плане не предполагает, не мыслит себе какой-либо сложности и многообразия регулятивных структур, культурного релятивизма, ограничивая тематику жестким набором социальных предписаний. Это, со своей стороны, означает, что язык — в своем роде — отражает институциональную систему конкретного общества. Авторитарный режим Путина (как впрочем и другие репрессивные режимы), выдвигая цели «сохранения традиционных ценностей», настаивая на «усилении духовных скреп» государства и общества, проводит политику принудительной примитивизации общества, поскольку дифференцирующееся и усложняющееся общество отторгает несменяемую и безотчетную власть как форму политической организации.

В этом плане утверждение о том, что в любом социуме можно обнаружить все компоненты структурно-функциональной парадигмы (в том числе и мораль), верно лишь с учетом высокой степени генерализации типологических сравнений. Но такие суждения оказываются мало продуктивным, когда мы обращаемся к анализу и описанию конкретной страны и ее истории. Общая теория имеет границы адекватности (ее нельзя использовать для непосредственного применения к задачам эмпирического исследования, ее назначение — соединение теорий среднего уровня, относящихся к отдельным предметным регионам). Поэтому бессмысленно пускаться в эмпирическое изучение «морали» или ее институциональных аналогов, не описывая источников моральных представлений, социальных групп, поставивших себе задачу внесения морали в неморальное пространство повседневности, систематизации типовых конфликтов или коллизий, возникающих у действующих акторов из разных функциональных подсистем, и чье положение в обществе зиждется именно на признании обществом их в качестве приоритетных или даже единственных «специалистов» в этой области (жрецов, священников, монахов, «культурных» лидеров, которым СМИ выдали ярлык «совести нации», и других общественных персонажей, воспринимаемых в качестве профессиональных и безупречных иллюстраций морального поведения).

Более плодотворным видится подход, предлагаемый и реализованный Максом Вебером в предметной социологии, который дал поражающие воображение примеры исследования влияния высокоразвитых этических учений, порожденных мировыми религиями и отдельными сектами, на повседневную жизнь в таких сферах, как право и господство, музыка и секс, экономика и социальная стратификация и т.п.

Это соображение — укорененность «морали» в смысловых коллизиях именно европейской культуры, особенности ее генезиса — следует учитывать и при дальнейшем анализе логической структуры моральных представлений (главным образом, при описании социальной организации общественного контроля). Сам по себе подобный «учет» должен исходить из понимания тех ограничений, которыми могут характеризоваться этические аналоги морали в других ареалах. Но для нас в данном случае важнее подчеркнуть, что сами понятия — мораль, свобода, справедливость, собственность — оказывались символическими структурами (трансцендентальными категориями, ценностями), *соединявшими* существование индивида

(его семьи, группы) с образованиями более высокого уровня социальности: с локальным или региональным сообществом (городом, землей) или с «народом» как гражданской (а не этнической) общностью, нацией и, наконец, с обеспечивающими их государственными институтами. Последнее предполагает дополнение этой идеи включением сюда исторических представлений о происхождении национальной общности, то есть наполняет это символическое образование конкретными примерами событий, оказывающихся основанием коллективных ритуалов воспроизводства «общей памяти».

Именно мораль (нравы) соединяет групповые интересы и идеалы, ставя пределы для целерационального действия (инструментализма индивидуального произвола). Именно из внутренних ограничений субъективной активности рамками «общее благо» и рождается тот дух солидарности, который лежит в основе западноевропейской демократии. Характерно, что основатели американской демократии, авторы ее Конституции, были по сути именно моралистами, идеалистами, видящими Конституцию как проективную структуру государства, результаты которой должны проявиться лишь в будущем. Они закладывали основы общественного порядка прежде всего для своего потомства, для обеспечения его свободы, безопасности, спокойствия и благополучия (но одновременно — видели в ней пример, образец решения проблем для всего человечества).

Роль религии (но не церкви) здесь, несомненно, очень важна: именно религия предполагает соотнесение обыденного поведения с планом символическим, то есть она исторически первая дает образец сочетания значений, которые имеют трансцендентный характер (то есть лежащих вне практических интересов и норм регуляции социальных групп), с практическими вопросами материального обеспечения и взаимодействия с другими акторами. Однако, в российской ситуации церковь, я имею в виду прежде всего РПЦ как социальный институт, стремится узурпировать право на такое регулирование самих разнородных посредников (частных, групповых и институциональных представлений). В принципе религиозность (метафизический, трансцендентный уровень символов) не является непременным условием возникновения и значимости морали как системы внутренней регуляции, возникновения внутренних императивов социального контроля, генерализованных и интернализованных в процессах социализации. Социологический, культурологический, философский и даже в ряде случаев

теологический (Т. Альтицер) анализ источников морали уже в XX веке освободился от неременной связи с христианством. Изучение различных религий и метафизических систем за пределами Европы дало множество свидетельств функционирования этических представлений, не связанных с монотеизмом (буддизм, индуизм и др.) или даже вообще с религией (конфуцианство). Трансцендентальность соединения собственной активности и общественной солидарности (как основа внутреннего самоконтроля и мотивации действия) могла происходить и другими способами, предполагать иные, уже секулярные основания морали («безрелигиозное христианство»). Важно лишь, что составные части этических систем всегда были гетерогенными («двумирными») структурами соотнесения, синтез которых имел форму логического, модалного шарнира или метафорического соединения общезначимых предписаний и субъективной воли. Но это в принципе так, хотя для понимания генезиса современной морали, включая и ее рецепцию в странах запаздывающей модернизации, христианские истоки морали имеют первостепенное значение¹.

Таким образом, мораль представляет тот уровень само-собой-разумеющейся, социаль-

¹ Легко всплывающее возражение против такого хода мысли: как же так, Россия же православная страна, почему же здесь проблематика морали представлена в зачаточном состоянии? — снимается, если вспомнить, что христианство русские князья приняли в «готовом виде» от Византии, практически сразу же как вероучение, подлежащее санкционированию светской властью, что подавило потенциал религиозных споров и дискуссий. Во всех случаях (разногласий между нестяжателями и иосифлянами, старообрядцами и никонянами, а позднее между сектантами и представителями Синода) верх одерживали сторонники государственной церкви, но не потому, что у них были сильные теологические аргументы, а потому, что власть силой устраняла, буквально — «ликвидировала» их оппонентов. Вплоть до середины 19 века «ересь» являлась уголовным преступлением, что, естественно, обернулось предельной косностью, догматизмом, антиинтеллектуализмом религиозной и духовной жизни страны, равно как и инерцией восприятия самодержавной власти как сакральной. В сравнении с многообразием религиозных течений в Европе, все время усиливавшимся, начиная уже с 13 века, благодаря особой социальной организации религиозной жизни в этом регионе — наличию монастырей, монашеских орденов, университетам, городам, библиотекам, теологическим диспутам, внимательнейшему взаимному изучению взглядов оппонентов, реформации и контрреформации и т. п., духовная жизнь Руси представляла собой довольно тусклую и однообразную картину, сводимую к тезису: «Братья, не высокоумудствуйте!» (см. об этом: *Миллюков П.* Очерки по истории русской культуры. В 3-х тт. Т. 2, ч. 1. — М., Прогресс-Культура, 1994). «Симфония» церкви и государства, всевластие приказа тайных дел или его разнообразных исторических аналогов стерилизовало умственное пространство страны, стянув его до военных или чиновничьих рамок государственной службы. Поэтому ничего подобного европейской философии, искусству, истории, литературе, науке и т. п. феноменам сложно устроенной жизни, в России не возникало, как ни стараются доказать обратное идеологи «особой русской цивилизации».

ной, бесспорной регуляции, когда люди не спрашивают, почему и как. Это — совокупность конвенциональных норм, которая определяет ориентированность и границы такого поведения и отношений людей между собой, с властью, с другими институциями и группами, социальными организациями, несомненность правил поведения. Но — в отличие от традиции, обычая, глухих привычек, санкционирующих поведение через отнесение к «всегда так было», в лучшем случае — к содержанию предания, легенде, мифу, и поэтому сопровождаемых безусловным ограничением «изменять нельзя», следует «держаться заведенного порядка», «не нам менять то, что было» и т.п., — моральная регуляция включает в себя соотнесение с генерализованным уровнем общих значений: идеей общего блага и «высших интересов».

Понятие общего блага предполагает такие блага, ценности, в которых заинтересованы «все», которые распространяются на «всех», а значит — не вступают в конкуренцию или в противоречие с частными интересами и представлениями. Они не образуют поля игры с нулевой суммой, при которой одни выигрывают, а другие — теряют или проигрывают. Другими словами, общее благо — это такой тип ценностно-рационального действия, которое увеличивает совокупный баланс приобретений — безопасности, достатка, удовлетворенности жизнью, заботы о других, солидарности и достоинства отдельных индивидов и всех членов вместе. Примером такого блага может служить «национальное государство», проводящее политику защиты национальной культуры, повышения уровня массового образования, медицины, солидарности поколений и проч., или правозащитные, гражданские организации, или любые формы благотворительности, общественной самоорганизации (например, НКО), не направленные против интересов других групп.

Этот уровень регуляции может быть (содержательно) легитимирован и обоснован самым разным образом: религиозно, через рационализацию божественных заповедей и предписаний (т.е. трансцендентно), либо светски и метафизически — какой-то рациональной этикой или идеологией спасения, или, допустим, сословно — честью и достоинством особой группы (в ее отличии от других групп). Но мораль современного (модерного) общества в данном случае апеллирует к идее (ценностям) «общего блага», не блага частных существований, а именно блага для всех (!), а потому — идеального (обобщенного), высокого, внеповседневного — «высшего интереса» «всех», «общества».

Понятая таким образом, мораль (регулятивная система) является предпосылкой самоконституирования общества (*society, Gesellschaft*) как системы социальных взаимоотношений, основанных на солидарности и взаимных интересах (то есть не имеющих и не предполагающих отношений господства!).

Безусловно, система власти (господства) является неперменной частью социальной системы социума в целом, но было бы ошибкой (очень распространенной в посттоталитарных и авторитарных странах) отождествлять социум и общество (тем более государство и общество) как специфический тип социальной структуры. Мораль в этом смысле является предпосылкой и условием формирования представительной системы власти (ограничения пределов суверенитета господства и предупреждения перерождения власти в деспотический произвол), с одной стороны, с другой — высшим, идеальным регулятивом деятельности бюрократии (условием ведомственной институционализации харизмы). «Общее благо» — это квинтэссенция этики служебного долга бюрократии, условие ее технического функционирования («без гнева и пристрастия»), строго формально и исключительно в рамках установленной компетенции чиновника¹.

В логическом, точнее — в методологическом — смысле мораль является трансцендентальной смысловой структурой, соединяющей два плана значений: фактическое и должное (предписывающий план значений, соответственно, задает модальность возможного образца поведения как императив действия). Мораль представляет, таким образом, совокупность всегда более или менее рефлексированных образцов *разрыва* фактического и должного, что, в свою очередь, образует паттерн и мотив движения к более высокой норме общего, являющейся предпосылкой для последующей социальной дифференциации. Без минимального морального базиса процессы развития (автономизации, усложнения, структурно-функциональной дифференциации) просто невозможны. Мораль не может возникнуть в «простом», недифференцированном обществе. Она возникает только там, где формируются многосторонние связи отдельных людей, относительно независимых (автономных) социальных образований и групп, причем она возникает именно как принцип или норма согласования интересов и правил поведения.

¹ Weber M. *Wirtschaft und Gesellschaft*. Tübingen, 1972, J. C. B. Mohr (Paul Siebeck), S. 125-130.

Важным признаком такого состояния становится выделение специализированных структур и институтов, ответственных за согласование нормативных систем и обеспечивающих их поддержание (в некоторых случаях — и контроль, по крайней мере, на начальных стадиях дифференциации) — сословие священников, исповедующих мирян и тем самым вводящих идею моральной калькуляции поступков исповедующегося, профессиональных психологов, врачей, в других случаях — муфтиев или кади и проч².

Идея «общего блага» (морали, основанной на идее общего блага) отличается от обычной или привычки тем, что она дает импульс социальной сублимации, самовозвышению, «томлению» по более высокому порядку, в отличие от совокупности механизмов понижающей адаптации как общераспространенной регулятивной базы в репрессивных режимах. (Последняя строится по известным схемам: «уши выше лба не растут», «плетью обуха не перешибешь», «минуй нас пуще всех печалей и барский гнев, и барская любовь»³ и т.п.). Мо-

² Нет нужды специально говорить о том, что моральная рационализация частного поведения — исторически крайне сложный и длительный процесс, включавший в себя и постепенную выработку специфических представлений не только о конечном — Страшном — суде, но и о по-сторонней возможности расчета грехов (в католичестве — это идея Чистилища, индульгенций, исповеди), в протестантизме — идея предопределенности избранничества и вытекающей отсюда необходимости методического самоконтроля в повседневных делах, прежде всего — в труде и в потреблении. В православии аналогов подобных практик и вырабатываемых представлений (идей) не было, оно не поднялось в своем развитии до осмысления уровня личных отношений индивида с богом, удовлетворяясь требованием полной передачи ответственности за индивида церкви, что отражает ее статус и функции в абсолютистском социуме. (Может быть, лишь в XX веке здесь начинает пробиваться мысль о персоналистском характере веры и личном боге).

³ Там, где доминирует идеология патернализма, не следует искать следы присутствия в умах идей свободы или ответственности; там в той или иной форме сохраняются репрессивные структуры отношений господства и подчинения, равно как и отношения взаимного недовольства, недоверия и обмана (включая и самообман). Если обратиться к данным опросов, характеризующих динамику представлений о «необходимости заботы государства» «об обычных людях», то мы увидим, что доля подобных представлений (или их настоятельность) заметно выросла: с 57% (1990 г.) до 83% (август 2013 г.). — Пресс-выпуск Левада-центра от 25 августа 2013 г. И одновременно, на протяжении последнего десятилетия 62-65% опрошенных, отвечая на вопрос: «Как бы вы определили свои отношения с властью?», заявили, что они «живут, полагаясь только на самих себя и избегая вступать в контакты с властью», 21-27% — что «их жизнь во всем зависит от власти». // ОМ — 2012, с. 37, табл. 3.6.18. Из распределений ответов опрошенных аналогичного по характеру, но в другой формулировке, вопроса («На что Вы сейчас рассчитываете?...»), в среднем (за период 1996-2012 гг.) 75% респондентов заявили: «на свои силы и возможности», 24% — «на социальную защиту и поддержку со стороны общества и государства». — Там же, с. 59 (табл. 6.3).

ральный комплекс представлений современного общества принципиально расходится с идеологией патерналистской «заботы государства», признание которой сразу же вводит отношения неравноправия и зависимости¹.

Попытки вернуть церкви (в данном случае я имею ввиду прежде всего православную церковь) ее прежнюю функцию институционального посредника между властью и моралью (нравами) общества несостоятельны по двум причинам: во-первых, культурной отсталостью и архаичностью самого православия как учения, его метафизики и богословия, неспособностью нынешнего духовенства — в силу низкого уровня светского образования «персонала» — отвечать запросам более образованного общества, по крайней мере его средних и высших слоев (населения крупнейших мегаполисов, уже прошедшего определенные фазы модернизации и вестернизации). А во-вторых, и это главное — РПЦ, став фактически государственной церковью, оказывается неавторитетной в качестве института миссионерства и проповедничества евангельского учения и образа жизни. Десятину мало кто собирает из православных вносить, пожертвования со стороны населения явно не соответствуют представлениям и аппетиту иерархии, православные ТВ-каналы имеют крайне незначительную аудиторию и т. п. Подозрения в лицемерии и ханжестве, стяжательстве, алчности не только высших иерархов (прежде всего — патриарха Кирилла, оказавшегося в центре целой серии скандалов такого рода), но и рядовых батюшек, даже обвинения в педофилии среди священников остаются неустрашимыми. Поэтому РПЦ, отвечая массовым запросам на инстанцию морального авторитета, может функционировать лишь как ведомство магических ритуалов, обрядов, поддержания ожиданий чуда и т. п. мифологических структур массового сознания.

Подытоживая выше сказанное, я бы определил мораль как структуру смыслообразова-

ния, устанавливающую в зоне своей значимости осмысленные нормы поведения — взаимодействия с другими действующими лицами. Моральные принципы (= сам механизм надления смыслом разнородных фрагментов действительности, кажущихся иррациональными до того, пока они стали предметом смыслового синтеза) соединяют воедино некоторые содержательные идеи (включаемые в понятия общего блага) и групповые интересы, образуя ограниченное пространство *возможности* действия как *должного*. Таким образом, *мораль — это особый тип рациональности*, указывающий индивиду то, как должны соотноситься обстоятельства конкретного действия с представлениями об общем благе и общих интересах членов всего общества. Этот тип рациональности значим наряду со многими другими типами (например, инструментальной, целевой рациональности, наиболее полно представленной в экономическом поведении, в технике или когнитивной рациональности, институционализированной в форме науки) идеологической и религиозной и т. п.

Принципы морали не содержат конкретных предписаний, как следует вести себя в тех или иных ситуациях. Они представляют собой лишь общий алгоритм для субъективного выбора, то есть принцип решения дилеммы действия, поскольку действующий в современном обществе всегда стоит перед противоречивым набором мотивов поведения, обусловленным разными ценностными побуждениями индивида, его желаниями, стимулами, включенностью в разнородные групповые или институциональные отношения. Чем сложнее структура общества, то есть чем более многообразно ролевое поведение субъекта действия, обусловленное принадлежностью к различным социальным группам (и их гетерогенным культурным ресурсам), тем более актуальным и значимым оказывается принцип моральной самодетерминации поведения. «Мораль» (моральное поведение) поэтому — такая же структура синтетического (рефлексивного, игрового — по терминологии Ю. Левады) действия (= суждения), что и другие формы или механизмы смыслообразования — тропы, ядерные метафоры научных теорий, религиозные идеи бога или метафизические постулаты, генерализованные ценности — доверие, любовь, справедливость, современность и прочее. Мораль — это сложносоставное, закрытое (т. е. внутренне ориентированное и организованное) социальное действие², в котором действующий

¹ Идея общего блага в советское время, если и существовала какое-то время (например, в идеологических проработках коммунистической пропаганды), то умерла она вместе с коммунистической идеологией. Допустимо полагать, что она была значима лишь для некоторых категорий средней бюрократии и молодого поколения советских людей, то есть социализированных уже в условиях полного господства институтов тоталитаризма с его миссионерством, утопизмом, всеобщим навязыванием «единомыслия». Замещение перспективной идеологии коммунизма национализмом (этническим или имперским, русским) меняет не только временной вектор идентичности, но и отрицает само понятие «общего блага» как блага для всех, скрыто вводя вместо этого идею исключительности (этнических русских), особенности, отдельности от остального мира.

² Левада полагал, что функции «игровых» структур социального действия заключаются прежде всего в связывании различных сфер социальной жизни, институционально разделенных. В ходе игры сами

субъективным образом (не «нормативно!»), без санкций угрозы наказания или, напротив, поощрения, соединяет в относительно непротиворечивое смысловое целое (= проективную структуру собственного поведения, собственной жизни) *императивы и нормы различных социальных институтов и групп*, решая таким образом антиномии собственного выбора. Мораль в этом плане образует общее основание для органической интегрированности общества (в отличие от механической, принудительной – полицейско-бюрократической).

В отличие от других механизмов смыслообразования мораль конституирована всегда таким образом, что она имеет бóльшую временную размерность, чем прочие ценности: моральные события субъективной жизни действующего соотносятся (должны соотноситься в соответствии с идеей морали) с воображаемой конструкцией целостности законченной, т. е. прожитой жизни индивида. Можно сказать более категорично: только «мораль» предполагает регулятивную идею *целостности личности*, конституируемую от мыслимого конца ее жизни – смерти, образующей законченный сюжет прожитой жизни человека (возможную или воображаемую биографию), а значит – той точки, позиции, исходя из которой сам индивид может контролировать свое поведение и рассчитывать

эти институциональные нормы и правила, относящиеся к разным институциональным системам, становятся частью внутреннего автономного пространства, в котором действующий должен самостоятельно, субъективно переосмыслить, переинтерпретировать, переозначить их и соединить в относительно непротиворечивый набор мотивов и средств собственного действия. «...Все ролевые и смысловые трансформации происходят внутри игровой реальности, на рубежах, разделяющих ее [игры – ЛГ] структурные компоненты, а не на рубеже игра / реальность» – Ю. Левада. Игровые структуры в системах социального действия. – *Левада Ю.* Статьи по социологии. М., 1993, с. 103. Другими словами, именно в игровых структурах происходит субъективация, субъективное освоение, переструктурирование внешних групповых и институциональных императивов и предписаний, согласование их с другими ценностными представлениями и интересами. Так закладываются условия для появления социальных механизмов нормативного или ролевого синтеза, гибких форм и структур согласования различных кодов поведения, регулирующих разные сферы социальной жизни, правила и предписания поведения в которых могут принципиально, радикально расходиться, порождая ценностно-нормативные конфликты. Именно игровые структуры действия становятся условием формирования личности современного типа, обладающей относительной автономией по отношению к своему окружению, а значит – руководствующейся в первую очередь собственными принципами, собственными интерпретациями групповых, институциональных, профессионально-ролевых и т.п. значений, более независимой к давлению оппортунистического большинства. Появление таких структур, а значит – и лиц с более сложной внутренней организацией указывает на возможности и перспективы процессов социальной, структурно-функциональной дифференциации, а стало быть – на условия интенсивного развития общества.

баланс добра и зла, произведенный им самим. Другим образом значения «целостности личности», к которой только и можно предъявлять претензии «отвечать за себя», не возникают. Мораль всегда предполагает сильное Я (развитую, рефлексивную структуру личности), в отличие от крепостного, зависимого, патерналистского сознания (или «слабого Я»).

Мораль (этим она отличается от всех разновидностей традиционной этики) – позднее культурное и социальное образование, выделяющееся из традиционного социума, возможное только в условиях интенсивно дифференцирующегося социума с выделяющимися специализированными зонами ролевого взаимодействия, особыми значениями и правилами жизни¹. Поэтому проблематика морали – продукт тематизации прежде всего современного искусства (воображения) и религиозного мышления (религиозной философии) в условиях быстро развивающейся секуляризации.

Страны с представительской политической системой оказываются особенно чувствительными к проблематике морального поведения высших лиц государства, репрезентирующих ценности всего коллективного целого. В так называемых «демократических странах» (государствах с представительской системой формирования власти) отношение к моральной чистоплотности публичных фигур чрезвычайно трепетное и строгое. Дело не в общественном ханжестве (на которое любят ссылаться наши высокопоставленные циники: дескать,

¹ «Сегодня о всеобщем нравственном кризисе говорят больше всего там, где с историческим опозданием происходит десакрализация нормативных систем и связанное с этим «приземление» господствующих социальных норм. Понятно, что это относится и к нашей стране, как будто надолго застрявшей на историческом перекрестке, где сошлись одновременно переоценка и десакрализация религиозных, политических, моральных критериев, казавшихся незыблемыми. (В этом перечне фигурирует и религия, так как наблюдаемое возрождение церковной жизни не возвращает ей функции высшего мировоззренческого и нравственного контроля в обществе.) <...> В обществах, прошедших подобные катаклизмы ранее (и в разные периоды), десакрализация и переоценка высших нормативных конструкций означала не только приземление «высших» нормативных структур, но одновременно и утверждение важности, серьезности «низших», обыденных практически-ценностных и утилитарных уровней таких структур. Трудное избавление «человеческих» отношений от сакрального и псевдосакрального контроля происходит по мере того, как утверждается серьезность обыденного, впитавшего наследие длительной и многообразной культурной традиции. Наше общественное сознание пока – и не без оснований – заиклено на одной стороне этого процесса – на его трудности, мучительности, противоречивости. Отсюда и встревоженные суждения о релятивизации всех и всяческих нормативных критериев. Отсюда же и перипетии таких категорий, как «истина» и «правда» в общественном мнении». – *Левада Ю.* «Истина» и «правда» в общественном мнении. Проблема интерпретации понятий // Ищем человека, с. 223.

езде политика грязное дело, везде коррупция и всегда политики обманывают обывателей и лицемерят), а в понимании смысла самой процедуры селекции во власть и сути неформальных, не кодифицируемых законом, но общественно значимых требований к человеку, выходящему на публичную сцену. Проблемы пургенизации политики — дело западных СМИ и публичных дискуссий по этому поводу. Система публичного контроля «морального облика» — личной порядочности, честности, соответствия потребительских расходов заявленным в налоговой декларации и т.п. является крайне жестким фильтром для авторитарных демагогов и потенциальных деспотов. Расхождения между словами и поведением, на российский взгляд, в мелочах, не заслуживающих внимания, может служить тревожным индикатором неблагополучия, включающим систему общественного предупреждения об опасности. Таковы примеры отставки американского министра труда из-за обвинения в найме нелегальной мигрантки в качестве домработницы, немецкого министра из-за использования в частных целях служебной машины, скандалы с политиками из-за оплаты за счет казны авиабилетов при уходе в отпуск, отставка британского министра из-за хамски неуважительного тона по отношению к полицейскому, охраняющему вход в министерство, случаи ухода немецких министров из-за давнего плагиата в диссертации и проч., не говоря уже о более существенных деликтах, вроде счета в иностранных банках (недавняя отставка французского министра) или лжи в официальных выступлениях¹. Другими словами, в старом споре социологов: что первично (что более значимо в системах объяснения социальной динамики) — культура, идеи, люди или социальные институты, ответом может быть лишь одно: констелляция некоторых из возникающих идей и вполне определенных интересов конкретных социальных групп может привести при благоприятном стечении обстоятельств к институционализации отмеченных и желаемых форм социального поведения и их последующему закреплению в общественном сознании. В этом плане границами индивидуальных моральных девиаций становятся институциональные

¹ На фоне обычного поведения российского политического класса все эти инциденты кажутся смехотворными. Перечислять даже не конкретные случаи, а виды злоупотреблений и казнокрадства среди высшего слоя руководства или регионального чиновничества в данной статье бессмысленно и невозможно, каждый день СМИ, интернет приносят новые факты, иллюстрирующие наглость, самодурство и коррупцию правящей элиты.

рамки поведения. Они начинают играть роль нормативного каркаса общества. Сами по себе люди в истории не становятся лучше или хуже (мораль — это горизонт оценочных суждений, а не уровень качества людей), но нормативные системы, институционализируемые, то есть закрепляемые правом, общественным мнением, системой публичного контроля и рефлексии, несомненно, могут служить показателем цивилизованности тех или иных стран (субъективных представлений о социальном благополучии, удовлетворенности жизнью, безопасности, защищенности от насилия, доверии людей друг к другу, терпимости, подавлении агрессии, альтруизме, солидарности и т.п.).

Ничего подобного указанной системе категориальных соответствий и общественных практик (западноевропейской морали Нового времени) Россия не знала в своей истории².

Крепостное состояние всех сословий (а не только крестьянства) по отношению к самодержавию не допускало идеи страхования от угрозы деспотизма — разделения властей. Архаические представления о власти (традиционный, сакральный характер самодержавного правителя и пирамида патримониальной бюрократии массового управления) предопределили не только длительное существование крепостничества, холуйство дворянства и аристократии, ничтожность ценности частной человеческой жизни, но и реинкарнацию крепостного сознания в советское время (и не только у колхозников!), вплоть до нынешних дней.

Недолгая, но интенсивная фаза модернизации конца XIX — начала XX века, следовавшая через поколение после реформ 1860-х годов, сопровождалась появлением общественно-политических движений и чем-то похожим на «morals». Однако доминирующим в политике того времени все равно оставалось представление (явное, например, у А. Столыпина) о недопустимости политических компромиссов, механизмов согласования интересов, уступок

² Приводя в качестве примера «моральности» американскую или европейскую демократии, я вовсе не собираюсь противопоставлять им фатальную предопределенность российской истории. Моя задача ограничивается в данном случае методологической необходимостью показать, что мораль в социологическом смысле — это не предписание известного рода, а система соотношений разных планов действия и общественных структур: плана символических значений, инструментальных — политических — общественных образований и интегративных механизмов, обеспечивающих солидарность *действующего*, то есть *активного, субъекта* с общностями более высокого уровня — группами, институтами. Проблема российского либерализма в том, что здесь связи такого рода систематически подавляются и стерилизуются, уничтожаются.

со стороны самодержавия и продуктивности насилия как инструмента «правильной» организации отношений общества и власти. В этом плане формирование морали и, соответственно, появление «общества» в дореволюционной России разрушило основания для архаической государственной системы, не выдержавшей напряжений Первой мировой войны, войны нового, промышленного, массового типа. Вместе с тем, остатки предшествующего, пусть слабого морального сознания, уже существовавшего в тончайших слоях новых классов самодельного населения в начале XX века (предпринимателей, людей свободных профессий, земства, интеллигенции), были стерты вместе с группами их носителей во время террора 20-х и тем более 30-х годов.

В массовом сознании понятия морали в этом смысле нет и сегодня. Что-то отдаленно напоминающее ее проявилось в ходе недавних демонстраций на проспекте Сахарова и Болотной площади, но и здесь оно слабо связано с императивом собственной активности. Отсутствие морали теснейшим образом обусловлено сознанием невозможности защитить и отстаивать свои права, а без их институциональных гарантий не возникает чувство собственного достоинства, даже — понятие чести. Нельзя быть преисполненным чувства собственного достоинства и жить в условиях хронического состояния зависимости от государственной власти¹ (что не означает полного отсутствия чувства собственного достоинства в очень узком кругу людей, ограниченных нормами высококвалифицированных профессии, специальностей и т.п., но такое не распространяется за пределы социального фрагмента, зоны «игры» социально близких людей в левадовском смысле). Государственный патернализм², основа нынешнего социального порядка в России, не предполагает и не допускает каких-либо конвенций («общественного договора») населения и власти. Следы прежнего крепостного сознания проступают сегодня в отчуждении от политики или нежелании участвовать в ней, брать на себя соответствующие обязательства. Идея «общественного

¹ От 75 до 80% россиян на протяжении почти 20 лет раз за разом заявляют, что «большинство людей в России не сможет прожить без постоянной заботы, опеки со стороны государства» — ОМ-2012, с. 40, табл. 3.6.26. И тем не менее, живут, как утверждают две трети опрошенных, «полагаясь лишь на самих себя» — там же, с. 37, табл. 3.6.18. В данном случае мы имеем характерное разделение нормативного представления и фактической констатации положения вещей.

² Маяковский (поэма «Хорошо»): «...мы только мошки, мы ждем кормежки, закройте время вашу пасть, мы обыватели, нас обувайте вы, и мы уже за вашу власть».

договора» в российских условиях никогда не существовала как реальная программа или основа для социального порядка, консенсуса, это — иллюзия или благодушный самообман либералов и технократических консультантов власти. Поэтому критика коррупции или неприличной нуворишевской роскоши высшего руководства страны (включая сведения о президентских или премьерских дворцах и яхтах или «шубохранилищах» их приближенных) практически не затрагивает массового отношения к тем или иным персонам во власти³.

Таким образом, мы имеем дело с двойным набором причин моральной несостоятельности российского общества: первое — эффектом разложением морали (развращением) под действием репрессивных структур тоталитарного, а затем — авторитарного и коррумпированного государства и, во-вторых, неразвитостью, не модернизованностью низовых и провинциальных слоев и зон населения, «недоморалью» населения, сохранением полуразрушенного этического традиционализма, отсутствием универсалистских представлений. Соединяясь вместе, эти обстоятельства и производят такой эффект общей моральной несостоятельности российского общества. Кроме того, имеет смысл подчеркнуть этот момент, сохранение примитивности социальных отношений и самопонимания граждан, сниженного нравственного и интеллектуального уровня населения целиком объективно соответствует интересам и практике государственной бюрократии российского типа: простыми людьми, лишенными чести и достоинства, компетентности и знаний легче командовать и управлять. Любая бюро-

³ Непробиваемое, крепостное равнодушие не только к фактам массового диссертационного плагиата высших лиц (от Путина и Жириновского до Собянина или каких-то безымянных сенаторов и депутатов) или к сведениям о сомнительной по происхождению собственности, к всеобщему казнокрадству, к потере в архивах дела (доклада) М. Салье о коррупции в питерской мэрии в начале 90-х годов, в которой замешан В. Путин, и т.п., и т.д., говорит о том, что в общественном мнении нет связи между коррупцией, лживостью руководства и массовым насилием, то есть между политикой и частной жизнью граждан. Чем это оборачивается: войной в Чечне (окончившейся после десятков тысяч убитых и покалеченных, фактическим ее отделением или полуотделением), крупно-, средне- и мелкомасштабным рейдерством в экономике, деградацией правовых институтов, превращением страны в поле бесчисленных «кущевков», ухудшением отношений со всеми соседними странами — остается за рамками публичного поля. Одно только обязательство содержать кадрыровский режим ради фиктивной целостности государства обходится ежегодно в сумму, превышающую 30 млрд. долларов. И это никому не кажется уже странным. Когда-то, во время переговоров в Хасавюрте генерал Д. Дудаев требовал от российского руководства компенсации в 2 млрд. долларов за разрушения первой войны, и тогда эта цифра казалась чудовищной.

кратия, а бесконтрольная со стороны населения тем более, может функционировать лишь постоянно и систематически упрощая и нивелируя имеющееся ценностное разнообразие, подгоняя «социальный материал» под общие положения своих инструкций. Аппарат нынешней власти тем охотнее это делает, что средств заставить его отвечать за свои решения и проводимую политику, за низкий уровень компетентности ни у населения, ни у самой верховной власти нет. Поэтому для обывателя есть лишь два варианта: подчиниться тому, что соответствует интересам правящей группировки, или обходить принятые бюрократией правила поведения.

Другими словами, «слабость» морального сознания российского общества (несостоятельность морали как структуры коллективных регуляций) связана с тем, что я называю «понижающим трансформатором», а Левада (более точно) — «стратегией понижающей адаптации», необходимостью уживаться с произволом самодостаточной власти. Репрессивный и аморальный характер российского социума не есть сущность сама по себе, это не просто проявление злой воли или природной низости населения, их «естественного», прирожденного стремления к дисквалификации и унижению Других, а следствие более примитивного, чем само российское общество или, как минимум, продвинутых и образованных групп, устройства власти — государства, церкви, их стремления удержать коллективные представления подчиненных на доступном ей (властной элите) уровне. Аморализм есть результат систематического понижения, упрощения социальных отношений, вызванных приспособлением к архаической и примитивной системе господства.

2. Конец советской интеллигенции: последствия для массовой «морали»

Живи, но пребудь навсегда дураком!
Не блестяще... но как практично!
*М. Салтыков-Щедрин*¹

С распадом советской системы закончилось существование двусмысленной интеллигентской культуры 1960-80-х годов с ее специфическим сервиллизмом и сопротивлением государственному насилию; именно она была держателем нормы гуманности в советском обществе. Интеллигентская культура отличалась своеобразной двойственной структурой:

¹ Салтыков-Щедрин М. Дневник провинциала в Петербурге. Собр. соч. в 10 тт., т. 4. Изд-во «Правда», 1988, с. 80

большая часть ее представителей занималась обслуживанием власти (подготовка кадров, оправдание власти и ее политики, цензура, технологическое обеспечение массового управления и т.п.). Однако, претендуя на значимые социальные позиции, интеллигенция настаивала на признании уважения к себе и известной автономии как обладательнице специальных знаний и умений. Перспективы отстаивания своей автономности от властей связаны были не с ее собственными достоинствами (идеализмом, совестливостью, гуманностью, ценностями, которыми она якобы руководствовалась), а с утилитаризмом использования ее знаний и компетенций. Если для начальства смысл интеллигентского существования заключался в безоговорочном обслуживании режима, то «для себя», для внутренней консолидации и поддержания групповой идентичности интеллигенции в ходу были представления о ее миссии посредничества между властью и народом, соответственно, защите бедных, просвещении как тех, так и других, ограничении властного произвола, и, напротив, консультировании номенклатуры для обеспечения эффективности управления и решения поставленных властью задач. Без защиты этого своего статуса и признания со стороны власти значимости знаний, культуры, собственный авторитет интеллигенции сводился к нулю, то есть вся ее роль ограничивалась лишь функцией исполнения указаний начальства. Дело не в том, что определенная часть интеллигенции искренне и бескорыстно боролась за свободу духа, слова и мысли; дело в том, что за возможностью признания этих ценностей стоял вполне определенный корпоративный и социальный интерес: только при условии утверждения этих ценностей и компетенций в обществе (и усвоении этой мысли даже советским начальством) желаемый высокий социальный статус, авторитетность и престиж (вместе со всякого рода привилегиями, материальными благами, премиями и наградными цацками) мог быть достижим хотя бы для части интеллигенции. Поэтому наряду с искренним холопством интеллигенции, в ней всегда присутствовал периферийный слой носителей высокой культуры, потребность в «учителях жизни», сознание необходимости быть «совестью нации», как называли подобных персонажей, правда, обычно после их смерти. Благодаря этой двойственности интеллигентской культуры в обществе удавалось сохранять некоторое подобие моральных координат реальности, которые после ее ухода подверглись стремительной эрозии.

Советская интеллигентская культура возникла (одновременно с критикой «культы личности» Сталина) в качестве самообоснования репродуктивной бюрократии советского времени. Стимулами для осмысления опыта прошлого стала война, вина власти за поражения первых лет, за громадные потери и безжалостное растрачивание людей, сговор Сталина с Гитлером и тем самым — провоцирование войны, безответственность руководства на всех уровнях, стремление определить цену сохранения советской власти. Носителем этой культуры было не само военное поколение, а непосредственно следующее за ним — рождения 1930-40-х годов. Лишь этот один слой производил «понимание» советской истории. Интеллигенция держалась лишь до тех пор, пока сохранялась советская власть, которая обеспечивала ее существование, а затем — этот слой рассыпается, деградирует и интеллектуально, и морально, и исчезает, оставляя за собой пространство цинизма и недоразумения. Распад государственной организации культуры и замещение ее массовой культурой привели к разрушению связей между центром и периферией, к изменениям в механизмах передачи образцов от «интерпретаторов» или носителей высокой культуры к реципиентам — зависимым в интеллектуальном и моральном плане потребительским группам. С крахом интеллигенции временно ослабла культура страха и памяти. Феноменальным выражением этого процесса оказался крах литературной культуры, организованной вокруг толстых литературных журналов¹, сокращение массового чтения (уменьшения числа читателей в стране), стремительная коммерциализация высшего образования, резкое усиление роли массовой коммуникации (увеличения числа средств массовой коммуникации — тонких иллюстрированных журналов — женских, мужских, подростковых, по интересам и т.п., развлекательных ТВ-каналов, радиостанций), экспансия массовой

¹ За несколько лет, с 1991 по 1995 гг. тиражи самых известных изданий («Нового мира», «Знамя», «Дружбы народов», «Молодая гвардия», «Москва», «Наш современник» и других) упали с 0,8—1 млн. (у «Нового мира» некоторое время было даже 3,5 млн. экз.) до 3-7 тыс. экз. Еще сильнее сократились читательские аудитории у популяризирующих науку изданий («Наука и жизнь», «Знание — сила», «Химия и жизнь» и им подобные), несших стандарты Просвещения, веры в прогресс, естественнонаучную этику рациональности и гуманизма. Вместе с ними исчезли массовые каналы репродукции держателей интеллигентских ресурсов знания, механизмы интерпретации и моральных оценок текущих процессов. Литература утратила свой прежний статус и всякую значимость. То же самое произошло с отечественным кинематографом. Разорваны оказались и связи между академической наукой и образованной публикой. На смену им пришли ТВ с их оккультным, магией, экстрасенсами и — отчасти — православием.

культуры, в которой доминантная роль принадлежала презентации потребительских ценностей и ориентаций. И, наконец, завершило этот период радикальных изменений появление интернета, снявшего в принципе проблему культурных и моральных авторитетов.

Следствием подобных изменений оказалась устойчивая тенденция к общей примитивизации общественной жизни и выход на общественную сцену людей, демонстрирующих особый стиль «успешной жизни» и циничного отношения к другим, к проигравшим². Как показывают социологические исследования, определенное — и более проработанное — отношение к государственному насилию сохранилось лишь у тех, кто сознает опасность повторения репрессий, кто боится их. Лишь у них сохраняется историческая память о той эпохе и характере советской системы, так как они в состоянии учитывать исторические уроки; понятно, что это образованные, пусть даже и поверхностно образованные, группы, обладающие некоторыми интеллектуальными средствами рефлексии и культурными ресурсами; они более встревожены ситуацией в стране, более критически относятся к нынешней власти, понимая потенциал угрозы, исходящей от нее. Поэтому после ухода интеллигентской культуры, в образовавшейся пустоте идей и представлений о будущем, уже при Путине, в окружении которой особую роль играли бывшие сотрудники КГБ (родившиеся в середине 1950-х-начале 1960-х годов, прошедшие социализацию в условиях брежневского безвременья, реакции и наступившей деморализации), в идеологической практике воцарился дух мстительного консерватизма, реванша и демонстрации наглой силы.

Переход от интеллигентской культуры к массмедиальной, к культуре СМИ сопровождается резким понижением интеллектуального, морального и культурного уровня, даже не из-за идеологических интересов контролирующих ТВ и СМИ органов власти, госбюрократии, а просто в силу самой технологии и социального устройства СМИ, их неизбежной — в условиях госкапитализма — ориентированности на массового потребителя. Например, сегодняшние телевизионные передачи — сериалы на «исторические темы» оставляют за рамками внимания и сюжетного нарратива несколько вещей, принципиально важных для

² Внимательные наблюдатели довольно рано отметили появление публицических фигур этого особого типа: см.: Дилигенский Г. Г. К проблеме социального актора в России // Куда идет Россия?... М., МШСЭИ-Интерцентр, 2000, с. 414-417.

морального осмысления прошлого: характер и структуру социальной организации советского общества сталинского времени, номенклатурный принцип власти (сращения партии и государства), функции идеологии, социальную направленность репрессий и другие особенности функционирования тоталитарных режимов. При этом теряется главное — субъектность представлений об истории (история как взаимодействие различных действующих лиц), и, следовательно, институциональная природа государственного насилия и его последствия для морали общества (оснований общественной солидарности). Устранение субъективной ответственности сопровождается резким упрощением или — что то же самое — архаизацией сознания, в том числе и представлений о прошлом, всплывает нуминозный пласт сознания — представления о несоизмеримой с человеком мощи и силы государства, сакрализация власти как символического воплощения коллективных ценностей, и ничтожности в сравнении с ним, неценности частного, индивидуального человеческого существования, получающего свой смысл только в обратной проекции на него значений государства.

В результате имеет место не только специфическая разгрузка — тривиализация или банализация представлений о советском прошлом, моделируемом по сегодняшним лекалам зависимого от власти человека, но и превращение прошлого в набор отдельных сцен и картин *бессубъектной истории* и тем самым — вытеснение специфики тоталитарного общества, «партии-государства» из сферы актуальной публичности. По существу, на сталинское время переносится модель самопонимания человека путинского времени, обезличенная, обезличенная стихия социальности, характерная для нынешнего режима.

2000-е годы отмечены завершением короткого периода российской «демократии», оказавшейся не более чем переходной фазой ослабления репрессивного государства, трансформации тоталитарной системы в авторитарный режим. Эта несколько более сложная по составу социальная система господства в качестве основы для своей легитимности имела этос «общества потребления». Мотивация и смысл «потребления» в 2000-е годы мало связаны с GRATIFIKACIEY личного труда. Напротив, в очень большой степени потребительская мораль стала выражением «подавленных» или «отложенных желаний» родителей нынешних потребителей, проживших свою жизнь в условиях социалистической уравниловки и при-

нудительного аскетизма плано-распределительной экономики, и от образа жизни которых молодое поколение стремится всяческим образом дистанцироваться как от «совкового прошлого», идентифицируя себя с жизнью в «нормальных странах». «Общество потребления» в России, характеризующееся очень коротким временным горизонтом, нетерпеливыми установками «здесь и сейчас», — это не «средний класс» в западном смысле слова. Российская рыночная экономика остается сильнейшим образом зависимой от власти, в ней огромное значение приобретает распределение административной ренты и коррупционных ресурсов, деформирующих общественный смысл «достижения». Поэтому потребление здесь теснейшим образом связано с символической демонстрацией статуса, знаков социального престижа как выражением социальной полноценности индивида, что следует рассматривать не только как инерцию «подсознания» дефицитарного социалистического общества, но и как отражение массовых комплексов неполноценности, социальной незначимости. Другими словами, сам по себе феномен «демонстративного потребления» указывает на несостоятельность субъективности и морали («общества»), то есть на отсутствие других механизмов GRATIFIKACIEY, кроме демонстративной причастности к привилегированным группам. Это не причина, а симптом ценностных дефицитов. Поэтому в таком, вневременном, контексте осмысление травматического опыта прошлого (в том числе — национального стыда и страха) оказывается ненужным. Отказ от прошлого означает, что будущее предстает как бесконечная или многократная итерация настоящего (с повышением качества потребления). Подобный тип ценностных регулятивов делает ничтожной значимость культуры, а вместе с ней — и представления о более сложных запросах и понимании жизни, чем нормы потребительского образа жизни.

Нынешнее ослабление идеологии государственного патернализма в среде самых продвинутых групп населения (с осознанием подавленных возможностей политического участия) легко допускает сочетание потребительского гедонизма с готовностью уживаться с авторитарным режимом. Другими словами, идет общая ювенилизация жизни (в том числе — инфантилизация коллективной, публичной жизни). Это не развивающееся общество, а общество повторяющееся, воспроизводящее механизмы интеллектуальной и моральной самокастрации.

3. Распад системы обнажил репрессивные институты

«Политика» в России всеми участниками взаимодействия общества и государства воспринимается как сфера легального господства, монополизированная номенклатурными группировками или кланами высшей бюрократии, закрытая для других групп и контроля со стороны общества. Хотя это господство, несомненно, имеет легальный характер, но оно далеко не всегда и отнюдь не всеми в обществе признается в качестве *легитимного*. Расхождение легальности и легитимности носит принципиальный характер применительно к постсоветской действительности, как бы парадоксально это не выглядело с точки зрения веберовской концепции господства. Призрачность или фиктивность разделения ветвей власти (при полном доминировании вертикали власти во главе с президентом над парламентом и судебной системой, узурпировании президентом полномочий всех других ветвей власти) означает, что право (как конституционное, так и гражданское, хозяйственное или уголовное) оказывается инструментом манипулирования (например, инспирированных уголовных процессов, за которыми скрываются политические расправы¹), реализации корпоративных или групповых интересов, административного произвола, но также и составной частью технологии самолегитимации власти (путем пропаганды, управляемых выборов, зависимого суда и других органов принуждения). Перманентное подавление контроля общества над властью предполагает отсутствие механизмов привлечения к ответственности держателей власти (несменяемость высшего руководства — лишь частный пример)².

1 Тульский М. В период «оттепели» Медведева репрессированы 50 оппозиционных мэров (в «Блогах» «Эхо Москвы» от 2.11.2011 - <http://echo.msk.ru/blog/tulsky/826429-echo/>), «... за то, что они посмели победить официальных кандидатов «Единой России». Из тех, кто избран мэром против воли ЕР, посажено и отстранено 90%, а из тех, кто по воле ЕР, только 10%. <...> Даже уголовные дела в отношении победивших по воле ЕР мэров носят почти исключительно характер использования «правосудия» в политических и клановых интересах (а вовсе не в целях борьбы с коррупцией): уголовным делам против них практически всегда предшествовал конфликт с губернатором-единороссом или федералами-единороссами, появление на их месте более влиятельного и более богатого претендента-единоросса и т.д. Случаи же посадок в тюрьму мэров-единороссов, пользующихся поддержкой губернатора и федеральной ЕР, практически отсутствуют».

² 79% опрошенных в 2012 г. согласны с тем, что «в России сложилась система круговой поруки и ухода от ответственности людей, наделенных властью» (не согласны — 11% и 10% затруднились с ответом). — Общественное мнение 2012. Ежегодник. М., Левада-центр, с. 34, табл. 3, 6, 5. 75% полагают, что в стране нет эффективной системы подбора,

Российская власть (в сравнении с прежней «советской», конца 1970-1980-х годов) расценивается как лишенная качеств «справедливости» (в среднем такое определение по отношению к путинской системе выбрали всего 3%), «честности» и «порядочности», то есть как корыстная, беспринципная и коррумпированная (в последнем случае так считают более половины опрошенных). «Законной» ее назвали в среднем лишь 12% (причем, доля таких ответов заметно упала с 2008 года: с 21 до 8%; советскую власть — от 32 до 22%; табл. 1).

Восприятие власти как «чужой, далекой от народа» (41-32%), «несправедливой» (а потому — обладающей сомнительной или двусмысленной легитимностью) обусловлено двумя обстоятельствами: первое — эрозией патерналистских иллюзий, разочарованием от фактического сокращения путинским правительством объемов социальной поддержки населения, характером социальной политики, а второе — злоупотреблением правом, использованием судебной и правоохранительной системы исключительно в интересах правящего режима.³ Власть поэтому признается как безальтернативная, но не оправдываемая, а лишь терпимая своими подданными. Недовольство ею, сдерживаемое страхом и самоцензурой, оборачивается известной идеализацией прежней государственно-распределительной системы (что не означает стремления вернуться к ней, а лишь использование такого приема как условия критики положения дел в настоящем, как основание для негативной оценки политического руководства страны).

Если свести данные обеих таблиц (№ 1 и 2), то мы получим следующую матрицу распределения доминирующих (самых частых) коллективных мнений о прошлой и нынешней власти (в скобках диапазон колебаний ответов за 15 лет измерений, в %)⁴:

проверки и назначения людей на государственные должности. — Там же, с. 35, табл. 3.6.9. Порочным подобное устройство государства считают 61-62% россиян (и эта цифра не менялась на протяжении всех последних 10 лет, несмотря на высокие рейтинги главы государства). Нет идеи «общего дела» (*res publica*), если 81-85% опрошенных утверждают, что они не могут влиять на принятие государственных решений в стране, 75% — на принятие решений даже на местном уровне. — Там же, с. 38, табл. 3.6.19-3.6.20.

³ Заметное снижение негативного отношения к власти отмечается лишь к 2008 г. — пику поддержки и одобрения путинского режима. Однако сразу после финансово-экономического кризиса 2008-2009 гг. недоверие и отрицательные оценки восстанавливаются до прежнего уровня.

⁴ Левада Ю. Феномен власти: парадоксы и стереотипы восприятия // От мнений — к пониманию. М., МШПИ, 2000, с. 323-344.

Таблица 1

НАЗОВИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, КАЧЕСТВА, БЫВШИЕ, ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, НАИБОЛЕЕ ХАРАКТЕРНЫМИ ДЛЯ ПРЕЖНЕЙ, СОВЕТСКОЙ, ВЛАСТИ КОНЦА 1970-х – НАЧАЛА 1980-х гг.

Год	1998	2001	2005	2008	2012
Законная	32	22	28	23	22
Честная, открытая	13	11	13	8	13
Криминальная, коррумпированная	13	13	12	8	6
Близкая народу, людям	36	30	34	27	29
Сильная, прочная	27	25	30	24	27
Эффективная, компетентная	5	10	11	5	8
Недальновидная	23	14	21	13	10
Справедливая	16	16	21	15	16
Слабая, беспомощная	8	6	8	5	4
«Своя», привычная	32	24	26	18	18
Непоследовательная	8	6	9	5	4
Келейная, закрытая	17	14	13	14	10
Прагматичная	2	2	5	4	4
Паразитическая	8	6	5	5	4
Ограниченная, неумная	9	7	8	7	5
Авторитетная, уважаемая	21	21	24	18	19
Компетентная	4	6	7	3	5
Незаконная	1	2	3	2	1
Непрофессиональная, безграмотная	6	6	8	6	5
Далекая от народа, чужая	8	8	10	8	5
Образованная, интеллигентная	8	12	13	8	11
Бюрократичная	30	26	30	24	15
Другое	0,4	12	13	2	2

Таблица 2

НАЗОВИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, КАЧЕСТВА, ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИЕ НЫНЕШНЮЮ ВЛАСТЬ

	1998	2001	2005	2008	2012
Законная	12	10	9	21	8
Честная, открытая	3	3	3	9	4
Криминальная, коррумпированная	63	50	62	30	52
Близкая народу, людям	2	3	5	9	5
Сильная, прочная	2	4	7	16	10
Эффективная, компетентная	3	3	6	12	6
Недальновидная	28	17	25	8	12
Справедливая	3	3	3	7	4
Слабая, беспомощная	31	21	20	5	10
«Своя», привычная	3	2	4	5	4
Непоследовательная	32	25	29	9	12
Келейная, закрытая	8	7	8	5	7
Прагматичная	4	5	6	7	5
Паразитическая	18	12	15	5	11
Ограниченная, неумная	12	4	8	2	6
Авторитетная, уважаемая	2	4	7	17	6
Компетентная	3	6	9	13	6
Незаконная	13	10	16	5	9
Непрофессиональная, безграмотная	13	7	12	5	8
Далекая от народа, чужая	41	34	42	19	32
Образованная, интеллигентная	6	12	13	19	11
Бюрократичная	22	24	39	26	30
Другое	1	11	8	2	2

Здесь и далее жирным шрифтом выделены значимые варианты ответов

Таблица 3
КАЧЕСТВА ВЛАСТИ

Прежняя, советская	Нынешняя, современная
Близкая народу, людям (36 – 29)	Криминальная, коррумпированная (63 – 52)
Законная (32 – 22)	Далекая от народа, чужая (42 – 32)
«Своя», привычная (32 – 18)	Непоследовательная (32 – 9)
Бюрократичная (30 – 15)	Недальновидная (28 – 8)
Авторитетная, уважаемая (24 – 19)	Бюрократичная (22 – 39)
Сильная, прочная (30 – 27)	Слабая, беспомощная (31 – 5)
Справедливая (21 – 16)	Паразитическая (18 – 5)

Первая цифра в скобках – 1998 г., N=1500, вторая цифра – 2008 г., N=1500

Отдельные позитивные характеристики нынешней власти, проявившиеся в 2008 году (*законная, интеллигентная, авторитетная, эффективная, компетентная*), быстро падают с началом кризиса. Но и негативные определения (*недальновидная, слабая, беспомощная, паразитическая и другие*) также ослабевают к нынешнему моменту (2013 г.). Остается неизменным лишь общий фон восприятия системы господства как деспотической криминально-бюрократической власти, узурпированной кланами или группировками, апроприрующими средства легального насилия, ориентированной на интересы самосохранения и обогащения, но вместе с тем – слабой и неэффективной¹. Такое ослабление значимости образов прежней и нынешней власти возникает из рутинизации значений власти как безальтернативного порядка господства, стирания критической функции идеализированных представлений о советском прошлом и принятия существующего режима как безнадежной реальности, как неизменяемого положения вещей.

Почти две трети россиян (табл. 4) уверены, что интересы власти и общества в России не совпадают (не согласны с ними от 28% до 24%). При этом 45% опрошенных считает, что за время первых двух сроков путинского правления (1999-2007) разрыв между властью и обществом лишь увеличился, 36% – сохранился на том же уровне, 11% – уменьшился и лишь 1% рискнул заявить, что «его не было и нет», что «морально-политическое единство» советских времен сохраняется и по настоящее время (остальные затруднились ответить).

Напротив, относительно большая часть (37%, ноябрь 2007, примечательно, что это са-

мый благополучный год в истории постсоветской России) утверждает, что возможность контроля граждан за органами власти и руководством страны – это фикция, что этого как не было раньше, так нет и сейчас; еще 21% полагают, что «она уменьшилась» и столько же (25%) что степень контроля осталась той же, что и прежде. Оптимистов («возможности контроля власти со стороны общества увеличились») насчитывалось 7%.

Всего 6% опрошенных полагают, что политический курс руководства страны (отражаемый в структуре госбюджета) соответствует интересам обычных людей (моральным запросам общества). Еще 11% надеются, что приоритетными являются запросы социальных ведомств (образования, медицина, социальное обеспечение). Более существенным для руководства, в глазах населения, оказываются соображения и аргументы влиятельных группировок, для которых развитие реального сектора экономики и благосостояние граждане не являются первостепенными задачами (до тех пор, пока это не становится проблемой массовой поддержки власть имущих). Руководство страны ориентируется главным образом на интересы и мнения силовиков, обеспечивающих охрану власти и могущественных группировок «новых богатых».

Представления населения о составе и происхождении правящей «элиты» лишены какой бы то ни было двусмысленности и четко определены. Я бы сказал, они социологически «адекватны» тем знаниям, которые мы получаем из специальных источников и исследований: это союз силовиков, олигархов и высшей бюрократии (включая и руководство крупнейших госкорпораций), образующих костяк авторитарного режима. Путин – выразитель их интересов, они – опора нынешней системы господства. (таблицы 8 и 9).

За десять лет характер этих представлений принципиально не менялся, то есть мнение о влиянии силовиков, олигархов и бюрократии стали лишь более выраженными (особенно в 2012 г., на волне городских протестов и усиления репрессивной риторики власти).

¹ Самыми часто называемыми характеристиками российских политиков (в списке из 22 определений) были «стремление к власти, не гнушаясь самыми грязными средствами» (39%), «неуважение к рядовым гражданам» (34%), «пренебрежение к законам» (31%), «корыстолюбие» и «непрофессионализм» (по 26%), «бесчестность», «непорядочность» (24%) и «безнравственность» (19%) (июль 1995, N=1540). И такое отношение, фиксируемое при самых разных формулировках вопросов, сохраняется на всем протяжении 1990-х и 2000-х, 2010-х годов.

Таблица 4

КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, СОВПАДАЮТ ЛИ СЕЙЧАС В РОССИИ ИНТЕРЕСЫ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА?

	2007	2009	2011
Определенно да	5	3	3
Скорее да	23	23	21
Скорее нет	38	43	44
Определенно нет	25	22	24
Затрудняюсь ответить	9	9	8

Таблица 5

ПОЧЕМУ ВЫ СЧИТАЕТЕ, ЧТО ИНТЕРЕСЫ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА В РОССИИ СЕЙЧАС НЕ СОВПАДАЮТ?

	2007	2009	2011
У власти и населения всегда разные интересы и цели	32	31	34
Власти живут за счет населения и поэтому вынуждены его обманывать	30	30	29
Нет «обратной связи» между теми, кто принимает политические решения наверху, и населением	21	18	19
Интересы власти и населения совпадают только в критические периоды, когда стране грозит смертельная опасность	15	19	14
Затрудняюсь ответить	2	2	4

Ответы ранжированы, в % от числа тех, кто считает «интересы власти и общества не совпадают»

Таблица 6

КАКОЕ ИЗ СЛЕДУЮЩИХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ О РУКОВОДСТВЕ СТРАНЫ БЛИЖЕ ВСЕГО К ВАШЕЙ ТОЧКЕ ЗРЕНИЯ?

Руководство – это особая группа людей, элита, которая живет только своими интересами; до нас им нет дела	26
Люди, которых мы выбираем в органы власти, быстро забывают о наших заботах, не учитывают в своей работе интересы народа	60
Наши органы власти – народные, у них те же интересы, что и у простых людей	8
Затрудняюсь ответить	6

Декабрь 2007, 1600

Таблица 7

ЧЬИ ИНТЕРЕСЫ ПРЕЖДЕ ВСЕГО ПРИНИМАЕТ ВО ВНИМАНИЕ РОССИЙСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО, ОПРЕДЕЛЯЯ СТРУКТУРУ БЮДЖЕТА И ГОСУДАРСТВЕННЫХ РАСХОДОВ?

Интересы обычных людей, таких как я	6
Интересы богатых и влиятельных групп и кланов	37
Интересы силовых ведомств (армии, ФСБ, полиции)	18
Интересы тех ведомств и организаций, от которых зависит будущее нашего народа, его благополучие и безопасность – медицина, образование, социальное обеспечение, пенсионный фонд и т.п.	11
Интересы ведомств, защищающих статус России как великой державы – космоса, науки, внешней политики и т.п.	7
Затрудняюсь ответить	21

Июль 2012, 1600

Невозможность другого будущего, кроме повторения настоящего, включает механизм понижающей адаптации – массового приспособления («русское терпение»), примирения с системой несправедливого господства, признаваемого аморальным, но «естественным», коренящемся в самом порядке вещей. Всеобщность подобных коллективных представлений парализует любую мысль о сопротивлении этому

порядку как опасную и вредную провокацию. Поэтому для массового сознания в России сама возможность изменения дел в лучшую сторону всегда связывается с запросом на «сильную личность», могущую заставить власти (правительство, низовую бюрократию) прислушиваться к мнению народа и тем самым обеспечить повышение уровня жизни, защищенность существования и т. п., а не с собственной активностью.

Причем этот трансферт собственной недееспособности проецируется как на оппозиционного политика (как правило, популиста, весьма неразборчивого в средствах, с националистическим оттенком – А. Руцкой, А. Лебедь, вплоть до А. Навального и многих других), так и на представителя номенклатуры, псевдолидера, играющего – хорошо или плохо, это уже другой вопрос – роль отца нации (Б. Ельцин, В. Путин). Так, по последнему опросу 2013 г. («В какой мере Вы согласны с утверждением: «России

нужен сильный лидер, который сможет навести порядок, пусть даже ценой временной отмены выборов и ограничения свободы слова?»), подобные установки были присущи 74% опрошенных (с предложенным тезисом были «полностью согласны» – 39% и «скорее согласны» – 35%, то есть налицо очень высокая степень единодушия), «не согласны» – 22% (в том числе «совершенно не согласны» – всего 5%; и 4% затруднились ответить).

Таблица 8

ИНТЕРЕСЫ КАКИХ СЛОВ НАСЕЛЕНИЯ ВЫРАЖАЕТ, НА ВАШ ВЗГЛЯД, ВЛАДИМИР ПУТИН?

Год опроса	Силовики	Олигархи, банкиры, крупные предприниматели	Государственные чиновники, бюрократия	Средний класс	Директора крупных предприятий	Ближайшее окружение Ельцина	Простые люди	Культурная и научная элита	Всех без исключения	Затрудняюсь ответить
2000	39	16	19	14	13	18	19	8	9	16
2001	31	19	20	20	20	21	15	6	12	13
2002	30	16	23	14	11	17	17	10	13	16
2003	35	19	26	17	14	21	20	7	11	10
2004	32	24	16	22	13	15	18	6	8	13
2005	41	23	21	22	13	18	14	6	10	11
2006	34	23	24	21	12	18	13	7	9	12
2007	39	18	31	19	13	24	13	10	11	13
2009	27	22	24	16	14	21	9	7	10	13
2010	34	26	27	24	18	20	11	10	7	13
2011	33	29	25	22	22	19	13	10	12	12
2012	43	39	32	21	26	14	14	10	11	7
2013	41	35	30	24	23	14	11	9	12	10

Жирным шрифтом выделены значения от 25% и более

Таблица 9

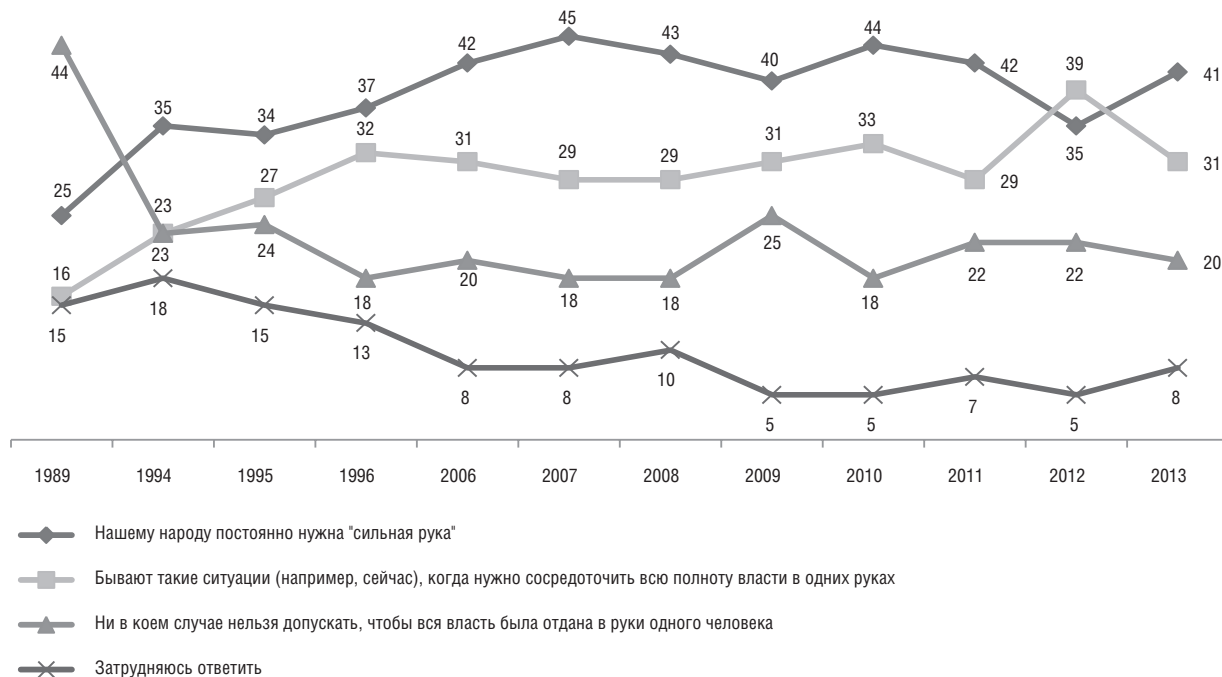
НА КАКИЕ СЛОИ НАСЕЛЕНИЯ, НА ВАШ ВЗГЛЯД, ОПИРАЕТСЯ В.ПУТИН?

Год опроса	Силовики	Олигархи	Государственная бюрократия	Директора крупных предприятий	Средний класс	ближайшее окружение Ельцина	Простые люди	Культурная и научная элита	Интеллигенция	На все без исключения
2000	54	24	12	16	10	25	12	4	5	5
2001	43	15	15	16	16	22	15	8	10	7
2003	51	27	21	20	19	25	15	9	8	7
2005	51	25	26	23	23	20	18	11	12	5
2011	49	42	36	30	25	15	12	11	11	8

Жирным шрифтом выделены значения от 25% и более

Рисунок 1

БЫВАЮТ ЛИ, ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, ТАКИЕ СИТУАЦИИ В ЖИЗНИ СТРАНЫ, КОГДА НАРОДУ НУЖЕН СИЛЬНЫЙ И ВЛАСТНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ, «СИЛЬНАЯ РУКА»?

Сам по себе факт такого единодушия (показатели в 75-80% говорят о нормативной всеобщности таких представлений) указывает на гражданскую (и интеллектуальную) неразвитость современного российского общества, непонимание связи между «законным порядком», поддерживаемым дифференцированными, а потому уравновешивающими и контролирующими друг друга институтами, и свободой слова, равно как и выборами, позволяющими установить ответственность власти, то есть ограничить пространство ее произвола. Без подобного ограничения и контроля невозможен и сам порядок в государстве (то есть соблюдение законов, равенство всех перед законом, а значит — и само существование правового государства, что собственно и подразумевают россияне под словом «порядок»). Другими словами, *государственный патернализм* и его обратная сторона — *административный или судебный произвол* — никоим образом не связываются в массовом сознании. Подобная структура массового сознания (ее можно назвать партикуляризмом, мозаичностью, двоемыслием, социальной шизофренией или просто тугоумием) в России обеспечивает нейтрализацию, «гашение» критической массы недовольных. Значительная часть вины или ответственности должна была бы возлагаться на элиту общества, оказывающуюся неспособной к рационализации происходящего и просветительской деятельности, даже не

в силу ее интеллектуальной слабости, сколько из-за оппортунизма и внутреннего цинизма, прикормленности властью, зависимости от нее, идентификации с ее интересами и определениями реальности. Эти ее качества внутренней этической и метафизической опустошенности, сервильности, несамостоятельности не позволяют российской «элите» отрываться от «массы». «Массовидность» элиты, которая не раз отмечалась в исследованиях Левада-центра, ее тождество со структурами и стереотипами массового сознания является, в свою очередь, симптомом слабости специализированного знания, и тем самым — отказа общества в признании авторитетности интеллектуальных и моральных, ценностных продуктов элиты как научной, так и артистической или политической¹. Политика, таким образом, понимается российским обществом не как участие граждан, не

¹ Левада Ю. От мнений к пониманию, с. 273. Об этом можно судить и по эпидемическому распространению в последние годы паралитературы, фантазии, суррогатов культуры, представленных блогами и социальными сетями, по падению спроса на высокую художественную литературу (и ее фактическое исчезновение) или арт-кино, разрушение института эстетической критики, по отказу от признания авторитета профессиональных политиков, отчетливо проявившегося в протестном движении и в сетях и т.п. Как бы ни были разнородны эти явления, их роднит одно качество: снижение значимости специализированного знания, компетентности, профессионализма, за которыми стоит стерилизация процессов и механизмов социальной структурно-функциональной дифференциации общества, то есть примитивизация социальной системы.

как их *действия* или активность в обсуждении общезначимых проблем, определении целей, которые поставлены перед страной или перед отдельными группами ее граждан. Политика – это область привилегированных действий государственных лидеров и их массовые оценки (исключительно положительные). Допустимо лишь одобрительное отношение к власти (но не ее критика, но не дискуссия, предполагающая наличие механизмов контроля за лицами, принимающими «решения»). Сама идея коллективного участия в формировании социальных, экономических или культурных программ, подлежащих реализации государством, вызывает подозрение властей (и ассоциирующих себя с ней граждан) и квалифицируется как планы захвата власти, как антинародная позиция, проявление враждебных стране интересов и подлежит резкому осуждению.

Таблица 10

В КАКОЙ СТЕПЕНИ ВАС ИНТЕРЕСУЕТ ПОЛИТИКА?

	1990	1991	1992	1997	2006	2010	2011	2012
Очень интересует	21	16	15	11	15	9	8	10
В какой-то степени интересует	44	40	33	36	37	39	34	36
Мало или совершенно не интересует	35	36	52	49	47	51	58	52
Затруднились ответить	<1	8	<1	4	1	1	<1	2
Ангажированные / аполитичные	0,6	0,4	0,3	0,2	0,3	0,2	0,1	0,2
Число опрошенных	1000	1500	1500	1700	1600	1600	1600	1600

Таблица 11

СКАЖИТЕ, НАСКОЛЬКО ВЫ В ЦЕЛОМ ИНТЕРЕСУЕТЕСЬ ПОЛИТИКОЙ?

	1996	2003	2004	2005	2006	2007	2010	2011	2012	2013
Очень интересуетесь	4	6	7	6	6	7	3	3	5	1
Скорее интересуетесь	31	28	37	32	31	37	29	31	27	28
Интересуются*	34	35	44	38	36	43	32	34	32	29
Скорее не интересуетесь	43	44	34	36	41	36	38	42	42	41
Совсем не интересуетесь	21	19	20	24	21	18	26	22	23	26
Не интересуются*	64	63	54	60	62	54	64	64	64	67
Нет ответа/ затруднились ответить	2	2	3	2	1	3	4	2	4	4
Соотношение интересующиеся/ неинтересующиеся	0,5	0,6	0,8	0,6	0,6	0,8	0,5	0,5	0,5	0,4

Таблица 11а

ГОТОВЫ ЛИ ВЫ ЛИЧНО БОЛЕЕ АКТИВНО УЧАСТВОВАТЬ В ПОЛИТИКЕ?

Год опроса	2006	2012	2013
Определенно да + в какой-то мере да	19	17	16
Скорее нет + определенно нет	77	77	79
Затруднились ответить	4	6	5

За 20 лет, на протяжении которых мы прослеживали коллективные представления о власти, доля субъективно включенных в политические процессы после первых же шагов реформаторов сократилась вдвое, а доля нежелающих ничего знать об этом составила больше половины населения (табл. 10; в другой формулировке шкалы – табл. 11, 11а).

В массовом отношении к политике можно выделить три типа массовых установок или реакций (табл. 12):

1) активное включение в политическую деятельность, регулярное участие в политических организациях или акциях (как про-, так и антиправительственных), присущее крайне незначительному меньшинству (2-3%; почти столько же включены в работу организаций гражданского общества, в волонтерское движение и т.п.);

2) «зрительский» интерес¹, то есть отслеживание политических событий, не предполагающее собственного участия в политическом процессе или деятельности, пассивное отношение к происходящему, допускающее при этом возможность высказывания своих оценок политическим фигурам или актам, документам и проч., аналог отношения болельщиков к спортивным состязаниям (доминанта общественного мнения – 40-50%, правда лишь в случаях сильного общественного возбуждения);

3) дистанцированное, отчужденно-негативное отношение к этой сфере деятельности и происходящим здесь событиям, отсутствие «интереса», а точнее – исключенность из этой сферы (основная масса населения – в среднем около 60%).

За два года некоторого пробуждения политики в стране, вызванного неожиданными акциями и демонстрациями протеста, оппозицией Кремлю на выборах, судебными приговорами демонстрантам и т.п., произошли довольно существенные подвижки в массовых настроениях. Но показатель собственного участия в политической работе, то есть ответственное или заинтересованное поведение самостоятельных людей, остался неизменным (2%). Сократилась доля «зрительского участия» (на треть: с 44 до 29%), что отражает массовое разочарование и впечатления о том, что демонстранты и активные участники протеста «ничего не добились». (Подобная упреждающая установка на «неудачу» была довольно ясно выражена уже в середине 2012 года, а к ноябрю

мнение, что протестанты ничего не добились, разделяли уже 58%. Функция мнений этой категории заключается прежде всего в том, чтобы убедить себя и других в том, что сделать «ничего нельзя» и тем самым – оправдать свое неучастие в политике (при некотором сочувствии лозунгам демонстрантов).

Но самую значительную группу составляют «абстиненты», индифферентные, дистанцирующиеся от политики с определенной долей раздражения и антипатии к протестантам (при слабой негативной установке относительно всей сферы политического и оценки ее, становящейся все более распространенной). Этот массив *увеличился* за тот же период наблюдений в той же степени, что и сокращение доли «зрителей» (на 14 пп.). Иначе говоря, то примечательное оживление социально-политической и интеллектуальной жизни, которое наблюдалось в российских мегаполисах и выразилось в результатах сентябрьских региональных выборов, у большей части населения вызвало реакцию «улитки» – желание втянуться в свою защитную скорлупу повседневности, съежиться, «не слышать и не видеть ничего» вокруг.

Это базовая характеристика политической культуры российского населения, которую и следует в первую очередь разобрать и осмыслить.

Среди «активистов» (выбравших первый вариант ответов) в среднем несколько больше предпринимателей (12%), руководителей и специалистов (5 и 4%), остальные – либо на уровне средних значений (служащие, рабочие, учащи-

Таблица 12

МАССОВЫЕ УСТАНОВКИ НА УЧАСТИЕ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (Вопрос: «Какое из утверждений более всего соответствует Вашему участию в политической деятельности?», 2011-2013, N=1600)

Год, месяц опроса	Ноябрь 2011	Декабрь 2011	Август 2012	Август 2013
Я принимаю активное участие в деятельности политической партии/ группы или активно поддерживаю ее	2	2	2	3
Я с интересом слежу за политическими событиями в России, но не принимаю участия в деятельности политических партий/групп	39	50	36	29
Я довольно безразлично отношусь к политической жизни в России, она меня не слишком заботит	39	31	38	34
Мне не нравится политика, и я не собираюсь беспокоиться по поводу нее	18	15	22	29
Затрудняюсь ответить	2	3	3	5
Сумма индифферентных / дистанцирующихся от политики	59	49	63	68

¹ Левада Ю. Человек политический: сцена и роли переходного периода // Мониторинг общественного мнения, 1996, № 4. Перепечатано в кн.: Левада Ю. От мнений к пониманию. М., МШПИ, 2000, с. 96-110. О «зрительском интересе» см. с. 102-104; Зоркая Н. Интерес к политике как форма политического участия // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения, 1999, № 4, с. 13-20.

еся), либо вообще исключены из этих отношений (силовики, пенсионеры, безработные). По возрасту самую большую группу активистов составляют 40-летние люди (6%); молодые и пожилые люди полностью исключены из этой

сферы. Заметно больший удельный вес предпринимателей не означает большей включенности этого слоя в политику, а лишь сильную дифференциацию внутри этой группы (здесь и самая большая доля ответов «политика мне не нравится» – 40%). Зрительское отношение характерно прежде всего для более образованных и пожилых людей, москвичей, специалистов.

Более развернутый спектр отношений, многое объясняющий в массовом сознании, открывает таблица 13. Здесь выделяются три типа ценностных проявлений, образующие единый комплекс в общественном мнении: *надежды* (иллюзии государственного патернализма, составляющие позитивную базу легитимности власти), *раздражение* и *разочарование* (негатив патерналистских ожиданий) и *равнодушие*, отчуждение от власти (табл. 13 и 13а).

Максимум положительного отношения к политике (назовем это общее выражение -

«интересом», пассивной ангажированностью) приходится на большие и средние города (34% и 30% ответов). Данные по Москве (24%), на первый взгляд, кажутся противоречащим обычным представлениям о столице как фокусе протестного движения, сложившемся в последние годы. Однако, как уже говорилось выше, заявленный позитивный интерес к политике не означает собственного участия; это пассивное и безответственное отношение к политике, характерное для сравнительно развитых в культурном или информационном плане социальных сред, но удаленных от центров политических решений, или для людей, дистанцирующихся от выбора. На прямой вопрос: «*Вы хотели бы участвовать в политической жизни, хотя бы на уровне своего города?*», – около двух третей опрошенных (в среднем 63%) отвечали «нет» (табл. 14).

Таблица 13

КАКИЕ ЧУВСТВА ВЫЗЫВАЕТ У ВАС СЕЙЧАС РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИКА?

Уважение	3
уверенность в завтрашнем дне	2
Надежду	16
Интерес	6
Усталость	12
Недоумение	14
Брезгливость	2
Раздражение/возмущение	17
Презрение	5
Никаких особых чувств	22
Затрудняюсь ответить	1
% респондентов с позитивными установками	27
% респондентов с отрицательными установками	50

Март 2013, N=1600, в % к числу ответивших

Таблица 13а

КАКИЕ ЧУВСТВА ВЫЗЫВАЕТ У ВАС СЕЙЧАС РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИКА?

	Доля позитивных установок	Доля негативных установок	+/-	Никаких/затрудняюсь ответить
Тип поселения				
Москва	24	50	0.5	26
Большой город	34	43	0.8	23
Средний город	30	50	0.6	20
Малый город	21	62	0.3	17
Село	22	54	0.4	24
Возраст				
18-24 года	37	36	1.0	27
25-39	27	50	0.5	23
40-54	27	50	0.5	23
55 лет и старше	26	55	0.5	19

Таблица 14

ВЫ ХОТЕЛИ БЫ УЧАСТВОВАТЬ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ, ХОТЯ БЫ НА УРОВНЕ СВОЕГО ГОРОДА?

	июнь 2008	июнь 2010	октябрь 2011	июнь 2012	август 2013
Определенно да	7	5	7	3	3
Скорее, да	21	21	24	17	17
Скорее, нет	30	28	32	33	44
Определенно, нет	33	34	23	37	32
Затрудняюсь ответить	9	13	15	10	4

Таблица 15

ПОЧЕМУ ВЫ НЕ ХОТИТЕ БОЛЕЕ АКТИВНО УЧАСТВОВАТЬ В ПОЛИТИКЕ? (в % от тех, кто не хочет заниматься политикой; ответы ранжированы по последнему замеру)

	Февраль 2006	Февраль 2012	Март 2013
Все равно ничего изменить нельзя, «плетью обуха не перешибешь»	32	22	32
Политика – не для рядовых граждан, политикой занимаются власти	29	30	27
Я занят своими повседневными делами, у меня нет времени заниматься этим	25	25	24
Я ничего не понимаю в политике, не знаю, как действуют органы власти	22	18	21
Политика – грязное дело, не хочется мараться	15	11	15
Не хочется выделяться среди других, большинство людей не интересуются политикой	4	5	6
Боюсь преследований со стороны властей, лучше держаться от политики подальше	3	4	5
Затрудняюсь ответить	3	2	2

Таблица 16

МОГУТ ЛИ ТАКИЕ ЛЮДИ, КАК ВЫ, ВЛИЯТЬ НА ПРИНЯТИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ РЕШЕНИЙ В СТРАНЕ?

	2006 февраль	2007 октябрь	2010 Февраль	2012 февраль	2013 март
Определенно да + в какой-то мере да	15	24	14	15	12
Скорее нет + определенно нет	84	72	85	81	84
Затруднились ответить	1	1	1	4	4

Таблица 17

МОГУТ ЛИ ТАКИЕ ЛЮДИ, КАК ВЫ, ОКАЗЫВАТЬ ВЛИЯНИЕ НА СИТУАЦИЮ В СТРАНЕ, УЧАСТВУЯ В МИТИНГАХ, ДЕМОНСТРАЦИЯХ, ЗАБАСТОВКАХ?

	Январь 2001	2010 апрель	2011 апрель	2011 октябрь	2012 апрель	2012 октябрь
Определенно да	5	4	3	4	4	4
Скорее да	19	18	18	15	14	20
Скорее нет	41	36	40	40	35	39
Определенно нет	30	32	32	34	35	29
Затрудняюсь ответить	5	9	7	8	12	9
Сумма «не могут»	71	68	72	74	70	68

Данные таблиц 15-17 подтверждают вывод о поразительной устойчивости и фундаментальности подобных массовых установок относительно политики и собственного участия граждан в ней.¹ Не хотели бы заниматься обще-

¹ Заявляют о своей готовности участвовать в коллективных акциях обычно не более 10-15% («Примете ли Вы в митингах и демонстрациях

ственными проблемами, прежде всего потому, что участие в политике таит в себе целый ряд угроз и опасностей для частного человека. Эти

протеста с экономическими или политическими требованиями?»), причем чаще осмеливаются декларировать свое присутствие на акциях с экономическими (16%), а не с политическими лозунгами (10%) (август 2013).

угрозы или факторы страха, как и положено, не могут быть в полной мере артикулированы или кодифицированы, но от этого они не становятся менее значимыми. Полностью социализированный индивид в репрессивном обществе должен бояться не нарушения каких-то конкретных предписаний или норм (их фиксация была бы предпосылкой правовых установлений), а самой угрозы, диффузной, неопределенной, исходящей от начальства. Социальная норма правильного поведения могла бы быть сформулирована в духе Щедрина: «По наружности иметь вид откровенный и даже смелый, внутренне же трепетать» (Собр. Соч., т. 4, с. 142). Спустя даже два десятилетия после краха советской системы в среднем около половины опрошенных россиян (45%) говорят о том, что они не могут свободно и открыто говорить то, что они думают о политике (о руководстве страны и действиях политиков, состоянии дел в стране и т.п.). Только треть (или около того) опрошенных (29-33%; табл. 18) заявили, что «могут» обсуждать подобные проблемы, ничего не опасаясь.

Таблица 18

МОЖЕТЕ ЛИ ВЫ СВОБОДНО ГОВОРИТЬ О СВОЕМ ОТНОШЕНИИ К ПОЛИТИКЕ, ПРОВОДИМОЙ РУКОВОДСТВОМ СТРАНЫ?

	2012	2013
Да, всегда и везде	29	33
Да, но с некоторыми ограничениями и не везде	35	31
Нет, не могу (боюсь или чувствую себя неловко)	12	11
У меня нет такой потребности	19	21
Затрудняюсь ответить	4	5

N=1600

Дело не в собственно личном опыте, а в силе воздействия общих коллективных пред-

ставлений, принуждении к двойному поведению (для себя и на людях), двоемыслию как социальной норме общепринятого поведения и состояния общества. Особенно отчетливо такая структура массового сознания проявляется в проективных вопросах (табл. 19). Динамика опросов показывает нарастание действия этих механизмов приспособления после прихода Путина к власти (снижение доли ответов «практически все говорят откровенно» с 20% в 2000 г. до 7% в 2013 г. и рост числа тех, кто считает, что люди скрывают свое мнение с 31 до 64%).

Чаше других считают, что люди обычно скрывают свое отношение к властям (проекция собственного, но подавленного отношения на обобщенных других), более образованные и высокостатусные группы: руководители, специалисты, но также и безработные. Это и есть те, кто острее других сознает свою уязвимость и зависимость от вышестоящего начальства.

Но дело не только в страхе (об этом ниже), но и в понимании безнадежности и бессмысленности, нерезультативности участия в политике при данном режиме господства. Сознание невозможности (отсутствия легальных институциональных средств) и опасности влияния на власть коррелирует с отказом от ответственности за действия власти и сосредоточения всех интересов, забот и долга на проблемах семьи и самого узкого круга отношений с близкими людьми, поддающимися персональному контролю.

Колебания в ответах респондентов из разных социальных групп незначительны. Доминирующими являются мнения, характерные для периферийных групп (село, среднее образование, самые молодые респонденты, а значит — не полностью социализированные, репродуцирующие самые рутинные и оппортунистические установки и оценки старшего

Таблица 19

КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, ЛЮДИ В НАШИ ДНИ ОТКРОВЕННО ГОВОРЯТ О ТОМ, КАК ОНИ ОТНОСЯТСЯ К ВЛАСТИ, К ВЛАДИМИРУ ПУТИНУ ИЛИ ОНИ СКРЫВАЮТ ТО, ЧТО ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ДУМАЮТ ОБ ЭТОМ?

	Апрель 2000	Февраль 2005	Январь 2012	Август 2013
Практически все отвечают откровенно	20	18	13	7
Большинство отвечают откровенно	38	33	30	23
Половина откровенно, половина - нет	21	23	27	33
Большинство скрывают то, что думают	9	18	19	26
Практически все скрывают то, что думают	1	4	5	5
Затруднились ответить	10	5	6	6
Сумма «все + большинство откровенно»	58	51	43	30
Сумма «все + большинство + половина скрывают»	31	47	51	64

N=1600

поколения, уходящего советского). Небольшой потенциал сопротивления (несогласия с предложенным тезисом) отмечается лишь у зрелых людей с высшим образованием, жителей крупных городов (47-48%, в Москве – 45% при средних значениях в 41%; другими словами даже в этих группах опрошенных несогласие не является преобладающей позицией).

Таблица 20

В КАКОЙ МЕРЕ ВЫ СОГЛАСНЫ С УТВЕРЖДЕНИЕМ: «ВСЕ РАВНО ЗА КОГО ГОЛОСОВАТЬ: ОТ ЭТОГО ПРАКТИЧЕСКИ НИЧЕГО НЕ МЕНЯЕТСЯ?»

	Согласны	Не согласны
В среднем	56	41
Возраст		
18-24	62	36
25-39	55	41
40-54	52	44
55+	57	38
Образование		
Высшее образование	51	47
Среднее специальное	62	35
Среднее общее	52	44
Ниже среднего	61	36
Тип поселения		
Москва	53	45
Большой город	51	48
Средний город	54	42
Малый город	58	35
Село	62	36

Приводится сумма ответов «Полностью согласен» + «Скорее согласен» и «Скорее не согласен» + «Совершенно не согласен», 5-11 июня 2013, N=1600, без затруднившихся с ответом (в среднем - 3%)

При других формулировках вопроса мы получили схожие распределения: выраженный интерес к политике проявляли на протяжении последнего десятилетия (2003-2012 гг.) от 7 до

15% опрошенных (пик ангажированности и интереса приходится на 2011 год, начало массовых протестов). Те, кого политика не интересует и не интересовала, составляют от 47% (2005 г.-минимум) до 59% (2012, это максимум), в среднем – 53%. Для остальных характерен умеренный и пассивный интерес к политической жизни страны («зрительское поведение»).

Оправданием для такой позиции становятся и аргументы о нечестных или грязных выборах, фальсификациях при их организации и подсчете голосов и т.п. Сознание безальтернативности власти и присущих ей манипуляций, коррупционности, жадности, беспринципности, аморализме чиновников на любом уровне сочетаются (или даже предполагают их) с патерналистскими иллюзиями о возможности (благой воле, доброжелательности) той же самой власти, тех же самых чиновников, о которых общественное мнение отзывалось крайне негативно, с глубоко сидящими надеждами на то, что руководство страны обратит, наконец, внимание на нужды и проблемы простых людей. Последнее обстоятельство обусловлено традиционными, то есть лежащими ниже порога осознания и рациональной рефлексии, представлениями о вышестоящем начальстве как держателе нормы (правильного, надлежащего, должного) поведения, компетентности, а стало быть – установкой на «них» как на тех, кто вправе определять судьбу других. Поэтому не должно удивлять то обстоятельство, что относительно чаще интерес к происходящему высказывали те, кто приписывал нынешнему руководству страны более «возвышенные» мотивы (например, стремление к модернизации и развитию страны, к возвращению авторитета великой державы и т.п.) и сомневался или не разделял обычные установки относительно власть предержащих как хищников и беспринципных временщиков (табл. 21).

Таблица 21

КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, ЧЕМ, ПРЕЖДЕ ВСЕГО, РУКОВОДСТВУЮТСЯ СЕГОДНЯ ПРЕДСТАВИТЕЛИ ВЫСШЕЙ ФЕДЕРАЛЬНОЙ ВЛАСТИ В РОССИИ? КАКОВ ГЛАВНЫЙ МОТИВ ИХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ?

	Август 2006	Август 2012
стремлением превратить Россию в современную, экономически развитую, социально благополучную страну	25	25
стремлением вернуть стране статус великой державы, восстановить прежний геополитический баланс сил	17	25
стремлением любой ценой удержать власть, защитить достигнутое положение	39	35
страх перед преследованиями со стороны тех, кто может придти на смену	7	4
другое	1	1
затрудняюсь ответить	11	10

N=1600

Нерефлективное отождествление себя с властью как самой значимой инстанцией, воплощающей значения коллективного целого, снимает с индивида (актера, респондента) моральную обязанность самостоятельно определять природу и границы «добра и зла». Тем самым происходит вытеснение любых вопросов о вероятности злоупотребления начальством своими полномочиями, возможности административного насилия. Это табуирование морали — основа деспотических правлений. Но императивный запрет на вникание в аморальную основу (деспотического или диктаторского) авторитарного правления, осознание ее природы не отменяет и не упраздняет трезвого сознания цинизма власти, лживости причастных к власти людей. Абсолютное большинство опрошенных не сомневается, что власть предержавшие (начальство) озабочены исключительно своими собственными чисто эгоистическими интересами, удержанием средств контроля над подданными, принуждения и материального обогащения и далеки от идеи «общего блага».

Для обывателя не являются новостью ни факты коррупции в высших эшелонах власти, ни вызывающий аморализм поведения власти. Демонстративное нарушение общепринятых правил поведения — публичные оскорбления оппонентов, нарушения ПДД высокопоставленными чиновниками и их дворней, избирательное правоприменение и прочие действия свидетельствуют о претензиях на *эксклюзивность* данных лиц. Исключение их из общих правил указывает на символические ресурсы суверенности власти. Регулярные скандалы, еженедельно вспыхивающие в российском

годы. Избирательное правоприменение и карательный характер судебной системы предназначен, по мнению граждан, для защиты тех, кто кооптирован в высшие эшелоны власти¹.

То, что люди во власти кормятся от казны, воруют, лгут, никого не удивляет, поскольку само занятие властных позиций мыслится исключительно как мотивированное чисто корыстными интересами, открывающее доступ к закрытым для обычных профанов ресурсам — обогащения (через инсайдеровскую информацию, сговор с бизнесом, получением откатов, взяток, льготного приобретения собственности или участия в рейдерских захватах с помощью суда и правоохранительных органов, установления преференций для членов семейного бизнеса и проч.), а также — самоценностью насилия, возможностями демонстративного потребления и праздной жизни. Оно лишено каких-либо признаков идеологического оправдания, ориентации на ценности «общего блага». Это и есть цель достижения власти, содержание ее суверенитета, ограждаемого барьером чрезвычайности, избирательности, недоступности для других (и несменяемости). Производное от этого — общая уверенность, что все врут, но те, кто выступают от имени государства, врут чаще и больше (табл. 23). Чиновники лгут почти всегда (так полагают 39-37%); тех, кто полагает, что они в большинстве случаев или практически всегда «говорят правду» (21%), существенно меньше, чем тех, кто имеет аналогичные мнения о простых людях (здесь 33%, считают, что окружающие чаще говорят правду), соответственно, реже лгут (на 10-12 пп.).

Таблица 22

ЧТО, НА ВАШ ВЗГЛЯД, БОЛЕЕ ВАЖНО ДЛЯ ЛЮДЕЙ, КОТОРЫЕ СЕЙЧАС СТОЯТ У ВЛАСТИ В РОССИИ: ПРОЦВЕТАНИЕ СТРАНЫ ИЛИ СОХРАНЕНИЕ И УКРЕПЛЕНИЕ СОБСТВЕННОЙ ВЛАСТИ?

	2006 Февраль	2010 Февраль	2012 Январь	2012 Август	2013 Апрель
процветание страны	16	27	28	30	26
сохранение и укрепление собственной власти	72	60	59	58	62
затрудняюсь ответить	12	13	13	12	12

парламенте, в ключевых министерствах, в правоохранительных органах, в судах, в госкорпорациях и т.п. лишь подкрепляют массовые представления о казнокрадстве, лихоимстве и безудержной жадности тех, кто причастен к власти. Более того, эти представления давно стали частью образа самой власти, политического режима, сложившегося еще до Путина и закрепившегося при нем в нулевые и десятые

¹ Права человека ценятся меньше, чем номинальный «порядок» в государстве (их приоритетность подтверждают лишь 33% опрошенных против 57% тех, кто считает, что «порядок» важнее (июнь 2013). Следует, однако, уточнить при этом, что «порядок» включает упования на то, что даже при данной системе возможно такое положение, когда в обществе «главенствует закон, перед которым все равны». Эта — утопия, мечтания, не наделенные статусом действительности или даже реальной возможности. Мнимость противоречия заключается в том, что «права человека» мыслятся как сугубо индивидуальные, точнее — частные возможности человека, а «порядок» — как коллективные нормы, обязательные для всех.

Но общее убеждение состоит в том, что *лгут практически все*, что это такой же код социальности, как насилие или управляемые выборы. Подобные представления укорены в традиционном российском восприятии политики (и пропаганды как государственной дезинформации и лжи — советское время здесь не является исключением, а лишь дополняющим подкреплением этих глубоко лежащих представлений). Их следует относить на счет практики неправового государства, будь то самодержавная абсолютистская бюрократия, советский тоталитаризм или постсоветский путинизм. Недоверие к официальным источникам информации (при зависимости от них) пронизывает весь аппарат управления и общество в целом. Подобное недоверие может также быть средством поддержания персоналистских иллюзий и оправдания диктатора (табл. 23).

Недоверие — это постоянное ожидание агрессии встречаемых людей, будь то чиновники или случайные попутчики в общественном транспорте, настороженность, готовность заподозрить всех и вся в обмане, враждебных намерениях, хищениях, несправедливом отношении и т.п.¹ Оно распространяется и на «национального лидера». И дело здесь не в недостатке на-

дежной информации, а в привычной убежденности, что такова природа власти, что это не индивидуальные свойства конкретного человека (Путина, Сердюкова, Якунина, Собянина, Жириновского), а характеристики социальной роли, производной от занимаемой позиции и отношения к ней общества. Негативное определение Другого (обобщенного или конкретного партнера) составляет консенсус власти и общества, обусловленный социальным типом человека, описанного в работах исследовательской группы проекта «Советский простой человек». Это сочетание негативизма (отсутствие уважения, что не обязательно должно сопровождаться возмущением) и безальтернативности (синдром лакея или крепостного) определяет мотивацию тех, кто, разделяя мнение о «Единой России» как «партии жуликов и воров», тем не менее, голосует за нее, испытывая к ней (к ее руководству, а не к низовому составу) смесь таких чувств, как надежду, пресмыкательство и презрение. Можно сказать, что этот «панцирь» негативной социальности играет роль внешнего корпуса норм поведения в обществе, т.е. что эта система базовых представлений, негативным образом конституирующая само общество. (В отличие от представительной демократии и

Таблица 23

1. КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, ВСЕГДА ЛИ РУКОВОДИТЕЛИ ГОСУДАРСТВА, ВЫСШИЕ ЧИНОВНИКИ ГОВОРЯТ ПРАВДУ, ОПИСЫВАЯ ПОЛОЖЕНИЕ ДЕЛ В ЭКОНОМИКЕ, В ЗДРАВООХРАНЕНИИ, ПЕНСИОННОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ, БОРЬБЕ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ И ДРУГИХ ВАЖНЕЙШИХ СФЕРАХ УПРАВЛЕНИЯ?

2. А БОЛЬШИНСТВО ОКРУЖАЮЩИХ ВАС ЛЮДЕЙ ОБЫЧНО ГОВОРЯТ ПРАВДУ ИЛИ СКРЫВАЮТ ЕЕ, ЛГУТ?

	Большинство окружающих Вас людей...		Руководители государства, высшие чиновники, описывая положение дел в экономике и здравоохранении, пенсионном обеспечении, борьбе с преступностью и других важнейших сферах управления...	
	Декабрь 2010	Август 2013	Декабрь 2010	Август 2013
Всегда/практически всегда говорят правду	5	4	6	2
По большей части говорят правду	28	24	15	14
Иногда говорят правду, иногда скрывают правду, лгут	47	47	35	42
По большей части скрывают правду, лгут	14	17	30	30
Всегда/практически всегда скрывают правду, лгут	3	3	9	7
Затрудняюсь ответить	4	6	5	5
Сумма ответов «Обычно говорят правду»	33	28	21	16
Сумма ответов Лгут (всегда или в неопределенно многих случаях)	64	67	74	79

¹ Доминирует убежденность в том, что власти относятся к обычным людям несправедливо (66%), мнение «справедливо и одинаково, как к себе» разделяют лишь 23%. (2007-11, N=1600)

правового государства, составляющего костяк институциональной организации современно-

го социума, здесь структуры негативной идентичности образуются как опорные системы защитных механизмов частной жизни, лишенной самой по себе определенности и устойчивости, как у ракообразных – хитиновый корпус, удерживающий мягкие внутренние органы).¹

Всего 13% россиян в среднем безоговорочно верят в белые одежды национального лидера, президента. Как полагает большая часть респондентов, в российском обществе стало

больше свободы (хотя их число снижается год от года), но меньше порядка, справедливости, законности, солидарности (табл. 27). Иначе говоря, свободы – для власти, порядка и законности – для подданных. Подобное восприятие происходящих в обществе процессов может свидетельствовать как о дезинтеграции общества, аномии, так и о растущем ощущении неблагополучия в моральной сфере, осознании значимости моральных регуляторов.

Таблица 24

КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, ПОЛУЧАЕТ ЛИ ВЛАДИМИР ПУТИН ОТ СВОЕГО ОКРУЖЕНИЯ ПОЛНУЮ И ДОСТОВЕРНУЮ ИНФОРМАЦИЮ О ПОЛОЖЕНИИ ДЕЛ В СТРАНЕ – ИЛИ ВЫ ДУМАЕТЕ, ЧТО ИМЕЮЩАЯСЯ У НЕГО ИНФОРМАЦИЯ НЕПОЛНА И ИСКАЖЕНА – ИЛИ ЧТО ОТ НЕГО ВООБЩЕ СКРЫВАЮТ ПРАВДУ О ПОЛОЖЕНИИ В СТРАНЕ?

	2000	2004	2005	2006	2007	2013
Получает полную и достоверную информацию	29	28	26	26	28	27
Получает неполную и искаженную информацию	40	46	50	47	44	42
От него скрывают правду	12	17	15	16	15	13
Затрудняюсь ответить	19	9	9	11	13	18

N=1600

Таблица 25

ДОВЕРЯЕТЕ ЛИ ВЫ ДАННЫМ ОФИЦИАЛЬНОЙ СТАТИСТИКИ О «РАЗМЕРЕ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КОРЗИНЫ», РАСХОДАХ НА АРМИЮ ИЛИ ДОРОЖНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО?

	2010	2013
Полностью доверяю	4	2
По большей части доверяю	17	17
Отчасти доверяю, отчасти нет	36	34
По большей части не доверяю	23	28
Совершенно не доверяю	15	13
Затрудняюсь ответить	5	6
Сомневающиеся и недоверяющие	74	75

N=1600

Таблица 26

КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, ВИНОВЕН ЛИ ПУТИН В ТЕХ ЗЛУПОТРЕБЛЕНИЯХ ВЛАСТЬЮ, В КОТОРЫХ ЕГО ОБВИНЯЮТ ПРОТИВНИКИ?

	2012 апрель	2012 декабрь	2013 август
Несомненно виновен, об этом говорит множество фактов, приводимых в Интернете и свободных СМИ	16	11	10
Наверное да, как и все высокопоставленные чиновники, но я об этом мало знаю, не слежу за этим	32	37	42
Даже если это и правда, важнее то, что при нем страна стала жить лучше	25	14	18
Что бы ни говорили, я не верю в то, что Путин когда-либо злоупотреблял властью	11	15	13
Затрудняюсь ответить	16	23	17

N=1600

¹ Гудков Л. Страх как рамка понимания // Куда идет Россия?.. Власть, общество, личность. М., МВШСЭН – ИНТЕРЦЕНТР, 2000, VII Международной симпозиум, с. 438

Основываясь на приведенных данных, приходишь к выводу, что распространенная в либеральных кругах идея «оккупационного» характера авторитарной власти — принципиально неверная посылка. Коррумпированная власть — лишь видимая верхушка консенсуса насилия. В принципе речь идет о перманентно развращаемом обществе, принявшем идею насилия как высший принцип государственной организации общества, согласившейся с ней. Такая характеристика социальной материи (все равно будет ли насилие идеологически оправданным в виде борьбы классов или защиты безопасности нации) указывает на несостоятельность и невозможность массовой морали, не-образование моральных регуляторов, и тем самым — на несостоятельность общества, интегрируемого на принципах низости или подлости (как базовых социальных и даже - антропологических константах отношений власти и населения). Коррумпированность и произвол власти, нечестность судов, хроническое сознание социальной уязвимости и незащитности, конечно, предполагает слабую легитимность власти, но отсутствие морали компенсирует подобные дефициты, образуя единый комплекс взаимно парализующих воздействий. Уравновешивается подобный дисбаланс очень

глубокими иллюзиями, восходящими к крепостному праву и советской распределительной системе, что власть, если захочет, может смягчиться и поделиться с подданными своими благами, что только от ее доброй воли зависит решение: повысить благосостояние населения или держать его по-прежнему в бедности ради своих каких-то целей (геополитических или национального престижа — космоса, великих строек, гигантской армии, олимпиады и проч.). Потребительский соблазн для хронически дефицитарного или нищего общества — основа сделок с дьяволом.

Абсолютное большинство россиян (61%, февраль 2012 г.), как раз за разом показывают опросы общественного мнения, утверждают, что сейчас рядовому человеку нечего надеяться на справедливый суд в России (с ними не согласны лишь 27%, остальные не знают, что сказать в этом случае).

Преобладает состояние уязвимости (88-82%), хотя защищенность слегка растет (+6 пп.) при одновременном увеличении «затруднившихся с ответом» (+6 пп., табл. 28) Возможно, это эффект некоторого роста гражданского самосознания в очень узких секторах городского слоя, стимулированного готовностью к протестам. Но для большей части населения

Таблица 27

КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, ЗА ПОСЛЕДНИЕ 5 ЛЕТ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ СТАЛО БОЛЬШЕ ИЛИ МЕНЬШЕ...?

	2008		2010		2011	
	Больше	Меньше	Больше	Меньше	Больше	Меньше
Свободы	65	21	55	31	52	35
Порядка	35	57	23	69	22	72
Законности	30	59	21	68	20	72
Гражданской активности	26	59	20	65	23	63
Справедливости	26	64	18	73	17	75
Солидарности между людьми	22	69	16	74	17	76
Взаимного доверия	15	74	15	75	12	80

N=1600, без затруднившихся с ответом

Таблица 28

НАСКОЛЬКО ВЫ ЛИЧНО ЧУВСТВУЕТЕ СЕБЯ ЗАЩИЩЕННЫМ (-ОЙ) ОТ ПРОИЗВОЛА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ?

	2004 октябрь	2005 ноябрь	2006 ноябрь	2010 январь	2013 апрель
Полностью защищен	2	2	2	5	2
Довольно хорошо защищен	10	11	11	11	16
Слабо защищен	51	54	49	53	51
Совершенно не защищен	32	27	31	24	22
Затрудняюсь ответить	5	6	7	7	9
Защищены	12	13	13	16	18
Незащищены	88	87	87	84	82

N=1600

положение в этой сфере в перспективе не изменится и не может существенно измениться без трансформации действующей системы власти и социального порядка. На вопрос: «Как Вы думаете, изменится ли за ближайшие 12 лет социальная защищенность людей и если да, то каким образом?» (февраль 2012), 43% опрошенных ответили «останется без изменений», 26% — «улучшится», 19% — «ухудшится» (12% затруднились с ответом).

4. Парадокс отношения к власти: сочетание иллюзий и прагматической трезвости

Массовое сознание, фиксируемое в опросах общественного мнения, демонстрирует принципиальную противоречивость установок по отношению к сфере политики. С одной стороны, преобладающая часть российского населения выражает «доверие» ее лидерам и «одобряют» их деятельность (но не проводимую ими политику!), с другой — не меньшая доля опрошенных — выносит весьма резкие оценки нынешнему режиму и человеческим качествам политиков второго ряда и высших чиновников, являющихся командным составом этой системы¹. Политики, депутаты, государственные чиновники оказываются наименее уважаемыми (или самыми неуважаемыми) профессионалами (табл. 29 и 30), в человеческом плане хуже даже, чем представители шоу-бизнеса, издавна вызывавшие амбивалентное отношение или сомнение с традиционной моральной точки зрения. Такая близость фигур, причастных к политике, к работникам эстрады и деятелям поп-культуры может свидетельствовать о том, что массовое сознание воспринимает публичные фигуры власти одновременно и как клоунов, и как уголовников (то же, кстати, проявляется и в отношении полицейских). В. Жириновский — здесь лишь наиболее яркий пример. Символические функции власти в общественном мнении сводятся к утрированному изображению или разыгрыванию на политической сцене важнейших коллективных значений социального целого и насильственного подавления несогласных, что немедленно провоцирует мысль, что защита «национальных» или «государственных интересов» — безопасности, национальной культуры,

нравственности и проч., лишь прикрытие для интересов удержания у власти и перераспределения доходов, привилегий, бонусов, собственности и т.п. в свою пользу. Подобная двойственность восприятия политики указывает на то, что «политики» выпадают из ряда обычных, то есть с точки зрения российского обывателя — «нормальных» — людей, они выведены за границы «обычного», «человеческого», что это в определенном смысле — это «не люди», а специфический сорт социальных «хищников», выведенных на публичную сцену в результате весьма специфического отбора, и вместе с тем — они наделяются ореолом посвященных, поднятых из обычной жизни, причастных событиям, происходящим в «высших сферах», в любом случае — они помещены во внеповседневное, символическое пространство, чуждое заботам населения. И это при том, что формально депутаты прошли ритуалы «народного» одобрения в ходе «выборов» (правда, абсолютное большинство опрошенных россиян не в состоянии назвать имени своих депутатов).

Таблица 29
С КАКИМИ ИЗ ВЫСКАЗЫВАНИЙ О ЛЮДЯХ, КОТОРЫЕ СЕЙЧАС СТОЯТ У ВЛАСТИ, ВЫ БЫ, СКОРЕЕ ВСЕГО, СОГЛАСИЛИСЬ?

Это люди...

озабоченные только своими привилегиями и доходами	41
для которых главное — сама власть	34
образованные, знающие специалисты	18
организаторы-практики, умеющие работать с людьми	12
заботятся о благе народа	10
идейные, убежденные	6
защитники «доперестроечных» порядков	2
другое	0,9
затрудняюсь ответить	9
Отношение суммы позитивных (34 пп.) и негативных (58 пп.) суждений	0,4

Апрель 2013; сумма ответов больше 100%, поскольку респонденты могли выбрать более одного варианта

Явное преобладание негативных оценок власти нельзя рассматривать как методический эффект самого опроса, оно сохраняется при разных формулировках вопросов о нынешней российской власти. Относительно чаще позитивные оценки властям даются теми, кто непосредственно принадлежит к ней или обслуживает ее: бюджетники, военнослужащие, работники госсектора — специалисты, руко-

¹ На протяжении 2013 года Путина одобряют 63-64%, не одобряют — 32-36% при очень низком проценте затруднившихся с ответом. Напротив, правительство, которое назначается президентом и находится под его полным контролем, которое проводит его политический курс, не на йоту не решаясь на какие-то самостоятельные действия, не одобряют от 54 до 58%.

Таблица 30

КАК БЫ ВЫ МОГЛИ ОХАРАКТЕРИЗОВАТЬ НЫНЕШНЮЮ ВЛАСТЬ?

Действующая в собственных интересах	35
Воровская и мафиозная	27
Слабая и неуверенная в себе	16
Демократическая, правовая	14
Авторитарная и репрессивная	13
Наглая и беззастенчивая	11
Профессиональная и компетентная	11
Сильная и уверенная в себе	10
Разумная и дальновидная	8
Справедливая, близкая к народу	2
Затрудняюсь ответить	11
Отношение позитивных (<i>демократичная, компетентная, сильная, дальновидная, справедливая</i>) и негативных (<i>эгоистичная, мафиозная, авторитарная, репрессивная, наглая, слабая</i>) суждений	0,4

Апрель 2013, N=1600 (в % от числа опрошенных).

водители, служащие, а также самые молодые люди (табл. 30а), усваивающие представления о политике из каналов трансляции официальной идеологии — школы, телевизионной пропаган-

Таблица 30а

КАК БЫ ВЫ МОГЛИ ОХАРАКТЕРИЗОВАТЬ НЫНЕШНЮЮ ВЛАСТЬ? (распределение ответов в зависимости от социально-демографических характеристик респондентов, в % по столбцу)

Определения...	Всего	Предприниматель	Руководитель	Специалист	Военнослужащий	Служащий	Рабочий	Учащийся, студент	Пенсионер	Домохозяйка	Безработный
Действующая в собственных интересах	35	34	39	34	42	33	33	25	37	39	40
Воровская и мафиозная	27	26	18	26	29	29	29	17	28	25	28
Слабая и неуверенная в себе	16	9	23	15	19	18	16	7	19	9	25
демократическая, правовая	14	9	16	18	16	9	17	21	11	10	7
Авторитарная, репрессивная	13	16	8	17	13	15	16	11	7	3	14
Наглая и беззастенчивая	11	9	11	14	8	11	12	17	9	10	10
Профессиональная и компетентная	11	10	14	19	8	10	9	15	8	8	6
Сильная и уверенная в себе	10	11	14	17	14	12	7	14	9	3	11
Разумная и дальновидная	8	4	4	10	0	9	11	5	7	6	12
справедливая, близкая к народу	2	0	3	2	13	<1	3	0	3	4	0
Затрудняюсь ответить	11	21	6	8	21	12	8	19	10	19	11
Сумма позитивных оценок	45	34	51	66	51	32	47	55	38	31	36
Сумма негативных оценок	102	94	99	106	111	106	106	77	100	86	107
Соотношение позитивных и негативных оценок	0,4	0,36	0,52	0,75	0,46	0,4	0,41	0,71	0,38	0,36	0,31

Апрель 2013, N=1600, ответы ранжированы

ды, армии. Хуже всего оценивают российскую власть те, кто зависят от социальной политики государства (пенсионеры, инвалиды, домохозяйки) или кто явно неудовлетворен его функционированием (предприниматели, безработные).

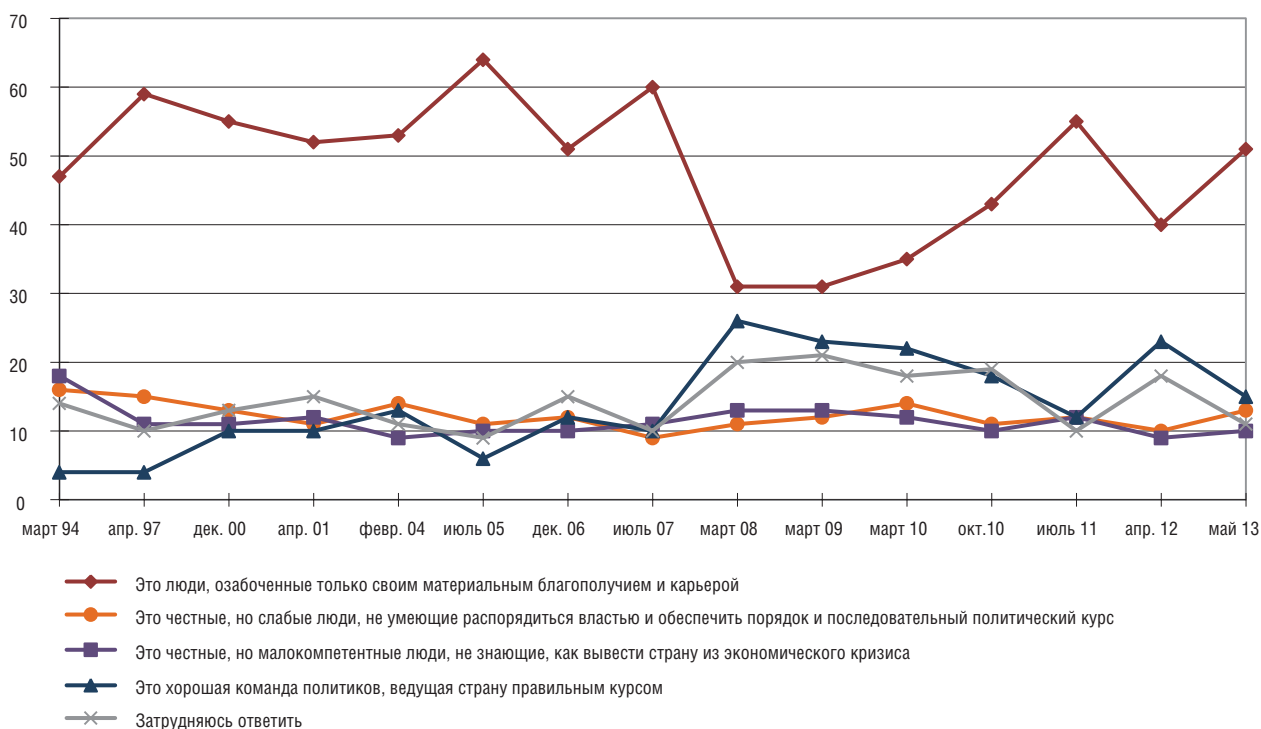
Важно подчеркнуть, что на протяжении почти 20-летнего периода доля положительных оценок («хорошая команда политиков, ведущая страну правильным курсом»), характеризующих российское руководство (при всех изменениях его персонального состава) в среднем не превышала 10-12%, даже учитывая рост надежд в первые годы медведевского, чисто номинального, правления. Иначе говоря, мы имеем дело с институциональными механизмами, определяющими воспроизводство системы господства и мало зависящими от текущей политической конъюнктуры.

Негативное — сдержанно презрительное или неуважительное — отношение к власти, как показывают социологические опросы, чрезвычайно устойчиво — оно принципиально не менялось на протяжении 13 лет, с момента избрания Путина до определения на президентский пост Д. Медведева, провозгласившего новый курс,

использовавшего новую для режима риторику: модернизации, институциональные реформы, правовое государство и проч.¹, в которую на короткое время поверило какое-то число россиян, примерно 15-17%, преимущественно молодых и более образованных (рис. 2). Однако уже к середине президентского срока Медведева все вернулось на свои круги. После явного провала Медведева и дискредитации его как самостоятельной политической фигуры (как и его риторики), путинская администрация провозгласила откровенно консервативный и охранительный политический курс. Путин свой новый срок начал с показательных репрессий.

пов по разным общественным сферам. Можно сказать, что социальные институты систематическим образом закрепляют результаты произведенного отбора. Поэтому сам факт неравномерности институциональных изменений, о которой приходилось неоднократно писать, должен заставить задуматься о том, что сдерживание одних процессов и стимулирование других (архаизации сознания, усиление цинизма, лжи, насилия в СМИ и пропаганде, разжигание государством ненависти к отдельным группам), следует рассматривать через призму постоянной фильтрации одних человеческих типов и селекции других, совершенно определенных

Рисунок 2
КАК БЫ ВЫ ОЦЕНИЛИ ЛЮДЕЙ, НАХОДЯЩИХСЯ СЕЙЧАС У ВЛАСТИ?

5. Институты как механизмы селекции человеческих типов

Человеческие типы или человеческие характеры неравномерно представлены в разных институциональных сферах. Институты представляют собой не просто правила (нормы) поведения (а также способы их правового закрепления и порядка воспроизводства), но и механизмы селекции, то есть последовательного отбора и распределения человеческих ти-

по своим качествам. Другими словами, нынешнюю государственную систему, сложившуюся при Путине, следует рассматривать не как «недоразвитое демократическое» государство (со «слабыми» или «дефектными» институтами, с «дефицитом институтов», как это часто утверждается в среде экспертов – экономистов, сопоставляющих Россию с другими странами по шкале модернизации и экономического развития), а как вполне сформированную, весьма своеобразную авторитарную институциональную структуру, в принципе не ориентирующуюся на западные модели правового государства, свободного рынка, представительной демократии. Ее конструкция и особенности функцио-

¹ Это была уже третья попытка внести новую идеологию в легитимацию государственной власти в России после краха советской системы (первая – демократия, сближение с Западом, вторая (путинская) – укрепление централизованного государства и «вставание с колен»).

нирования — результат накопленных усилий и сознательной политики, произведенной селекции «человеческого материала», систематического отбора из доступного множества качеств людей — интеллектуальных, моральных, эстетических и т.п., весьма специфических — презрение к знанию, интеллекту, культуре, всего того, что возвышает человеческий дух и что противостоит простому насилию¹. Речь не о евгенике, а о последовательном — направленном — подборе людей, обладающих теми или иными способностями (или — неспособностями, включая, например, моральную тупость, нерешительность, конформизм, отсутствие воображения).

Бытовая (или низовая) фиксация подобных отличий обычно выражается в устойчивых социальных предрассудках и стереотипах, в первую очередь, этнических (точнее — этнословных или этностратифицированных) клише: евреи — меркантильны и рационалистичны, сплочены и склонны к самоизоляции, поскольку «внутренне» чужды культуре и ценностям доминирующего большинства; украинцы («хохлы») — прижимисты, мелочно расчетливы и недоверчивы, жлобы; азербайджанцы — рыночные торговцы и спекулянты; цыгане — обманщики и воры, торговцы наркотиками; немцы — педантичны, организованы, добросовестные и прилежные работники; французы — куртуазны, жовиальны и легкомысленны; негры — музыкальны, ленивы и сексуальны и т.п. Подобные стереотипы и, чаще всего, негативные характеристики не статичны, их функциональная нагрузка заключается в том, что они должны оттенить «естественную» бескачественность самих русских, их природную массивность, поскольку русские — не просто большинство населения,

¹ Мысль не новая в социологии, скорее даже, в известном смысле, почти тривиальная. Однако она редко получает систематическое развертывание в виде теоретических концепций и эмпирических исследований. Потенциал подобной рационализации в том или ином виде присутствует в работах почти всех крупнейших социологов (например, в веберовских типах легитимного господства, в его анализе влияния мировых религий на хозяйственную этику; его классическая работа о влиянии протестантской этики на генезис капитализма описывает отбор и воспроизводство определенных характеристик человека-предпринимателя. Этот анализ дается Вебером всегда в сравнительно-типологическом ключе сопоставления разных идеально-типических конструкций акторов в разнородных ситуациях и социально-культурных контекстах; то же самое относится и к его описаниям фигуры демагога, пророка, мандарина, кади, чиновника и проч.). В скрытом виде этот же подход присутствует и в теории социальных ролей и их распределения в структуре социального института, в теориях коммуникаций (предполагающих выделение лидера мнений и внимающих ему реципиентов и т.п.). Однако по мере утверждения социологического позитивизма и популярности количественных методов исследования подобное понимание практически исчезло из практики социологического анализа.

они — государственный народ, то есть специфические различия других должны проявляться на фоне немаркированности собственной идентификации («быть как все»).

Социальные клише и стереотипы (не менее распространенные, чем этнические) характеризуют выделенные, четко определенные институциональные сферы: таковы доминантные представления о политике как «грязном деле» (дескать, в политику идут карьеристы, богатые люди или проходимцы, жулики, стремящиеся заручиться депутатским мандатом, чтобы уйти от — предположительно, уголовной — ответственности)²; о бизнесе (в отечественном бизнесе «успеха добиваются лишь жулики и авантюристы»)³, о бюрократии («все чиновники — взяточники и казнокрады»), об армии, полиции, школе и т.п. Каждому такому образу соответствуют латентные представления с обратным знаком отношения, например, «политика — сфера высоких, неповседневных, исторических событий и отношений выдающихся людей, область геополитических интересов великих стран», «предприниматели — люди богатые, могущественные и свободные от обычных проблем, двигатели экономического и общественного развития страны», «армия — воплощение героического духа и лучших традиций нации», «государство», какое бы ни было, лучше чем социальный хаос и война всех против всех, министерства и ведомства заняты реальным и практическим делом управления, работа чиновника не сводится к абсурду бюрократической рутины или ведомственным интригам, а представляет собой выражение «интересов государства» и т.п.

То, что люди различаются между собой, и что от пилота истребителя требуются (и ожидают) совершенно иные качества, нежели от священника или артиста, а от университетского профессора — отличные от полицейского или политика, кажется интуитивно понятным и тривиальным обстоятельством. Хотя очевидность подобной констатации немедленно исчезает, если попробовать отойти от различий психофизиологического рода и обратиться к

² Такие установки, среди прочего, проявляются и в стойком недоверии протестного движения в мегаполисах к своим же лидерам и нежелании делегировать им свои полномочия и права, что парализует потенциал самоорганизации оппозиции.

³ См. данные опроса Левада-центра о типичных характеристиках и качествах российских и иностранных предпринимателей и бизнесменов Пресс-выпуске Левада-центра от 10.06.2013, а также: *Бондаренко Н., Красильникова М., Юдаева К.* Инновационный и предпринимательский потенциал общества // Вестник общественного мнения, 2012, № 1 (111), с. 75-99.

этическим или интеллектуальным различиям профессиональных занятий. В этом случае нужны уже некоторые специальные усилия, чтобы резкость различий была замечена, а их природа обдумана.

Препятствует учету подобных вещей вполне обыденное обстоятельство: генерализирующая моральная установка массового человека городского общества подавляет этот процесс уяснения, блокирует внимание к статусным или ролевым отличиям и, напротив, требует относиться ко всем людям как равно значимым акторам. Мода унисекс или постепенное ослабление аскриптивных характеристик людей при приеме на работу, выборе профессий (например, допуск женщин в армию, в полицию, что еще не так давно казалось немислимым), борьба за гендерное равенство или уравнивание гражданских прав гетеро- и гомосексуалов и прочие явления современной жизни ослабляют прежние традиционные ролевые или сословные барьеры и перегородки между социальными группами.

Вне поля внимания и понимания остается

работа селективных механизмов различных институтов, хотя сами результаты подбора людей так или иначе фиксируются общественным мнением в оценках людей, принадлежащих разным сферам.

Большинство россиян уверены (55% против 30%), что Путин подбирает руководителей на высшие посты в государстве по принципу «личной лояльности, а не по способностям или компетентности» (апрель 2013 г.), что его окружают серые и безынициативные люди (так считают 46%, с этой оценкой не согласны 32%, преимущественно те, кто составляет его базовый электорат). Но в целом сам механизм действия этой селекции и его последствия рационализированы крайне слабо, главным образом в виде общественного уважения к тем или иным профессиям и занятиям (табл. 31).

Общественное мнение в данном случае следует моральным предпочтениям гражданского общества, наделяя умом, компетентностью и порядочностью (ответственностью, совестью, что собственно обычно и причисляется к моральному поведению) людей, занятых пре-

Таблица 31

ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ КАКИХ ПРОФЕССИЙ ВЫ БОЛЕЕ ВСЕГО УВАЖАЕТЕ, А КАКИХ - НЕТ?

	Уважают	Не уважают	Баланс
Врачи	55	8	47
Школьные учителя	48	4	44
Ученые	44	1	43
Крестьяне	44	2	42
Рабочие промышленности, строительства, транспорта	40	<1	39
Военные	39	5	34
Творческая интеллигенция (писатели, художники, композиторы)	24	3	21
Преподаватели вузов	21	3	18
Актеры театра и кино	20	9	11
Священники	18	4	14
Бухгалтеры, экономисты	15	5	10
Предприниматели, бизнесмены	13	11	2
Журналисты	9	14	-5
Звезды эстрады, поп-культуры	9	24	-15
Работники сферы обслуживания	8	7	1
Полицейские	8	29	-21
Работники торговли	7	12	-5
Сотрудники прокуратуры	6	16	-10
Судьи	6	17	-11
Офисные работники	4	7	-3
Политики, депутаты	3	35	-32
Работники шоу-бизнеса	3	28	-25
Государственные служащие, чиновники	3	28	-25
Затрудились с ответом	7	18	

Сентябрь 2012, N=1600. В % к числу опрошенных

имущественно в гуманитарных сферах: науке, образовании, медицине и т.п.

«Умные люди» могут быть сосредоточены и в других сферах, требующих быстроты реакции, предприимчивости, знаний, а именно: бизнес, торговля, финансы, но тогда эти человеческие качества получают дополнительную окраску: они соединяются с «хитростью», «ловкостью», «пройдохеством», «изворотливостью», свойственных «жуликам и спекулянтам», что, понятно, не вызывает особого уважения.

В РПЦ – ценится не ум, не интеллектуальные способности, а «совестливость», приписываемая священникам (не просто ее наличие, присутствие совести, но вера в то, что нравственная отзывчивость и мера человеческого институционально закреплены и гарантированы).

Но политики, депутаты и плохо отделяемые от них госчиновники, начисто лишены всяких позитивных определений. Почти не упоминаются члены общественных организаций, включая и некоммерческие. Общественным мнением они не рассматриваются как значимые и известные, маркированные сферы жизни. Возможно, одно из объяснений такого отношения к НКО (помимо враждебного отношения государства к ним, транслируемого пропагандой, или дефицита информации у населения об их деятельности, отрезанности участников общественных движений

от доступа к основным каналам СМИ) состоит в том, что в массовом сознании они слабо отделяются от советских общественных организаций, память о которых еще очень жива, и укоренена в повседневности, и ассоциируются с двусмысленными занятиями политикой.

Значительных различий во мнениях об «умных и талантливых» между опрошенными из разных социально-демографических групп – нет. Но мнения о том, где сосредоточены «совестливые и порядочные», существенно различаются (причем резко увеличивается доля «затруднившихся с ответом» – почти 40% не смогли сказать, где прячутся порядочные люди): полярными категориями являются жители столицы и жители села (крайние полюса центр-периферических отношений). Москвичи отвечают более интенсивно, чаще указывают на те или иные области занятости: «в науке» (38% москвичей, в селе – 14%), «в религиозных организациях» (соответственно, 30 и 11%), «в медицине, образовании» (24 и 8%), «в искусстве, литературе, культуре» (22 и 8%), в СМИ (12 и 5%), в общественных организациях, НКО (13 и 3%). Но относительно такого же разделения «в политике» и «в промышленности» различия в ответах респондентов стерты. Колебания в ответах жителей других городских и сельских поселений незначительны (если не считать роста затруднившихся с ответом на эти вопросы

Таблица 32

КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, В КАКИХ СФЕРАХ СЕЙЧАС РАБОТАЮТ ...

А) САМЫЕ УМНЫЕ, ТАЛАНТЛИВЫЕ, СПОСОБНЫЕ ЛЮДИ В НАШЕЙ СТРАНЕ?

Б) А В КАКИХ - САМЫЕ ЧЕСТНЫЕ, СОВЕСТЛИВЫЕ И ПОРЯДОЧНЫЕ ЛЮДИ В НАШЕЙ СТРАНЕ?

В...	А	Б	баланс
науке	32	20	12
бизнесе, торговле, финансовой сфере	26	<4	22
медицине, образовании,	22	15	7
искусстве, литературе, в культуре	19	13	6
сфере производства (промышленность, сельское хозяйство, транспорт и т.п.)	18	13	5
журналистике, в средствах массовой информации	12	7	5
политике, политических партиях и движениях	9	<2	7
шоу-бизнесе, эстраде	8	<2	6
в религиозных организациях, в РПЦ	7	16	-9
в правительстве, органах государственного управления	7	<2	5
сфере услуг	6	5	1
общественных, некоммерческих организациях	6	6	=
Государственной Думе, Совете Федерации, органах законодательной власти	5	1	4
в армии, полиции, органах охраны правопорядка	5	4	1
затрудняюсь ответить	25	39	-

Июнь 2013, N=1600. В % к числу опрошенных, ответы ранжированы по столбцу «А».

(в Москве их 30%, в селе — 48%, в поселениях остальных типов — от 35 до 40%).

Эти проблемы сильнее занимают именно москвичей (в силу их более высокого образовательного уровня, информированности, включенности в социально-политические процессы, обусловленные интенсивностью и многообразием, сложностью общественной жизни, большей социальной дифференциацией в столице). Кроме того, москвичи в большей степени обладают критическими способностями к рефлексии и оценке качества доступной информации благодаря накопленному здесь социальному капиталу. Не случайно ужесточение закона об НКО одобряют в Москве 24%, в селе — 57%, хотя информированность об их деятельности обратная: ничего не знают о них в Москве всего 14%, во всех остальных типах поселений — от 31 до 36% опрошенных). И опять-таки, именно в Москве самый высокий уровень недоверия к центральным каналам ТВ — 35% (в селе — лишь 22%; недоверие равномерно падает по мере снижения степени урбанизованности поселения, в котором проживает респондент)¹.

Таким образом, неуважение или хроническое (системное) презрение к власти опирается на представления о механизмах негативной или имморальной отобранности людей во власть. Другими словами, подобные персонафицированные оценки отражают слабо рационализированные представления об институциональных формах и принципах организации авторитарного или тоталитарного социума — нерасчлененного в функциональном плане и неспециализированного «общества-государ-

ства». Недовольство властью ни только не отменяет, но даже предполагает наличие в такой социальной структуре фигуры «вождя» или лидера, стоящего над всеми, на которого проецируются (по принципу негативного восполнения и переворачивания знака возможностей — недостатков в добродетели, ограниченность — во всемогуществе) вся неудовлетворенность, все негативные определения пирамиды государственной власти. Он наделяется теми воображаемыми, желаемыми достоинствами (не имеющими отношения к реальности), которые *хотели бы видеть* в нем подданные. Подобный лидер получает нуминозный ореол достоинств, ценимых в обществе, поскольку они приписываются обществом самому себе. Поэтому этот символический потенциал практически неразрушим в текущем времени, так как он не может быть рационализирован, ибо состоит из *массовых иллюзий*. (По сути своей, по функции этот образ не подвергается и не может быть подвергнут рефлексии и осмыслению, он не доступен осознанию. Но вера в него может внезапно иссякнуть, как только начинает эрозировать контекст понимания реальности, фасцинация образа вождя гаснет неожиданно и быстро, а сам культ и пиетет к нему рушится, как только исчерпываются сами иллюзии).

Способ подобного клишированного выделения отдельных сфер общественной жизни сводится к оценке, чаще всего — негативной, предполагаемых в этих сферах занятий и самих занятых здесь людей (бизнес, политика и т.п.). Заведомо дисквалифицирующая интерпретация моральных качеств и мотивации действующих здесь лиц вменяет аморальные (асоциальные по отношению к основной массе населения), эгоистические или цинические мотивы действия, что предполагает тем самым отделение их от «обычных» людей, от «большинства», их отделенность (здесь важны отлагательные определения, содержащие процессуальные компоненты значений)². Следовательно, специфическую характеристику оцени-

¹ Доверяют этим каналам как источнику информации в Москве — 41% (август 2013), в больших городах — 47%, в средних городах — 58%, оно снижается в малых городах и в селе 52 и 50% соответственно, и одновременно здесь растут затруднения среди опрошенных, не знающих, как ответить на подобные вопросы или не могущих оценивать степень объективности информации, поскольку не располагают сколько-нибудь значимым выбором источников информации. Другими словами, проблема достоверности информации или лживости пропаганды в провинции вообще не встает. Интернет здесь не является средством, компенсирующим дефицит информации: выше всего его роль оценивается в средних городах (здесь 24% рассматривают его как наиболее достоверный канал информации, в Москве и больших городах такие оценки встречаются лишь у 20 и 17% опрошенных, в селе и малых городах — 7-8%). Образование само по себе не дает такого эффекта — различия в установках (среди доверяющих с высшим образованием позитивно оценивают объективность и достоверность информационных передач на этих каналах 62%, со средним и ниже — 66-67%). Молодые настроены более скептически к качеству и достоверности ТВ-информации, нежели зрелые и тем более — пожилые люди (позитивные оценки с возрастом растут с 57% у самых молодых до 71%, у пожилых, напротив, недоверие снижается с 31% до 21% у самых пожилых опрошенных).

² Примечательно признание со стороны «верных русланов» режима той глубокой антипатии, которое население питает к власти. Так, например, полпред правительства в высших судах Михаил Барцевский, выступая в Госдуме по поводу законопроекта [о запрете чиновникам иметь иностранную недвижимость, счета, собственность за рубежом], предупреждал, что «нельзя принимать законы в угоду общества» [курсив мой — ЛГ]: «Если вы предложите расстрел губернатора после окончания их срока полномочий, то во многих регионах общество это поддержит» — заявлял он в декабре прошлого года. // Наталья Горюдецкая, Иван Сафронов. Расходное место, Коммерсантъ, № 63 от 11 апреля 2013, с. 2.

ваемая таким образом сфера получает именно по отношению к неопределенному массиву «большинства» (низового или сниженного), которому назначаются свойства предельной тотальности — «все».

Подобная операция имеет двойное назначение: во-первых, выделяет негативно оцениваемые системой действия, неподконтрольные основной массе населения, а во-вторых — формирует столь же неопределенное представление обо «всех», но уже лишенное негативных значений. Это большинство конституировано, если не позитивными значениями (что бывает редко и, как правило, содержит лишь латентные одобрительные определения), то, по крайней мере, — нейтральными значениями массы. «Большинство» — это не содержательное, не предметное определение совокупности каких-то социальных групп или образований, слов, классов и т.п., а апеллятивная инстанция, функция которой — идентификация с массой, «быть как все»¹. Логический смысл (функция) подобного смыслового образования состоит в том, чтобы по отношению к этой апеллятивной структуре «всего целого» иметь возможность произвести характеристику отдельных «частей», не полностью входящих в это общее целое, точнее — выделяемых из него, отчуждаемых от него и тем самым, превращаемых в замкнутые, отдельные множества, обретающие свойства «отдельной сферы». По существу, этот процесс следует назвать матричным дублированием представлений об обществе, когда само общество воспринимается не как система функционально взаимосвязанных институтов, а как агрегат отдельных его сегментов². За таким способом работы массового сознания стоит сохранение понятия недифференцированности целого («народа», «страны», «государства», «населения», «общества» и т.д.) и подавление необходимой специализации и разнообразия ценностных качеств и достоинств индивидов, групп, взаимосвязности и функциональной взаимозависимости институтов и групп, идея коммуникативной структуры сообщества.

¹ Левада Ю. О «большинстве» и «меньшинстве» // Ищем человека, с. 350-363.

² Так В. Ключевский описывал эволюцию приказной системы московского царства, проводя аналогию между царским дворцом, представляющим хаотическое нагромождение отдельных помещений, переходов и флигелей, разрастающихся по мере надобности путем еще одной и еще одной пристройки к основному или исходному зданию, и государством).

Производимая таким образом бескачественность «большинства» позволяет не только выделить отдельные зоны сомнительных занятий, отделив «мы» от правящего «они», за которых обыватель не хочет нести ответственности, но одновременно производится девальвация, обесценивание частных форм самоопределения (с точки зрения господствующих групп или сил, присваивающих себе права представительства всего «целого», апроприирующих права и средства принуждения к признанию значимости этого целого, а значит — дисквалифицирующих любые попытки других действующих лиц субъективно выделиться из аморфного «большинства»)³. Единственно, что соединяет отдельные зоны или сферы и организует подобное «большинство», — это вера в общность происхождения, традиционалистская по способу своего действия интеграция социума.

Подобный механизм маргинализации или дисквалификации морального поведения, или, напротив, наделения особыми ценностными значениями позиции индивида или группы не случаен. Работа такого рода есть выражение недифференцированного общественного устройства (когда целое представлено лишь в одном виде: авторитарная власть — подданные). Любое самодостаточное поведение индивида в таких случаях воспринимается либо как юродство, либо как асоциальное действие, оскорбление публики, кощунство, психическое отклонение⁴. Неиндивидуальное представление о мотивах действия (тотализация действия: «вся политика», «весь бизнес», «все чиновничество», «вся социология») предполагает подсознательную стерилизацию моральных установок, выражающих внутренний императив и требование

³ Совсем свежим примером здесь может служить поведение Путина, назвавшего «придумком» профессора Высшей школы экономики, предложившего установить международный контроль над Арктикой как средство противодействия произволу нефтяных и газодобывающих монополий, загрязняющих и уничтожающих хрупкий экобаланс северной природы. Возмущенный президент заявил, что Арктика — это область национальных интересов и суверенитета России, а потому она не может быть отдана под управление и мониторинг международных организаций. Лицемерие подобной защиты корпоративных интересов российских властных кланов, которые представляет Путин, ссылками на национальное целое здесь совершенно очевидно, привлекает внимание лишь распущенность и вульгарность первого лица государства, а не сама манера девальвации носителей противоположного мнения.

⁴ Гудков Л., Левинсон А. Образ Сахарова в общественном мнении: 20 лет спустя // Вестник общественного мнения, 2011, № 1 (107) январь-март, с. 87-101. = Сахаровский сборник. М., РГГУ, 2010. сост. А. Бабеншиев, с. 396-428. См. массовую реакцию на выступления группы и процесс против «Пусси-Райт»: Общественное мнение — 2012, с. 136-139, табл. 11.47 — 11.52.

«понимания», «понимать мотивы действующего». Сам способ выделения задан внутренней негативной оценкой дистанцирующихся¹.

Выделение производится не как признание заслуг или достижений, добродетели или достоинств тех, кого выделяют (что было бы фактически признанием процессов структурно-функциональной дифференциации общества, действенной системы разделения труда, обмена — экономического и символического), признаками чего должны были бы стать коммуникации разного рода, опосредующие взаимосвязи, авторитетная квалификация достижения (то есть механизм элитного структурирования социума). Оно основывается на негативном определении выделившихся (если смотреть «снизу») или позитивном признании властью в том качестве, какое угодно господствующей группировке («их власть, кого хотят, того и награждают», как говорила А. Ахматова). Само общество отделено от системы квалификации социальных успехов, оценки поведения как должного и недолжного, как порочного или подобающего нравам и моральным принципам, то есть не различает зло, преступление или стечение обстоятельств.

В любом случае маргинализация морального действия и невозможность признания обществом достижения (отсутствие автономных механизмов самоорганизации) оборачивается социальным имморализмом, интеллектуальной неразвитостью (общественной тупостью)². Апатия или бесчувственность общества, тотальное равнодушие людей (как качество социальной материи) это — не спонтанные или природные, естественные психологические состояния, а вполне функциональный результат специфической институциональной орга-

¹ Важно, что со стороны массы выделение групп идет через дистанцирование, через выделение из большинства, квалифицируемое, однако, в таких случаях подчеркнута негативно («совок», плебс, «пиппл», который должен «все схватить»).

Характерно в данном отношении массовое мнение о человеческих качествах российских судей: они квалифицированы и профессиональны, но бесчеловечны, бездушны, аморальны и действуют чисто формалистично в своей профессиональной роли. — «Отношение населения России к проводимой судебной реформе». Отчет о проведенном социологическом исследовании. Левада-центр, М., 2012.

² «Выскажи он мысль сколько-нибудь человеческую — его засмеют, назовут блаженным, не дадут проходу. Но он явился не с проектом о признании в человеке человеческого образа (это был бы не проект, а опасное мечтание), а с проектом о превращении человеческих голов в стенобитные машины — и нет ему хвалы, которую не считалось бы возможным наградить эту <...>, не нашей себе ограничения ни в совести, ни в знании». — *Салтыков-Щедрин М.* Дневник провинциала в Петербурге. Собр. соч. в 10 тт. т. 4. Изд-во «Правда», 1988, с. 79

низации. Смутно ощущаемые дефициты морали выражаются общественным мнением как «несправедливость» общественного устройства, как отсутствие механизмов соизмерения различных форм поведения, коммуникации между разными сегментами общества, ставших особенно значимыми после краха советской государственной планово-распределительной, административной, то есть директивно управляемой системы. Разрушилась не только экономика, но и примитивная система идентификации и гратификации социальных «винтиков» (включая, конечно, и самоидентификацию).

За попытками удержать распадающееся представление об одинаковости людей (этнической, культурной, гражданской, сексуальной, экономической, политической), принимающими вид неотрадиционализма, стоят интересы сохранения иерархического порядка, то есть стремление удержать власть теми, кто ее уже получил, и дать режиму господства обновленное идеологическое оправдание.

Однако некоторый парадокс нынешней ситуации в России заключается в том, что пока не приходится говорить о какой-то реальной политической борьбе за эту власть. Все усилия режима направлены на поддержание состояния бесконтрольности власти, а не собственно политической конфронтации или конкуренции оформленных общественных партий, движений, социальных сил. Судьба действующего авторитарного режима, обозначенного именем В. Путина, зависит не от появления и активности оппонентов, а от ослабления внутренних сил социального сцепления, эрозии социального порядка, отказа власти в доверии или легитимности, проявляющегося как внезапное рассыпание системы, как это бывает с песочными фигурами и замками на пляже, когда они полностью высыхают. Такова особенность «вертикально построенных» социальных систем (то есть таких, порядок которых определен и легитимизирован апелляцией к прошлому, в отличие от «горизонтальных» социальных структур, основанных на обмене ресурсами, представительстве интересов, а значит — характеризующихся специализацией функций и интенцией на структурно-функциональную дифференциацию)³. Для понимания социокультурной структуры российского общества

³ *Левада Ю.* Заметки о «проблеме поколений» // Ю. Левада. Ищем человека, с. 46.

эти следы архаического мышления более важны, чем содержание тех или иных политических программ и заявлений ведущих политиков и партий.

Бескачественность массы принципиальна в данном отношении, поскольку она не естественное состояние, а продукт, результат определенной организации советского и постсоветского социума, точнее — авторитарной власти, принципиально лишенной контроля со стороны общества. Этот эффект можно назвать следствием постоянно и систематически воспроизводимого обесценивания человека¹. Ресурс власти — аморализм как специфический социальный эффект господства. Аморализм (цинизм) — не просто механизм понижения ценностей, а установка на систематическое упрощение представлений о природе человека. Когда авторитарная власть в целях стерилизации общественного протеста (рождаемого из потребности многообразия и моральной определенности) принимает на вооружение политические технологии дискредитации и дисквалификации оппонентов, руководствуясь тактикой «опускания» общества, поддержания его в состоянии отказа от будущего, бескрылости, деидеализации, то неконтролируемым следствием этого в недалгом времени оказывается тотальное равнодушие общества к «общим проблемам» и аккумуляция диффузной агрессии и злобы, ни на кого конкретно не направленной.

Нынешняя деятельность Госдумы «по защите традиционных ценностей» (какими бы интересами не были мотивированы действия депутатов) представляет собой усилия по подавлению универсалистского сознания. Новый идеологический курс Путина, к реализации которого приступили недавно избранные депутаты ГД, направлен на ослабление секулярной этики, всеобщего естественного, но формального права, рационалистической культуры просвещения, науки, открытого общества и возвращение к социально-антропологическому партикуляризму. Трудно сказать, чего больше в таких установках Думы — цинической игры и популистской манипуляции массовыми предрассудками или же — уродливых, варварских «искренних» убеждений. В социологическом плане такой вопрос несущественен или даже неправомочен, поскольку речь идет о силе

¹ Власть, по выражению главного редактора «Сноба» Николая Ускова, «относится к людям как к мусору» (из телевизионной передачи «Право голоса»).

коллективных представлений, а не об «искренности» и «правде». В любом случае следует признать, что такая политика — результат негативного отбора депутатов с доминантой социального партикуляризма или депутатов, ориентирующихся на подобные взгляды массовых низовых слоев. Универсалистские взгляды и системы регуляции расширяют число и пространство возможных социальных взаимодействий, в то время как партикуляризм, напротив, стремится к ограничению возможных взаимодействий.

6. Насилие как «культура» (смысловые функции насилия). Обратная сторона «героического варварства»

Мораль не является высшим проявлением человеческого духа, таким как религиозные прорывы, поэтическое смыслообразование или научное познание. Она, по своей сути, консервативна и, как и культура в целом, занимает промежуточное положение между рутинной серой повседневности и «звездным небом». Но именно этот уровень человеческого существования является единственно адекватным измерителем цивилизационной развитости обществ, отношений людей друг к другу. Наука, технологии или откровения религиозных виртуозов, литература, музыка и живопись могут служить показателем развитости отдельных, *специализированных* общественных сфер. Мораль же, точнее — степень ограничения, контроля и управления насилием, характеризует именно состояние цивилизованности, то есть обычное, неспециализированное (нецелевое, неинструментальное) взаимодействие между людьми. Сообщества, где социальный порядок держится на иерархии насилия (праве сильного), справедливо именуют «варварскими» или «героическими», но далекими от параметров современного социального и правового государства. Варварские системы отношений (образцы примитивного управления, авторитарная система государства) ограничивают потенциал развития страны, парализуют возможности специализации, усложнения системы общественных отношений, структурно-функциональной дифференциации социальной системы. В этом случае образцы насилия помещены в центр социальной системы, в символическое средоточие представлений об общественном устройстве.

Принимая во внимание условия существования в современной России, приходится

констатировать, что здесь социальный порядок определяется институционализируемым варварством, где базовые институты представляют собой именно структуры внеправового принуждения, подчинения населения группам, узурпировавшим и монополизировавшим ресурсы насилия. Такая ситуация не случайна, она следствие процессов разложения тоталитарных институтов, в результате чего функциональная роль насилия, лишившегося идеологического обоснования или оправдания, выходит на первый план организации социальной жизни. Функция насилия как культуры заключается в обосновании и сохранении таких диффузных представлений, напрямую не связанных с принуждением или репрессиями, которые обосновывают значимость практик дисквалификации частного существования, подавления автономных от власти структур, особенно обладающих потенциалом воспроизводства, передачи образцов. Нерасторжимая связь коллективных ценностей с насилием апроприируется и монополизирована властью, которая назначает себя хранителем и защитником интересов всего национального целого. Ими (символическими представлениями этого рода) могут быть любые смыслы, утверждающие культ силы и необходимость социальной мобилизации (великая держава, национализм, милитаризм, пафос героизма и коллективного самопожертвования) или традиционалистское превосходство коллектива над личностью, социального целого (группы, сообщества) над частным или отдельным существованием (нации, государства над группой или отдельным человеком), как это сегодня утверждает РПЦ. Важно, что подобные образцы насилия, помещенные в центр социальной системы, в символическое средоточие представлений об общественном устройстве, тем более регулирующие характер социального воспроизводства (систему образования), навязываемые обществу, подавляют или стерилизуют саму возможность возникновения идеи культуры (как возвышения, облагораживания, рафинирования индивидуальной или коллективной жизни), равно как и морали (поскольку здесь не невозможен феномен субъективной «совести», но может быть что-то вроде «долга», обычая, табу). Варварские системы отношений (образцы примитивного управления, автократическая система государства) ограничивают потенциал развития страны, парализуя возможности специализации, усложнения системы обществен-

ных отношений, структурно-функциональной дифференциации социальной системы.

То, что лишено оправдания насилие, воспринимаемое как человеческая грубость, неразвитость, «хамство» («низость»), выдвигается в качестве высших образцов общественной структуры, стиля поведения национальных лидеров, паттернов социетальных структур¹, явление – совершенно не случайное. Это не результат субъективного произвола диктатора, а закономерное выражение оборотной стороны «героического варварства». Идентификация населения с этими символическими комплексами представлений (с «великой державой», обладающей всеми неперенными атрибутами: ракетно-ядерной мощью, массовой призывной армией, силовой политикой на подконтрольном пространстве) позволяет властям обеспечить легитимацию собственного произвола, а также эксплуатировать производные от этого страхи населения, его потребность в безопасности, защищенности, спокойствии. Тем самым происходит переключение, канализация страхов в ресурсы массовой поддержки власти: невольное принятие в роли руководителей великой страны номенклатурных фигур, исходно не избираемых, а кооптируемых во власть, и лишь затем превращаемых в «политических лидеров». Это делает невозможным какой-либо контроль за ними, снимаются требования ответственности за то, каким образом режим будет распоряжаться ресурсом легитимного доверия. Понимание, что власть пускает этот ресурс исключительно на собственные нужды – материального самообеспечения или обогащения, не меняет хронического чувства массовой незащищенности и уязвимости, с одной стороны, неизбежности подчинения, с другой.

Подавляя социальную дифференциацию и тем самым все прочие социальные структуры (представительства, выражения интересов и потребностей различных групп населения), власть подавляет или стерилизует возможности автономизации подобных групп, защищающих собственные интересы и интересы таких же как

¹ На вопрос: «Что вызывает у Вас чувство стыда и напряжения, когда Вы обращаетесь к российской истории XX века?», задаваемый в рамках программы «Советский человек», от 78% опрошенных (1989 г.) до 69% (в 2008 г., наиболее благополучном, докризисном времени современной России) заявили, «великий народ, богатая страна, а живем в вечной бедности и неустойчивости», на втором месте ответы «Грубость нравов, неуважение людей друг к другу» (за те же 20 лет в среднем около 50% опрошенных, здесь колебания в ответах минимальны и лежат в пределах допустимой стандартной статистической ошибки).

они, то есть само право, идею самодостаточности индивида, группы, общности, их право на автономию. Взамен этого власть всячески пытается поддерживать и подпитывать надежды населения относительно своих благих намерений. Массовые иллюзии такого рода тем устойчивее, что они не могут быть критически осмысленными, рационализируемыми (хотя, как мы видели ранее, скептицизм остается, но он существует как бы параллельно надеждам). В итоге интересы и потребности частной жизни никак не могут быть артикулируемы и представлены в публичном поле, что, собственно, и парализует потенциал и средства консолидации общества, общественного взаимодействия. Так возникает не только ложь перехвата, но и пространство взаимного обмана и лукавства. В свою очередь, такого рода игра является не только компенсацией дефицита социальности, но и ресурсом уверенности властей в устойчивой и апатичной покорности населения. Авторитарный режим (в отличие от тоталитарного) не нуждается в идеологической индоктринации населения, «идейности», искренней «веры» подданных в обещания руководства, ему достаточно демонстрации лояльности или отсутствие признаков явного сопротивления власти.

Приспосабливаясь к действиям тех, у кого власть (средства капиллярного повседневного принуждения), общество вынуждено принимать и требования систематического упрощения правил социального поведения, подчиняться им, отказываясь от ориентации на более сложные и рационализированные образцы деятельности, обеспечивающие, хотя и отложенный, но более сильный в конечном счете гратификационный эффект и результаты. Насилие девальвирует ценности и новые представления, постоянно возникающие в общественных средах, где концентрируется и ферментируется культурное многообразие (мыслимое только при условии ограничения грубого насилия). Многообразие не может возникать и, тем более, воспроизводиться в условиях, грубо говоря, всероссийской кущевки. Поэтому состояние массовой апатии, присущее репрессивным (авторитарным и тоталитарным) режимам, равнодушия, бесчувственности к окружающим суть не «естественные» или традиционные характеристики населения, а производные системы принуждения, подавления солидарности, установок на сотрудничество, милосердия, эмпатию, готовности к благотворительности и сознания своей ответственности за происходящее в обществе. В этом

плане советская система, как и наследовавший ее базовые характеристики путинизм лишь значительно усилили то, что уже существовало в дореволюционной России (и многократно описывалось в русской литературе в тех или иных человеческих характерах). В обществах-государствах (где в силу центральной роли насилия невозможно отделить структуры государства от структур общества) мы имеем дело с возгонкой человеческой низости, выталкиванием ее наверх, в структуры государственного управления или в состав властных кланов и последующей ее сублимацией в виде государственной идеологии авторитаризма. Культивируемое насилие (рационализируемое и технологизированное принуждение) оказывается зеркальным подобием культуры (антикультурой), но с обратным эффектом: его функция – понижение социальной и антропологической сложности, ослабление разницы потенциалов между элитой и массой, напряженности духовной (поисковой) жизни.

Насилие редко бывает гипостазировано на уровне общества в целом в виде четко артикулированных структур – идеологии насилия. Гораздо чаще оно, как и речь (или культура), реализуется в неформализованных и неформализуемых практиках институтов управления, принуждения, поддержания социального порядка¹. Чаще всего явления и функции насилия (как символического поведения) описываются и изучаются в контекстах молодежной или криминальной субкультуры, конституирования ролевой и групповой идентичности в ситуациях военных или этнических конфликтов, фрустрированных гендерных отношений. Но нас в данном случае интересует прежде всего капиллярное, диффузное, слабо отмеченное или даже само собой разумеющееся насилие как среда или атмосфера репрессивного государства и общества. В этом случае насилие или принуждение – это всегда «темная материя» социума, его «бессознательное», закрытое от рационализации не только специальными стараниями властей, но и потому, что здесь не работают позитивные стимулы и мотивы поведения инди-

¹ Trotha von, Tr. Zur Soziologie der Gewalt // Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie, Sonderheft 37, 1997, S. 9-56; Антропология насилия. СПб.: Наука, 2001; Волков В. Силовое предпринимательство: экономико-социологический анализ. М., ГУ-ВШЭ, 2005; Волков В. В. Ценности и нормы нелегальных силовых структур // Журнал социологии и социальной антропологии, 1999, Т. 2., № 3; Салагавев А. Л., Шашкин А. В. Насилие в молодежных группировках как способ конструирования маскулинности // Журнал социологии и социальной антропологии, 2002, Т. 5., № 1, с. 151-160.

видов, предполагающие открытый, публично социальный характер гратификации. В отличие от практики насилия, позитивная мотивация поведения всегда ориентируется на общественно значимые формы признания и одобрения, артикулируемое подтверждение «правильности» социального поведения.

Возможности разворачивания этой тематики применительно к России связаны не только с анализом открытых или латентных форм насилия (стиля поведения в молодежных бандах или практик теневой экономики, коррупции, «силового предпринимательства»), но и выявления функций насилия как «культуры», то есть тех смыслов, которыми конституируются социальные взаимодействия, предполагающие принуждение, и их институционализация, а именно: силы и приоритетности значений *коллективного целого и в их неразрывном единстве с насилием*, с культивированием насилия (это уже названные выше ценности героизма/подвига, патриотизма, доблести, самопожертвования ради великой державы и т.п.). Признание этих символических благ и образов означает одновременную дисквалификацию частного индивидуального существования, стерилизацию значимости автономных от власти структур, особенно – воспроизводящихся (или обладающих потенциалом воспроизводства). Мораль в России потому и не возникает как массовая система регуляции, что не возникает идея «общего блага», и соответственно, подавляется сама социальная возможность символической инстанции, перед которой индивид должен (а значит – и может) отвечать, внутренне чувствуя свою связь и ответственность перед неопределенно большим коллективом или общностью себе подобных (совесть, интернализированный социальный контроль группы или даже института, например, научной совести). Как показывают данные опросов, люди в России ощущают ответственность только перед самым узким кругом близких: членами семьи, друзьями, в меньшей степени – коллегами. Возникновению моральных представлений препятствует присвоенное властью представление о национальном целом, которое (целое) якобы подлежит защите и монопольному представительству исключительно тоталитарной или авторитарной властью.

Подобная двойная идентификация – свой круг частных интересов и забот о собственном благе и благе ближних, забот выживания (продолжения существования) и план интересов

власти, с которой время от времени ситуативно идентифицирует себя индивид, – задает постоянную «игру» с рамками действия и смену перспектив, в которых происходит определение себя и других действующих лиц, оценки ситуации действия. Но – и это следует учитывать – каждый раз такая «реципроцитность» включает логику ситуативного «исключения» себя или других (власти) из соответствующих систем правил, нормативных кодексов ролевого поведения. Частный человек с его проблемами существования исключает (в российском контексте) понятие политического участия, допуская в некоторых случаях лишь связанное с ним понятие поведения «подданного», государственно зависимого обывателя. И наоборот, политическая ангажированность и гражданская ответственность в нашем случае означает другую перспективу самоопределения, в которой на первый план выходят такие понятия, как чувство личной ответственности за положение дел в обществе, в стране, альтруизм и справедливость¹.

Логика исключения, обособления, эксклюзивности, по своей функции аналогична логике установления «чрезвычайного положения» (К. Шмитт²), означающей, что общепринятые правила игры (законы, конституция, обычное право) отменены или объявлены незначимыми в особой, объявленной «чрезвычайной» (мобилизационной, военной, бедствий) ситуации, силой авторитета, превосходящей авторитет действующего права и норм социального порядка («...война все спешет»). В таких случаях установление чрезвычайного положения равнозначно объявлению полного и безоговорочного суверенитета инстанции, вводящей этот режим. Со своей стороны, подчинение этому режиму чрезвычайности или эксклюзивности равнозначно условиям принятия произвола

¹ Левада Ю.: «Наш» вариант – это безальтернативные медиа, это люди, не привыкшие фильтровать и оценивать приходящую информацию. А главное же – изолированный человек, инкапсулированный в своем мире, не принимает гражданской ответственности за «происходящее в стране» и не только не готов, но и сам не испытывает склонности к гражданскому, коллективно-ответственному действию. Это прямое наследие советского, тоталитарного периода, которое как будто сохранилось в «первозданном» виде – за одним правда исключением: рассеялся, и, видимо, безвозвратно, тот универсальный страх, который допускал лишь один вид коллективного поведения – коллективное заложничество (если «все» считаются ответственными за «одного», это означает, что «все» принуждены, вынуждены и заранее готовы ради собственного спасения этого «одного» выдать и растоптать...). Сегодня, кажется, такой страх снят» // Левада Ю. Ищем человека, с. 367.

² Шмитт К. Политическая теология. М., Канон-пресс-Ц; Кучково поле, 2000, с. 15-29.

власти, признания силы избирательного правоприменения, тихого согласия на терпение (или отсутствие сопротивления) насилию, все равно будет ли это практикой «социалистической законности» или «басманным правосудием»¹. В любом случае это означает действия, поведение в условиях правового и морального партикуляризма. Последний не эквивалентен явлениям ценностного релятивизма (по генезису и по функциям), хотя может восприниматься как близкое или родственное ему явление².

Сознательное самоисключение из определенного круга ответственности моральных

¹ «Нельзя объяснить подобные ситуации [монолитного единомыслия] просто массовым принуждением или обстановкой всеобщего устрашения. И наш собственный, и чужой опыт свидетельствуют о значительной роли добровольного массового участия в поддержании атмосферы всеобщего единодушия – единогласия – единомыслия. Стремление «быть как все», более того, готовность упиваться собственным «растворением» в массе – распространенная разновидность социального мазохизма, которая предельно упрощает жизнь, избавляет человека от мук совести, от индивидуальной ответственности, сложности нравственного выбора, превращает его в потенциального добровольно-безответственного соучастника массовых акций, в том числе и массовых преступлений режима. В подобном пароксизме восторженного самоуничтожения не столь важно, на кого переносится ответственность – непосредственно на «всех» («действуй как все»), на непогрешимого харизматического лидера («Фюрер думает за тебя») или на некую идеологическую, религиозную структуру. Такого рода «растворенная» сопричастность создает сильнодействующую иллюзию безопасности, как внутренней (от сомнений), так и внешней (от враждебных сил). Более того, малейшая попытка противостоять всеобщему единодушию, сохраняя какую-то собственную позицию, вызывает спонтанное возмущение и яростный – не только по приказу – коллективный отпор: ведь сама возможность отдельного мнения подрывает всю систему коллективной безопасности. Поэтому столь зачаточный, искусственно созданный плюрализм с такой легкостью уступает новому единомыслию. Особенно в условиях социально-политической мобилизации и воинственной напряженности». – *Левада Ю.* Общественное мнение у горизонта столетий // *Ищем человека*, с. 21.

² Релятивизм характерен для сравнительно развитого общества и индивидуального сознания. Он возникает как реакция на эрозию уже имеющегося универсализма права, морали в уже модернизированном, массовом обществе со сложившимися формальными институтами (рыночной экономики, представительной демократии, правового государства). Ценностный релятивизм – это реакция на выявляемые противоречия и процессы, идущие в современном обществе, предпосылка специфического западного цинизма. Моральный и правовой партикуляризм – явление принципиально другого рода, другого происхождения. Его нельзя рассматривать как производное от процессов модернизации. Это амальгама (или агрегат) архаических и современных образований и представлений, не подлежащих рационализации и генерализации, это «механическое» (в дюргеймовском смысле) сочетание не сливающихся друг с другом, разнородных социальных нормативных систем, не подлежащих проработке в силу подавления подобных возможностей репрессивной властью. Российский цинизм в этом смысле отличается от западного, порожденного модернизационным проживанием наследия Просвещения. Это последнее соображение принадлежит японскому исследователю проблемы национальной специфики цинизма Кёхэй Норимацу, сделанное им в частной беседе с автором.

императивов и норм под действием произвола власти или внешнего принуждения социального окружения, опосредующего давление институтов господства (что может быть описано как «терпение» или как средовой «конформизм») указывает на своеобразную структуру личности – тип «советского человека». С точки зрения современной культуры, культуры современного общества – этот тип приспособления должен был бы называться «моральным разрушением» личности, утратой ее целостности, но с точки зрения индивидуальной выживаемости в условиях террора или более умеренного, но все же репрессивного государства, каким сегодня является путинский режим, – ее следовало бы называть «пластичностью», «прагматизмом» или «реализмом беспринципности»³.

Алгоритм поведения и определения ситуации строится на двойственности самоотчетливости: «я – вынужден так поступать, поскольку меня к этому принудили» (какие-то другие или в характерно анонимной форме: «обстоятельства сложились так, что я/NN был вынужден»), «так делают все», «иначе нельзя», «я только выполнял приказ» и проч.⁴ Если рассматривать это обстоятельство в долгосрочной перспективе, оценивать социальные последствия «морального партикуляризма» (с логической точки зрения это – оксюморон, с социологической – действенная тактика приспособления к произволу, к репрессивному государству и обществу, механизм снижающей

³ Черты или свойства этого типа описаны во множестве литературных или кинопроизведениях, авторская оценка его может простирается от безоговорочной симпатии (Иван Денисович) до частичного или полного осуждения («Афоня», Служкин в недавнем романе А. Иванова «Географ глобус пропил»), что не меняет структуры самого типа.

⁴ «Люди, для которых центральной задачей будет – уберечь себя. И если есть беда, и с кем-то плохо, то что делают люди? Утешаются, что не со мной. Или, как у Галича было, стучат, но пока в другую дверь. Не к нам – к олигархам или к каким-то горячим головам. А мы пока живем – чай пьем, еще что-нибудь. ... Потому, что боятся, как бы не съели. Неосновательно бояться – такой стиль. К сожалению, это тот стиль жизни, с которым нам приходится сталкиваться. ... Пока продолжается это, организация серьезная нам не светит». – *Левада Ю.* Что может и чего не может социология. Лекция на «Полит.ру» в Билингве 16.12.2004. – <http://www.polit.ru/article/2005/01/04/levada/>. «Советское общество плодило не коллективность, а что-то вроде всеобщего заложничества, где каждый отвечал за другого в смысле: вынужден был страдать за другого, а не как-то помогать ему». – Там же; «Человек не просто беспомощно терпеливый, что мы видим по многим данным и в реальной жизни. ... Человек наш лукавый, он думает, что он терпит, и его не тронут. Что кого-то разорят, а его – нет. Что он послушается и терпит повышение цен, но сумеет получить зарплату, с которой налогов не заплатит, и покроет это повышение. Эта черта является одной из самых прочных». – *Лекция на «Полит.ру» в Билингве, 15 апреля 2004* – <http://www.polit.ru/article/2004/05/15/levada/>.

адаптации), то практика социализации к капиллярному и всеобъемлющему насилию превращается в своеобразную «культуру насилия», проявления которой уже непосредственно не связаны с институтами власти и господства. Эпифеномены культуры насилия могут быть самыми разнообразными: от внутрисемейной агрессии и грубости нравов до демонстрации силы на улице, на ТВ, в символическом проезде кортежей президента, парализующего уличное движение, машин высоких чиновников с мигалками, пытках в полиции, карательном судопроизводстве, дедовщине в армии, кушечках и т.п. явлениях диффузного насилия.

Хроническое насилие, воспроизводимое на протяжении десятилетий, стерилизует умственный потенциал наиболее образованных и специализированных групп, лишая их доверия к самим себе, а соответственно, и признания их деятельности в обществе, тем самым — систематически подавляя интеллектуальные способности всего общества¹. Этот процесс может быть назван постоянной деинтеллектуализацией общества в целом, стерилизацией его ценностных оснований, на которых только и могут быть формируемы универсалистские институты современности. Прежде всего разрушается сама возможность формирования и кристаллизации этических оснований человеческого поведения, как собственного, так и ожидания его у других. Как следствие этого — *деморализация населения*, подавление способности населения к какой-либо нравственной оценке действий властей, расчеловечивание (или опредмечивание, «натурализация») политической системы, восприятие систем господства как бесчеловечной и часто — иррациональной, стихийной и неуправляемой силы, не доступной контролю обычных людей. Такое сознание обнаруживается прежде всего в безличном именовании власти, произвола как «они» (снимаемой противопоставлением «им» — «личности», номинативной персоны правителя). Благодаря этому природа власти (источники ее легитимности и изменения) вытесняются из сферы общественного мнения, подобные вопросы не обсуждаются; разговоры такого рода почти неприличны, неформальные конвенции запрещают разговоры на эти темы как бестактные. Возможность обсужде-

¹ «...Мы живем в обществе, которое поедает свои элиты и норвит их растворить, лишая смысла и слово «элиты», и слово «интеллигенция», например, а других способов увидеть цели, увидеть смыслы — нету. Вот причина многих коллизий, с которыми мы сталкиваемся сегодня, завтра». — Ю. Левада, там же.

ния власти фактически табуируется массовым сознанием. В итоге не только сами практики подавления оказываются слабо рационализируемыми, но и восприятие власти оказывается окрашенным идущими из коллективного под-сознания нуминозными установками (стертой священности традиционалистской, то есть не основанной на конкуренции и достижениях, социальной иерархии), социально девальвирующими подданных.

Такое отношение к политической системе господства старательно поддерживается путинским режимом, подпираемое насаждаемыми через ТВ квазифундаментализмом, православием, демагогической защитой «национальных ценностей»². Нейтрализации и вытеснению из сферы публичности подлежит все то, что могло бы потенциально побудить людей к более высокому уровню идеального, появлению ценностей как универсалистских регуляторов высшего уровня (альтруизма, чувства собственного достоинства, чести, немыслимой без сознания самодостаточности и автономности своего существования, то есть независимости от власти), а соответственно, к сознанию своих — *неотчуждаемых, то есть «естественных»*, прав. Как раз именно вопросы «прав человека» в России воспринимаются как нечто «неестественное», искусственное, привнесенное откуда-то извне, например, с «Запада». Напротив, обязательства перед властями, повинности оказываются предметом постоянной критической, публичной и негативной оценки, что мотивирует людей на уклонение от них.

Разлагающее воздействие власти возникает из того, что те, кто занимает высшие позиции в государстве, те, кто обладает суверенным правом на насилие, на властный авторитет, априорно отождествляются в массовом сознании с держателями высших ценностей общества («родины», «народа», «России» и т.п.) — в силу древнего механизма приписывания высокому

² «Он [Эйхман] и вправду к концу стал яростным приверженцем успеха, по его представлениям, основного мерила «хорошего общества»... Гитлер, сказал он, «мог быть не прав во всем, но одно несомненно: этот человек оказался способным подняться от ефрейтора немецкой армии до фюрера почти восьмидесятиmillionного народа <... > Сам по себе его успех уже доказал, что я должен подчиняться этому человеку». Его совесть действительно успокоилась, когда он увидел, с каким энтузиазмом «хорошее общество» реагирует на его действия. Ему «не надо было заглушать голос совести, как было сказано в заключении суда, и не потому, что совести у него не было, а потому, что она говорила «респектабельным голосом», голосом окружающего его респектабельного общества». — *Арендт Х.* Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме. М., Европа, 2008, с. 188-189

положению всего лучшего («благородного»), что есть в людях и в обществе. Собственно, это и есть выражение архаической по своей сути вертикали власти, когда иерархически высший статус символически олицетворяет наивысшие значения целого (образ царя, первосвященника, лидера нации, вождя, президента). Здесь важен сам факт занятия высшей статусной позиции, а отнюдь не то, каким образом данный субъект занял эту позицию. Проблематизация инструментальных путей к занятию верховного положения отсутствует в политической культуре постсоветской России, или, точнее — подавляется цензурой в СМИ, в коммуникативных каналах, а также — молчанием власти в качестве ее ответа на слабое бурчание внизу. Так или иначе, общество четырежды безропотно принимало передачу высшей власти, имевшую чисто верхушечный, придворный характер, несмотря на ее крайне слабую формальную легитимность: в 1991 г., в 1999 г., в 2007 и в 2011 гг.

Навыки коллективного заложничества (псевдо-коллективизма, «колхоза», «соборности»), разрушают общее представление об императивах обязательного поведения, основанного на общем чувстве должного, солидарности, взаимных интересах, симпатии, самосознание «общества», непрерывно воспроизводя состояние частичной аномии и принцип вынужденного индивидуализма («спасайся сам каждый как может»)¹. В такой обстановке у людей не может возникать чувство собственного достоинства и уважения к себе, поскольку для обеспечения и закрепления таких социальных стандартов самоопределения и идентичности нет адекватных институциональных механизмов. Знаки гратификации и «достоинства» могут быть представленными и раздаваемыми исключительно высшими государственными лицами, что образует специфические государственные ритуалы («назначения в качестве элиты»), всегда в формах особой привилегии, «милости» правителя (как эквивалентного выделения и присвоения собственно знаков особости — мигалок, вертушек, собственности, избирательного иммунитета от привлечения

¹ Салтыков-Щедрин М.: «Всякий молчаливо сознавал, что самое нестерпимое реальное положение все-таки лучше, нежели какие-то «якобы права» // *Дневник провинциала в Петербурге*, СС, т. 4, с. 125. Тем удивительнее была атмосфера солидарности, возвышающего чувства: «мы» — это и есть «общество», проявившаяся в первых, карнавальных, демонстрациях и митингах оппозиции, как об этом говорил А. Левинсон в своем выступлении на ежегодной конференции Левада-центра 24 января 2013 г.

к юридической ответственности, акцентированного стиля изоляции от других). Они могут дополняться как бы феодальной, барской или царской раздачей «чудесных даров» бедным: часов, машин, платьев, зданий для благотворительных учреждений, как это делают Кадыров или Путин. Кроме них, больше себе такого никто позволить не может (не вызывая вопросов о нарушении закона, это привилегия суверенов или тиранов, но не формы нормальной политической деятельности).

Аморализм работает на упрощение, примитивизацию представлений о человеке и социальной системе, обществе как таковом, подавляя потенциал идеализма, стремления к высшему, общему благу. Это и есть «простота советского человека» — состояние ценностной стерилизованности, или другими словами, единство в низости, в ясном понимании совмещения и близости жестов унижения, подавления или обласканности человека. Шок от этого — когнитивный, психологический — не вызывает какого-либо социального или этического сопротивления (мысли: «нет, это какой-то абсурд, это просто невозможно!» — «Возможно и даже очень»).

8. «Наглость» как политический стиль

Сенека полагал, что *«наглость — не что иное, как ложный признак величия»*. С уходом советской идеологии, массовым разочарованием в демократических реформах административный произвол лишился какого бы то обоснования или оправдания. «Скрепам» общества оказались ложь и демагогия, использующие все возможные пласты и ресурсы символических значений: имперских, коммунистических, нацистских, расистских, православных, либерально-демократических, правового государства, модернизационного рывка, социального государства и проч. и проч. Способность к свободному оперированию подобными идеологемами — главный признак, характеризующий сегодняшние публичные фигуры, опознаваемые прежде всего по этим демагогическим качествам (отделяемые таким образом от чисто технических управленцев, чиновников-технократов, чистых функционеров массового управления). Образец здесь задан Жириновским, у которого учились все сегодняшние российские лидеры. Но председатель ЛДПР не творец, а лишь импровизатор. Стиль политической шпаны, лихого демагога и политическо-

го шулера стал эмблемой политического курса нового авторитарного режима примерно с 2003 года, после закрепления путинской группировки у власти и устранения любых независимых от нее фигур (как прежних губернаторов, так и крупных новых финансовых магнатов).

Ни ложь, ни политическая демагогия не являются чем-то особенным в истории общественной жизни¹. Особенным это становится (как сегодня в России), когда достигает качества предельной обнаженности, полной выраженности пренебрежения общепринятыми нормами «приличия», о которых писал Макиавелли, точнее — демонстрации отсутствия каких-либо ограничений для них со стороны социальных институтов или общественного мнения. Лживость высших или ведущих политиков и государственных функционеров — президента, премьера, прокуроров, судей, депутатов, министров и т.п. — это демонстративный эквивалент их силы или влияния. Впечатляющей характеристикой нынешней власти оказывается ее наглость и уверенность, что так и должно быть, что ложь, осознанно и публично предъявленная политическим или партийным лидером, высокопоставленным чиновником (министром, руководителем следственного комитета или генеральным прокурором, судьей, депутатом), должна быть принята людьми безропотно только потому, что это заявлено теми, у кого в руках власть, должна заставить подчиниться — не поверить, а продемонстрировать отсутствие несогласия. Эта уверенность держится на подразумеваемой всеми посылке, что воля тех, у кого власть, какую бы несусветицу и неправду они не несли, должна определять социальный порядок в стране и его определяет. На этой посылке — на праве чрезвычайности авторитарной власти (символического нарушения прежнего порядка и введения своего собственного нормативного определения реальности) и держится ее суверенитет. Это — замена идеологии и каких-либо

представлений о будущем, об «общем благе» (*res publica*), которым в других странах мотивирована деятельность бюрократии. «Длящийся вариант российского исторического выбора (в принципе все еще завершающего «наш» затянувшийся XX век) недостаточно рассматривать на фрагментарном уровне как набор событий, акций, переживаний и т.д. Но и какой-то внутренней (да и декларативной) сверхзадачи, по постановке и реализации которой этот отрезок можно было бы оценить, не просматривается. Главным «принципом» характерной для него политики и морали можно считать воинственную беспринципность, ориентированную на краткосрочный практический успех, даже на эффект (впечатление в глазах высшего начальства) в любой области и любой «ценой» достигаемый. Поэтому определяющим признаком этого времени и его фигурантов служит преимущественно, если не исключительно, стиль их деятельности. Под стилем в данном случае (применительно к политическому периоду, политической деятельности) можно понимать прежде всего характерные способы связи целевых установок и используемых для их реализации средств, критериев оценки тех и других. Наиболее очевидны в данной ситуации такие его компоненты, как сведение политики к технологии, управления — к манипуляциям. Отсюда и снижение уровня социальных, политических, региональных международных проблем до административно-технологических (включая обращение к «силовым» структурам и соответствующим приемам). Условием деятельности подобной «технологизированной» схемы оказывается предельное упрощение ее компонентов — фактическая отмена конституционного разделения властей (вертикального, горизонтального, функционального, независимости суда, массмедиа и т.д.), устранение нормативно-ценностного (морального, правового) социального контроля, подмена общезначимых норм текущими указаниями, приправленными известной долей личного произвола и пристрастий. Следствия известны — глубокий цинизм и всеохватывающая коррумпированность властных структур, разлагающие все общество»².

Особый эффект лжи нынешнего режима (высшего руководства, чиновничества, политиков) возникает из сознания полной неподсудности и невозможности привлечь этих людей к ответственности, всеобщего понимания, что

¹ Ср.: «Государю нет необходимости иметь все названные добродетели, но есть прямая необходимость выглядеть добродетельным. Дерзну сказать, что иметь эти добродетели и никогда от них не уклонять вредно, тогда как выглядеть добродетельным — полезно. Иначе говоря, в глазах людей надо быть сострадательным, верным слову, милостивым, искренним, благочестивым — и быть таковым в самом деле, но внутренне надо расположиться к тому, чтобы явить и противоположные качества, если того требует необходимость. <...> В душе он должен быть готов повернуть туда, куда подует ветер фортуны и куда его увлекают события, и должен, по возможности не удаляясь от добра, при надобности — не чураться зла». — *Макиавелли Н. Государь* — В кн.: *Макиавелли. Избранное*. М., Рипол классик. 1999, с. 420-421. Эти слова написаны ровно 500 лет назад — в июле-декабре 1513 г.

² *Левада Ю. Сегодняшний выбор: уровни и рамки // Ищем человека*, с. 172 -173.

социальные институты ответственности и контроля (прокуратура, СК, правоохранительные органы, суд, низовая администрация, СМИ, чиновничество) находятся в их полном распоряжении и на страже их интересов, что суд будет защищать их от любого вида критики и привлечения к ответственности. Лучше всего это видно на примере самого российского президента, отличающегося патологической лживостью, которую он, видимо, отождествляет с силой и политическим искусством. Никто из публичных людей не осмеливается сказать, что Путин постоянно лжет, компенсируя собственное сознание неприличия подобного поведения упреждающим и шокирующим хамством, недостойным для государственного чиновника, занимающего высший пост в стране. Но в российской ситуации как раз «приличия» мало что значат в сравнении с демонстрацией силы как признака статуса, «величия» маленьких людей. Комплексы человеческой неполноценности здесь настолько очевидны (равно как и формы их вытеснения), что будто бы и не нуждаются в анализе и интерпретации, что явно не правильно с точки зрения изучения текущей политики. Но, тем не менее, о них публично не говорят, а если и говорят, то лишь ругаются, не объясняя, что и почему. А между тем, эти особенности поведения чрезвычайно важны своей знаково-стью и опознаваемостью массой: он ведет себя в этом плане «как все», что делает его понятным и объяснимым, хотя и «не своим». (Точно также ведет себя и другой диктатор – А. Лукашенко¹). Чувство безнаказанности выражается в наглом блатном шике и патологической потребности в унижении окружающих (символические формы их «опускания»), причем – всех, а не только своих противников. Этот перенос вины с самого себя на жертву своего произвола – один из характернейших признаков «плутовских фигур на вершине власти»², принятой стилистики правительственной, чиновничьей или депутатской демагогии, равно как и симптом постоянной негативной селекции человеческого материала в действующей институциональной системе власти. Массовое сознание воспринимает не отдельные обещания или программные цели, которые выдвигает режим, принципы, которые

¹ Особенности риторических приемов Путина и Лукашенко проанализированы в работе: *Моргунова А.* Идеологии и стратегии доминирования в дискурсе российского и белорусского президентов // Вестник общественного мнения, 2010, № 1, с. 19-47.

² *Левада Ю.* «Элита» и «массы» в процессах трансформации // Кто и куда стремится вести Россию?...М., МШСЭН-Интерцентр, 2001, с. 281.

провозглашает власть (они пропускаются мимо ушей, даже не в силу недоверия, сколько из-за отсутствия средств их рациональной оценки и возможности осознать последствия такой политики), а общий тон, стилистику господства, за которой угадываются, исходя из всего предшествующего опыта поколений, реальные практики управления, интересы правящей верхушки. Имитация самодержавия путинской администрацией на деле свидетельствует лишь о границах и возможностях технологического манипулирования обществом, экономикой, иностранными партнерами, что предопределяет временные рамки существования режима, характер его исторической неустойчивости³.

Особое отличное от советских времен восприятия лжи в путинской России может объясняться несколькими обстоятельствами: во-первых, в советское время границы между разными сферами жизни (номенклатуры и обывателей) были гораздо более выраженными и прочными, система привилегий втягивала разные группы людей, заставляя их участвовать в коррупционных сделках с государством и молчать, «не возникать» по мелочам, борясь за место под солнцем. Сегодня границы смазаны или стали другими, во всяком случае – система подкупов так уже не работает. Коммуникационная структура общества стала несравненно более сложной и дифференцированной, проникающей в зоны или этажи, ранее недоступные публичному вниманию, охватывающей

³ «...Носитель верховной власти, ближе всего за последние полвека подходящий к ее автократической модели, больше, чем любой из его предшественников за это время, скован собственным «технологическим» окружением и навязанным собственным положением грузом заведомо неподъемных амбиций. Отсутствие средств идеологического или традиционного прикрытия вынуждает дополнять ориентацию на «технологическую» эффективность реанимацией – точнее, всего лишь имитацией – отработанных в совершенно иных условиях (в персоналиях – от Сталина и Брежнева) моделей державного величия, непогрешимости, показной самоуверенности и столь же показного могущества власти. С удаленной наблюдательной позиции политическая сцена представляется театром масок, где исполнители главных ролей выступают в облачениях действующих лиц прошлого времени (притом, конечно, мифологизированного). Правящая административная бюрократия (от центральной администрации донизу) старается играть роль бюрократии «идеологической» (цековской, партийной), министры – роли запуганных наркомов, прокурорские чиновники разных уровней – исполнительных энкаведешников, губернаторы – обкомовских секретарей, вотчинных «хозяев», президент федерации – всесильного генсека; никто из них не раскрывает свои исторические имена (за исключением одной спецслужбы, чиновники которой – должно быть страха ради – любят прикрываться масками чрезвычайек давних лет). *Инерция стиля* никому успеха не сулит и показывает, что собственного лица и стиля которых можно было не стыдиться, очевидное бесцветное время не приобрело». – Ю. Левада. Ищем человека, с. 173

значительно большее число уровней социума. Во-вторых, система социальной стратификации существенно изменилась, она уже не носит столь жесткого номенклатурно-иерархического характера. Коррупция или политический консенсус разных элит и властных группировок предполагает демонстративные формы влияния или статуса, переход к демонстративному потреблению (включая и демонстрацию доступа к властным ресурсам — вертушки, коттеджи за заборами в охранных зонах, исключение из общих правил и т.п.). Поэтому наглая лживость оказывается не случайной: она — индикатор статуса во власти, показатель исключенности из действия общих законов. Избирательное судопроизводство обеспечивает и укрепляет такое положение дел, позволяет замять преступления самих высших чиновников или их родственников¹.

9. Парадоксы привычного насилия: стерилизация морали

Подданный, бесправный обыватель, привычно подчиненный распоряжениям всех мыслимых органов власти — от дэзов до дальних, почти абстрактных ведомств и правительства, в конечном счете, действительно принимает определение себя властью во всех контекстах, которые квалифицируются как «государственно значимые», а стало быть — «политические». Это самоидентификация (в качестве компонента неопределенного множества зависимых от власти подданных) как лишенных самостоятельной ценности, людей пассивных или лучше сказать — не имеющих признаков собственной активности, даже потенциально не расположенных к выражению собственного отношения к происходящему, а потому в социально-политическом плане — бесцветных или серых, неинтересных (не имеющих собственного, *заин-*

тересованного отношения к происходящему), незначимых самих по себе людей, есть производное двух обстоятельств.

Первое: авторитарная, бесконтрольная и потому — суверенная власть, государство, прежде всего, является основным источником смыслозадания для населения, оно вносит доминантные смыслы в массы, конструируя для них «реальность», размечая события, интерпретируя их в нужном для себя плане (через ежедневную картинку ТВ, пропаганду, школу, выступления политических лидеров и т.п.). Никакие другие институты или социальные группы, включая и те, что претендуют на статус «элиты» — интернетовские блогеры, «публичные интеллектуалы», писатели, журналисты «независимой прессы», университетская профессура и проч. — не конкурируют с государством в этом качестве. Они слабы, зависимы, и не продуктивны, поскольку не сознают себя самодостаточными, они массовидны по своей сути (функции) и адресации своей деятельности. Они лишены *собственного достоинства* (чести) и не ощущают этого. (Обращение к российскому судье — «Ваша честь» — несет в себе сегодня неустраимо пародийный характер).

Второе: только государство обладает средствами легитимного определения и тотальной идентификации своих людей как стертого множества взаимозаменяемых социальных единиц — подданных, именуемых в наших условиях «гражданами». Подчиняясь этой унификации, обыватель принимает принудительную идентификацию себя как лишенного субъективной значимости (и чья жизнь в строгом смысле не имеет ценности, как показывает и советская, и нынешняя практика бюрократического управления). Тайное сознание, что люди в постсоветском «обществе-государстве» такие и есть, какими их считает российская власть, что им нечем обосновать себя, обеспечить свою ценность, предъявить себя как представляющих какую-либо ценность для других, является одним из условий установления авторитарного режима и механизмом принятия такого социального порядка, отношений власти и населения. Сама власть считается не то чтобы «легитимной» или «справедливой», а «естественной», то есть не имеющей истории (следов законности своего происхождения), а значит — не допускающей причинно-следственных объяснений, прагматической рационализации и инструментализации выхода из подобного положения. Поэтому социальный

¹ Если удмуртский губернатор, как об этом сообщали российские СМИ, может позволить себе, стоя на трибуне и размахивая рукой в часах, стоимостью в сотни тысяч евро, обвинять местных врачей, держащих голодовку протеста против нищенских зарплат и безудержной эксплуатации медицинских работников, называть их «отморозками», «бузящими» «на иностранные деньги», грозить им ФСБ (... «*Происходящее неправильно - и органы ФСБ должны сказать, кто стоит за этими 3 женщинами*»), то он ведет себя так, потому что он сознает себя в своем праве и роли регионального поппадур и держиморды. (<http://forum-msk.org/material/news/9887153.html>) Но в этом он ничем не отличается от действующего президента, говорящего о посаженном им Ходорковском, что у того «руки по локоть в крови», зная, что никто ему не посмеет предъявить обвинения в клевете и в давлении на суд, по крайней мере — до конца его правления.

порядок подчинения такого рода не подлежит в массовом сознании даже мысленному «изменению», он воспринимается как *необходимый* (в прямом и в переносном значениях слова: такой, которого нельзя обойти).

Соответственно, ситуация взаимодействия индивида с властью лишена посредников какого-либо рода — формально-институциональных (суда, например) или общественно-политических (партийного представительства групповых интересов). Это такая ситуация, из которой нет «законного» или общепринятого выхода. Социальный порядок в этом случае не имеет альтернатив, даже мысленных, гипотетических. В нем приходится жить, чтобы выживать, а, значит, принимать все коннотации побочных или латентных последствий его принятия («с волками жить — по волчьему выть»). Такой порядок приходится принять, терпеть или ...обойти в некоторых звеньях дефицитарных или коррупционных цепочек или сетей отношений. Поэтому стремление прикинуться *лишенными* самостоятельности, автономности, достоинства, серыми, бесцветными, бессильными, со всеми негативными определениями «без-...», «недо-», «псевдо-...», «квази-...» и проч., вполне оправданно и по своему рационально, закономерно, а главное — социально одобряемо и в свою очередь требует принуждения от других, подчинения порядку от других. Этим навыкам адаптации к насилию или освоения техники насилия научаются как и другим социальным умениям.

10. Социализация к насилию.

Конформизм и другие защитные механизмы понижающей адаптации

Знакомство с насилием и обучение, как избегать или ослабить те или иные формы принуждения начинаются с самых ранних лет. Особенности отцовского брутального или авторитарного материнского воспитания в семье — это особая тема, и для ее серьезного разбора требуется компетенция социальных психологов. Я не буду ее здесь поднимать. Но уже школа (в особенности — начальная) задает образцы как формально-институциональных практик насилия, так и неформального насилия в группах сверстников. Именно школа (особенно старшие классы) становятся местом, где советский и постсоветский человек осваивает опыт двоемыслия и адаптации к идеологическому и ведомственному принуждению, раз и навсег-

да усваивая нормы «правильного» поведения в различных формальных и неформальных социальных контекстах, равно как и различение самих контекстов поведения. Чтобы избежать пространных иллюстраций, приведу цитату из отчета одного из самых ранних совместных исследований ВЦИОМ (первого ВЦИОМ, еще «Всесоюзного», только что тогда образованного) и ВНИК «Школа» (ноябрь 1988 г.):

«С точки зрения учителей наиболее существенной отрицательной тенденцией для учителя является «снижение общего уровня культуры». 73% опрошенных отметили это как значимый фактор. Обостренная чувствительность педагога к падению уровня учительства объясняется тем, что последнее затрагивает нормативный пласт педагогической деятельности и выступает тем самым как отчетливый знак профессиональной деградации учительства. Между тем, учащиеся отмечают данное обстоятельство в три с половиной раза реже (22%). С точки зрения учеников, наиболее распространенными отрицательными моментами являются: *манипулирование учителями оценками в личных интересах* (42%), *грубость и жестокость по отношению к ученикам* (32%). <...> Это обстоятельство можно трактовать как своеобразную фиксацию со стороны учащихся тенденций агрессивного, авторитарного давления учителя. В то же время сам факт непризнания учителями распространенности этих тенденций может рассматриваться как своеобразная «защитная реакция»¹.

На распространение взяточничества среди учителей учащиеся указывали в этом опросе в три с лишним раза чаще, чем учителя: 14 и 4%, их родители — в два раза чаще — 9%, на апатию и безразличие учителей к своей работе, соответ-

¹ Собкин В. С., Левинсон А. Г., Гражданкин А. И. и др. Школа-1988. Проблемы. Противоречия. Перспективы. По материалам социологического опроса. М., 1988, с. 16. (курсив мой — ЛГ). Особенно заметные различия среди учителей и учеников исследование установило в понимании смысла школьного обучения. «Формирование человека, трезво глядящего на вещи и добывающего в жизни своего» нашло признание среди 46% учащихся, тогда как лишь менее 4% учителей назвали это значимой целью обучения». Модель — «человек, способный обеспечить свое благосостояние» — нашли привлекательной 37% учеников и лишь менее 3% учителей. В то же время образ «критически мыслящего человека, способного брать на себя ответственность» привлек внимание только 12% школьников. И, наконец, представление, что школа должна готовить патриотов, защитников Родины, оказалось значимым для 40% учителей и всего для 22% школьников. Авторы доклада, констатировали, что «прагматическая ориентация школьников принципиально отличается от целевых установок учительства» (там же, с. 24).

ственно: 29, 37 и 36%. О распространенности в ученической среде «жестокости и насилия» говорили 24% учителей, «воровства» — 10%, «фарцовки» — 5%, «вызывающем отношении к старшим» — 27%, сквернословии — 36%, «умственной отсталости» — 42%, «потребительском отношении к жизни» — 50%, «падении общей культуры» — 60%. Последующие социологические исследования лишь подтверждают эти выводы и свидетельствуют об усилении важности этих выводов исследователей.

Функциональными аналогами (суррогатами, протезами) моральных структур можно считать появление различных адаптивных форм и психологических механизмов, управляющих поведением индивида в условиях институционального насилия при авторитарном правлении. Обычно их подводят под общую шапку «конформистского» или «оппортунистического» поведения, хотя для некоторых целей, возможно, их следовало бы развести. Назову некоторые из типов «конформистского», то есть адаптивного к насилию поведения, или (в терминах левадской типологии социального действия) «игровых структур социального действия», опосредующих отношения насилия в авторитарной России:

— *Замещение фрустрирующего опыта принуждения чем-то иным, что имеет несомненную ценность:* развлечениями, интернетовскими чатами, разговорами о политике в духе пикейных жилетов и другими формами кухонного выпуска пара; возможна также смещенная деятельность, симуляции каких-то интересов — спорт, кулинария, туризм, метафизическое кудахтание (мистика, экзотерика, национализм, православие и проч., но — без «фанатизма»); самым распространенным типом компенсаторного изживания унижения и насилия следует считать самоутверждение через демонстративное потребление, замещение признания значимости индивида присваиваемыми символами статуса и образа потребления (при отсутствии свидетельств, признаков предъявленности добродетелей и ценностей, то есть без этики вознаграждения предпринимаемых усилий и заслуг)¹;

¹ Сублимация: вытеснение, подавление травмы унижения и бессилия может принимать самые разные формы — от внутрисемейной, диффузной агрессии и общественного вандализма подростков до участия в официальных общественных организациях или, напротив, волонтерстве, благотворительности и работе в НКО. Однако самым характерным механизмом изживания комплекса неполноценности, порожденного насилием, следует считать именно взлет потребительской культуры как суррогат социальной графикации. При укоренении этих механизмов мы получаем кастрацию социальной элиты.

— *Смещение значений*, или как пишет Левада, «отстранение» — «процедура отстранения приводит к позиции упования, надежды (известно, впрочем, что как раз массовые надежды оказываются самым прочным камнем социального доверия и поддержки политических авторитетов). Прямые и косвенные процедуры отстранения многообразны. Ограничение «ближнего круга» социальной жизни от «дальнего» отделяет сферу непосредственного влияния или воздействия человека, то есть того, что он способен изменить, от сферы (институтов, организаций, авторитетов), к которой он может лишь приспособиться. Или иными словами, область его «зрительского» соучастия в процессах и событиях, на которые он влиять не может. <...> Такое разделение подкрепляется принципиальным отличием информационных источников, которыми человек пользуется: в первом случае это собственный опыт, во втором — все более могущественная масскоммуникативная сеть. Замыкание человека в собственном «малом» мире — важная предпосылка, с одной стороны, его адаптации к социальной реальности, а с другой — его изоляции в кругу собственных дел и интересов (точнее, пожалуй, это такая адаптация, которая неизбежно предполагает изоляцию)²;

— *Социальная мимикрия:* игры в «послушных», в «своих», в «лояльных» или «преданных» при субъективном презрении и неуважении к власти имущим; поскольку эта практика является общераспространенной («не выпендривайся», «не выставляйся», «веди себя как все», не «подставляйся и не подставляй других»), то на социальной сцене так или иначе доминирует не просто двоемыслие, а общее посерение; нормы публичной социальности выстроены из приемов демонстрации неучастия, непричастности, своей незаметности, непригодности для использования властью, «несъедобности» (Б. Дубин); со временем эти тактики теряют признаки игры и становятся доминирующим кодом социального поведения в обществе, защищаемым с такой же силой, что и другие социальные нормы;

— *Анестезия опыта унижения и насилия:* подавление ценностей приводит к наступлению состояния массового равнодушия, бесчувственности (которому, как и любой другой социальной эмоции обучаются); поощряется проявление

² Левада Ю. «Человек обыкновенный в двух состояниях» // Ю. Левада. Ищем человека, с. 366-367.

ние моральной тупости и беспринципности, после которых в принципе становится уже невозможной человеческая эмпатия, социальное воображение, идентификация с другими, понимание точки зрения других на происходящее, сочувствие, милосердие (они не умеют их проявлять); в итоге — происходит подавление чувства справедливости;

— **Перенос (испытанной) агрессии на других:** интенсификация собственных страхов и комплексов, трансформация унижения в механизм переноса агрессии на других, приписывания другим тех агрессивных мотиваций и стремлений, которые были направлены на самого индивида; неконтролируемый трансферт такого рода — причина роста ксенофобии, «немотивированной жестокости»; равно как и схема для объяснения действительности;

— **Изменение системы приоритетов, ценностей:** унижение меняет соотношение значений человеческой деятельности, их ценностный статус. Есть пороговые значения, которые изменяют структуру личности (сильное унижение не проходит бесследно, оно радикально меняет всю систему ценностей или ведет к ценностному нигилизму, цинизму, агрессии против других, особенно слабых). В случае, когда нигилизм подкрепляется властью и специфическими для нее привилегиями и распределением благ, то он приобретает мстительный и трансверсивный характер в отношении любых символических держателей ценностей, альтруизма, высокой культуры, идеализма. — См. массовую реакцию на приговор Пусси-Райот, дело Ходорковского, отношение к судебному процессу по «Болотному делу» и другим, задержанным в ходе демонстраций протеста («Стратегии-31» и др.);

— **Трансферт заложничества:** фрустрация коллективного заложничества и систематическое подавление самостоятельности оборачивается не возмущением против стороны насилия, а, напротив, подавленной агрессией против тех, кто выступает с протестом против насилия, против оппозиции, ведет к неприятию самой мысли о возможности участия в политике, в коллективных выступлениях против власти, бессознательным раздражением против самой политической тематики и дискуссий о ней, что собственно и может рассматриваться в качестве симптоматики личностной несостоятельности;

— **Рессантимент:** описанные М. Шелером аффекты социальной ярости и возмуще-

ния против действующего порядка господства, классов и групп, представляющие собой превращенную форму социальной зависти низов, ущемленных, лишенных перспективы категорий населения; в этом случае сознание социальной несправедливости (вызванное поведением власти или приписываемой ей) может служить оправданием для собственной агрессии и аморализма, с одной стороны, и как бы «нравственным» осуждением социального порядка в целом;

— **Цинизм:** деидеализация, дегуманизация политической антропологии, лишение ее ценностных предназначений приводит к тому, что человек предстает либо а) в своем самом примитивном — «животном» — виде («хищника, бандита, асоциального элемента»), что предполагает и требует жестких мер ограничения поля возможностей и действий других, установления системы избыточных запретов, ужесточения наказания, поддерживаемых основной массой населения; либо б) в своих досовременных, архаических формах (племенных, безлично религиозных — русских, «православных» или, напротив, «чурок», «косоглазых» и т.п.); массовый цинизм начинается с признания «нормальности» или даже «приоритетности» принципов силы и принуждения в любых областях общественной или международной жизни, будь то геополитика или блатная, лагерная субкультура с ее нормами и представлениями о правилах взаимодействия с другими; здесь важно лишь, что утверждение «реальности и значимости насилия» распространяется на весь общественный порядок, уничтожая ценностное многообразие и потенциал развития общества;

— **Отказ от будущего:** сознательное принятие установки на невозможность другой жизни, кроме той, какой приходится жить, более того — настаивание на этой позиции; неверие в изменение к лучшему ведет не просто к переворачиванию идеологии «нового общества» и появлению неотрадиционализма как образа мыслей и ориентации на прошлое как источника коллективных образцов и смыслов, санкционирующей действующий социальный порядок, но и появлению ментальной техники консервативного самоограничения. Подобные установки, реализуемые в различных жизненных практиках, оборачиваются ригидностью и жестокостью в отношениях с политическими оппонентами. Общее следствие — массовое распространение уныния и пустого официозного празднословия.

Страх, вызванный возможными репрессивными действиями властей, направленными на недовольных и протестующих против ее политики, ведет не просто к пассивной покорности населения, а к появлению сильнеешего раздражения против тех, кто пытается противостоять государственному насилию и административному произволу. Лучшей тактикой по отношению к исходящим от власти опасностям будет описанная выше тактика социальной мимикрии, общая или, по крайней мере, — преобладающая в обществе готовность периодически демонстрировать, когда это требуется, лояльность властям (например, на выборах) или прикинуться незаметными, переждать, перетерпеть фазы параноидального обострения «борьбы с внутренними врагами» у властей, обосновываемые аргументами «сделать ничего нельзя». Страх этого рода оборачивается не просто привычной и общественно одобряемой покорностью (покладистостью), но и смутным, как бы «беспричинным», хроническим состоянием унижения, парализующим чувство собственного достоинства. Субъективная моральная неудовлетворенность, слабое и легко подавляемое сознание «нечистой совести», как и другие подобные им комплексы, возбужденные страхом, легко преодолеваются и рационализируются, снимаются в форме «заботы о других», о «коллективе», о «близких, которых нельзя подставлять» и т.п., но в дальнейшем, при условии их продолжительного действия или сохранения фрустрирующей ситуации, трансформируются в общее беспредметное раздражение и диффузную социальную неприязнь к окружающим, а далее — к тем, кто открыто выступает против власти, протестует против ее произвола и беззакония, кто защищает права тех, кого власть давит, обманывает и обворовывает.

Активисты протеста, публичные критики власти, публичные интеллектуалы превращаются не только в troublemaker'ов для конформистского большинства (постоянно напоминая обывателю о его собственной несостоятельности, слабости и политической коррумпированности), но и в маргиналов и публичных шутов¹. Поэтому агрессия и недоброжелательство по от-

¹ На этот эффект работает и дискредитирующая их пропаганда, журналистика (особенно здесь «продуктивны» ерничество, стеб известных телеведущих — В. Соловьева, М. Задорнова, или даже всего канала НТВ, снижающие идеализм оппозиции).

ношению к оппозиции и тем более — лидерам протеста выражены гораздо сильнее, чем открытая антипатия и презрение в отношении власти². Так складывается общая коллективная система негативного отношения к тем силам, которые выступают как носители идеальных представлений и принципов. На них вешаются ярлыки «чрезмерных» радикалов, подрывных элементов, безответственных провокаторов политических потрясений. Следствием этого трансферта агрессии и страха становится стратегия «понижающей адаптации» большей части населения, нормативность фактического, готовность принять и оправдать то, что есть на данный момент в качестве «разумности действительности». Такого рода массовые установки оказываются самым сильным фактором, определяющим блокирование изменений и устойчивость режима (подавление социально-структурной дифференциации). По существу, это — консолидация в общем сознании низости и круговой поруки, обеспечивающая «стремление к стабильности», общественный консенсус при высоком уровне недовольства и неуважении, неавторитетности в глазах общества власти как таковой. Структура такого сознания поддерживается отсутствием представления о будущем, о желаемом направлении развития страны (моделях развития), подавлением вариантов политической системы, а значит — сознанием безальтернативности настоящего. Как отмечал Ю. Левада, в качестве оптимального образца отношений государства и общества массовое сознание принимает предпоследнюю стадию разложения тоталитарного режима — брежневский период, деидеологизированный, вегетарианский конец репрессивной системы³.

² Тем более, что реальных поводов для массового недовольства бессилием оппозиции, ее риторикой, упором на символические провокации («дрознения» — по выражению Ю. Левады), а не на артикуляцию социальных требований и т.п., более чем хватает.

³ <http://www.levada.ru/22-05-2013/otnoshenie-rossiyan-k-glavam-rossiiskogo-gosudarstva-raznogo-vremeni> - «Современному обществу мнению в России стабильным представляется, прежде всего, стагнирующее состояние скрытого разложения системы, т.е. то, что задним числом окрестили как «застой». В этом нельзя усматривать простой парадокс: сегодня массовое сознание — под давлением обстоятельств и сравнений — фактически воспроизводит саму распространенную двадцать лет назад позицию самых серьезных аналитиков и критиков советского режима, как отечественных, так и зарубежных. Хронологически близкий к своему концу, этот режим представлялся всем им чуть ли не ультрастабильным». — Левада Ю. Человек ностальгический: реалии и проблемы. — В кн.: Левада Ю. Ищем человека, М., 2006, с. 292.

11. Заключение

«...И после плохого урожая надо сеять.»
Сенека И.

Подытожу все сказанное раньше. Причины стагнации или отсутствия видимого экономического развития, о котором сегодня очень много говорят экономические аналитики, а вслед за ними — политики, обычно в этих выступлениях сводятся к недостатку или оттоку капитала, плохому инвестиционному климату, низкому качеству институтов (государственного управления, коррупции, административному произволу, зависимому суду) или — у самых смелых — к «ручному управлению» экономикой и обществом. Более предметно это выражается в приводимых данных о недопустимо высоких расходах на силовые структуры (политическую полицию, спецслужбы, внутренние войска и правоохранительные органы), защищающие власть от населения, помпезных акциях по демонстрации великодержавного величия, снимающих остроту комплекса национальной неполноценности (строительство дворцов, проведение олимпиады, азиатского саммита на дальнем Востоке), суждения о содержании громадной, хотя и мало дееспособной, отсталой армии и флота и т.п., масштабах государственной коррупции, особенно — в крупнейших госкорпорациях, возглавляемых ближайшими доверенными лицами президента и т.п., и, напротив, явной недостаточной политикой инвестирования в человеческий капитал, инфраструктуру и социальную сферу. Все соображения этого рода, безусловно, верны, а неутешительные диагноз и прогнозы будущего состояния страны оправданы и заслуживают доверия. Выход из этого тупикового состояния или приближающегося кризиса видится отечественным публицистам и обозревателям в наличие «политической воли», способной дать новый толчок институциональным реформам. Такого рода эвфемизмы и обтекаемые выражения обычно отражают бесперспективность и иррационализм российской ситуации, то есть отсутствие у социальной и интеллектуальной элиты представлений о возможностях выхода из нынешнего авторитарного режима, институциональной трансформации репрессивной системы, защищаемой правящими кланами всеми доступными им легальными и нелегальными средствами. Отсюда возникает устойчивая, граничащая с идиотизмом, слепая убежденность

в том, что неизбежный грядущий социальный и экономический кризис, спровоцированный то ли падением цен на нефть, то ли бюджетным дефицитом, станет причиной последующего социального взрыва, который, как «бог из машины», снесет коррумпированную власть и «все будет хорошо».

Все хорошо не будет, поскольку при этом нет понимания глубокой укорененности режима в определенных слоях массовой культуры, национальной психологии и сознании, а значит — отсутствует понимание того, что можно изменить, а что будет воспроизводиться в силу институциональной инерции, интересов приспособления к данной системе и т.п.¹ Речь идет не только о том, что бюрократические системы крайне трудно менять без внешних воздействий (Вебер говорил о «железной скорлупе» или «панцире», клетке бюрократического господства — *eiserne Gehäuse*, определяющей тренды современного государства), но и о том, что в обществе нет в достаточной мере социальных сил, способных а) к политической самоорганизации, б) к выработке убедительной и ясной программы действий, способной мобилизовать демократический контингент для правового изменения режима.

Проблема заключается в том, что российское общество вращается в чертовом круге нерешаемых в принципе проблем: самодержавная репрессивная власть стерилизует и подавляет потенциал морального сознания у населения. Система вертикального насилия может сохраняться и воспроизводиться только одним образом: лишая всякой значимости ценности частного существования, придающего индивиду достоинство и самоуважение, а значит — уважение к таким, как он, что, в свою очередь, становится предпосылкой гражданской солидарности и интеграции общества. Дело не

¹ «Подлинная альтернатива «старой» реальности, в том числе и старой идеологии, мифологии — не гневные обличения, а переход к иной системе координат, то есть критериев, ценностей, установок и т.д. Только обретение такой системы может дать надежную точку опоры и для критического преодоления наследия прошлых эпох. Причем эту «точку» нельзя найти или открыть, ее можно лишь создать — сформировать, определить, освоить. Беда «прекрасных порывов» ранней перестройки в том, что никто не сумел сконструировать и предложить обществу какую-либо принципиально иную модель социальной системы и социального миропонимания (через 10-12 лет, когда порывы утратили смысл, уже в эпоху всеобщего разочарования, власти решились говорить о мировой общности и демократии западного типа). В значительной мере отсюда неуверенность и нескончаемые метания на всех уровнях, сверху донизу». — *Левада Ю.* Истина и «правда» в общественном мнении. //Ищем человека, с. 221.

только в практике тотального социального принуждения и унижения, сколько в том, что ядро коллективных представлений составляют значения силы и самоценности великой «державы», являющейся синонимом или псевдонимом бесконтрольной власти. Насилие в этом случае становится высокосмысловым и ценным кодом социального поведения, признаком высокого статуса и уважения. Общество, слишком долгое время «скрепляемое» пропагандой героического милитаризма, борьбы с врагами (внешними или внутренними — классовыми, национальными, сепаратистами, чуждыми «нашей культуре и традициям» и т.п.), не может не быть внутренне агрессивным, фрустрированным и консервативным, хронически отсталым. Институциональная система такого социума («общества-государства») предполагает перманентный отбор во власть и в структуры господства (= массового управления) человеческого материала с худшими с точки зрения культуры (европейской культуры просвещения, гуманизма и терпимости) характеристиками: безжалостностью и беспринципностью, лицемерием, переносом совести (интернализованного

локуса социального контроля) на вышестоящее начальство и тем самым — опустошением морали, холуйством и т.п. Поэтому политический стиль господства отличается характерной наглостью — демонстративной манерой безнравственной и неконвенциональной силы, способности быть вне общих рамок права и приличия. А это, в свою очередь, ведет к деморализации населения и глубокому нравственному пессимизму или цинизму, позволяющему такой организации власти воспроизводиться, а обществу — ее терпеть. Таким образом, человек, социализируемый к таким институциональным условиям жизни, обладающий навыками приспособления к этой власти или техникой уклонения от ее слишком жестких требований, становящихся нетерпимыми, трудно изменяем, но легко манипулируем, как писал о нем Левада.

«Если наше ремесло позволяет нам кое-что (в том числе — печальное, неприятное) видеть, и другим образом увидеть это сложнее, значит оно себя оправдывает. Поэтому, если работать серьезно и честно, то не стыдно. Хотя не всегда весело»¹.

¹ Из лекции Ю. Левады на «Полит.ру» 15 апреля 2004 г.

ПАМЯТИ Т.И.ЗАСЛАВСКОЙ

Ирина ТРОЦУК

Миграционные процессы в советском обществе 1960-х — 1980-х годов: наблюдения и прогнозы Т.И. Заславской

...Социально-экономическое устройство советского общества не только не имеет ничего общего с учебниками, но и намного интересней, удивительней и парадоксальней последних¹.

Т.И. Заславская

Миграционная проблематика была, есть и остается одной из важнейших и наиболее дискуссионных с точки зрения своих масштабов и причин, факторов и последствий в отечественном научном и публицистическом дискурсе на всем протяжении российской истории. И если в последние годы фокус обсуждения движущих сил и тенденций миграционных процессов отчетливо сместился в сторону внешней миграции (проблемы «утечки мозгов», когда речь идет о безвозвратном выезде образованных, квалифицированных молодых поколений из России, и проблемы «качества», количества и легальности хлынувшего в Россию из бывших республик СССР миграционного потока), то в советский период отечественную науку в большей степени интересовала миграция внутренняя — сельского населения в города. Исход из деревни в город начался во второй половине 1920-х и продолжался до конца 1970-х годов: жители деревень активно снимались с обжитых мест, переезжая чаще всего в крупные города и областные центры. В первые десятилетия в условиях острого аграрного перенаселения и форсированного индустриального развития страны эти масштабные перемещения из дерев-

ни в город воспринимались как экономическая необходимость. Во второй половине 20 века массовая миграция привела к обострению и без того сложной ситуации с обеспеченностью рабочих рук на селе и освоенностью сельских районов. Регулирование миграции населения было важной частью советской государственной политики, исходившей из экономически детерминированного подхода: «экономические факторы относятся к факторам переменным, планомерно регулируемым, и это придает им особенное значение в управлении миграционными процессами»².

Поэтому некорректно утверждать, что обеспокоенность мрачными перспективами исчезновения деревень и истощения людских ресурсов в сельских районах возникла лишь в 1980-е годы: уже в 1950-е годы специалисты высказывали серьезные опасения относительно сильного негативного влияния миграционного оттока сельского населения в города на демографическую, поселенческую и социально-экономическую структуру российского села и сельскохозяйственного сектора экономики. Сложившиеся уже тогда диспропорции в распределении населения между городом и деревней считались скорее неизбежными и временными, чем дисфункциональными: «Сдвиги в сельском хозяйстве... происходят быстро, скачкообразно, они на какое-то время приходят в противоречие с территориальной организацией сельского хозяйства, ориентированной на равномерную заселенность и одинаковую интенсивность использования земли...

¹ Заславская Т.И. Страницы творческой биографии // Реформаторское течение в отечественной аграрно-экономической мысли, 1950-1990. М., 1999. С. 37-82.

² Рыбаковский Л.Л. Региональный анализ миграции. М., 1973. С. 97.

и зачастую получают одностороннюю оценку как противоречащие интересам сельского хозяйства. Отрицательные для хозяйства черты процесса концентрации расселения связаны не с его сущностью, а с высокой скоростью, излишней интенсивностью¹. В тот период было разработано несколько моделей оптимальной миграции, в основе которых лежали следующие приоритеты: перераспределение населения из трудоизбыточных в трудонедостаточные районы с учетом полученной работниками подготовки; прогнозируемое и оптимальное территориальное распределение населения в ходе контролируемой коллективной и индивидуальной миграции, достигаемой наименьшими издержками государства. И до начала 1980-х годов в отечественной литературе превалировало убеждение, что в советском обществе нельзя говорить о стихийной миграции, поскольку даже неорганизованные ее формы обусловлены воздействием определенных и планомерно создаваемых факторов социально-экономического характера.

Нередко в соответствующих статьях и учебной литературе утверждается, что критика объективной социально-экономической обусловленности миграционных процессов, повлекшая за собой переопределение миграции (теперь это уже не «совокупность межпоселенных безвозвратных перемещений, связанных со сменой мест приложения труда», а «перемещение из одних населенных пунктов в другие», обусловленное, в первую очередь, «противоречием между потребностями личности и возможностями их удовлетворения в месте постоянного жительства»²), появилась относительно поздно — в конце 1980-х — начале 1990-х годов. Однако дополнение безраздельно доминировавшего в советской традиции «государственного» объяснения миграционных перемещений личностным, «поведенческим» началом, безусловно, произошло намного раньше — в работах коллектива ученых под руководством Т.И. Заславской и ряда других исследовательских групп, которые в 1960-х — первой половине 1980-х годов на большом фактическом материале показали, в частности, что перемещения населения мотивированы движением не только за рабочими местами, но и от них, а также за возможностями обучения; отток из сел не связан только и исключительно с трудообеспеченностью хозяйств — более важны терри-

ториальные различия в уровне жизни³. Иными словами, индивидуальные мотивы и потребности, установки и ценностные ориентации — значимый фактор миграционных перемещений: в одинаковых условиях люди по-разному оценивают целесообразность миграции (потенциальная миграция) и собственных активных действий по ее осуществлению (реальная миграция), а потому требует своего изучения не только в статистических, но и типологических характеристиках.

Вклад Т.И. Заславской в изучение сельско-городской миграции высоко оценен в отечественной литературе, хотя скорее в историографическом, чем в прикладном ключе. Дело в том, что заметный даже неискушенному взгляду бум изданий по условно⁴ «сельской» проблематике⁵ в последние несколько десятилетий характеризуется вниманием к отдельным детерминантам сельского и — шире — российского социально-экономического развития, но сельско-городская миграция редко оказывается в фокусе исследовательского внимания. Например, Н.И. Шагайда оценивает социально-экономическое развитие российского общества сквозь призму «земельного вопроса», удивительно устойчивого в отечественной истории по своей фатально-судьбоносной нерешенности даже в сфере оборота сельскохозяйственных угодий⁶. И. Стародубровская и Н. Миронова рассматривают типы сельских территорий и возможные сценарии развития сельской России под влиянием муниципальной реформы⁷. Известный российский географ Т.Г. Нефедова изучает сельскую жизнь и сельское хозяйство России в их географическом измерении, анализируя также миграционные потоки, традиционные уклады, градостроительные проекты,

³ Зайончковская Ж.А. Демографическая ситуация и расселение. М., 1991. С. 88-89.

⁴ Речь идет не столько об изучении сельской России как таковой, сколько об анализе результатов постсоветских трансформаций, оказавшихся наиболее кардинальными и негативными именно на сельских территориях, особенно оторванных от городских агломераций, а потому как бы в сконцентрированном виде воплотивших в себе все сложности нынешней российской жизни — бесперспективность, безработицу, бедность, безвыходность и пр.

⁵ Причем не только научной и публицистической литературы: так, престижную литературную премию «Русский Букер» в 2012 году получил А. Дмитриев за роман «Крестьянин и тинейджер» (о содержании говорит само название), а среди пяти финалистов «Русского Букера десятилетия» (2001-2010) фигурирует «деревенский роман» Р. Сенчина «Елтышевы», выигравший премию в 2009 году.

⁶ Шагайда Н.И. Оборот сельскохозяйственных земель в России: трансформация институтов и практика. М., 2010.

⁷ Стародубровская И., Миронова Н. Проблемы сельского развития в условиях муниципальной реформы. М., 2010.

¹ Население СССР за 70 лет. М., 1988. С. 59.

² Шабанова М.А. Сезонная и постоянная миграция населения в сельском районе: комплексное социолого-статистическое исследование. Новосибирск, 1991. С. 12, 21, 15.

экономические нововведения, законодательные изменения и прочие компоненты жизни за пределами крупнейших городов, которые и определяют ее своеобразие¹. Список фундаментальных работ, рассматривающих конкретные «измерения» жизни сельской России, можно продолжить, но объединяет их, во-первых, использование в качестве концептуальной базы институционального подхода, который позволяет сочетать различные методические инструменты в изучении макроэкономических трансформаций базовых институтов российского общества и их последствий на микроуровне; во-вторых, общая безоценочная и констативная тональность изложения, принципиальный и подчеркиваемый отказ от каких-либо идеологем и политических позиций, — по обоим пунктам Т.И. Заславская, посвятившая колоссальную часть своей научной работы изучению жизни сельской России в ее неразрывной связи с развитием городов, вероятно, была и остается непререкаемым авторитетом.

Наиболее обще и схематично вклад Татьяны Ивановны Заславской в отечественную науку обычно связывают с созданной ею Новосибирской экономико-социологической школой (НЭСШ), которая в 1960-90-е годы оказала огромное влияние на развитие и становление отечественной социологии как самостоятельной научной дисциплины. Социология, по Заславской, должна быть нацелена на анализ всего многообразия влияния экономики на жизнь общества и на количественный и качественный рост экономико-социологических исследований. Кроме того, в жизненной траектории Заславской принято выделять два пика²: 1983 год — на конференции в Новосибирске она сделала доклад о состоянии советской экономики, в котором была показана бесперспективность этого хозяйственного механизма и сделан вывод о необходимости кардинальной перестройки социально-экономических отношений (брошюра с текстом доклада сразу была изъята КГБ, но текст был опубликован на Западе под названием «Новосибирский манифест»). А через несколько лет после начала перестройки Заславская, никогда прежде специально не занимавшаяся изучением массового сознания, совместно с Б.А. Грушиным и Ю.А. Левадой создала Всесоюзный Центр по изучению обще-

ственного мнения — совершенно новый в научном и политико-идеологическом отношении институт, который «стал первой «фабрикой» по сбору и анализу данных о мнениях, суждениях людей, дал мощный импульс развитию в стране опросов общественного мнения и маркетинговых исследований.

Заславская очень точно сформулировала и постоянно оценивала выполнение главных функций социологической науки³: внутринаучная, или научно-познавательная — «приращение фундаментальных и конкретных знаний о строении и функционировании общества и его крупных частей»; политическая — «отражает взаимодействие социологии с властными органами и состоит в содействии эффективному руководству общественным развитием»; гражданская — «методически надежное, доступное широкой публике и регулярное информирование общества о сущности происходящих в нем процессов, их причинах и результатах». По ее убеждению, в 1965-1985 годы «социология развивалась в трудных условиях, но... вовсе не представляла собой «интеллектуальную пустыню»... — рядом с застывшим официозным истматом успешно развивалась вполне научная и творческая социология», хотя и вынужденная в силу особенностей политического устройства общества и давления цензуры и секретности выполнять преимущественно только научно-познавательную функцию.

В известнейшем издании «Социология в России»⁴ Заславская упоминается как минимум в двух основополагающих для ее творческого пути тематических разделах. В главе седьмой «Социология села» в описании возобновления конкретно-прикладных исследований проблем крестьянства в конце 1950-х — начале 1960-х годов дается ссылка на работу Заславской как пример экономического подхода, в центре внимания которого находились особенности колхозной собственности, экономическое положение колхозников и принципы оплаты труда⁵. Затем делается уточнение, что инициатором развития особого направления российской социологии — изучения миграции сельского населения в города в условиях ее интенсификации — стал новосибирский коллектив исследователей под руководством Заславской, который интересовали, прежде всего, региональные и прикладные аспекты данного социального феномена.

¹ Нефедова Т.Г. Сельская Россия на перепутье: Географические очерки. М., 2003.

² Социолог Татьяна Заславская. Два пика в ее жизненной траектории: Интервью с Б.З. Докторовым // <<http://www.svoboda.org/content/article/24271449.html>>.

³ Заславская Т.И. Роль социологии в преобразовании России // Социологические исследования. 1996. № 3. С. 6-7.

⁴ Социология в России / Под ред. В.А. Ядова. М., 1998.

⁵ Заславская Т.И. Распределение по труду в колхозах. М., 1966.

Новосибирская научная школа сельской социологии оформилась на базе отдела социологии Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Академии наук СССР (ИЭиОПП СО АН). Ее первое эмпирическое исследование было посвящено выяснению факторов миграции¹, которые были рассмотрены настолько широко и комплексно с привлечением разнообразной статистической и социологической информации, что проект быстро перерос в «системное изучение деревни» (на основе панельных опросов в 1967, 1972, 1977 и 1982 годах) как особой области жизнедеятельности людей². Принципиальными отличиями работы новосибирского коллектива стали, помимо масштабов поля, выборки и собранной информации, организация проекта (строгая специализация и четкая интеграция усилий исследователей), методология (концепция развития деревни в неразрывной связи с городом, сочетание строгих количественных методик с экспедиционным методом и интервью) и прикладная направленность.

Также Заславская упоминается в двадцать второй главе «Социологии в России» — «Исследования миграции населения в России» — как руководитель научного центра по изучению миграции, сложившегося в конце 1960-х годов, который использовал системный подход и разрабатывал теоретико-методологические и методические вопросы социологического анализа, позволившие рассмотреть миграционное поведение как детерминированное одновременно объективными и субъективными факторами. В результате в начале 1980-х годов миграция стала анализироваться как трехэтапный процесс: формирование соответствующих намерений, перемещение и приживаемость на новом месте, а Т.И. Заславская и Л.Л. Рыбаковский сделали важное уточнение, которое и сегодня учитывается в социологических оценках миграционной активности, — следует «четко разграничивать психологическую готовность к перемещению и фактическое перемещение»³.

Упоминание Заславской сразу в двух главах книги «Социология в России» в связи с изуче-

нием сельско-городской миграции в советском обществе обусловлено, прежде всего, особенностями ее творческой биографии⁴. В 1946 году, будучи студенткой третьего курса физического факультета МГУ, она приняла неожиданное для университетского руководства и семейного окружения решение изменить свою специальность на экономику: «Уже этот шаг можно воспринимать как героический. Ведь вплоть до конца 80-х годов работа экономиста и физика по престижности была несопоставимой. Перед ней стоял выбор — оставаться в рамках экономической теории и экономико-математических методов или уйти в самостоятельную и практически неразработанную в то время науку — сельскую социологию. Выбор был сделан в пользу последней, хотя спустя некоторое время были предприняты попытки соединить изучение трудовой мобильности с другими экономическими и экономико-математическими исследованиями»⁵.

После окончания вуза Заславская начала работать в секторе аграрных проблем Академии наук, идеологическую обстановку которого оценивала как «полусвободу»: «Писать правду о состоянии экономики и ее проблемах было нельзя, но обсуждать эти вопросы в более-менее узком кругу, например, на заседаниях сектора, было все-таки можно...». Будучи помощницей старшего научного сотрудника сектора Г.Г. Котова, статистика, который не отказался от использования социологических методов и после запрета социологии (в частности, направленного углубленного интервью), Заславская записывала его разговоры с сельскими жителями, узнавая реалии социально-экономической жизни послевоенной деревни: социальная пропасть между городом и селом, бесправие колхозов в отношениях с государством, отсталость сельского быта, отсутствие элементарной социальной инфраструктуры, бедность и нищета крестьян, разрушение общинного духа и соседской взаимопомощи в деревнях после массового укрупнения колхозов путем объединения хозяйств и деревень и т.д.

В 1953 году Заславская поступила в аспирантуру, где написала диссертацию на тему «Трудодень и принцип материальной заинтересованности в колхозах» (на примере нечерноземной деревни) под руководством В.Г. Вен-

¹ Миграция сельского населения / Под ред. Т.И. Заславской. М., 1970; Корель Л.В. К вопросу о связи между потенциальной и реальной миграцией сельских жителей в города // Социально-экономическое развитие села и миграция населения. Новосибирск, 1972.

² Методология и методика системного изучения советской деревни / Отв. ред. Т.И. Заславская, Р.В. Рывкина. Новосибирск, 1980.

³ Заславская Т.И., Рыбаковский Л.Л. Процессы миграции и их регулирование в социалистическом обществе // Социологические исследования. 1978. № 1. С. 64.

⁴ Заславская Т.И. Страницы творческой биографии // Реформаторское течение в отечественной аграрно-экономической мысли, 1950-1990. М., 1999. С. 37-82.

⁵ Воронов Ю.П. Массовые решения в экономике: исследования, опередившие время // Всероссийский экономический журнал. 2008. № 7.

жера, известного экономиста-аграрника, отстаивавшего необходимость сочетания централизованного планирования с расширением хозяйственной свободы колхозов и развитием сельскохозяйственного рынка. Связанные с темой диссертации вопросы были закрытыми областями экономики, по которым не было статистической информации, поэтому Заславской приходилось работать с данными первичного учета хозяйств, выезжая в колхозы, воочию наблюдая за тем, как в советской деревне «у десятков миллионов людей... были отняты все права и свободы, все самые скромные радости жизни и, по сути дела, украдена жизнь; и хотя горожане в те времена тоже испытывали немало лишений, по сравнению с селянами их жизнь была раем»¹.

В 1956 году Заславская защитила кандидатскую диссертацию, в 1958 — издала на ее основе книгу «Оплата труда и принцип материальной заинтересованности в колхозах», а в 1959 вместе с М.И. Сидоровой получила задание разработать и апробировать методику сопоставления производительности труда в сельском хозяйстве СССР и США. В 1960 году ими был подготовлен доклад и монография «Методика сопоставления производительности труда в сельском хозяйстве СССР и США», в соответствии с которыми разница в производительности сельскохозяйственного труда между двумя странами, как и в конце 1930-х годов, составляла в среднем 4-5 раз, тогда как Н.С. Хрущев с подачи ЦСУ СССР называл с трибуны съезда цифру «в среднем в 3 раза». У авторов доклада отобрали авторские экземпляры и расчетные материалы, по сути уничтожив два года труда, после чего Заславская вернулась к изучению распределения по труду в колхозах в секторе политической экономии Я.А. Кронрода. Когда Академия наук потребовала ее возвращения в аграрный сектор, в котором она «утратила научную перспективу», Заславская согласилась перейти работать под руководство А.Г. Аганбегяна в Новосибирский Академгородок, в лабораторию экономико-математических исследований (ЛЭМИ) на базе ИЭиОПП СО РАН, где возглавила исследование миграции сельского населения в города, после того как закончила докторскую диссертацию «Экономические проблемы распределения по труду в колхозах» и монографию «Распределение по труду в колхозах» (1966). Рассматривая проблему социаль-

но необоснованной дифференциации средней оплаты труда в колхозах и предпринимаемые государством меры по поддержке экономически слабых колхозов, Заславская уже в 1960-е годы очень точно охарактеризовала сохранившийся и сегодня «стиль» российских реформ «сверху»: «носили чисто административный характер, не базировались на предварительном изучении проблемы... но неизменно задумывались и подавались как панацея, способная «чудом» изменить ситуацию, и проводились в жизнь бюрократически — без учета местных условий, предыдущей истории, интересов и отношения населения»².

В середине 1960-х годов многие сельские районы страны испытывали все возрастающий недостаток трудовых ресурсов, который усугублял постоянный отток населения в города, причем уезжала тогда, как и сегодня, в основном молодежь. Макроэкономические последствия сложившихся трендов обусловили постановку перед коллективом ИЭиОПП СО АН задачи изучить сельско-городскую миграцию (масштабы, направления, структуру, причины и факторы, последствия) для обоснования долгосрочных и первоочередных мер по ее нормализации. Поскольку миграция населения на тот момент была изучена крайне слабо, и имелась лишь скудная государственная статистика, а сельско-городская миграция рассматривалась либо в качестве одного из аспектов общей миграции, либо с точки зрения обеспечения сельского хозяйства отдельных территорий рабочей силой, перед исследователями стояли не только прикладные, но и теоретико-методологические и методические задачи. Первым этапом проекта стала разработка экономико-социологической концепции сельско-городской миграции как «рационального» процесса, детерминированного экономически и социально, а потому требующего методов прежде всего косвенного регулирования — путем изменения жизненных условий населения и экономических причин миграции. Эмпирическая интерпретация сельско-городской миграции включала в себя следующие компоненты: движущие силы, катализаторы и сдерживающие факторы миграции, ее инвариантные и специфические функции и дисфункции, взаимосвязь с «внешними» социально-экономическими процессами; индивидуальный акт добровольного переезда из села в город — как «первичная клеточка» миграционного процесса; две базовые социально-экономические функции миграции — обеспечение

¹ Заславская Т.И. Страницы творческой биографии // Реформаторское течение в отечественной аграрно-экономической мысли, 1950-1990. М., 1999. С. 37-82.

² Там же.

количественного и качественного соответствия требуемого и наличного состава работников и содействие реализации личных способностей, социально-профессиональному продвижению и повышению благосостояния сельских жителей, главным образом молодежи.

На первом этапе эмпирической части проекта (1965-1966) был проведен пилотаж методик оценки частных аспектов миграции, на втором (1967-1971) — совместное с ЦСУ РСФСР выборочное обследование миграции сельского населения Новосибирской области, на третьем (1970-е — 1990-е) — оценка динамики интенсивности, направлений, структуры, особенностей и последствий сельско-городской миграции, ее влияния на развитие сельского расселения и демографическую урбанизацию, адаптации сельских мигрантов к жизни в городах, соотношения потенциальной и реальной, постоянной и сезонной миграции и т.д. Репрезентативность исследования для Новосибирской области обеспечивалась многомерной районированной выборкой: было обследовано 14 из 29 районов области, 34 из 185 вошедших в них сельсоветов, где изучались все поселения, в каждом из которых опрашивались 20% семей — всего 10,5 тысяч взрослых жителей. Статистический блок проекта («Характеристика населенного пункта» и «Списки мигрантов») позволил зафиксировать направления и интенсивность основных миграционных потоков, их социально-демографический состав; социологический блок («Анкета сельской семьи» из 108 вопросов) — дополнить статистические сведения данными о потенциальных миграционных намерениях людей, о влиянии условий жизни на решение мигрировать, о ценностных ориентациях, предпочтениях и мотивах участников сельско-городской миграции.

Неожиданными результатами проекта, прежде не зафиксированными в статистическом учете стали следующие: около двух пятых общего миграционного оборота сельского населения составляла внутрисельская миграция; снижение миграционной подвижности поколений с возрастом проявлялось при миграции в крупные и средние города, но не срабатывало во внутрисельской миграции; лишь четверть селян проживали большую часть жизни там, где родились; основным фактором миграции была ориентация на городскую образ жизни, наиболее действенным стимулом — лучшие условия продолжения образования, возможность повышения заработка — на втором месте, содержание и условия труда — на третьем; наиболее важным

фактором, дифференцировавшим интенсивность миграционного оттока, служил размер поселения (наиболее мелкие поселки теряли население, наиболее крупные села, наоборот, увеличивали, пусть и незначительно, за счет внутрисельской миграции). Иными словами, «в основе всего комплекса факторов повышенной сельско-городской миграции лежала одна решающая причина — недопустимо глубокий разрыв в уровне и темпах социального развития города и села... В этих условиях стратегическое решение проблемы несоответствия параметров сельско-городской миграции интересам народного хозяйства виделось в целенаправленном преодолении необоснованных социальных различий в положении городского и сельского населения, причем *на деле, а не на словах*, которых произносилось достаточно много. Необходимо было поставить *практическую задачу* формирования в сельской местности среды жизнедеятельности, которая была бы равноценна и равнопривлекательна городской. В планомерно управляемом обществе решение этой задачи должно было опираться на комплексную целевую программу социально-экономического развития села... Разумеется, мы не слишком верили в реальность принятия Госпланом СССР подобной программы, поскольку советская власть рассматривала село и сельское хозяйство прежде всего как источник ресурсов для индустриализации и урбанизации...»¹. Хотя прошло уже более полувека, данное высказывание вполне применимо и к нынешним российским социально-экономическим реалиям.

Коллектив под руководством Заславской принципиально отказался от базовой советской идеологии грядущего слияния города и села, обосновывая функциональную самостоятельность сельского сектора как особой подсистемы общества, с существенно более развитыми и интенсивными внутренними связями по сравнению с внешними, как «особого социокультурного мира, который не собирается исчезать: он вмещает многие миллионы людей, воспитанных в крестьянской культуре с ее особыми ценностями, свыкшихся с сельским образом жизни...»². Отмеченные социокультурные особенности сельского мира сохранялись в российской крестьянской культуре в течение многих десятилетий и зафиксированы в принципиальных для социологического понимания

¹ Заславская Т.И. Страницы творческой биографии // Реформаторское течение в отечественной аграрно-экономической мысли, 1950-1990. М., 1999. С. 37-82.

² Там же.

судеб российской деревни работах последнего десятилетия. Так, Г.А. Ястребинская в кейс-стади таежной деревни Кобелево¹, сочетая различные концептуальные «оптики», обнаружила возрастание значения семейной экономики в сложившейся на селе ситуации и сохранение классического традиционного устройства северного дома, быта, сельской жизни в целом. В основу монографий В.Г. Виноградского² легли результаты многолетних крестьяноведческих проектов, начавшихся с 1990-1994 годов, которые показали, как упорно, настойчиво и изобретательно обширные и многообразные микросоциальные миры повседневного крестьянского существования сохраняют и поддерживают свои традиционные, исторически сложившиеся и из поколения в поколение передающиеся профессиональные, семейные и соседские отношения. Сеть междворовых отношений — основа жизнеспособности и продуктивности села — регулярно рвется и искажается, судьбы людей становятся непредсказуемыми, но социально-территориальные сообщества воспроизводят некие неуничтожимые и функционально специализированные связи (запас социального капитала), которые определяют выживание крестьянина как социального типа в самые тяжелые исторические периоды.

Убеждение коллектива Заславской в том, что особый социокультурный мир российского села не исчезнет, привело к системному изучению «сельского сектора» общества в ходе лонгитюдного социолого-статистического исследования социально-экономического развития западносибирской деревни (было проведено три обследования — в 1972, 1977 и 1982 годах). В 1982 году от участия в проекте отказались статистические органы, и социологам пришлось взять на себя заполнение бланка «Характеристики населенного пункта», чтобы оценить динамику социально-экономического развития западносибирского села за пятнадцать лет³, после чего лонгитюдное исследование было завершено, в том числе по причине переключения коллектива на изучение эконо-

мико-социологических проблем АПК. Опубликованная Т.И. Заславской в соавторстве с Л.В. Корель в 1981 году в журнале «Социологические исследования» статья, по сути, суммирует десятилетия коллективных исследований проблем региональной дифференциации миграционного оттока сельского населения⁴. Отмечая, что в советский период (как, впрочем, и сегодня) интенсивность и результаты сельско-городской миграции воспринимались по-разному⁵, авторы предложили следующую систему факторов для ее оценки: рациональное использование трудовых ресурсов, успешное преодоление социальных различий между городом и селом и пополнение рабочей силы города без отрицательного воздействия на функции деревни — обеспечения общества продовольствием и сырьем, социально-хозяйственного освоения территорий и обеспечения расширенного естественного воспроизводства сельского населения⁶.

По мнению Заславской и Кореля, ход и последствия сельско-городской миграции следует анализировать через ее влияние на эти функции⁷.

С точки зрения продовольственно-сырьевой функции сокращение численности населения деревни нежелательно: во-первых, оно повышает затраты на капитальные вложения для компенсации оттока рабочей силы, понижая их эффективность; во-вторых, препятствует развитию инфраструктуры села, которое также требует рабочей силы.

Реализация социально-пространственной функции деревни возможна только при наличии развивающейся взаимосвязанной сети поселений с определенной плотностью населения — «интересам общества отвечает не сокращение, а рост численности сельских жите-

¹ Ястребинская Г.А. Таежная деревня Кобелево. История советской деревни в голосах крестьян: 1992-2002. М., 2005.

² Виноградский В.Г. «Орудия слабых»: технология и социальная логика повседневного крестьянского существования. Саратов, 2009; Виноградский В.В. Крестьянские координаты. Саратов, 2011.

³ Современное развитие сибирского села. Опыт социологического изучения / Под ред. Л.А. Хахулиной. Новосибирск, 1983; Социально-экономическое развитие сибирского села / Под ред. Т.И. Заславской, З.В. Куприяновой. Новосибирск, 1987.

⁴ Заславская Т.И., Корель Л.В. Миграция населения между городом и селом // Социологические исследования. 1981. № 3.

⁵ Сторонников наращивания миграционных потоков из деревни в город не устраивали ежегодные темпы переселения советских граждан из сел в города, поскольку численность сельского населения в стране превышала аналогичные показатели промышленно развитых стран; критики же, напротив, утверждали, что достигнутые темпы и масштабы оттока населения из сел превышают потребность городов в рабочей силе и негативно влияют на жизненные перспективы сельских районов.

⁶ Заславская Т.И. Сельский сектор СССР как объект долгосрочного прогнозирования // Методологические проблемы современной науки. М., 1979. С. 32-56.

⁷ Непонятно, почему подобный взвешенный социолого-статистический подход не используется сегодня органами государственной власти, которые декларативно озабочены именно проблемами продовольственной безопасности, обезлюдивания сельских территорий и общего демографического кризиса в стране.

лей, повышение густоты населения и степени обжитости территории»¹.

Осуществление демографической функции требует, в первую очередь, нормального демографического состава населения, а потому «чрезмерная миграция в города деформирует естественную структуру сельского населения, нарушает пропорции между поколениями и полами... и желательно, чтобы сельско-городская миграция была сравнительно умеренной»².

В итоге авторы пришли к выводу, что уже «в 1970-х годах темпы миграции сельского населения в города были выше, чем это необходимо для интенсивного социально-экономического развития села», предупреждая, что общество не может быть заинтересовано в демографическом «сжатии» деревни, а государство должно дифференцированно регулировать сельско-городскую миграцию – сокращая ее в одних районах и наращивая в других³ (что фактически противоречит нынешнему стремлению российского руководства укрупнять все и вся на всех уровнях административного управления и во всех отраслях народного хозяйства, применяя максимально общие нормативные и регулирующие шаблоны).

По показателям среднегодового относительного сальдо миграции сельского населения в 130 регионах СССР в 1970-1976 годах авторы выделили пять типов регионов, обозначив и сегодня артикулируемые в российском государственном, научном и медийном дискурсах проблемы сельских территорий: 1) сальдо миграции в среднем $-3,6\%$ (40 районов Нечерноземья, Центральной черноземной области, Поволжья, Урала, Сибири и др.) – «опустошение» деревни, сокращение сельскохозяйственного производства, разукрупнение поселений, депопуляция, т.е. здесь необходимо целенаправленное сокращение оттока сельских жителей в города; 2) сальдо миграции в среднем $-2,5\%$ (33 района, примыкающих к районам первой группы, – Псковская, Калининская, Владимирская, Читинская области и др.) – действие факторов миграции смягчено особенностями национального состава населения, меньшим развитием городов или истощением демографических ресурсов; 3) сальдо миграции в среднем $-1,7\%$ (24 района Приморского края, Тю-

менской, Астраханской и Ростовской областей и др.) – относительно благоприятные условия жизни сельского населения и развитая сеть малых и средних городов и деревень определяют умеренные темпы сельско-городской миграции; 4) сальдо миграции в среднем $-0,8\%$ (25 районов Московской области, Краснодарского и Ставропольского края, республик Северного Кавказа, Хабаровского края и др.) – близость крупных городов и развитая сельская инфраструктура привлекают сюда население из других районов, что компенсирует отток местного сельского населения в города; 5) сальдо миграции в среднем $+0,7\%$ (8 районов Ленинградской, Мурманской, Камчатской и Магаданской областей и др.) – низкая территориальная подвижность сельского населения.

Заславская и Корель предложили «нормативную модель» региональной миграции сельского населения, в основе которой лежат три базовые функции деревни: с точки зрения продовольственно-сырьевой функции желательно перемещение населения из трудоизбыточных в трудонедостаточные сельскохозяйственные районы; для реализации социально-пространственной функции – миграция из старообжитых в районы нового сельскохозяйственного освоения; для осуществления демографической функции – отток из районов с высокой рождаемостью и прогрессивной возрастной структурой населения в районы с нарушенными демографической структурой и естественным воспроизводством. Для оценки того, насколько ситуация в советском обществе 1970-х годов соответствовала этой модели, авторы рассмотрели корреляционные связи между относительным сальдо миграции сельского населения и индикаторами трудоустроенности сельского хозяйства, освоения внегородских территорий и демографического развития села. Оказалось, что высокий отток наблюдался в тех районах, где на каждый гектар земли приходилось наименьшее число работников и минимальный выход продукции, т.е. не миграция зависела от трудоустроенности, а, наоборот, непланируемая миграция усугубляла неравномерность обеспечения сельского хозяйства рабочей силой (население прибывало и в без того трудоизбыточные районы). Демографическая ситуация не столько влияла на миграцию, сколько испытывает негативные последствия чрезмерного оттока в города: увеличение доли жителей старших возрастов, нарушение баланса полов, падение рождаемости и т.д. Уже в 1970-е годы исследователи констатировали формирование

¹ Заславская Т.И., Корель Л.В. Миграция населения между городом и селом // Социологические исследования. 1981. № 3. С. 43.

² Там же.

³ Социально-демографическое развитие села. Региональный анализ / Авт. колл. И.И. Беленькая, С. М. Бородин, Т.И. Заславская, И.Б. Мучник, М.Б. Мучник. М., 1980. С. 123-129.

в стране ситуации, которая характеризует сельско-городскую миграцию до сих пор: «нельзя утверждать, что региональные особенности передвижения сельского населения обуславливаются в основном нуждами экономики соответствующего района, наоборот, сложившаяся миграция «навязывает» каждому региону определенные условия развития»¹.

Причины авторы видят, по сути, в устойчивых коллективных представлениях жителей деревни, которые реконструированы на основе панельных опросов в 157 сельских поселениях Новосибирской области в 1967-1977 годах и разбиты на два блока – мотивы потенциальной миграции и мотивы критического отношения к селу. Их сравнение позволило выделить четыре группы мотивов, влияющих на миграционный отток в города: 1) абстрактно-критическое отношение к селу, не влекущее желания миграции (общая неблагоустроенность сельской жизни); 2) конкретные «претензии» к сельскому образу жизни, не пробуждающие мыслей о миграции (недостатки в обеспечении товарами, бытовые неудобства, неразвитость социальной инфраструктуры); 3) лично-семейные мотивы потенциальной миграции, не связанные с критическим отношением к селу (желание переехать к детям, родственникам, на родину, прежнее место жительства); 4) мотивы, где желание мигрировать превалирует над критикой сельской жизни (недостаток возможностей трудоустройства и получения образования, климат – природный и социально-психологический, нежелание вести необходимое для жизни личное подсобное хозяйство). Последняя группа мотивов оказалась наиболее стабильной: за десятилетие наблюдений сохранились показатели неудовлетворенности условиями и содержанием труда, хотя снизилось число неудовлетворенных уровнем заработной платы, осталась практически такой же доля желающих повысить уровень образования, но увеличилось число не желающих, но вынужденных вести личное подсобное хозяйство и указавших на нездоровый социально-психологический климат в трудовых коллективах (алкоголизм, нарушение норм права и морали, случаи протекционизма и пр.)².

¹ Заславская Т.И., Корель Л.В. Миграция населения между городом и селом // Социологические исследования. 1981. № 3. С. 46.

² Активность «недовольных» в российском обществе за прошедшие десятилетия мало изменилась: по замерам Заславской и Корель, доля реально собиравшихся в ближайшие два-три года мигрировать из села в город составляла 5%, тогда как число «теоретических» сторонников города – 18%. Российский союз сельской молодежи при поддержке ВЦИОМа в 2010 году провел социологическое исследование, кото-

Подобная «мотивационная» модель миграционного процесса сегодня стала общепринятой в социологических и демографических исследованиях³. Миграция рассматривается как имеющая исходную и заключительную стадии – на первой формируется решение о переселении, исходя из сопоставления реальной и желаемой жизненной ситуации, на второй удовлетворенность ожиданий мигранта определяет уровень приживаемости. Кроме того, будучи деятельностью по косвенному удовлетворению базовых потребностей человека, превращение потенциальной миграции в реальную перемену места жительства зависит не только и не столько от объективных факторов (территориальных и поселенческих различий в условиях труда и жизни), но и от миграционного опыта, особенностей индивида, его ценностных ориентиров.

Заславская и Корель сформулировали простые и до сих пор действенные рекомендации для сокращения миграционного оттока в города: сближение условий и содержания сельскохозяйственного труда с промышленным, создание благоприятных условий для получения сельской молодежью образования, развитие сельской инфраструктуры – все эти вопросы и сегодня актуальны, хотя действенных шагов по их решению федеральные и региональные власти не предпринимают, а у муниципалитетов нет для этого необходимых финансовых и прочих ресурсов. Кроме того, авторы настоятельно предупреждают о необходимости отказа от свойственного руководству страны стремления экстраполировать выявленные в один период времени долговременные тенденции на перспективу, и говорят о двух группах причин, влияющих на сальдо сельско-городской миграции, доминирование каждой из которых определяется, прежде всего, уровнем урбанизации. Во-первых, это рост привлекательности

рое показало, что доля планирующих покинуть село достигает своего максимума к 21 году (67%), но лишь треть молодежи в возрасте 25-30 лет еще не расстается с планами переехать в город (Мельникова Н. Молодежь уезжает из села... // <<http://www.kvgazeta.ru/talks/1475-2010-08-13-08-45-49.html>>). Доля реально собиравшихся мигрировать из сел в исследовании не оценивалась, но вряд ли радикально отличается от зафиксированной Заславской и Корель, особенно учитывая, что, например, в последние годы стабильная цифра в 20-22% россиян выражает желание уехать из России (около 45% студентов в 2013 году), но предпринимает какие-то реальные действия примерно 1% // Эмиграция путинской эпохи: от чего хотят бежать россияне? // <<http://www.levada.ru/10-06-2013/emigratsiya-putinskoi-epokhi-ot-chego-khotyat-bezhat-rossiyane>>.

³ См., напр.: Рыбаковский Л.Л. Миграция населения (вопросы теории). М., 2003. С. 173-194.

села — в советский период он был обусловлен быстрым социально-экономическим развитием и урбанизацией, ростом доходов сельского населения и др., в постсоветский — скорее сочетанием субурбанизации с очаговой рурализацией. Во-вторых, это снижение притягательности города — в советское время вследствие трудностей в снабжении продуктами питания, сегодня — скорее как результат высокой трудоизбыточности.

На основе 17 частных показателей социально-экономического развития Заславская и Корель выделили три группы сельских поселений: неурбанизированные (соответствующая инфраструктура здесь только складывается, 150-200 жителей), слабоурбанизированные (более социально-экономически и инфраструктурно развитые, 400-500 человек) и урбанизированные (крупные, развитые в социально-экономическом отношении, более 1000 жителей). По мере урбанизации села возрастает подвижность сельского населения, усложняются «миграционные биографии» жителей, выравнивается объем встречных миграционных потоков между городом и селом, усиливается приверженность людей сельскому образу жизни и критическое отношение к городскому, в обосновании миграционных намерений повышается значение мотивов, не связанных с развитием села.

В 1981 году Заславская и Корель сделали весьма оптимистичный прогноз, что темпы миграции сельских жителей в города станут снижаться, а интенсивность встречного потока — возрастать, что «в конечном счете будет содействовать становлению социальной однородности общества», но оговорили принципиальное условие реализации подобного сценария через несколько десятилетий (т.е. примерно к началу 2000-х годов): урбанизация и обновление села должны идти ускоренными темпами, чтобы нагнать не стоящий на месте город. Очевидно, что это условие не было выполнено в постсоветский период, который характеризуется «разорением и разрушением сельскохозяйственного производства..., обнищанием широких слоев населения..., деформацией традиционного процесса интеграции города и села»¹. В начале 1990-х годов главной причиной кризиса урбанизации стало «замороженное состояние рынка труда в городах, резкое сокращение спроса на рабочую силу в условиях, когда рыночные механизмы еще не были

запущены, высокие цены на городское жилье»². С 1993 года миграционный отток из сел в города восстановился, а приток населения в сельскую местность быстро убывал и поддерживался только за счет миграции из СНГ. 2001 год стал переломным в отношении сельско-городской миграции вследствие сокращения миграционного потока из стран СНГ, что интенсифицировало миграцию из села в город внутри России и снизило пополняемость сел мигрантами — впервые миграция из СНГ не смогла возместить демографические потери села, обозначив долгосрочный устойчивый тренд российской сельско-городской миграции³: сельская местность и небольшие города теряют в основном молодежь, которая пополняет ряды учебных и трудовых мигрантов в крупных городах; в среднем 20% домохозяйств малых городов в середине 2000-х годов имели трудового мигранта, в моногородах с неработающими градообразующими предприятиями — больше 30%, в селах доля внутренней миграции, т.е. фактически «отходничества» была еще больше — в десяти регионах России 54% респондентов хотели бы, чтобы их дети уехали из села⁴.

К сожалению, сегодня обозначенные коллективом под руководством Заславской еще в начале 1980-х годов тенденции и прогнозы, обоснованные десятилетиями объективных социолого-статистических наблюдений, рекомендации и типология регионов по мотивам, факторам и результатам миграций практически не учитываются в многочисленных федеральных программах, призванных компенсировать самыми разными мерами неспособность нынешней сельской России выполнять по определению возложенные на нее в любом государстве продовольственно-сырьевую, социально-пространственную и демографическую функции. В итоге мы наблюдаем сжатие внегородского освоенного пространства страны, обусловленное незавершенной урбанизацией (о чем свидетельствует преобладающий рост крупнейших городов, аккумулирующих в себе внутреннюю образовательную и трудовую миграцию и стягивающих в пригороды сельское население) на фоне сокращения населения страны и поляри-

¹ Пространственный потенциал в стратегии социально-экономического развития России. М., 2011. С. 206.

² Девятый ежегодный демографический доклад «Население России. 2001» // <http://demoscope.ru/weekly/knigi/ns_r01/razdel5g5_6.html>

³ Мкртчян Н.В. Внутренняя миграция: великое прошлое и скромное будущее // Россия перед лицом демографических вызовов. Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации. 2008. М., 2009. С. 80-96.

⁴ Краснослободцев В.П. Сельские «миры» России и миграция // Демоскоп Weekly. № 185-186. 10-23 января 2005 г. // <<http://demoscope.ru/weekly/2005/0185/analit04.php>>.

зацией сельской местности — она сжалась в отдельные очаги, между которыми — социально-демографическая необжитая пустыня¹. Более трех четвертей территории Европейской России имеют слишком низкую плотность сельского населения, которая не способствует эффективности сельского хозяйства², а социологические исследования как общероссийского, так и регионального и локального уровня фиксируют устойчивые ориентации селян на миграцию в города. Например, анкетирование жителей станицы Егорлыкской одноименного района Ростовской области и станицы Привольная Каневского района Краснодарского края, проведенное весной 2013 года Центром аграрных исследований РАНХиГС, показало относительно низкую долю реально планирующих уехать из сел в ближайший год (73% не собирались этого делать, 8% планировали), но только потому что фактически все, кто был способен это сделать, уже уехал из села — в основном молодежь до 35 лет, стремящаяся найти работу (90% опрошенных назвали это основным мотивом оттока населения из сел), а не только более высокооплачиваемую (80%). Сплошной опрос в 2011 году глав муниципальных образований Белгородской области, одного из наиболее успешных по показателям развития АПК регионов Российской Федерации, показал, что миграционный отток из сельских районов там невелик на уровне потенциальной миграции (60% опрошенных убеждены, что если кто-то и хочет уехать из сельской местности в их муниципалитете, то безусловное меньшинство), однако мотивы миграции осознаются очень четко: отсутствие работы (на сельскохозяйственных предприятиях — 21% и вне сельского хозяйства — 17%), низкие зарплаты (28%) и отсутствие перспектив (для детей — 18% и для себя — 5%).

В лекции, прочитанной 6 октября 2005 года в рамках проекта «Публичные лекции Полит.ру», Т.И. Заславская в очередной раз обозначила свою исследовательскую «оптику» в оценке особенностей устойчиво воспроизводящейся десятилетиями в российском обществе модели реформирования «сверху»³: «Институциональная структура общества является самой внешней его характеристикой. Вы можете обложиться сбор-

ником законов — с одной стороны изучить, как живут «эти русские»: у вас будет, конечно, совершенно извращенное представление, потому что они живут совсем иначе. Но институциональная система включает и культурные нормы, на основе которых строится поведение людей, и именно эта структура поддается непосредственному реформированию. Социальная структура заложена ниже. Если можно издать закон, разрешающий частную собственность..., то издать закон о создании среднего класса ни в коей мере невозможно... Так надо перестроить общественные институты, чтобы начал потихоньку нарабатываться средний класс. И третий слой — человеческий потенциал — еще менее управляем, и он наиболее инерционный, потому что очень трудно в эту коробочку влезть и что-то там изменить. Но что воздействует на этот потенциал, что способно его пробудить? Социальная структура! Если есть возможность войти в средний класс с помощью определенной активной деятельности, то я это сделаю, и я стану уже другим человеком. Я пойду учиться, получать второе образование, искать активно работу и прочее. А если структура такая, что она прижимает людей к самой стенке, чтобы они еле выжили, то, конечно, ни о каком изменении говорить не приходится...

Я убеждена, что реформы нужно было бы осуществлять так, чтобы терминальной целью общества, только что вышедшего из советского состояния, стало... развитие его человеческого потенциала. И как няня ухаживает за любимым ребенком, так правительство и вообще власть должны были бы думать, как повысить образование, что делать с сельским населением, как его подтянуть и т.д. А уже институциональные реформы должны были бы служить, конечно, средством для достижения этой цели. Наши реформаторы, понятное дело, поставили целью институциональные перемены как таковые. Они следили за тем, как выполняются те нормы, которые они предписали, но не социальные условия реализации... Социальные условия институциональных перемен не проверялись. И поэтому все больше расходилась правовая система с реальным поведением людей. И точно так же не прогнозировались социальные последствия — к чему вот это приведет... Мне кажется, такой путь исследования (по осям развития) является более продуктивным, нежели попытки как-то подтягивать, сопоставлять те реальные процессы, с которыми мы встречаемся, со схемами и с теми ожиданиями, которые следуют из классических теорий...».

¹ Нефедова Т.Г. Сжатие внегородского освоенного пространства России — реальность, а не иллюзия // Сжатие социально-экономического пространства: новое в теории регионального развития и практике его государственного регулирования. М., 2010. С. 128-145.

² Нефедова Т. Городская сельская Россия // <<http://demoscope.ru/weekly/2004/0141/tema03.php>>.

³ Заславская Т.И. Человеческий фактор в трансформации российского общества // <<http://polit.ru/article/2005/10/13/zaslavskaya>>.

Андрей ЦАТУРЯН

История с Академией

Интервью с Андреем Цатуряном о реформе РАН РФ

— Давайте начнем с вопроса, насколько актуальна была сама реформа РАН?

— Попробую начать с тех событий, которые предшествовали нынешней реформе РАН. Конечно, мнения о том, что РАН нуждается в переменах, начали высказываться еще давно. Звучали эти мнения с трех сторон. Одна из них — Министерство образования и науки, в ту пору, когда Ливанов занимал пост заместителя Фурсенко. Пару лет назад о необходимости реформы РАН была опубликована совместная статья Ливанова и Михаила Гельфанда, были статьи еще некоторых авторов — Константина Сонины, Сергея Гуриева. Так что довольно давно активная часть научного сообщества высказывалась за реформу. Кроме того, уже в течение пяти лет выходит газета «Троицкий вариант — наука», вот вокруг нее и ее редакции сформировалось реформаторское крыло. Министерство — раз, реформаторское крыло научного сообщества — два, ну и, конечно, три — сама Академия наук. Наиболее сильно потребность в реорганизации академии проявилась пять лет назад, когда были выборы президента РАН. Тогда многие ведущие ученые мирового уровня, члены Академии, выступали против кандидатуры Юрия Осипова и за Владимира Фортова, который был кандидатом от такого реформаторского крыла. И сейчас те люди, которые тогда выступали за переустройство РАН, против косной системы руководства, оказались во главе протеста против реформы. На пальцах одной руки можно пересчитать ученых, которые поддержали сейчас реформу, все остальные, прежде выступавшие за нее, выступили против — против вот этой уже вполне реальной реформы. Более того, появились лидеры протеста, к ним присоединяются и те

люди, которые высказывались за реорганизацию РАН еще давно. Тот же Владимир Захаров, довольно резко выступавший по этому поводу, стал председателем конференции сотрудников РАН, которая прошла в конце августа. И сейчас создана комиссия, вот буквально в на днях будет пресс-конференция в РБК, на которой она будет представляться. Это комиссия по общественному контролю за ходом проводимой реформы. Создана она разными общественными структурами, занимавшимися вопросами науки: это Клуб «1 июля» — академики, которые отказались входить в новую Академию наук, это профсоюз РАН при всех сложностях, с ним связанных, это наше Общество научных работников, которое я представляю, это общественный совет при министерстве. Ведь министр создал совет, мнение которого в значительной степени было проигнорировано... Вообще, Ливанов создал два совета: Общественный совет, в состав которого вошли в основном педагоги и некоторое количество ученых, и Совет по науке, возглавляемый проректором МГУ академиком Хохловым, где собраны видные ученые, среди которых несколько членов Академии, но, в основном, не члены Академии. В обоих советах нет ни одного директора института, хотя есть люди с мировым уровнем известности, с мировым уровнем по наукометрии и т.д. Совет по науке в тот же день выступил против оглашенной реформы (тот самый «ливановский совет»). У меня возникло такое субъективное ощущение от самого Ливанова, что он оказался в каком-то странном положении, потому что он даже сказал, что не был соавтором законопроекта реформы РАН, не составлял его; что его позвали и сказали: «Проталкивай этот законопроект», написанный кем-то другим. Он некоторое время

открещивался от этого проекта, но потом ему объяснили, и он сказал: «Я его не писал, но я его целиком поддерживаю». Если Вы помните, в Думе, когда представляли законопроект, Ливанов сидел молча, а рассказывала о нем вице-премьер Ольга Голодец. Какие-то банальные вещи, как то индекс цитирования или индекс Хирша, она путала, что в общем естественно для нее. А он молчал, он не представлял этот законопроект. Такое впечатление, что при всем сложном отношении Министерства и самого Ливанова к Академии, законопроект этот не его. И то, что в результате законопроект был представлен в таком виде, такими средствами, в таком стиле проталкивался, привело к тому, что все люди, которые выступали прежде за реформу РАН, выступили против этой конкретной реформы.

— **А вот в то время, когда зрели эти планы, все двадцать лет, люди были не слишком довольны положением дел в Академии...?**

— Вы понимаете, конечно, разные были периоды. Был первый период распада и разрухи, и при том, что Осипов был случайным человеком на этом месте, тем не менее, он спас российскую Академию наук, сделал ее правопреемницей Академии наук СССР, добившись этого у Ельцина, это действительно очень важно. На тот момент была разруха, голод, нищета и т.д. Но когда у государства появились деньги, то, как при этом были устроены управление наукой, научный бюджет, как распределялась его часть внутри Академии наук, роль Академии наук в функционировании научных грантовых фондов — конечно, все это вызывало критику, не говоря уже о случаях совершенно вопиющих. Это и снабжение академии наук импортными приборами, где, судя по всему, до последнего времени царила коррупция, и позорная история, когда группа академиков расхваливала Петрика и называла его вторым Эдисоном. Вот если бы не было такого позора, это мое личное мнение, если бы прежний состав руководства так не дискредитировал себя в глазах общест-венности, и научной, и ненаучной, то никто и не покусился бы на Академию наук, если бы ее не довели до такого развала и позора во время осиповского правления. Эти статьи в самом престижном научном журнале Nature, цитирующие слова Осипова, мол, мы не будем печататься по-английски, пусть они учат русский, это ведь абсолютно непристойно. Дискредитация Академии в глазах хоть сколько-нибудь понимающих людей происходила давно, может, не все двадцать лет, но последние десять точно.

— **Преимственность советской Академии наук была, но не было смены руководства, прихода нового поколения?**

— Академики очень любят говорить, что Академия такая самоорганизующаяся, демократичная, чудесная, что она была создана Петром I в таком виде. В таком виде она была создана Иосифом Виссарионовичем Сталиным, и это была совершенно понятная вещь. Ему нужно было купить с потрохами научную элиту страны, сделать ее бесконечно лояльной государству и, заодно, с ее помощью решать важнейшие задачи создания атомного оружия или космической техники. Именно такая Академия наук СССР возникла тогда. Никакого самоуправления, кроме некоторых вольностей при выборах, там никогда не было, потому что всегда был отдел науки ЦК и КГБ. Поэтому всеми мегапроектами руководил лично Лаврентий Павлович Берия, поэтому эти все разговоры про традиции, идущие от Петра I, от лукавого. Сэр Эндрю Хаксли — он недавно ушел из жизни — Нобелевский лауреат, президент английской Royal Society, британской Академии наук, когда я ему рассказал, что в советские времена не только президент Академии наук, но и любой академик имел право на машину с шофером, сказал мне, что таких привилегий нет у большинства британских министров, а он свою собственную машину всю жизнь водил сам.

— **Но это же принцип номенклатуры...**

— В советские времена это была не просто номенклатура, а какая-то совершенно недостижимая позиция. Человек, который делал карьеру по министерской линии, лишался почти всего, уходя на пенсию. А член Академии наук — это пожизненное звание. Сама роль Академии наук двусмысленная: это такой почетный клуб ученых, и верхний слой экспертного сообщества, так скажем. Но National Academy of Sciences в США или то же Royal Society — членство в них не дает никаких привилегий — чисто почетное звание. Там не используются никакие административные рычаги, такие, например, как у нас, когда директоров академических институтов выбирают отделения Академии. Ничего такого там нет. Там выбирают «себе подобных», и на этом все заканчивается. К ним, действительно, прислушиваются правительства, это чистая правда, потому что в этой академии, этом обществе собрана научная элита страны, но никаких особых прав и собственности у них нет, так что в претензии нашей Академии на роль научной элиты есть много лукавства. Другое дело, что ситуация сейчас такова, что люди, которые бо-

ролись за реформу Академии наук, сейчас стали выступать против нее выступать, потому что худо ли, бедно ли, в Академии наук, в ее стенах, а точнее — в некоторых ее отделениях, — собрались люди и квалифицированные в высшей степени квалифицированные, и порядочные, в том числе — люди с гражданской позицией. Неофициально говорят, что причина разгона РАН связана с тем, что Отделение физических наук несколько раз прокатывало Михаила Ковальчука в академики, а шесть лет назад специально было создано Отделение нанотехнологий, а все остальные отделения академии наук получили дополнительные места и выбрали новых дополнительных членов и членов-корреспондентов, т.е. как бы взяли на себя неофициальное обязательство поддержать новых членов академии, выбранных по этому отделению. И это новое нанотехнологическое отделение мигом выбрало Ковальчука академиком, а общее собрание это решение заблокировало. Думаю, что он и его покровители этого не забыли и не простили. Незадолго до внесения [в Госдуму] закона о РАН то же отделение физических наук РАН не утвердило Ковальчука в должности директора Института кристаллографии РАН. Вот одна из тех ситуаций, когда имеет место конфликт интересов; когда научное сообщество собирается и встает, жестко встает на пути какого-нибудь ставленника правительства. Такая история была и в советские времена. Был такой Трапезников, которого очень хотели протолкнуть в Академию, но несколько человек встали и не пустили его туда, в их числе был Андрей Дмитриевич Сахаров. Так что были и в советские времена, конечно, вегетарианские, не сталинские, такие периоды.

Да, что я хочу сказать вдогонку, прежде чем начну отвечать на следующий вопрос. Сейчас, в этой борьбе с новой реформой, с этим новым законом ФЗ-253 и его последствиями в первых рядах оказались и академики, и сотрудники как раз тех отделений, где научный народ больше доверяет академикам, где люди чувствуют, что в Академии наук на самом деле представлены лучшие из них. А там, где все не так, там и начальство молчит, потому что у них рыльце в пушку, и сотрудники сидят тихо, потому что они никак не ассоциируют себя с отделением, с членами Академии по соответствующему отделению РАН, у них нет ничего общего. Это — баре, и холопам наплевать вообще, кто из феодалов будет ими править: старые феодалы из соответствующего отделения РАН или новые из какого-нибудь правительственного агентства. Это тоже очень интересная история,

и в каком-то смысле она очень трагичная. Не получилось настоящей консолидации, хотя и она удивительна по нашим временам. Очень много народу так или иначе вступило в борьбу с этим законом и, тем не менее, имеются огромные провалы там, где отделения Академии наук абсолютно сгнили.

— **Другими словами, эта реформа выявила живую часть Академии?**

— Да, да. Но при этом совершенно фантастическое умение — забыл, как звали того, который превращал все в золото, а тут вот люди превращают всё в противоположную субстанцию. Казалось бы, вместо того, чтобы опереться на реформаторскую часть научного сообщества, неважно, внутри Академии, то есть членов Академии, или не членов Академии, на активное меньшинство, потому что настоящих продуктивных ученых меньшинство, всегда меньшинство, но собственно они и производят львиную долю научной продукции страны, так вот, вместо того, чтобы на них опереться в борьбе с косностью, все получилось наоборот: их сделали главными противодействующими реформе субъектами. Это, конечно, поразительно.

— **По-моему, это корреспондируется с тем, как устроена власть и управление в наше время. Она ориентирована как раз на косное и послушное большинство, которому все равно, лишь бы их не трогали.**

— Нет-нет-нет, сейчас ситуация совершенно очевидно будет такая, что их потрогают, их еще как потрогают...

— **А возвращаясь к той поре, когда, как Вы говорили, спрос на реформу созрел в активе, в живой части Академии, какие это были идеи, что выдвигалось как главные направления?**

— Одним из главных направлений было возвращение и воссоединение науки и образования. Это один из важнейших пунктов. Это то, что было написано в уже упомянутой статье Михаила Гельфанда и Дмитрия Ливанова, но там присутствовал несколько механический ход: «Вот, давайте возьмем и сделаем, как в Америке, науку в университетах», что не очень то просто. И тут у меня к Ливанову большой вопрос, ладно Михаил Сергеевич Гельфанд, он не чиновник, и не участвовал в реализации этих планов. Но Вы, Дмитрий Викторович, казалось бы, замечательно сделали: создали национальные университеты, федеральные исследовательские университеты, и что из этого получилось? Кто-нибудь ушел туда работать из критикуемой Вами РАН? Так сделайте сначала так, чтобы к вам сами уходили лучшие ученые из Академии наук. Вот тогда будет понятен за-

прос: если вы это сделаете, в такой ситуации люди уже задумаются. А если мы сейчас позакрываем институты Академии наук, и ученым придется идти в эти совершенно замученные, замордованные бюрократизмом и непомерной нагрузкой усилиями Вашего министерства университеты, – разговор другой. Это одна идея.

Вторая идея, когда все, кто говорил о реформах сколько-нибудь всерьез, согласится с тем, что одна из проблем состоит в том, что во многих академических институтах, а также университетах, есть очень много пожилых людей, которых их начальники держат просто из чело-веколюбия, не хотят выгонять своих учителей. И ясно, что это те люди, которым двадцать лет не доплачивали совершенно, у них нищенская пенсия. И понятно, что прежде, чем проводить такую реформу, нужно что-то сделать для них. Сейчас они получают пенсию и зарплату, почти не работая, плюс пенсию. Но вот обеспечить им 100-процентную, ну хотя бы, как на Украине, на нищей Украине, пенсию, равную 80% их зарплаты, – это вторая совершенно необходимая мера, без которой ничего делать нельзя.

Ну и третья вещь, о которой говорят сейчас вроде бы реформаторы, говорят на совершенно немыслимом птичьем языке, что необходим внешний аудит, то есть внешняя оценка результативности, эффективности научных исследований. Что наука не может обходиться без наукометрии, особенно в тех областях, где она хорошо работает, вроде естественных наук, но и там необходимо мнение экспертов. У математиков, скажем, проблемы еще сложнее. В других областях, особенно там, где наукометрия не работает, нужна экспертиза. Она обязательно должна быть внешней, то есть к ней должны быть подключены ученые, работающие в других организациях, и обязательно люди из-за границы, как это делается во всем мире. Везде, кроме Америки, где хватает своих экспертов во всех областях науки.

– **Такая своего рода санкция.**

– Да, эффективность любой структуры проверяют люди, внешние по отношению к этой структуре. Чтобы не было, как в прошлом году, когда про 98% институтов Академии наук было объявлено, что они работают на мировом уровне, при этом у некоторых из них ни разу в жизни не выходило ни одной статьи, которая попадает в Web of Science и другие основные базы данных, так как это откровенная лажа. Таким образом, третье условие – это конкурсы и внешний аудит на уровне сотрудников подразделений и только потом институтов. Чтобы не рассматривать институт как единое целое и ре-

шать вопрос, закрывать его или нет. На конференции работников РАН я сказал, что должна быть создана «Красная книга» конкурентоспособных ученых, что она окажется, к сожалению, не такой большой и толстой, как хотелось бы, что те, кто будет переписан в эту книгу, заслуживают не меньше поддержки, чем стерхи (*смеется*). Красное словцо же всегда нужно, когда в большой аудитории выступаешь. Потом академик Алексей Хохлов, председатель Совета по науке, повторял-повторял про Красную книгу, пока его не кинули окончательно. Была создана рабочая группа Совета по науке и Общественного совета Минобрнауки с привлечением некоторых других людей, которая разрабатывала модель института РАН. По крайней мере, некоторые из базовых вещей, о которых я говорил, там присутствовали. В новом агентстве научных исследований должен быть создан экспертный совет из выдающихся ученых с правом вето; под каждый институт, под каждую лабораторию должна создаваться комиссия, которая будет их проверять и т.д. Вот это в модели институту, предложенной рабочей группой, было прописано, а теперь такой научно-координационный совет просто выпал из положения об агентстве, он там не упомянут. Это положение об агентстве было подписано несколько дней назад Медведевым, в пятницу или четверг. И вот эта модель, про которую Ливанов сказал: «Да-да-да, я поддерживаю», оказалась выброшенной на помойку. По неофициальным данным, на совещании у Голодец и Ливанов, и Фортов, люди, которые мягко говоря, недолюбливают друг друга, поддерживали предложение оставить хотя бы упоминание о научном совете, но Голодец послала их. То есть абсолютно откровенно было заявлено, что ничего, кроме денег, которые они выручат, продав земли и здания РАН, их не волнует...

– **То есть Вы это интерпретируете как чистое презрение, абсолютно циничное отношение...**

– Да, да, и то, как это было сделано по отношению к Фортову, которому был сначала обещан пост председателя ФАНО, а теперь об этом уже речи не идет, а назначен молодой финансист, и то, как министерство обошлось со своими советами. Даже не то, что министерство обошлось, – Ливанов, может, и искренне сказал: О, замечательно, мол, какой хороший проект придумали, я его буду отстаивать. Но учтите, что это агентство не будет подчиняться министерству, оно будет подчиняться напрямую правительству. Я это воспринял как «я сам сижу на приставном стульчике ...». А в результате все мы оказались в совершенно идиотском

положении. Все, кто участвовал в разработке этого проекта...

– **Получается, что создание этих советов, и все реформаторские инициативы в самой Академии оказываются нерабочими...**

– Да, и кроме того, ты подставляешь свою репутацию, и потом начальство пользуется тобой, проводя совершенно другую линию.

– **И Голодец, что же это все-таки такое..?**

– Что ей сказали, то она и делает.

– **То есть чисто исполнитель?**

– Я не думаю, что она тут хоть строчку написала. Авторы всего этого безобразия находятся, скорее всего, в администрации президента. Еще и судя по тому, как менялся текст положения о федеральном агентстве научных исследований, от первого сырого, слепого идеологами на коленке черновика до совершенно кристальных юридических формулировок, в которых просто красной нитью шло – «отнять», но слово «приватизация» было уже аккуратно убрано и спрятано за чеканные юридические формулировки...

– **Приватизация государством? Или непонятно?**

– Это и так государственное. Приватизация означает, что я могу продавать, то есть когда мы государственную собственность продаем в частные руки для того, чтобы заработать деньги. Это раздражающее слово «приватизация» было отсюда выброшено, зато юридические формулировки стали куда более жесткими, в том смысле, что права распоряжаться этой собственностью, в частности – продавать в чужие руки, у этого федерального агентства будут гигантские. То есть Положение о ФАНО вылизано было уже, видимо, настоящими профи, убраны шероховатости, все заполировано, заламинировано в юридические термины, но, по сути, абсолютно безжалостно, бескомпромиссно.

– **Ну и что теперь? Как все это будет дальше развиваться?**

– А вот этого я не знаю. Смотрите, это будет некоторое новое министерство, там будет какое-то количество управлений, человек по пятнадцать. Это будет сотня-другая, ну третья, чиновников, непонятно откуда взятых, непонятно какой квалификации. Под ними оказывается тысяча институтов, понимаете? И с каждым из них разобраться... Это сильно зависит от противодействия на каждом этапе, мне кажется. Это будет сильно зависеть от солидарности, которую коллеги будут проявлять по отношению друг к другу. А это зависит от того, насколько будут СМИ на это реагировать, насколько массовое внимание будет к этому

привлечено. Но вот собственно, эта Комиссия общественного контроля для того и создана, чтобы осуществлять какой-то мониторинг, есть несколько направлений ее деятельности. Первая – сбор информации и ее обнародование, максимально объективной информации о том, что происходит, и соответственно, доведение ее до СМИ. Каждым из этих сюжетов СМИ будут интересоваться, нужно найти контактные лица...

– **Тут этих СМИ раз и обчелся.**

– Ну, кстати, тем не менее. На некоторые сюжеты, не знаю, в курсе ли Вы этой истории – тут было письмо, подписанное в итоге больше, чем тысячей ученых, по поводу депутатов с возмущенными степенями. Некоторое время спустя моему коллеге, второму сопредседателю Общества научных работников, точнее, даже не ему, а его директору, пришло письмо «обеспечить явку в прокуратуру» – депутаты пожаловались. Мы написали в ответ генеральному прокурору Чайке по поводу этого удивительного приглашения. Ну вот, 25 СМИ, в том числе МК, «Ведомости», «Коммерсантъ» и, что замечательно, местные провинциальные издания про все это написали. СМИ сыграли далеко не последнюю роль в том, что от моего коллеги отстали.

– **Да, но здесь можно проследить такой почти литературный сюжет.**

– Конечно. А знаете, отчего больше всего занервничали питерские прокуроры, которые послали коллеге приглашение к ним явиться? – «Вы только в следующий раз «Фонтанке» не сообщайте!» У них же городской патриотизм, для них страшнее, чем быть названными в «Фонтанке», нет ничего.

– **Складывается такая картина, что идет бюрократическое расползание этого «волчьего мяса» на все отрасли: регулирование образования, медицина, потому что все врачи и вменяемые медицинские работники стонут от всех нововведений.**

– Понимаете, там тенденция очень простая – резко сэкономить.

– **Резко сэкономить, зарегламентировать. И что эти сферы связывает с гуманистической, а для нас – с социологической точки зрения, что идеи человека там не существует, человека, для которого эти реформы нужны?**

– Тенденция совершенно такая. Но я хочу сказать, что, тем не менее, уж больно большой кусок, им можно подавиться. Большой кусок – не столько, сколько врачей, конечно, но тут большой кусок собственности: земли Сельхозакадемии и здания большой Академии. И уж это не врачи, а люди с подвешенным языком, со связями в обществе с небольшим расстоянием

до журналистов. Так что, насколько проявится солидарность, я не знаю. Во всяком случае, комиссия была создана с намерением бороться, вести «окопную войну», как сказал один из ее руководителей, кстати, академик.

— **То есть солидарность должна идти и со стороны университетов и вузов, которые более чем заинтересованы...**

— Конечно, конечно. Другое дело, когда они говорят: «Когда нас громили, где вы были?». И это справедливо, конечно. У нас в Совете общества научных работников есть коллега из Самарского технического университета, он говорит: «Когда на нас «наезжали», вы ходили к Ливанову, пытались с ним договариваться, а этот человек нас ел. А теперь он принял за вас, и вы возмутились. А где вы были тогда?». — Справедливо. Мы пытались пользоваться возможностью достучаться до начальства. Раз уж ты оказываешься включенным в какие-то структуры и, вроде, тебе обещают, что с тобой будут советоваться, ты чего-то ожидаешь.

— **А вот вся история с дележом этой огромной собственности, наверное, имеет в самой Академии свою базу поддержки? Или так нельзя сказать?**

— Нет, я так не думаю, хотя в аппарате Академии возможно имеет. Я думаю, что большинство из них как раз оттерли — людей, которые в своих институтах продавали «Тойоты» и еще черт знает что делали.

— **А как их «оттерли»?**

— Все они теперь никто. Эти люди из президиума Академии наук, директора к этой собственности не имеют никакого отношения, их-то как раз оттерли. Некоторых из них припугнули, Академия... не помню, какой-то там «...снаб». Вот из таких одиозных как раз вице-премьеров прежнего созыва, которых легко припугнуть, понятно, потому что там только копни, серьезные деньги прилипали к рукам, строительство жилое на землях Академии, думаю, немногие останутся у руля.

— **Другой вопрос, создается впечатление, что в основном активны «естественники»: физики, математики, но не гуманитарии. Если это так, то с чем это связано?**

— Конечно, так. Мне кажется, это связано с двумя причинами. Скажем так, среди гуманитариев имеются некоторые узкие области, которые довольно хорошо представлены. Это может быть случайность в том смысле, что, может быть один лидер и его сотрудники. Такие ниши. Компании, где все друг друга хорошо знают. Это лингвисты и часть филологов, это историки. Все. Все, что касается общественных наук

в широком смысле... Достаточно посмотреть, что творится на этих гуманитарных факультетах и в соответствующих отделениях Академии наук. Сложно представить себе область науки, как, скажем, экономика, где ни один из сильных, цитируемых российских ученых не является членом Академии и наоборот, что какие-то объективные наукометрические показатели директоров институтов и ведущих сотрудников так себе, это трудно себе представить.

— **Такая тяжелая ситуация в Академии, возможно, складывается именно потому, что гуманитарная сфера буксует?**

— Оффтоп. Я, сегодня [видел] пост про индексы цитирования ведущих западных социологов и просто обалдел. Я, конечно, понимал, что Пьер Бурдьё — известный ученый, но что он цитируется как почти никто из физиков или молекулярных биологов, я не представлял. Вообще в мире индексы цитирования ведущих гуманитариев выше, чем у естественников.

— **Все могут читать гуманитариев, есть все-таки междисциплинарность. Но у нас это абсолютно не развито, статус гуманитарных наук очень низкий.**

— Да, конечно. Посмотрите на абсолютный уровень цифр: уровень цитирования лауреатов Нобелевской премии по физике или по биологии это всё-таки тысяч 40-50 в среднем, а у Бурдьё почти 240 тысяч!

— **Наверное, отчасти есть такая связь, что в советское время ориентированность естественно-технических наук на ВПК как-то способствовала ее развитию? Или больше сказывается наличие сильных школ?**

— Мне кажется, и то, и то. Она, конечно, была ориентирована на ВПК, под этим зонтиком росло много чего. С другой стороны, именно эти люди, те, кто работал в ВПК, в частности, они и были читателями гуманитарной, потребителями научно-популярной литературы в очень широком смысле, не только естественнонаучной. Тиражи научно-популярных изданий с миллионных скатились сейчас до сотенных. А ведь публикации в «Химии и жизни» или «Науке и жизни», это же круть была, это же круче, чем в «Nature» опубликоваться, во всяком случае, легче обратить на себя внимание девушек (*смеется*). И именно «технари» были основными читателями.

Но я хотел бы договорить про направления деятельности Комиссии общественного контроля. Вот, кроме того, чтобы попытаться какую-то хронику событий вести, отбирать надежную информацию, чтобы остальным было на что реагировать, важен предмет, на котором

мы солидаризируемся — это раз. Второе — это проведение независимой от этого нового агентства экспертизы того, что творится реально на разных уровнях в академических институтах. Сейчас данные доступны. По крайней мере, публикационную активность можно померить, а результаты работы содержательно оценить.

— **Да, беда только в том, что во всех центрах этой независимой экспертизы нет...**

— Конечно, там не везде все в порядке. Но костяк группы, которая будет этим заниматься, это люди, которые создали Корпус экспертов. Знаете про Корпус экспертов? Он существует в физике — очень хороший, несколько похуже — в биологии, совсем так себе — в химии, не знаю, запустили его или нет, потому что там банды, мафиозная система с бандами. Сейчас они вроде что-то выпустили или скоро выпустят по наукам о земле. Математики стоят насмерть, потому что они очень не любят наукометрию, хотя она там не главная... Знаете, как устроен Корпус экспертов? В качестве затравки, в качестве снежка, на который наматывается снежный ком, они берут ученых с уровнем цитирования выше порогового. Дальше их спрашивают: «Назовите десять коллег, которых Вы считаете экспертом в своей области», тех спрашивают снова и т.д. Они смотрят, кто был назван пять и более раз, и вот этим людям предлагают войти в этот корпус. Но результат наматывания этого снежного кома сильно зависит от того, что вы взяли в качестве первоначального снежка. Поэтому, скажем, был уже провал в зоологии и ботанике, потому что там почти нет высокоцитируемых авторов, они все сидят в маленьких кучках: вот это орнитологи, вот это специалисты по насекомым. Там просто нет никого, кто бы цитировался, как молекулярный биолог.

— **При том, что все же сильные специалисты там могут быть.**

— Да. И такие ситуации и в математике, где есть такие области, в которых в мире работают, может быть 15 или даже 5 человек, и других бесполезно спрашивать. Но, тем не менее, я хочу сказать, что это люди, которые занимаются этим уже 5 или 7 лет, у них большие базы данных вот таких признанных другими учеными экспертов. Они и собираются заниматься независимой экспертизой, потому что если и есть у кого-нибудь в стране средства, под средствами я имею в виду кадровую базу тех, кто мог бы оценить работу НИИ во Владивостоке или обсерваторию в Архызе, то вот это они. Третья группа, это группа анализа всяких нормативных документов, начиная с этого положения о ФАНО, с которым они опередили нас, [дав время] до 26-

го [сентября] на народное обсуждение, и не дождавшись 26-го, опубликовали его. Мы как раз готовили документы, я говорю: «Ребята, у нас осталась до полуночи пара часов, пришлите мне окончательную версию, я вот уже не догоняю», — чтоб загрузить ее на сайт правительственный, а в это время все, уже поезд ушел, — положение уже принято в новой редакции.

— **А западная поддержка какая-то есть?**

— Западная поддержка была очень сильная с самого начала. Тут же «Science» и «Nature» на эту тему написали, куча нобелевских лауреатов написали письмо Путину, и кому только не написали. Сто двадцать тысяч подписей принесены в приемную Путина. И, наконец, последнее и самое больное, нужна юридическая помощь и поддержка, потому что нужны деньги, правильный адвокат. Но пока дело до этого не дошло, нет пока того, кому бы она понадобилась, но вот это уже не очень понятно: удастся ли научному сообществу скооперироваться настолько, чтобы фонды были достаточные для оплаты адвоката и т.д. То есть нужно вести настоящую лоббистскую деятельность в западном смысле этого слова.

— **Это при том, что, насколько я понимаю, в системе по крайней мере гуманитарных институтов все-таки очень низкие зарплаты, да? То есть люди и так, имея это рабочее место, относятся к необеспеченной категории. Другое дело, что есть советское инерционное сознание, работающее со страшной силой, что способствовало консервации всех этих порядков, потому что новые формы не возникали.**

— Конечно, конечно. Так что посмотрим. Ну и конечно вокруг всего этого существует профсоюзная борьба. Имеется интерес всех этих нынешних левых профсоюзов, независимых, которых образовалось множество в области науки и образования, всяких активистских молодежных организаций. Но они все собрали некую пятую группу — пиара. Комсомольцы есть комсомольцы, они непрерывно проводят теперь в интернете свои собрания, вчера вместо того, чтобы пойти на шествие, они проводили где-то свое комсомольское собрание. Эти люди всегда есть, в любом обществе. И среди американских коллег всегда видно по глазам, что он комсомолец (*смеется*).

— **Активист профессиональный.**

— Потом, действительно, оказывается активист, ничего не скажешь.

Беседовала Наталия Зоркая, октябрь 2013 г.

АВТОРЫ НОМЕРА

Бизюков Петр Вячеславович (Центр социально-трудовых прав; Институт перспективных исследований; Нант, Франция)

Бондаренко Наталья Владимировна (Левада-центр)

Гудков Лев Дмитриевич (Левада-центр)

Королева Светлана Сергеевна (Левада-центр)

Косова Лариса Борисовна (НИУ Высшая школа экономики)

Красильникова Марина Дмитриевна (Левада-центр)

Левинсон Алексей Георгиевич (Левада-центр)

Мукомель Владимир Изяевич (Институт социологии РАН)

Паниотто Владимир Ильич (Киевский Международный институт социологии, Национальная академия «Киево-Могилянская академия»)

Троцук Ирина Владимировна (Центр аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ)

Цатурян Анастасия Андреевна (Левада-центр)

Гества Клаус (Klaus Gestwa) Eberhard-Karls-Universität Tübingen

Institut für Osteuropäische Geschichte und Landeskunde

Цатурян Андрей Кимович, доктор физико-математических наук, главный научный сотрудник Института машиноведения РАН, член Совета Общества научных работников

SUMMARY

Ukraine. Euromaidan (by Vladimir Paniotto). The Article of Vladimir Paniotto, Director General of Kyiv International Institute of Sociology, KIIS, Professor of National University of Kyiv-Mohyla Academy (NaUKMA) analyzes the results of Ukrainian polls on the prospects of integration with EU versus Russia, as well as the development of the protest movement in Kyiv, it shows the data from the polls at Kyiv rallies in November-December 2013. Ukrainian public opinion is split: a lot of people would like to be in Europe and Russia at the same time. A separate referendum on Ukraine's joining the Customs Union with Russia (CU), 55% will vote in favor against 45% against. However, the poll gives only one choice: either EU or CU, to join EC 51% will be pro-EU, and 49% would prefer joining CU, i.e. roughly equally. As before, majority supports EU in the Western and Central Ukraine, (86% against 14% and 61% against 39%), whereas the supporters of entering the Customs Union dominate in Southern and Eastern regions (64% against 36% and 81% against 19%). Ukrainian opinion on the European Union will also be affected by the relations with Russia upon integration with the European Union. Majority of Ukrainians prefer an independent Ukraine and good relations with Russia, visa-free travel and no borders (73%), while only 9% of Ukrainians prefer unification with Russia.

Social mobility or unstable incomes? (by Larissa Kosova). The article deals with the connection between the changes in assessment of individual's status and the dynamics of incomes. The referenced data is courtesy of the Russia Longitudinal Monitoring Survey – Higher School of Economics (RLMS-HSE) for 2000 and 2005. According to the author, this period is characterized by high fluidity among the assessment of individual statuses, as well as distribution of respondents between the income scale deciles: barely a quarter of all respondents said that their social status remained the same in this period. However, transitions between the income scale deciles do not affect the assessment of

individual's status – regression models can account for just 2% of variations. The major reason for this phenomenon, according to the author, is a poor differentiation of the bulk of Russian population: the transitions between the deciles require such a small change in the income that respondents often do not see this event as a social mobility. It is not as much a vertical dynamics, but rather a horizontal. In fact, in contrast to the 90s, when the upward mobility was the result of personal efforts, the mobility of the noughts is the result of the social policies – increase in pensions and compensations of government employees.

The nature of existing and expected deficit of professional skills at the Russian labour market (by Natalia Bondarenko). According to comparative study of employers' polls conducted in Russia in 2005 and 2013 and the poll of British employers in 2011, we have to admit, that, at the macro-level, only 5% of Russian and British respondents were concerned with the professional skills deficit. Nevertheless, around a quarter of all Russian companies participating in the poll were challenged by the skills deficit in 2013. Russian employees faced the skill deficit in all major job categories, but mostly the skill deficit was not only in basic jobs, but there was also a major deficit of professional tradesmen. (Unlike the British companies, where the deficit is primarily localized for basic customer service jobs).

«Deficit» professional skills (which require training) vary for different categories of personnel. However, Russian employers' biggest challenge is not the basic professional knowledge of the employees, but rather immature behavioral and innovation skills among the professionals, public servants and skilled craftsman. This particular «deficit», according to the management of the businesses, will be even in higher demand later. University and college students get poor behavioral training; there is also a lack of continued education programs for the employees. If these technologies are not promoted in the system of professional

and continued education (in addition to the efforts within the system of education, it will require an active organizational and financial support of the employers), the qualification gap will keep expanding.

Labour relations among Russians and the migrants: are there any differences? (by Pyotr Bizyukov). The economists agree that there are «bad» jobs, which are filled by the migrants. However, «bad jobs» do not just happen, but rather created by the employees. It makes sense to study not only the profiles of the «job market participants», but also the complex of all labour relations, applicable both to Russian and foreign employees. Whereas a Russian employee can turn to law to protect his/her employment rights, the situation with the foreign workers looks like a denial of existing legal regulations or waiving of the legal regulation of the labour relations. Dominant informal employment and a significant army of illegal employees, long hours, discriminating employee compensations, and dehumanized labour relations make the labour relations system offered to foreign workers independent from official labour relations regulatory institutions. These are essentially two different labour relation systems. The purpose of the second system is building a decentralized labour relation system unilaterally regulated by the employer so as to structure the labour relations to the employer's benefit. Both systems can co-exist in the same business or even in the same workshop. There is no direct competition between Russian and foreign workers. Employers tend to get rid of Russian employees in «optimization» and «layoff» schemes; once the jobs are «vacated», they are filled with foreign workers. Whole sections, workshops and sometimes whole businesses become a zone of migrant labour relations. The jobs previously held by Russian employees, with all the benefits and drawbacks, are replaced with the jobs for migrants, designed to minimize the labour cost. Gradually, the labour relations specific to migrants are carried over onto Russian employees – hence starting the process of «migrantization» of labour relations.

Xenophobia as the basis of the solidarity (by Vladimir Mukomel). The article considers the growth of xenophobia in the context of the social arrangement of contemporary Russia. Growing scales of migration and its structural transformation have played a role in the pumping of the xenophobic attitudes, reorientation of radical nationalists towards the fight against migrants of different

ethnicity. However, the growth of xenophobia in its diverse manifestations (ethnophobia, migrantophobia, islamophobia, attitudes towards foreigners) in the 2000s is caused not only by the external factors but also in-depth, fundamental factors of the transformations and functioning of the Russian society.

The culture of distrust is expanding in the society; it is characterized by the anomie, instability of the social order, non-transparency of the institutions, alienation of the environment, irresponsibility of the citizens and institutions. Socio-political arrangement of contemporary Russia also plays an important role in the erosion of culture of trust.

The establishment of the culture of distrust is combined with low loyalty and solidarity: dissatisfaction with the principles of distribution and social injustice leads to the atomization, erosion of the traditional values of the Russians (belonging to the collective and values of «hierarchy»).

The authorities are aware of the danger of the traditional values erosion, destabilization of the foundation of the culture, first of all – of respect towards the power, loyalty, recognition of the legitimacy of the existing order.

Different ways out are sought and used. The first one is exploitation of traditional values of the «order» and appeals to «stability». The second one is reformatting of solidarities and formation of other foundations for the loyalty towards authorities. The authorities which initiates unification of the representatives of specific social groups for the socially significant problem reasonably expects the loyalty of the citizens who share its views and foundations of such solidarity, usually – negative one.

Acquisition of the technology of «new solidarities» which is accompanied by the constant search and detection of new objects for xenophobia, «new aliens», significantly widened resources for mobilization of traditionally mobilization society. However, with any variants of building «new solidarities», potential objects of xenophobia (ethnic, migrant, religious minorities, foreigners) appear a priori «aliens».

Putting search for the cleavages on the conveyor belt, on the one hand, solves tactical problems, on the other hand, leads to the segmentation of the society, not its consolidation.

What is needed is the thought-through and transparent policy of the counteraction towards intolerance, including acceptance of the corresponding state program, creation of the social control over the functioning of social and

political institutions called for the counteraction to xenophobia.

Without institutional reforms, creation of the climate of trust, xenophobia will remain not only a product but also an instrument of the functioning of the Russian society.

Children in the government custody. Institution for orphans (by Svetlana Koroleva, Alexey Levinson, Asya Tsaturyan). Various aspects of kids' wellbeing outside their parental family have been recently in the focus of various institutions – ranging from non-profit organizations to media and the Parliament. The fates of the orphans adopted by American families from Russian orphanages were in the center of one of the bitter conflicts between Russian and American moral-political systems. An overview of articles on this issue prepared by Levada-center's Sociocultural studies group demonstrate that the basic values and methodology of the government childcare were laid down in the foundation of the Soviet order and it still remains a symbolic «archive» of that regime. Therefore the system of orphanages and boarding institutions rigidly reacts to the challenges of modern world with its new views on the value of human dignity and child's wellbeing.

Social nature of corruption (by Natalia Bondarenko, Lev Gudkov, Marina Krasilnikova). The corruption agenda is best reviewed in the context of public opinion on the government authority, public perception of the government authority, public discontent with the authorities and, therefore - the civil identity. The vast amounts of available research materials on the subject usually miss the actual public's behavior, which is typically more tolerant towards informal corrupt practices of the common public.

Sociological study of the public opinion on the nature, the reasons and scope of corruption in our society documents the discrepancy between the general public's idea of corruption in the society and government, and personal involvement in such corrupt connections and deals.

«Small» favors and «gifts» – an archaic form of communication in a society where trust is exclusively personal, as opposed to formal and institutional, by nature – are not viewed as evil and corrupt, as the informal interaction with the government, as opposed to modern formal and impersonal bureaucratic institutions. This system of ideas legitimizes any forms and strategies of a «common» man's adaptation to the all-powerful and impersonal, but always a repressive state.

The acceptance of informal social interaction between the «insiders» entrenched in our society creates a perfect environment for total common corruption of both the society and authorities. This is not about the corrupt deals, but rather a whole system of social standards and ideas, which make social life more flexible and meeting the populations' needs, compensating the immature, undifferentiated and inefficient social system. The price Russian society pays for such pseudo-traditionalism - is an extensive stagnation in the key areas of social infrastructure, which should actually welcome the legal regulations, specialized knowledge, formal and special social mediators and communication channels.

The research registered ambivalent attitude towards corruption which heavily depended on two conditions. On the one hand, it is the size and the form of the «appreciation» (extremes would be – a cash bribe and a «small» non-monetary gift or a reciprocated favor), on the other hand, the informal interaction (interaction with a public officer or the «insider», i.e. affected by the personal involvement: the family doctor, an influential or important acquaintance or a relative, etc.).

The public therefore shrugs off any moral responsibility for corrupt practices. In fact, a good portion of such type of practices is not even classified as deviant or unacceptable.

The society does not understand the direct link between the archaic traditional channels of communication and thriving corrupt practices in the modern society, as the cash-based social institutions and interface structure grow deeper and more complex.

The ideas about the corruption being the result of existing authority's structure and its interface with the general public, primarily with the economy, are poorly articulated in the Russian society. They rather exist as a common moralistic «power corrupts» notion (84% respondents supported this statement).

Russian society practically has no idea of the actual ways to resist corruption or specific social institutions which would be responsible for bringing the solution to the problem.

The public is usually concerned with low level corruption. The financial and banking sectors are usually viewed as the least corrupt.

The recent increased public concern with corruption is an important component of the solution, but provided the focus is on the institutional reasons and the direct connection to the problems relating to the relationships between the public and the government (not the low level corruption).

Homo Sovieticus and collapse of Soviet Imperium: Levada's inconvenient diagnosis (by Klaus Gestwa). 20 years on since the publication of the landmark monographic study by a group of 1st VCIOM authors led by Yury Levada, we are publishing a recent book review by the German historian. It looks into the contribution of the study and the first stage of «Homo Sovieticus» research project into the understanding of the sociology of transformation at a watershed period in 1980-90s, as well as advance of the sociology in post-Soviet Russia.

An individual in non-moral environment: on the sociology of morality in post-totalitarian society (by Lev Gudkov). The article focuses on the social mechanisms the totalitarian regimes use to sterilize and dismantle the morality. The technology of rule in modern Russia is based on a permanent devaluation of regulative and regulatory notions of «common good», «conscience» (which are essentially internalized and generalized types of social control). The institutions of violence and collective hostage taking makes up the foundations of existing social order in Putin's Russia. Force-feeding the society the symbols of national unity expressed in the notions of an indissoluble connection between the violence, coercion and collectivity (the country's heroic past, the imperial greatness and priority of national over the individual), Putin's regime has quietly and discreetly transformed the Constitution and political and judicial system by completely dismantling the democratic and legal principles of post-Soviet transition period. In practical terms, it resulted in a mass latent anomie and decentralization of violence. The institutions of totalitarian regime (including political technologies and monopolized media and propaganda) – as opposed to a totalitarian society=state – do not really need any more the messianic ideology promising the «heaven on earth» and «building of a new society», or, in fact, an appropriate political party to ensure the mass mobilization and rallying around the authority. Authoritarian regime is quite happy with the public demonstrating loyalty to the government or, at least, no opposition or discontent. The mass demoralization and cynicism became the conditions ensuring the public stays apathetic and indifferent, and there are no alternatives for the existing authority or social order.

Migration in Soviet society in 1960s – 1980s: T. Zaslavskaya's observations and projections (by Irina Trotsuk). The scale and the reasons, the factors and the consequences, along with the models and the trends of migration processes, albeit in various contexts, have been at the heart of countless academic and political discussions in Russian society for a century. The interpretation of above components of the migration agenda varied extensively, driven by the priorities and objectives of state-building and social regulation, but always having a huge impact on the actual migration of the population and the resources for an impartial analysis. Regulation of migration was an important part of the Soviet state policy, built on the economy-based approach. It significantly changed, on the one hand, the face of the cities and the urban population, and, on the other – the population density and utilization of the rural areas. The team of researchers led by Tatiana Zaslavskaya amended and updated the dominant Soviet «statist» approach with individualistic and «behavioral» aspect, supplementing the statistical and sociological discourse with the «human dimension» of both actual and potential migrations.

The article characterizes Tatiana Zaslavskaya's contribution to the studies of rural-urban migration not so much in a traditional historiographical, but rather the applied aspect, although it also outlines the basic «historiography» or Tatiana's research work. Russian research publications highly appreciated Zaslavskaya's work. However, they usually refer either to her early specific applied research and building of Novosibirsk school, or her post-perestroika studies which focused on the transformation of Russian social structure. Unfortunately, conceptual and methodological products of «systematic study of the rural Russia» in the context of rural-urban migration, which Zaslavskaya led for a few decades, remain largely unknown. The article intends to, albeit partially, bridge the knowledge gap in the history of studies concerning the objective and motivational background of population's migration to cities.

The situation around Russian Academy of Sciences and its reform: interview with Andrey Tsaturyan

СПИСОК СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В 2013 ГОДУ

	№	Стр.
<i>Авраамова Е.</i> Первокласники и их родители: жизнь по новым правилам	1	110–115
<i>Бизюков П.</i> Неустойчивая занятость как форма деградации трудовых отношений	1	100–109
<i>Бизюков П.</i> Трудовые отношения россиян и мигрантов: существуют ли различия?	3-4	47–62
<i>Бондаренко Н.</i> Представления населения о финансовых рисках и финансовой системе страны: сравнение России с другими странами	1	64–80
<i>Бондаренко Н.</i> Характер текущего и ожидаемого дефицита профессиональных навыков и качеств работников на российском рынке труда.	3-4	34–46
<i>Бондаренко Н., Гудков Л., Красильникова М.</i> Социальная природа коррупции	3-4	91–110
<i>Гества К.</i> Хомо Советикус и крах советской империи. Неприятные социальные диагнозы Юрия Левады	3-4	111–117
<i>Гудков Л.</i> Человек в неморальном пространстве: к социологии морали в посттоталитарном обществе	3-4	118–179
<i>Долуцкий И.</i> ЕГЭ по истории как средство ретрадиционализации	2	101–110
<i>Караева О.</i> «Между даром и товаром»: проблематика развития донорства органов в общественном мнении россиян	2	56–66
<i>Королева С., Левинсон А., Цатурян А.</i> Государственные дети. О местах содержания детей без родителей	3-4	70–90
<i>Косова Л.</i> Социальная мобильность или нестабильность доходов?	3-4	24–33
<i>Красильникова М.</i> Доверие и финансовое поведение населения	1	44–63
<i>Левинсон А.</i> Российское общество до и после 2012 года	1	22–35
<i>Лёзина Е.</i> Юридическо-правовая проработка прошлого ГДР в объединенной Германии	2	67–100
<i>Макаренко Б.</i> Новые водоразделы в российском обществе: попытка реконструкции	1	7–21
<i>Моррисон К.</i> Строители в России: мобильность, наём и стабильность рабочих мест постсоветских мигрантов-строителей	1	89–99
<i>Мукомель В.</i> Ксенофобия как основа солидарности	3-4	63–69
<i>Николюк С.</i> Белорусская модернизация как способ борьбы с трудовой эмиграцией	1	36–43
<i>Николюк С.</i> Белорусское государство как фактор формирования нации	2	29–34
<i>Овакимян А.</i> Образ Кореи в общественном мнении россиян	2	45–55
<i>Паин Э.</i> Исторический фатализм в эпоху безвременья	2	7–19
<i>Паниотто В.</i> Украина. Евромайдан	3-4	17–23
<i>Попова И., Осипова В.</i> Отношение принимающей стороны к мигрантам	1	81–88
<i>Савин Н.</i> Дискурсивные основания политического участия в России	2	35–44
<i>Троцук И.</i> Миграционные процессы в советском обществе 1960-х – 1980-х годов: наблюдения и прогнозы Т.И. Заславской	3-4	180–190
<i>Фабрикант М.</i> Национализм как средство воздействия на общественное мнение: случай Беларуси	2	20–28
<i>Хахулина Л.</i> Второй московский период Т.И. Заславской: от мониторинга экономических и социальных перемен к социальному механизму трансформации российского общества	2	113–116
<i>Цатурян А.</i> (интервью) История с Академией	3-4	191–197

LIST OF PUBLICATIONS. 2013

	№	P.
<i>Avraamova E.</i> First graders and their parents: a new life with new rules	1	110–115
<i>Bizyukov P.</i> Labour relations among Russians and the migrants: are there any differences?	3-4	47–62
<i>Bizyukov P.</i> Unstable forms of employment as a form of degradation of labor relations	1	100–109
<i>Bondarenko N.</i> Public perceptions of the financial system and financial risks in Russia and other countries	1	64–80
<i>Bondarenko N.</i> The nature of existing and expected deficit of professional skills at the Russian labour market	3-4	34–46
<i>Bondarenko N., Gudkov L., Krasilnikova M.</i> Social nature of corruption	3-4	91–110
<i>Doluzky I.</i> Unified State Exam in History as a Means of Retraditionalization	2	101–110
<i>Fabrykant M.</i> Nationalism as the Means of Influencing Public Opinion: the Case of Belarus	2	20–28
<i>Gestwa K.</i> Homo Sovieticus and collapse of Soviet Imperium: Levada's inconvenient diagnosis	3-4	111–117
<i>Gudkov L.</i> An individual in non-moral environment: on the sociology of morality in post-totalitarian society	3-4	118–179
<i>Karaeva O.</i> "Gift vs. commodity": the problems of organ donation in the public opinion of Russians	2	56–66
<i>Khakhulina L.</i> The second Moscow period in the academic life of Tatiana Zaslavskaya: from the monitor of the social and economic change to the social mechanism of the Russian society transformation	2	113–116
<i>Koroleva S., Levinson A., Tsaturyan A.</i> Children in the government custody. Institution for orphans	3-4	70–90
<i>Kosova L.</i> Social mobility or unstable incomes?	3-4	24–33
<i>Krasilnikova M.</i> Trust and financial behavior of the population	1	44–63
<i>Levinson A.</i> Russian society before and after 2012	1	22–35
<i>Lezina J.</i> Transitional Justice and Working through the GDR Past in Unified Germany	2	67–100
<i>Makarenko B.</i> New Cleavages in the Russian Society: an Attempted Reconstruction	1	7–21
<i>Morrison C.</i> Builders in Russia: mobility, recruitment and workplace resistance of post soviet migrant construction worker	1	89–99
<i>Mukomel V.</i> Xenophobia as the basis of solidarity	3-4	63–69
<i>Nikolyuk S.</i> Belarusian modernization as a measure against labor emigration	1	36–43
<i>Nikolyuk S.</i> Belorussian State as the Form-Factor of Nation	2	29–34
<i>Ovakimyan A.</i> The Republic of Korea: Image of the Country in Russian Public Opinion	2	45–55
<i>Pain E.</i> Historical Fatalism in the Period of Stagnation	2	7–19
<i>Paniotto V.</i> Ukraine. Euromaidan	3-4	17–23
<i>Popova I., Osipova V.</i> Attitudes towards migrants among the recipient population	1	81–88
<i>Savin N.</i> Discursive foundations of the political participation in Russia	2	35–44
<i>Trotsuk I.</i> Migration in Soviet society in 1960s – 1980s: T. Zaslavskaya's observations and projections	3-4	180–190
<i>Tsaturyan A.</i> (interview) The situation around Russian Academy of Sciences and its reform	3-4	191–197

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ

ПОДПИСНОЙ КУПОН НА 2014 год

на комплект из _____ номеров (№1, №2, №3, №4 – нужное подчеркнуть)

«Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии»

Стоимость 1 номера – 250 руб. (включая НДС 10% и пересылку почтой)

Мы перевели сумму* _____ (включая НДС 10%) за подписку на журнал

«Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии»

платежным поручением № _____ от _____

на расчетный счет **40703810100010000119** в банке «Кредит-Москва» (ОАО) г. Москвы.

Корр. счет **30101810700000000501** БИК **044583501** ИНН **7705466756**

Получатель: Аналитический Центр Юрия Левады (Левада-Центр)

Просим выслать по адресу:

Куда: _____

Кому: _____

Телефон (e-mail) для связи _____

Доставка почтой (заказной бандеролью)

Заполненный купон и копию платежного поручения отправьте, пожалуйста, по адресу: 109012, Москва, ул. Никольская, д. 17, или на электронный адрес adele@levada.ru

ПОДПИСКА НА ЭЛЕКТРОННУЮ ВЕРСИЮ

Редакция осуществляет подписку на электронную версию журнала (в формате PDF).

Стоимость подписки на один номер — 165 рублей (включая НДС 18%).

По всем вопросам подписки, пожалуйста, звоните по тел. (499) 755-40-39 или пишите на adele@levada.ru

SUBSCRIPTION

Foreign readers may subscribe for the e-version of our magazine via e-mail adele@levada.ru

One year subscription costs 25€

